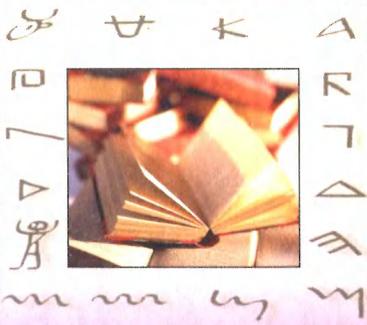

Высшее профессиональное образование

А. Я. Шайкевич

ВВЕДЕНИЕ В ЛИНГВИСТИКУ

Учебное пособие

Филология

А. Я. ШАЙКЕВИЧ

ВВЕДЕНИЕ В ЛИНГВИСТИКУ

Рекомендовано

*Советом по филологии Учебно-методического объединения
по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений, обучающихся
по специальности 021700 — Филология*

Москва

УДК 800(075.8)
ББК 81я73
Ш171

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор,
директор Института лингвистики РГГУ *М. А. Кронгауз*;
доктор филологических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова
М. В. Шульга

Шайкевич А. Я.

Ш171 Введение в лингвистику: Учеб. пособ. для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / Анатолий Янович Шайкевич. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 400 с.

ISBN 5-7695-0930-9

Учебное пособие предназначено для начального ознакомления с наукой о языке; в нем раскрываются простейшие понятия лингвистики и дается необходимый запас фактических знаний. Большое внимание в книге уделено вопросам языковых изменений на фоне истории народов.

Для студентов филологических и лингвистических факультетов вузов; может быть рекомендовано для учащихся других гуманитарных специальностей, а также для тех, кого интересуют проблемы языка.

УДК 800(075.8)
ББК 81я73

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом
без согласия правообладателя запрещается*

© Шайкевич А. Я., 2005

© Образовательно-издательский центр «Академия», 2005

ISBN 5-7695-0930-9

© Оформление. Издательский центр «Академия», 2005

Цель настоящей книги — дать простейшие понятия и запас фактических знаний, необходимые для дальнейшего самостоятельного чтения лингвистической литературы. Выбрав этот учебник для первого знакомства с лингвистикой, читатель мог бы в дальнейшем обратиться к той учебной литературе, в которой большее внимание уделено теоретической стороне нашей науки (Реформатский А.А. Введение в языковедение. — М., 1967; Маслов Ю.С. Введение в языкознание. — М., 1975; Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. — М., 1975). Было бы прекрасно, если бы студенты могли познакомиться с тремя классическими работами: Вандриес Ж. Язык. — М., 1937, 2001; Сепир Э. Язык // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М., 1993; Блумфилд Л. Язык. — М., 1968. Для знающих английский язык можно также рекомендовать книгу: Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. — М., 1959, 2001.

Дополняя существующую серию учебных пособий по курсу «Введение в языкознание», автор стремился обратить большее внимание на те области, в которых студенты чаще обнаруживают пробелы в знаниях. Это, во-первых, общий культурно-исторический фон, без которого представление о языках превращается в нечто абстрактное и туманное. Во-вторых, история языка, незаслуженно забываемая в современных учебниках, тяготеющих к синхронии. Наконец, хотелось по возможности выйти за пределы традиционного круга примеров из русского и западноевропейских языков за счет привлечения лингвистического материала из языков Азии, Африки, Америки.

Особого замечания требует приводимый в учебном пособии фактический материал, который не только является иллюстрацией теоретических положений, но и сам по себе представляет большую ценность. «Факты — воздух ученого», — говорил И.П. Павлов. Никакие теоретические соображения немыслимы без опоры на факты. Сообщаемые сведения тем легче запоминаются, чем более разнообразные ассоциации они вызывают у читателя. Все примеры должны быть поняты в том контексте, с которым они приводятся. Что касается запоминания, то читатель сам определит степень важности материала.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Язык и человек

Язык неотделим от человека и человеческого общества. Невозможно представить себе общество, в котором не было бы языка и люди не общались бы друг с другом. В отношении технологического развития, сложности общественного развития народы Земли очень отличаются друг от друга, но нет народа, который не обладал бы языком — чрезвычайно сложной системой знаков, включающей тысячи слов, сотни правил, управляющих речевым поведением.

Животные (и особенно общественные животные) обладают какими-то системами общения, которые опираются на возможности органов чувств: зрения (позы, жесты), обоняния (запахи, испускаемые секретами особых желез), слуха (звуки, издаваемые специальными органами). Человек сосредоточился на звуковых средствах общения, чрезвычайно эффективных в условиях жизни небольшого коллектива, пригодных и днем и ночью, весьма экономных в затратах энергии. Из отдельных знаков выросла сложная, многоярусная знаковая система (см. § 2), относительно стабильная во времени и вместе с тем достаточно гибкая, чтобы откликаться на изменения среды.

Стабильность языковой системы удесятерила духовные возможности общества. Теоретические и практические открытия, сделанные отдельным человеком, благодаря языку легко становились достоянием всего общества, передавались от поколения к поколению. Все это способствовало постоянному прогрессу человечества, прерываемому, впрочем, стихийными бедствиями, войнами или другими помрачениями коллективного разума.

Наука никогда не узнает о первых шагах человеческого языка. Возможности проникнуть в глубину веков лингвистическими методами ограничены: сейчас это примерно 10 тысяч лет; может быть, дальнейший прогресс науки удвоит эту цифру. Но дальше — тишина. Археология многое скажет о жизни древнего человека, даже о некоторых его представлениях и мыслях, но ничего не скажет о языке. Разрастание человеческих коллективов, зарождение первых цивилизаций открыли перед языком новую экологическую нишу: с изобретением письма наряду со звуковой стихией была освоена и визуальная сфера — мир письменных знаков. Стабильность языка еще более укрепилась, появи-

лась какая-то дополнительная страховка от превратностей судеб народа¹.

Язык не только обеспечивает общение людей и, значит, нормальное функционирование общества, но, отражая исторический опыт общества, служит тем средством, при помощи которого начинается духовное формирование отдельного человека. С первых месяцев жизни ребенок подвергается воздействию речи взрослых, язык помогает ему создать свои первые понятия и научиться ими оперировать. Следовательно, каждый человек включается в традицию своего общества. И здесь возникают интригующие вопросы: влияет ли родной язык на мышление человека? Различаются ли первичные ходы мысли у народов, говорящих на разных языках? Совпадают ли картины мира у «наивных» носителей разных языков?

Лингвистика пока не имеет ответов на эти вопросы, но в отличие от проблемы происхождения языка данная проблема доступна для научного исследования. Можно думать, что совместные усилия лингвистов, психологов, социологов приведут к многим интересным результатам.

Трудно переоценить роль языка в духовной жизни отдельного человека и в целом общества. Изучить и описать языки мира, познать законы, управляющие развитием языка, — вот задачи лингвистики. Продвигаясь по пути решения этих задач, она помогает лучше понять человека в его прошлом и настоящем.

§ 2. Внутренняя структура языка

Язык представляет собой чрезвычайно сложное образование. Главная задача лингвистики в том и состоит, чтобы разобраться в структуре языка. Главы I, III, IV учебного пособия почти целиком посвящены этой проблеме. В данном же параграфе мы наметим лишь главные линии рассуждения, которые будут развиты далее.

Язык есть система знаков, являющаяся главным средством общения людей.

Общаясь друг с другом, люди движениями органов речи создают колебания воздуха, воспринимаемые ухом. Эти звуки существенно отличаются от других звуков, которые могут сопровождать деятельность человека (от звука шагов, от звука станка в действии, от звуков скрипки). Различия эти связаны как с физическими свойствами звука, так и с еще более важным свойством:

¹ Так, в «темные века» истории Европы (VI—VIII вв.) в немногих монастырях сохранялись иногда тексты языческих авторов. Открытие этих текстов в XIV—XV вв. помогло успехам Возрождения и во многом повлияло на дальнейшее культурное развитие Европы Нового времени.

звуковые последовательности в речи связаны с определенным смыслом и содержанием. Говоря в терминах физиологии, колебания воздуха благодаря сложной системе рефлексов вызывают какое-то вполне конкретное состояние активности мозга. Однако, чтобы это состояние было достигнуто и смысл сообщения был понят, слушающий должен принадлежать к тому же языковому коллективу, что и говорящий.

Для любого знака, любой знаковой ситуации¹ характерна двойственность. С одной стороны, знак есть материальное явление, воспринимаемое органами чувств. Будем называть эту сторону знака **выражением** знака. Для обычного человеческого языка выражением служат звуки, но в той же роли могут выступать и другие материальные явления, например черные линии на бумаге (при чтении), жесты (при общении глухонемых), проколы на бумаге (при чтении слепыми).

С другой стороны, любой знак соответствует определенному психическому образованию, это **содержание** знака. Последовательность звуков [l'es] ассоциируется в умах говорящих по-русски с мыслью о большой совокупности деревьев, растущих вместе. Таким образом, русское слово *лес* представляет собой знак, в котором выделяются две стороны: выражение (определенная последовательность звуков) и содержание (определенная мысль).

Если какой-либо материальный объект приобретает содержание, он становится знаком. Можно договориться с кем-то, что занавеска на окне будет означать 'я дома', тогда она становится знаком для договаривающихся людей. Любопытно, что введение хотя бы одного знака всегда порождает систему знаков (в простейшем случае — систему из двух знаков). Ведь договорившись о том, что занавеска означает 'я дома', мы молчаливо условились, что идея 'меня нет дома' будет передаваться отсутствием занавески. Таким образом, отсутствие занавески тоже становится знаком (нулевым)².

От случайных знаков лингвистические знаки отличаются двумя очень существенными чертами. Во-первых, лингвистические знаки общественно признаны и закреплены. Во-вторых, они отличаются весьма сложным строением. Отдельные знаки и вся система знаков языка обнаруживают многоуровневую структуру.

Дело осложняется еще и тем, что наряду со знаками в собственном смысле слова в языке действуют десятки и сотни правил комбинирования знаков. В некоторых случаях эти правила становятся конструкциями — незримыми знаками, у которых содержание отличается особой широтой и всеобщностью, а выра-

¹ Изучением любых знаков (не только лингвистических) занимается **семиотика** (от греч. σημετων 'знак').

² Подробнее о нулевых знаках см. § 30, с. 85.

жение сводится к порядку следования обычных знаков (подробнее см. § 26).

Представленная ниже схема дает упрощенное отображение отношений между уровнями структуры языка (схема 1).

Схема 1

Каждому уровню соответствует своя типичная единица языка. Соединяясь друг с другом, единицы низшего уровня образуют единицу высшего уровня. При этом единица высшего уровня качественно отличается от единиц низшего уровня.

Низший знаковый уровень языка — **уровень морфем**. Морфемы — мельчайшие знаковые образования, обладающие двумя планами — планом выражения и планом содержания. Выстраиваясь друг за другом, морфемы образуют более крупные единицы, например, *гор + н* создают основу *горн*, но лингвистическое поведение основ еще не слишком отличается от поведения морфем. Перелом наступает тогда, когда морфемы соединяются в слово (например, *горный*, *горняк*). Правила комбинирования слов сильно отличаются от правил соединения морфем. С качественно новой единицей (словом) мы попадаем на **уровень слов**.

Уровень морфем и уровень слов образуют высшие уровни языка, для которых типичен параллелизм плана выражения и плана содержания. Есть языковые уровни, расположенные ниже уровня морфем. Особенность низших уровней заключается в том, что здесь уже нет параллелизма плана выражения и плана содержания; каждый из этих планов обладает собственной структурой.

В плане выражения ниже морфем располагается **уровень фонем**. Фонемы следуют друг за другом и в этом отношении напоминают единицы высших уровней, но не имеют собственного содержания и тем отличаются от морфем и слов. Так, в морфеме *гор* каждая из фонем /г/, /о/, /т/ не связана сама по себе с каким-либо содержанием, только соединившись друг с другом в цепочку

/gog/, они образуют план выражения морфемы, связанный с определенным содержанием (мыслью о горе). Фонемы, в свою очередь, можно разделить на еще более элементарные звуковые свойства, создающие **уровень фонологических различительных признаков**. Элементарные единицы этого уровня (такие артикуляционные свойства, как звонкость, лабиализация, переднее положение языка и т. п.) уже не следуют друг за другом, а действуют одновременно, создавая фонему.

В плане содержания есть свой низший уровень — **уровень семантических различительных признаков**. Так, в слове *гора* конечная морфема обладает собственным выражением — /a/ и собственным содержанием. Но содержание это неоднородно — оно распадается на две самостоятельные идеи: 1) идею единственного числа и 2) идею именительного падежа. Ни та, ни другая идея не имеют в русском языке самостоятельного выражения. Только соединение идеи падежа и идеи числа получает свое особое выражение¹.

На всех уровнях языка мы находим какие-то типы единиц и правила операций с этими единицами, правила их сочетаемости. Такие правила укладываются в сравнительно небольшое число моделей. Чем выше языковой уровень, тем большее значение приобретают модели. Например, язык очень редко использует конкретное предложение как готовую единицу, предложение существует в языке, скорее, как модель, как образец, который реализуется говорящими в определенной ситуации общения.

Это подводит нас к различению двух терминов: **язык и речь**. **Речью** будем называть все случаи использования языка, все случаи общения людей при помощи языковых знаков. Бытовой диалог и подготовленное выступление на научной конференции, составление официальной бумаги и чтение про себя романа — акты речи. То постоянное и стабильное, что сохраняется при всем разнообразии речевых актов, называется **языком**.

Язык есть средство, инструмент, речь — использование этого средства.

Большое, но все же конечное число лингвистических знаков и сравнительно небольшое число правил образуют язык. При помощи средств языка говорящие могут выразить в речи бесконечное количество смыслов. Текучая и подвижная речь, тесно связанная с ситуацией общения, может быть зафиксирована на бумаге, в магнитофонной записи, средствами кино. Фиксированную речь будем называть **текстом**.

Хотя термин *язык* обозначает стабильное и постоянное явление в речевой деятельности народа, сам язык меняется во времени. Изменения в речи, незначительные и сначала незаметные,

¹ Во многих других языках идеи падежа и числа, напротив, выражаются раздельно и, следовательно, относятся к уровню морфем.

повторяются и постепенно входят во всеобщее употребление, становятся фактом языка. Изменчивость языка ставит перед лингвистикой некоторые сложные проблемы, разрешить которые призваны два подхода: синхронный и диахронный.

Синхронный подход, или **синхрония**, предполагает изучение языка в определенный момент его жизни. Конечно, такой подход вряд ли практически осуществим. Реально при синхронном анализе рассматривают какой-то ограниченный период времени. Например, синхронным будет исследование русского языка 90-х гг. XX в. или изучение латинского языка I в. до н. э. **Диахрония** предполагает изучение языка в его истории, в его развитии. Историческое развитие языка подготавливает синхронное состояние следующей эпохи. При описании системы языка определенного этапа развития следует строго различать эти два подхода.

§ 3. Лингвистика

Наука, которой посвящена наша книга, называется **языкознанием** или **лингвистикой**¹.

Известны три вполне независимые лингвистические традиции: европейская, индийская и китайская. Пожалуй, самая ранняя из них — индийская. Индийская лингвистическая традиция восходит к тем отдаленным временам, когда культура Индии еще не знала письменности, но с успехом изучала священные тексты, на протяжении многих веков передававшиеся брахманами из уст в уста. В V в. до н. э. жил величайший лингвист Индии — Пáнини. Уникальная по сложности и экономности грамматика Панини в четырех тысячах правил фиксирует сложнейшую морфологию древнеиндийского языка. Все это заучивалось наизусть людьми, обладавшими феноменальной памятью, и передавалось дальше «посвященным». Уже в древности существовали специальные фонетические трактаты, точно описывающие произношение звуков².

Европейская лингвистическая традиция, ставшая теперь мировой, возникла у древних греков. В IV в. до н. э. Платон употребляет термин *τέχνη γραμματικῆ* (букв. 'искусство письма'), охватыва-

¹ От лат. *lingua* 'язык'. Термин *лингвистика* легко образует целую серию однокоренных слов: *лингвист*, *лингвистический*, свободно входит в сложные слова (*психоллингвистика*, *социоллингвистика* и т. п.). Поэтому данный термин кажется автору предпочтительным. Тем не менее оба термина будут использоваться как синонимы.

² В Европе подобный уровень фонетических знаний был достигнут только в XIX в. Характерно, что в индийских алфавитах буквы располагаются в строгом согласии с научной классификацией звуков (монофтонги, дифтонги, заднеязычные, среднеязычные и т. п.), а не так, как в других алфавитах, где расположение определяется только традицией.

ющий основные разделы современной лингвистики; отсюда происходит и наше слово *грамматика*. В III—II вв. до н. э. в Александрии, мировом научном центре той эпохи, процветала школа описания греческого языка и окончательно закрепились те грамматические термины, которыми мы пользуемся до сих пор, ничуть не задумываясь о греческих ученых, придумавших их¹. Понятия и термины греческой грамматики уже в древности были перенесены в латинский язык, этот вариант античной грамматики просуществовал на всем протяжении Средних веков. Грамматика латинского языка была обязательным компонентом средневековой школы. Другие языки практически не изучались.

В XV в. гуманисты Возрождения положили начало широкой науке, направленной на изучение текстов (прежде всего классических текстов Античности, Библии и т. п.). Этот круг эрудиции и исследования текстов получил название **филология**². В XVII—XVIII вв. филологические изыскания весьма способствовали детальному изучению истории древних письменных языков, были составлены грамматики и первые серьезные словари новых европейских языков. В то же время шло накопление лингвистического материала языков Америки и Азии. В отличие от древних греков европейцы Нового времени распространили свою любознательность и на языки всех народов.

Доказательство родства индоевропейских языков, возникновение сравнительно-исторического метода (см. § 82—85) ознаменовали рождение лингвистики как особой науки в рамках европейской культурной традиции. Лингвисты осознали специфичность своих задач, свое особое положение в кругу гуманитарных наук. Почти на 100 лет увлечение историческими (и особенно сравнительно-историческими) проблемами стало всеобщим в языкознании, в XX в. маятник научных интересов качнулся в сторону синхронного анализа языка.

Разделы лингвистики тоже складывались постепенно, поэтому три крупнейших раздела нашей науки не совпадают с той логической схемой структуры языка, о которой шла речь в § 2. Фонетика изучает звуковую сторону языка (план выражения). Грамматика изучает регулярную сторону языковых единиц и модели, используемые в языке (как план выражения, так и план содержа-

¹ Вот некоторые термины в сопровождении их точных переводных соответствий:

πρόθεσις	‘предлог’	πρόσωπον	‘лицо’	ἀντωνυμία	‘местоимение’
γένος	‘род’	χρόνος	‘время’	πτώσις	‘падеж’
ἑνκλίσις	‘наклонение’	ἀριθμός	‘число’	διάθεσις	‘залог’
εἶδος	‘вид’	μέρος λόγου	‘часть речи’	ἄρθρον	‘член, т. е. артикль’

² Греч. φιλολογία первоначально означало ‘любовь к ученым беседам’; современное значение закрепилось с XVII в.

ния). Нерегулярная сторона знаковых единиц остается на долю лексикологии.

Этим не исчерпываются автономные разделы языкознания. Так, план содержания изучается семасиологией, которая пересекается и с грамматикой, и с лексикологией; географическое варьирование языка изучается диалектологией и лингвистической географией. Варьирование языка в связи с ситуацией и целями общения изучается лингвистической стилистикой.

В зависимости от круга исследуемых языков различают **общее языкознание**, изучающее язык вообще (такое изучение, естественно, опирается на анализ возможно большего числа языков), и **частное языкознание**, занимающееся одним языком или группой родственных языков. **Сопоставительное языкознание** ставит своей целью сравнение внутренней структуры разных языков.

В зависимости от подхода к языку различают **синхронное языкознание** (его еще называют описательным) и **историческое языкознание**. Историческое изучение родственных языков — задача **генетического языкознания**.

Лингвистика преимущественно теоретическая наука, но у нее есть некоторые практические приложения, разрабатываемые **прикладным языкознанием**. К числу таких практических задач относятся, например, составление письменности для того или иного языка, составление словарей, разработка методов преподавания языков, автоматическая обработка текста, в частности автоматический перевод.

Границы языкознания не определены жестким образом, многие ученые успешно работают на стыке лингвистики и других наук. Стилистика соединяет лингвистику и литературоведение, социолингвистика — лингвистику и социологию. Большое будущее, несомненно, ожидает психолингвистику, соединяющую языкознание и психологию. Лингвистика связана и с другими науками. Выработке правильных исходных принципов языкознания помогает философия. Развитию специальных методов все в большей степени способствует математика. Издавна сложилось плодотворное сотрудничество лингвистов и историков. Даже физика помогает языкознанию (в области акустической фонетики).

ФОНЕТИКА

§ 4. Понятие о фонетике

Фонетика (от греч. φωνή 'звук') — наука о звуках речи. Из всех основных разделов лингвистики фонетика — самый молодой. В европейском языкознании до XIX в. различие звука и буквы не всегда осознавалось, но затем лингвисты до конца осознали тот факт, что план выражения естественного языка исчерпывается звуками.

Отдельные разделы фонетики обладают либо особым предметом исследования, либо особыми методами исследования, либо особой точкой зрения на звуки. Предметом изучения фонетики, с одной стороны, могут быть способ образования и свойства отдельных звуков (**сегментная фонетика**, § 7–9). С другой стороны, фонетика изучает звучание более крупных отрезков речи (сло́га, сло́ва, синтагмы, фразы). Это область супraseгментной фонетики, или **просодики** (§ 10–13). Специфические методы исследования обеспечивают **инструментальную фонетику**. Автономную область фонетики образует **фонология**, изучающая звуки лишь в той мере, в какой они способствуют различению смыслов (§ 17–19). Кроме того, в фонетике представлены все разновидности лингвистики, о которых шла речь на с. 11.

Разделы фонетики складывались в разные исторические эпохи и до сих пор сохраняют известную самостоятельность. В изучении акустических и артикуляционных свойств звуков фонетика приближается к естественным наукам как по своим методам, так и по самому духу исследования. Однако инструментальная фонетика не исчерпывает задач описательной фонетики, не говоря уже об исторической фонетике, в которой инструментальное исследование невозможно вообще.

Фонология возникла позже других разделов фонетики, и в ней еще нет единства мнений по многим вопросам. Сложность задач фонологии заключается в том, что ей необходимо сочетать два рода фактов, очень далеких друг от друга: область звуков и область значений. Отсюда проистекает некоторая неопределенность самого предмета фонологии. Очень многое зависит от тех принципов, которые вдохновляют того или иного фонолога.

Занимаясь исторической фонетикой, лингвист не может анализировать звуки непосредственно. В его распоряжении — факты письменности и некоторые другие косвенные свидетельства.

Поэтому историческая фонетика — наименее «звуковой» раздел фонетики.

Обсуждение проблем фонетики немислимо без изображения звуков на бумаге. В некоторых случаях достаточно было бы самой письменности (точнее, ее транслитерации), например в случае грузинского языка, древнеиндийского языка и в некоторых других. В большинстве случаев между звуками языка и буквами его алфавита нет взаимно-однозначного соответствия. Вот почему фонетика нуждается в **транскрипции**, т. е. в особом алфавите для передачи звуков языка. Транскрипция Международной фонетической ассоциации (МФА) позволяет отмечать самые тонкие детали звуков. Тем не менее она слишком сложна для целей нашего учебного пособия, поэтому в книге используется ее упрощенный вариант.

Признавая транскрипцию МФА своего рода общепринятой метрической системой, мы не можем оставить без внимания некоторые частные системы мер, исторически сложившиеся в той или иной частной филологии. Такие практические транскрипции (например, для семитских языков) будут упомянуты в примечаниях. Одна из таких практических транскрипционных систем (традиционная передача китайских звуков русскими буквами) настолько широко представлена в русской печати (например; в именах собственных, ср. *Мао Цзэдун, Шанхай* и т. п.), что ее мы будем применять и в основном тексте учебного пособия.

§ 5. Акустическая фонетика

С физической точки зрения звук есть механическое колебание среды (обычно воздуха). Как всякое колебание, звук характеризуется двумя основными свойствами: амплитудой и частотой.

Амплитуда (размах колебаний) в нашем восприятии соответствует **силе** (громкости) звука. Если мы сильно ударим по клавише рояля, соответствующая струна будет колебаться с большим размахом, и мы услышим громкий звук. Сама по себе сила звука играет не очень большую роль в языке. В разных ситуациях люди говорят то громко, то тихо, но свойства языка от этого не меняются. Известное значение сила звука имеет в языках с динамическим ударением, где ударный слог произносится сильнее, чем безударный. В русском языке, например, *пили* (прошедшее время глагола *пить*) и *пили́* (повелительное наклонение глагола *пилить*) различаются силой звука.

Намного важнее для языка **частота** колебаний, которая психологически соответствует **высоте** звука: чем больше частота, тем более высоким кажется звук. Частота измеряется **герцами** (сокращенно Гц), т. е. числом колебаний в секунду. Человеческое ухо воспринимает звуки с частотой от 16 до 20 000 Гц. Звуки ниже

16 Гц (инфразвуки) и выше 20 000 Гц (ультразвуки) человеку недоступны.

Собственная частота колебаний того или иного тела зависит от его веса и упругости. Частота колебаний выше у предметов более упругих и менее тяжелых. Басовая струна на гитаре толще других струн и поэтому колеблется с меньшей частотой (дает низкий звук). Когда колеблется целиком какое-то тело (например, струна или голосовые связки), то возникает звук определенной частоты — **основной тон**. Голосовые связки у женщин и детей обычно меньше, чем у мужчин, а потому могут колебаться с большей частотой и давать более высокий звук. Однако человек может управлять работой голосовых связок, меняя частоту их колебаний. Эти изменения широко используются в речи, составляя важнейший компонент интонации.

Кроме силы и высоты звуки речи обладают третьим и самым главным свойством — **тембром**. Помимо колебаний тела как целого обычно колеблются и части целого тела, создавая **обертоны**, или гармоники. При этом частота обертонов в кратное число раз превышает частоту основного тона, т. е. если голосовые связки дают основной тон в 100 Гц, то одновременно возникают обертоны в 200, 300, 400, 500 Гц и т. д. Сила обертонов мала по сравнению с силой основного тона. Однако рядом с колеблющимся телом может оказаться другое тело или какая-то полость с собственной частотой колебаний. Это второе тело начнет колебаться, если среди колебаний первого тела окажется частота, совпадающая с собственной частотой второго тела. Данная частота усилится, ведь ее теперь будут создавать и первое, и второе тело. В этом суть **резонанса**.

Резонаторы человеческого речевого аппарата могут быстро менять свою форму благодаря подвижности языка, губ, мягкого нёба. Каждый раз они отбирают какие-то определенные обертоны и усиливают их. Звучание всевозможных обертонов и создает тембр звука. Богатство звуков языка связано с различиями обертонов. Особенно ясно это видно на примере гласных. Акустическое исследование глас-

Рис. 1. Соотношение формант у гласных

ных показало, что их специфическое звучание в основном зависит от соотношения двух частот, обладающих большой интенсивностью, все остальные обертоны звучат слабо. Эти две частоты (две **форманты**) позволяют человеку отличать один гласный от другого. Соотношение формант у разных гласных можно показать схематически (рис. 1).

Те звуки, у которых первая и вторая форманты довольно близки друг к другу, называются **компактными** (например, [a]). Если же две форманты далеки друг от друга, перед нами **диффузный** звук (например, [i]). В зависимости от частоты второй форманты звуки можно разделить на **высокие** ([i],[e]) и **низкие** ([o],[u]).

Акустический анализ согласных еще не дал вполне надежных результатов. Ведь в дополнение к периодическим колебаниям, или **тону**, характерным для гласных, здесь добавляются непериодические колебания, или **шумы**, а их изучать очень трудно.

§ 6. Артикуляция звуков. Произносительный аппарат

Звуки речи возникают в результате работы органов речи. Совокупность движений речевых механизмов, участвующих в образовании звуков речи, называется **артикуляцией**. Хотя органы речи у всех людей построены одинаково, их движения при произношении звуков каждого языка являются специфическими и привычными для данного языка. Совокупность типичных движений органов речи, привычная для произношения в определенном языке, называется его **артикуляционной базой**.

Разные языки могут отличаться друг от друга какими-то чертами артикуляционной базы. Например, французский и английский языки резко противопоставлены по работе губ: для французского характерны энергичная работа губ, их сильное выдвигание вперед при произнесении лабиализованных гласных; для английского, напротив, характерна вялая работа губ. Произношение переднеязычных согласных в английском языке характеризуется **апикальной** артикуляцией¹, т.е. артикулирует самый кончик языка. В русском языке кончик языка немного опущен, и артикулирует спинка языка, иначе говоря, для него характерна **ламинальная** артикуляция².

В произносительном аппарате человека (рис. 2) четыре полости: гортань, глотка, полость носа и полость рта.

Выходя из легких, воздух попадает в гортань, или **ларинкс**. По бокам гортани расположены мускулистые утолщения — **голосовые связки**, которые могут сближаться друг с другом до полного (или почти полного) смыкания. Тогда образуются гортанные согласные. Но самая обычная функция голосовых связок заключается в том, что, несколько сближаясь друг с другом, они могут напрягаться и вибрировать. Вибрация голосовых связок создает периодические колебания, а тем самым — основной тон.

¹ От лат. орех (род. пад. apicis) 'кончик, острие'.

² От лат. lamina 'пластинка'.

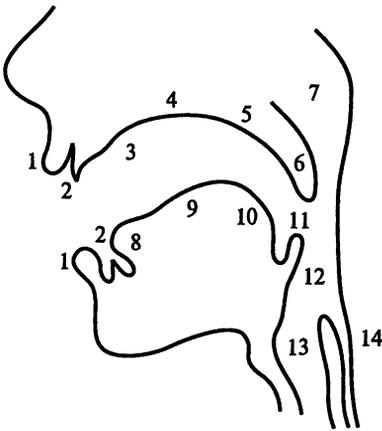

Рис. 2. Произносительный аппарат:

- 1 — губы; 2 — зубы; 3 — альвеолы; 4 — твердое нёбо; 5 — мягкое нёбо; 6 — uvула; 7 — носовая полость; 8 — передняя часть спинки языка; 9 — средняя часть спинки языка; 10 — задняя часть спинки языка; 11 — надгортанник; 12 — глотка; 13 — гортань; 14 — пищевод

При произношении звуков, или **фонации**, голосовые связки работают большую часть времени. Лишь при произношении глухих согласных голосовые связки перестают дрожать.

Непосредственно после гортани воздух попадает в глотку, или **фаринкс**, которая находится и над гортанью, и над пищеводом. Переднюю спинку глотки образует надгортанник, способный отклоняться назад и закрывать гортань сверху (например, при глотании пищи).

Дальнейший путь воздуха зависит от положения мягкого нёба. Если оно поднято, то воздух идет только вперед — в ротовую полость. Если же мягкое нёбо опущено, то воздух идет как в рот, так и в нос. Носовые звуки (гласные и согласные) произносятся, следовательно, с опущенным мягким нёбом и включенным носовым резонатором.

Ротовая полость предоставляет наибольшие возможности для различения звуков. Объем ротового резонатора определяется как неподвижными (пассивными), так и подвижными (активными) органами. Пассивными органами являются зубы, за ними — альвеолы, еще дальше назад — твердое нёбо (лат. *palatum*). Твердое нёбо переходит в мягкое нёбо (или нёбную занавеску, лат. *velum* 'занавеска'). Кончик мягкого нёба называется маленьким язычком или **увулой**. Кроме мягкого нёба к активным органам относятся губы и, что самое важное, язык — наиболее подвижный орган произносительного аппарата. Меняя свое положение, язык, губы, мягкое нёбо создают разный объем и разную форму ротового резонатора, а следовательно — разные звуки.

Удивительна согласованность движений отдельных частей произносительного аппарата. Говоря на родном языке, ни на секунду не задумываясь о произношении, человек одновременно производит массу движений мускулами гортани, челюсти, языка, губ. Автоматизм этих замечательно быстрых (до 0,01 с) и точных движений обеспечивается постоянными нервными импульсами, идущими от мозга. Анатомически произносительный аппарат человека и обезьяны различается не очень сильно. Основное отли-

чие — в физиологии: в четкости и дифференцированности движений мышц, управляемых мозгом.

§ 7. Классификация звуков речи

Логические классификации любых объектов всегда основываются на каком-нибудь признаке или принципе классификации. Если мы делим все растения на культурные и дикорастущие, то в основание кладем один признак — отношение человека к воспроизводству данного растения. По существу, тот же признак может лечь в основу классификации животных, но терминология здесь будет другая (домашние и дикие). Обращаясь к любой логической классификации, необходимо прежде всего уяснить, какой признак положен в ее основание. Меньшее значение имеют названия классов. Как мы только что отметили, одно и то же основание классификации может сочетаться с разными терминами в применении к разным объектам (растениям и животным).

Признак, положенный в основание классификации, должен принимать, по крайней мере, два значения. В основе классификации, например, озер на соленые и пресные будет лежать признак содержания соли в воде, но гидрологи должны договориться о той границе, которая будет разделять одно значение признака (соленый) от второго (пресный).

Классификационный признак может принимать и несколько значений. Например, классифицируя людей по признаку 'уровень образования', наши переписи населения предусматривают следующие значения признака образования: начальное, неполное среднее, среднее, незаконченное высшее, высшее. Но тот же признак мог бы получить и другие значения.

Сами классификационные признаки и их значения могут оказаться более или менее удачными. Эффективность классификации зависит как от легкости ее применения, так и от того, насколько хорошо она схватывает суть объекта, насколько полно отвечает своей задаче. Например, деление растений на культурные и дикорастущие не всегда просто осуществить в отдельном случае (как быть с малиной, декоративными деревьями и т. п.?), оно явно не затрагивает биологической сущности растений, но зато имеет большое значение в хозяйственной деятельности человека.

Те же принципы применяются и в классификации звуков речи. Желательно, чтобы классификационные признаки и их значения были удобны в обращении и соответствовали существенным сторонам самих звуков. Что касается целей классификации, то они могут быть разными. Например, при обучении иностранному языку в специальном вузе идеалом является говорение на этом языке без акцента. Значит, здесь желательно учитывать мельчайшие де-

Значение признака	Название класса	Примеры
Чистый тон, шума нет	Гласные	[i], [a], [o]
Тон преобладает, но есть и шум	Сонанты	[l], [m], [w]
Шум преобладает, но есть и тон	Шумные звонкие	[b], [g], [z]
Чистый шум, тона нет	Шумные глухие	[p], [k], [s]

тали, тончайшие нюансы. Лингвисты обычно довольствуются более грубой классификацией, которая тем не менее должна удовлетворять фонологическому принципу. В классификации не должно быть потеряно ни одно звуковое различие, способствующее различению смысла.

Введение фонологического принципа облегчает классификацию звуков конкретного языка. Но задача построения классификации для многих языков остается очень сложной. Учет всех возможных фонологических контрастов сделал бы классификацию слишком громоздкой для целей нашего учебного пособия. Поэтому в ниже-следующих классификациях фигурируют такие признаки и их значения, которые характерны для многих языков мира.

Наиболее распространенная **акустическая** классификация звуков строится на признаке соотношения тона и шума¹ (табл. 1).

Что касается принципов артикуляционной классификации, то она должна строиться на разных основаниях для гласных и для согласных.

§ 8. Артикуляционная классификация гласных

Общее артикуляционное свойство гласных — широкий проход для воздуха. Возможности различения звуков создаются за счет изменения ротового резонатора, т. е. от движения языка, губ, мягкого нёба. Среди возможных признаков классификации гласных наибольшее значение имеют три: ряд, подъем и лабиализация.

Классификация гласных по **ряду** соответствует горизонтальному движению языка вперед или назад. Для многих языков фонологически достаточно двух рядов²: переднего [i], [œ], [y] и заднего [i], [o], [u]. Так обстоит дело в тюркских языках³:

¹ Этот акустический признак сложным образом соотнесен с артикуляционными, прежде всего с работой голосовых связок, а также с наличием или отсутствием преград в надгортанных полостях.

² Очень редко встречаются языки с минимальным числом гласных фонем, где различие ряда не имеет фонологического значения. Таков, например, адыгейский язык, где имеются три фонемы, различающиеся по подъему.

³ Тюркские примеры даются чаще в древнем звучании.

kif 'соболь'	qif 'зима'	tʃin 'Китай'	tʃin 'правда'
seɣtá 'жечь'	ortá 'середина'	seɣ 'расти'	on 'десять'
kœl 'озеро'	qol 'рука'	uʃ 'три'	uʃ 'летать'

Однако для большинства языков необходимо различать три ряда: передний [i], [e], [y], средний [ɨ], [a] и задний [u], [o], [ɔ], [ɑ]. Например:

рус. <i>бить</i> [b'it']	<i>бить</i> [bit']	<i>будь</i> [but']
рум. mine 'меня'	mîna [mînə] 'рука'	munte 'гора'

Более точная фонетическая классификация может потребовать введения дополнительных значений признака, например: передний отодвинутый ряд (англ. [ɪ] в слове sit 'сидеть') или задний продвинутый ряд (англ. [ʊ] в слове book 'книга').

Классификация гласных по **подъему** зависит от вертикального движения языка. Обычно хватает трех значений признака: гласные низкого подъема [a], гласные среднего подъема [e], [o] и гласные высокого подъема [i], [ɨ], [u]¹. Например, в русском языке:

<i>нить</i> [p'it']	<i>бур</i> [bur]
<i>неть</i> [p'et']	<i>бор</i> [bor]
<i>нять</i> [p'at']	<i>бар</i> [bar]

Очень часто трех значений признака подъема недостаточно для различения гласных фонем. Тогда средний ряд разделяют на средний закрытый [e], [ø], [o] и средний открытый [ɛ], [œ], [ɔ]. Такое деление свойственно, например, немецкому и некоторым романским языкам, отдельным русским диалектам.

Немецкий	Французский
Bier [bi:r] 'пиво'	roule [pul] 'курица'
Beere [bé:rə] 'ягода'	rôle [pol] 'полюс'
Bär [be:r] 'медведь'	poli [pɔli] 'вежливый'
bar [ba:r] 'обнаженный'	rôle [pal] 'бледный'

Классификационный признак **лабиализации** (от лат. labium 'губа') может принимать только два значения: губы или округлены (лабиализованные гласные), или не округлены (нелабиализованные). Между лабиализацией и высоким задним положением языка существует связь. Гласные заднего ряда (высокого и среднего подъема) обычно лабиализованы ([u], [o], [ɔ]). Различие лабиализованных и нелабиализованных гласных ярко проявляется у гласных переднего ряда во французском, в немецком, уральских, алтайских и других языках, т.е. там, где могут различаться [i] и [y], [e] и [ø].

¹ Весьма редко встречаются языки, в которых фонологически различаются только два подъема: низкий [a] и высокий [ə]. Таковы абхазский и абазинский языки.

Немецкий
 Kiefer [i:] 'сосна'
 Küfer [y:] 'бондарь'
 edel [e:] 'благородный'
 Öde [ø:] 'пустыня'
 Helle [ɛ] 'ясность'
 Hölle [œ] 'ад'

Французский
 dire [dir] 'сказать'
 dur [dyr] 'твердый'
 fée [fe] 'фея'
 feu [fø] 'огонь'
 père [per] 'отец'
 peur [pœr] 'страх'

Три рассмотренных признака (ряд, подъем, лабиализация) отражены в таблице 2 (символы лабиализованных гласных взяты в скобки).

Таблица 2

Гласные

Подъем		Ряд		
		передний	средний	задний
Высокий	закрытый	i (y)	ɨ	(u)
		ɪ		ʊ
Средний	открытый	e (ø)	э	(o)
		ɛ (œ)		(ɔ)
Низкий		æ a		a

Для некоторых языков важным классификационным признаком является **назализация**, т.е. различие носовых и носовых гласных (в транскрипции назализация обозначается тильдой (~) над знаком гласного). Такое различие наблюдается во французском и в португальском.

Французский

monde [mɔ̃d] 'мир' : mode [mɔd] 'мода'
 penser [pɑ̃sɛ] 'думать' : passer [pasɛ] 'проходить'
 pain [pɛ̃] 'хлеб' : paix [pɛ] 'мир, покой'

Португальский

fim[fĩ] 'конец', mão [mãu] 'рука', bom [bõ] 'хороший'

Особенно разнообразны носовые гласные в индийских языках, например в хинди: rāiṅ 'пять', māi 'я', ā:kh 'глаз', bhāu 'бровь', rōga 'пустой', sēt 'даром', ū:ṭ 'высокий', ī:ṭ 'кирпич'.

Когда-то носовые гласные были представлены и в славянских языках. В старославянском алфавите было две буквы, передававшие носовые гласные: ѡ «юс малый» и ѡѡ «юс большой». В соответствующих русских словах мы находим буквы я и у. Назализа-

Ст.-слав.	Рус.	Польск.	Ст.-слав.	Рус.	Польск.
ЯЗЫКЪ	язык	język	ТРУБА	труба	trąba
ПАТЬ	пять	pięć	ЖЗЪКЪ	узкий	wązki
КЛАТВА	клатва	kłątwa 'анафема'	ДЪБЪ	дуб	dąb
МАСО	мясо	mięso	КРЪГЪ	круг	krağ
КЪНАЗЪ	князь	ksiądz 'священник'	ПЪТЬ	путь	paŋnik 'странник'

ция в этих случаях исчезла во всех славянских языках, кроме польского. В польском алфавите есть буквы *ę* [ɛ, ɛɲ] и *ą* [ɔ, ɔɲ], перед щелевыми согласными они произносятся как носовые гласные, в остальных случаях здесь звучит сочетание обычного гласного и носового согласного¹ (табл. 3).

Последний важный классификационный признак — **длительность**. Во многих языках существует фонологическое различие **кратких** и **долгих** гласных². Ср., например, такие латинские слова:

malus 'плохой' — mālus 'яблоня' liber 'книга' — līber 'свободный'
 latus 'бок' — lātus 'широкий' legō 'читаю' — lēgō 'завещаю'

Различие долгих и кратких гласных (**количественное**) обычно сопровождается небольшими отличиями в положении языка. Например, в германских языках краткий [ɪ] несколько оттянут назад и опущен по сравнению с долгим [i:]:

нем. Lippe 'губа' lieb [li:p] 'милый'
 Mitte 'середина' Miete [mi:tə] 'наем, прокат'
 англ. bit 'кусочек' beat [bit] 'бить'
 fill 'наполнять' feel [fi:l] 'чувствовать'

Обычно классификационный признак количества принимает два значения (краткий и долгий), но встречаются языки, где различаются три степени долготы. Например, в эстонском языке различаются краткий, долгий и сверхдолгий: aste 'ступень' — aasta 'год' — aāsta 'года' (род.пад.), riigi 'парус' — riigi 'клетки' (род.пад.) — riigi 'в клетку'.

¹ В нижеследующих старославянских примерах встречаются буквы ѣ и љ, они передавали очень краткие гласные соответственно переднего и заднего ряда.

² Долгота гласного обозначается или чертой над транскрипционным символом [ɔs], или двоеточием после него [o:s]. Краткость гласного иногда обозначается дужкой над символом [ɔs], а чаще никак не обозначается.

Все рассмотренные различия долгих и кратких гласных имеют фонологическое значение. Есть и такая долгота гласного, которая вызывается лишь его позицией. Во французском языке, например, ударные гласные удлиняются перед звуками [r], [v], [z], [ʒ], т. е. *rouge* [ru:ʒ] ‘красный’, но такой долгий не может быть противопоставлен краткому в той же позиции. В итальянском языке долгота и краткость связаны с характером слога: в открытом слоге — долгие, в закрытом — краткие: *faḡo* ‘маяк’; *faḡo* ‘полба’; *pōto* ‘известный’; *notte* ‘ночь’. В большинстве языков гласный под ударением произносится дольше, чем в безударном положении.

Гласные делятся на монофтонги и дифтонги. У **монофтонгов** органы речи не меняют своего положения на всем протяжении артикуляции гласного. У **дифтонгов** в процессе артикуляции гласного происходит сдвиг органов речи. Яснее всего это видно на примере английского дифтонга [aʊ] в словах *now* ‘сейчас’, *round* ‘фунт’. Артикуляция его начинается с низкого переднего положения языка, а затем происходит быстрое перемещение языка назад и вверх, сопровождаемое небольшим округлением губ. При этом вся сложная артикуляция дифтонгов производится обязательно в один слог.

Обычно в дифтонгах выделяется более отчетливая часть (**ядро**) и менее отчетливая (**аппроксимант**, или **глайд**)¹. В англ. *boy* ‘мальчик’ [boɪ] ядро предшествует аппроксиманту, такие дифтонги называются **нисходящими**. Если же ядро следует за аппроксимантом, то такой дифтонг называется **восходящим**: исп. *bueno* ‘хороший’ [βeno], *fiesta* ‘праздник’ [fiesta]; кит. *лю* [liu] ‘шесть’, *хуа* [xua] ‘цветок’. Аппроксиманты могут окаймлять ядро с двух сторон, образуя **трифтонг**: кит. *ляо* [liɑu] ‘закончить, решить’, *гуай* [kɥai] ‘странный’². Трифтонги могут быть и нисходящими: англ. *fire* [faɪə] ‘огонь’.

Очень редко встречаются равновесные дифтонги, т. е. дифтонги со скользящим переходом от одной части к другой, но без явного перевеса какой-либо части. Такие дифтонги представлены в латышском языке: *draugs* ‘друг’, *diena* ‘день’, *viens* ‘один’, *gailis* ‘петух’, *jauns* ‘новый, молодой’, *krievs* ‘русский’, *maiss* ‘мешок’.

Граница между монофтонгами и дифтонгами довольно неустойчива. Среди монофтонгов выделяют иногда **дифтонгоиды**, т. е. такие гласные, у которых в начале или конце слышится небольшой краткий звук другого качества. Дифтонгоидом, например, обычно считают английский [i:] и изображают его тогда как [ij]. К дифтонгоидам можно отнести также русский [o] (точнее, [ʰo]).

¹ То, что аппроксимант не образует особого слога, обозначается в транскрипции дужкой под символом.

² О разных транскрипциях китайских звуков см. примечание на с. 28.

Граница монофтонгов и дифтонгов неустойчива и в диахронии. История разных языков часто демонстрирует монофтонгизацию, т. е. превращение дифтонга в монофтонг. Ниже даются примеры судеб дифтонгов в некоторых индоевропейских языках.

Большинство греческих дифтонгов, четко фиксируемых письменностью, превратились в монофтонги уже в древности¹. Первым (еще в V в. до н. э.) эту судьбу испытал *ou*, который превратился в *u*: βοῦς ‘бык, королева’, βοῦκβλος ‘пастух’, δοῦλος ‘раб’, μουσα ‘муза’, νοῦς ‘разум’, οὐρανός ‘небо’, πλοῦτος ‘богатство’². Дифтонг *ei* > [i]: χεῖρ ‘рука’, εἰρήνη ‘мир, покой’, εἰρωνεία ‘ирония’, σεισμός ‘землетрясение’. Во II в. н. э. *ai* > [e]: Αἴγυπτος ‘Египет’, αἵρεσις ‘ересь’, παιδαγωγός ‘педагог’; еще позднее *oi* > [i]: οἶκος ‘дом’, ποινή ‘наказание, возмездие’, φοῖνιξ ‘финик’, στοιχείον ‘элемент, основа’³.

Более последовательно избавлялся от древних дифтонгов латинский язык. Надписи III—II вв. до н. э. еще содержат дифтонги там, где классическая латынь фиксирует монофтонг: nūtrix (< noutrix) ‘кормилица’, ūnus (< oinos) ‘один’, lūdus (< loidos) ‘игра’, cīvis (< ceivis) ‘гражданин’, dīcō (< deico) ‘говорю’. Только во времена империи дифтонг *ae* (< ai) окончательно превратился в [e]: caelum ‘небо’, quaerō ‘ищу’. Наконец, уже в ходе развития романских языков *au* > *o**: ит. orecchio, фр. oseille, исп. oreja ‘ухо’ < лат. auricula(m)⁴; ит., исп. oro, фр. or ‘золото’ < лат. augu(m); ит., исп. cosa, фр. chose ‘вещь, дело’ < лат. causa(m) ‘дело, процесс’; ит. rovere, фр. rouvre, исп. pobre ‘бедный’ < лат. paupere(m); ит., исп. toro ‘бык’ < лат. tauru(m).

Монофтонгизация древних дифтонгов произошла и в славянских языках (близкородственные балтийские языки обычно сохраняют эти дифтонги): *ei* > *i*: *кривой* (ср. лит. kreivas); *au, ou* > *u*: *тур* ‘дикий бык’ (ср. лит. tauras, греч. ταῦρος); *лупить* (ср. лит. laurýti); *тук* ‘жир’, *тучный* (ср. латыш. tauks ‘жирный’); *купить* (из гот. kaupōn, ср. нем. kaufen); *лук* (растение) (из герм., ср. сканд. laukr); *oi* > *ѣ*⁵: *снагъ* (ср. прус. snaygis, гот. snaiws); *цѣна* (ср. лит. kaina); *хлѣбъ* (из герм. hlaiβ).

Как видим, монофтонгизация происходит по одной и той же схеме, причем раньше всего сливаются те компоненты дифтонгов, которые располагаются в соседних графах таблицы 2.

Очень часто может наблюдаться и обратный процесс превращения монофтонгов в дифтонги (дифтонгизация). Множество примеров такого рода дает история романских языков:

¹ Традиционно на письме знак ударения ставится на второй букве, хотя дифтонги были нисходящими.

² В современном чтении древнегреческих слов принято произносить *ou* как монофтонг. В остальных случаях придерживаются дифтонгического чтения. В новогреческом эти буквосочетания произносятся как монофтонги.

³ Символ < читается ‘приходит из’, символ > — ‘переходит в’.

⁴ При сравнении романских существительных и прилагательных с исходным латинским словом последнее приводится в форме винительного падежа, так как именно к ней восходят романские формы.

⁵ Эта буква славянского алфавита — *ѣ* («ять») передавала гласный переднего ряда среднего подъема. В русском языке этот гласный в конце концов совпал с *e*. В других славянских языках результат мог быть и другим: др.-рус. *ѣльый*, *ѣфра*; укр. *білий*, *віра*; польск. *biały*, *wiara*.

лат. <i>mele(m)</i> ‘мед’	>	ит. <i>miele</i> , фр. <i>miel</i>
лат. <i>pede(m)</i> ‘нога’	>	ит. <i>piede</i> , фр. <i>piéd</i> , исп. <i>pié</i>
лат. <i>petra(m)</i> ‘камень’	>	ит. <i>pietra</i> , фр. <i>pierre</i> , исп. <i>pedra</i>
лат. <i>focu(m)</i> ‘очаг, огонь’	>	ит. <i>fuoco</i> , исп. <i>fuego</i>
лат. <i>novu(m)</i> ‘новый’	>	ит. <i>nuovo</i> , исп. <i>nuevo</i>

В наибольшей степени дифтонгизация проявляется в испанском языке: *diente* < *dente(m)* ‘зуб’; *fuelle* < *fonte(m)* ‘источник’; *muerte* < *morte(m)* ‘смерть’; *puerta* < *porta(m)* ‘дверь’; *tierra* < *terra(m)* ‘земля’; *sierra* < *serra(m)* ‘пила’.

Сложность артикуляции дифтонгов создает трудности при их фонологическом анализе (см. с. 48).

§ 9. Артикуляционная классификация согласных

При артикуляции согласных на пути воздуха в надгортанных полостях встречается преграда. Способ образования преграды и ее место являются главными классификационными признаками для согласных.

По способу образования преграды все согласные делятся на три класса: смычные, щелевые и дрожащие.

У **смычных** происходит полное смыкание органов речи ([p], [m], [tʃ] и т.п.). У **щелевых**¹ полной смычки нет, но сближения органов речи достаточно для появления хотя бы незначительного шума ([s], [x], [w] и т.п.). Наконец, у **дрожащих** [r] очень короткое сближение органов речи может повторяться несколько раз².

Среди смычных следует выделить **смычно-проходные**. У таких согласных происходит смыкание органов речи, но где-то остается проход для воздуха. Типичны два случая. В первом случае смычка образуется в центре (например, между кончиком языка и альвеолами), но края языка опущены и дают возможность воздуху выходить наружу. Такие звуки называются **боковыми** (латеральными): [l] и т.п. Второй случай составляют **носовые** согласные, у которых опускание мягкого нёба освобождает проход для воздуха через нос ([m], [n], [ŋ]).

В артикуляции какого-либо звука можно выделить три фазы: **экскурсию** (как бы изготовку), **выдержку** и **рекурсию** (отход). В зависимости от характера рекурсии собственно смычные можно подразделить на два типа: взрывные и аффрикаты. У **взрывных** смычка раскрывается резко и энергично ([p], [d], [k] и т.п.), у

¹ В этом же значении употребляются термины *фрикативные*, *спиранты*. В некоторых традиционных транскрипциях (например, для семитских языков) щелевые показываются чертой под символом смычного: *b* = [v], *d* = [ð], *t* = [θ] и т.д.

² Совершенно особый тип артикуляции имеют шелкающие звуки, распространенные в языках юга Африки.

аффрикат — постепенно, переходя в щель. Таковы, например, [tʃ] в слове *ночь*, [ts] в слове *цирк*. Некоторые языки совсем не знают аффрикат, например французский, другие богаты ими, например итальянский: *luce* [lúʦe] ‘свет’, *loggia* [lɔʦːa] ‘лоджия’, *pjázza* [piatsːa] ‘площадь’, *gazzo* [ráʦːo] ‘ракета’, *magio* [máʦo] ‘маг’, *piccino* [piʦːino] ‘маленький’.

Среди щелевых различаются согласные с плоской щелью, например [θ] в английском *thing* [θɪŋ] ‘вещь’, и согласные с круглой щелью, например [s] в слове *sing* [sɪŋ] ‘петь’¹.

Классифицируя согласные по месту преграды, обращают внимание на ту часть произносительного аппарата, где создается шум, иначе говоря, на определенный **фокус** артикуляции. Как правило, такой фокус выделяется легко, хотя у многих согласных отмечаются дополнительные фокусы артикуляции, влияющие на форму резонатора. Классификация по этому признаку должна учитывать одновременно активные и пассивные органы речи.

Первый класс звуков, выделяемых по этому признаку, — **губные** согласные. Они, в свою очередь, делятся на **губно-губные** [p], [b], [w], [β] и **губно-зубные** [v], [f], [ɸ], ср.: исп. *beber* ‘пить’ [beβér], фр. *roi* [gwa] ‘король’.

Переднеязычные согласные обладают наибольшим диапазоном места преграды (от межзубных к зубным, альвеолярным и далее к нёбным). То или иное точное место артикуляции характеризует определенный язык, например, для русского языка типична зубная артикуляция, а для английского — альвеолярная. Однако такие различия очень редко используются как фонологические. Для наших целей можно выделить группу **межзубных** (исп. *cenó* [θ] ‘ужин’, англ. *that* [ðæt] ‘тот’) и группу **церебральных** (или ретрофлексных). При произношении церебральных кончик языка, загибаясь вверх и назад, смыкается (или сближается) с передней частью твердого нёба². Церебральные звуки обычны в языках Индостана: др.-инд. *daṇḍa-* ‘палка’, но *handa-* ‘радость’; *pāṭala-* ‘розовый’, но *pātālam* ‘ад’.

Особо следует сказать о различии свистящих и шипящих. При артикуляции **свистящих** ([ʃs], [s], [z]) в спинке языка образуется желобок, т. е. круглая щель, в то время как переднеязычные шипящие [ʃ], [ʃ], [z] образуются при плоской щели.

Средняя часть спинки может подниматься только к твердому нёбу, поэтому разнообразие **среднеязычных** звуков ограничено. Самый распространенный из них — плоскощелевой звук [j] в словах типа *я* [ja]. Его глухое соответствие [ç] слышно в немецком слове *ich* [ɪç] ‘я’. В романских языках представлены среднеязычные

¹ Меньшее значение здесь имеет различие места преграды: [θ] обычно межзубный, [s] — альвеолярный.

² Церебральная артикуляция обозначается в транскрипции точкой под символом переднеязычного.

боковые [λ] и носовые [ŋ] сонанты: фр. *signe* [siŋ] ‘знак’; исп. *señor*, ит. *signore* ‘господин’; ит. *figlia* [fiλa] ‘дочь’, исп. *silla* ‘стул’.

Несколько более свободна в движениях задняя часть языка, образующая **заднеязычные** звуки [к], [g], [x] в русских словах *кот*, *год*, *ход*, [γ] в южнорусском диалектном *город*, [ŋ] в англ. *king* ‘король’. Во многих языках фонологически различаются две группы заднеязычных согласных: если задняя часть спинки языка сближается с твердым нёбом (или с границей твердого и мягкого нёба), то образуются заднеязычные **палатальные** звуки (палатальными часто называют и среднеязычные звуки). Если же место артикуляции сдвигается назад — к концу мягкого нёба, то получаются **велярные** [q], [g], [x]. Различие [к] и [q] широко проводится в тюркских (ср.: узб. [kalamuʃ] ‘крыса’ и [qalam] ‘карандаш’, [kir] ‘грязь’ и [qir] ‘возвышенность’) и в семитских языках (араб. *kalām* ‘речь, фраза’ и *qalam* ‘перо’, *kalm* ‘рана’ и *qalb* ‘сердце’). Кончик мягкого нёба иногда сам становится активным органом, взаимодействуя с задней частью языка. Соответствующие звуки называются **увулярными**. Особый символ используется для увулярного дрожащего, например, во французских словах *gazer* [ʒaze] ‘бриться’, *roug* [ruʁ] ‘для’¹.

Фарингальные звуки образуются сужением стенок глотки. Соответствующие щелевые встречаются во многих языках. Глухой представлен в англ. *he* [hi:] ‘он’, нем. *Hals* ‘шея’, араб. *himār* ‘осел’, *halwā* ‘конфета, сладость’ и т. п. Звонкий щелевой [ʕ] видим в укр. *голова*, чеш. *hlava*, Прага, в араб. *ʕain* ‘глаз’.

Гортанные (или ларингальные) звуки образуются в самой гортани. Гортанный щелевой [ħ] представлен в семитских языках (иврит *taħir* ‘искусный’, араб. *aħl* ‘семья, домашние’), встречаются они и в других языках (в частности, в кавказских). В языках мира широко распространен гортанный смычный [ʔ]: араб. *gaʔs* ‘голова’, *inʔaʔ* ‘творение’. Как фонетическое явление (не как особая фонема) этот звук встречается и в европейских языках. В немецком языке он предшествует любому начальному гласному, например, в слове *Abend* [ʔabent] ‘вечер’; в более слабой степени то же отмечается и в русском языке. Гортанный смычный можно услышать, если постараться различить произношение словосочетаний *письмо о Тане* и *письмо от Ани*. Во втором случае после [t] ясно слышен гортанный смычный.

Сводка рассмотренных выше классов согласных представлена в таблице 4. Итак, способ и место образования преграды — важнейшие классификационные признаки согласных. К ним добавляются некоторые другие признаки, не имеющие универсального значения.

¹ Поскольку французский увулярный дрожащий фонологически не противопоставлен переднеязычному, можно воспользоваться и обычным символом [ʒ].

Согласные

Место образования	Способ образования				
	Смычные			Щелевые	Дрожащие
	Взрывные	Аффрикаты	Смычно-проходные		
Губно-губные	b p	pf	m	w w	
Губно-зубные				v f	
Переднеязычные межзубные, зубные и альвеолярные	d t	ɟʒ tʃ l ɕ ʧ	n	z s ʒ ʃ	r
Среднеязычные		λ	ŋ	j ʒ	
Заднеязычные (велярные)	g k g q		ŋ	ɣ x χ	
Увулярные					ʀ
Фарингалные				ʕ h	
Гортанные	ʔ			ħ	

Прежде всего отметим различие **звонких** и **глухих**, связанное с работой голосовых связок (см. с. 15). В таблице многие звуки сгруппированы по парам: слева — звонкий, справа — глухой. Заметим, что глухими могут быть и смычно-проходные, и дрожащие звуки (тогда они обозначаются [ɺ], [m̥], [r̥] и т. п.). Во многих языках такое произношение объясняется воздействием соседнего глухого, ср. фр. *peuple* [pœp̥l] ‘народ’, *titre* [tit̥ʁ] ‘заглавие’, рус. *ритм* [r̥ʲit̥m̥] и т. п.

Иногда встречаются языки, где подобные звуки являются особыми фонемами. На картах Центральной Америки встречаются географические названия с сочетаниями букв *tl*, *tl̥*, например: мексиканский штат Тласкала, вулкан Попокатепетль. Русские буквы передают здесь особую фонему индейских языков Мексики. Глухие [l̥] и [r̥] встречаются и в валлийском языке. На письме они обозначаются соответственно ll и rh (появление таких написаний в британских фамилиях вроде Lloyd и Rhys явно указывает на валлийское происхождение соответствующих семей).

Различие звонких и глухих широко распространено, но есть языки, которые этого различия не знают совсем (например, чувашский) или добавляют его к другим контрастам. Старые русские заимствования в чувашском меняются из-за этого до неузнаваемости, например: *пичке* ‘бочка’, *керепле* ‘грабли’, *кенеке* ‘кни-

га'. Многие интернациональные слова с начальным звонким появляются в финском с начальным глухим: kaasu 'газ', kipsi 'гипс', kirahvi 'жираф', Kreikka 'Греция', kreivi 'граф', kumi 'резина', pankki 'банк', rapu 'боб', pronssi 'бронза'.

Противопоставление глухих и звонких часто связано с различием соответственно **сильных** и **слабых**. В некоторых языках именно последнее различие выходит на первый план. Так обстоит дело во многих уральских языках, в южных немецких диалектах.

Есть языки, где существует только различие сильных и слабых согласных, не связанное с работой голосовых связок. К таким языкам относится китайский язык, здесь есть сильные придыхательные смычные [P], [T], [K], [ʈʂ], [ʈʃ] и соответствующие слабые смычные (без придыхания): [pau] 'пушка' и [pau] 'газета', [ko] 'улитка' и [ko] 'государство', [tuŋ] 'медь' и [tuŋ] 'восток', [ʈʂi] 'этот' и [ʈʂi] 'сын', [ʈʃan] 'имущество' и [ʈʃan] 'казнить'.

Для русского уха китайские сильные смычные кажутся глухими, а китайские слабые — звонкими. Это отражено в традиционной русской транслитерации, которая изображает эти пары: *пао — бао, ко — го, тун — дун, цы — цзы, чань — чжань*.

Различие сильных и слабых согласных может тесно переплетаться с различием по **длительности** (как, например, в корейском языке). Долгие согласные, или **геминаты**, встречаются во многих языках (рус. *касса, оттащить*), но сравнительно редко бывают самостоятельными фонемами, ср.: ит. *carro* 'воз' (но *caro* 'дорогой'), *dotto* 'ученый' (но *dote* 'приданое').

В афризийских языках так называемые «эмфатические» (сильные) согласные отличаются общим напряжением артикулирующих органов и общим подъемом гортани¹, ср.: [Tabiʔa] 'природа', [Tālib] 'студент', [Zāhir] 'явный', [Sāhib] 'хозяин, господин', [Sulh] 'мир, согласие'.

Подобные сильные (абруптивные) согласные представлены и во многих языках Кавказа. В грузинском языке размыкание основной преграды у сильных сопровождается размыканием смычки в гортани, у слабых же рекурсия сопровождается легким придыханием:

Puri 'хлеб'	puri 'корова'
TuTutsi 'глупый'	tutuni 'табак'
Kalami 'перо'	kalaki 'город'
ʈʃadraKi 'шахматы'	ʈʃadri 'чадра'
ʈʂQali 'вода'	ʈʂxeni 'лошадь'

¹ Как в семитологии, так и в кавказоведении сильные согласные обозначаются в транскрипции точками под или над символами согласных ([ʔ], [z] и т.п.), но такое обозначение будет противоречить транскрипции церебральных. В настоящем учебном пособии сильные согласные будут передаваться заглавными символами транскрипции МФА.

Как видим, придыхательность сопровождается слабыми согласными в кавказских языках и сильными — в китайском. Придыхательность, или **аспирация**, может выступать и самостоятельным классификационным признаком. В древнегреческом языке придыхательные глухие фонологически отличались от глухих простых:

φάρος ‘маяк’	πάρος ‘прежде’
χολή ‘желчь’	κολοσσός ‘колосс’
θερμός ‘теплый’	τέρμα ‘финишный столб’
θρόνος ‘трон’	τρόπος ‘образ, манера’

В индийских языках различие придыхательных и простых охватывает все смычные шумные: др.-инд. gḥarṁá- ‘жара’ и gurú- ‘тяжелый’; bhéna- ‘пена’ и rāntha ‘путь’; dhárma- ‘порядок, закон’ и devá- ‘бог’; bhurḍa- ‘береза’ и bálam ‘сила’.

Перечисленные выше признаки (сила, длительность, аспирация) дополняют собой основной признак — способ образования преграды.

Некоторые признаки связаны с дополнительной артикуляцией в том или ином месте произносительного аппарата. Отметим среди них **палатализацию**, вызываемую подъемом спинки языка к твердому нёбу. Во многих языках палатализация сопутствует соседнему гласному переднего ряда (например, [t] во фр. tir ‘стрельба’ не так, как в слове table ‘стол’). В русском языке **мягкие** (палатализованные)¹ и **твердые** согласные противопоставлены фонологически: *есть* [jestʲ] и *ест* [jest], *спор* и *спорь* (повелительное наклонение), *моль* и *мол* и т. п.

Во многих языках основная артикуляция сопровождается округлением губ, что позволяет говорить о признаке **лабиализации**². В русском языке лабиализация согласных появляется перед лабиализованными гласными, например, в словах *куры* [kʲúɣu] или *суп* [sʲup], но лабиализованные согласные не образуют особых фонем. В западнокавказских языках такие фонемы имеются: кабард. [Qʷæʃ] ‘брат’, [dlqʷ] ‘вор’, [xʷabæ] ‘жаркий’; абх. [apʰʷis] ‘женщина’, [amʃʷ] ‘медведь’.

Есть и другие дополнительные признаки — фарингализация, веларизация и т. д.

Граница согласных и гласных не абсолютна. Диахроническая лингвистика дает немало примеров превращения сонанта в полугласный и далее в подлинный гласный. Первую стадию этого процесса мы хорошо видим в украинском языке. Здесь звук [l] > [w] перед согласным или на конце слова, ср.: *жовтий*, *товстий*, *мовчати*, *дав*, *жив*, *спав*. Когда-то аналогичную эволюцию во французском языке проделал латинский [l] после гласных заднего ряда перед согласным или на конце слова, только

¹ В транскрипции палатализация отмечается апострофом (ʲ) после согласного.

² В транскрипции обозначается кружочком после согласного.

здесь процесс пошел дальше — [l] > [w] > [u]. Гласный [u] мог сливаться с предыдущим гласным (но сохраняется в орфографии), ср. фр.:

alter > autre [otr] ‘другой’	altus > haut [o] ‘высокий’
caldus > chaud [fo] ‘горячий’	collum > cou [ku] ‘шея’
calvus > chauve [fov] ‘лысый’	colpus > coup [ku] ‘удар’
falsus > faux [fo] ‘ложный’	dulcis > doux [du] ‘сладкий’
follis > fou [fu] ‘глупый’	mollis > mou [mu] ‘мягкий’

§ 10. Фонетическое членение речи. Просодические средства языка

Звуковой поток речи представляет собой не просто цепочку звуков, но имеет свою структуру, т. е. распадается на какие-то крупные единицы, эти, в свою очередь, на более мелкие и т. д. до мельчайших единиц — отдельных звуков. Наибольшей фонетической единицей является **фраза**¹. Возьмем для примера начало известного рассказа А. П. Чехова «Детвора».

Папы, мамы и тети Нади нет дома. Они уехали на крестины к тому старому офицеру, который ездит на маленькой серой лошади. В ожидании их возвращения Гриша, Аня, Алеша, Соня и кухаркин сын Андрей сидят в столовой за обеденным столом и играют в лото.

[pápi mámi it'ót'i nád'i | n'éd:ómə # an'í ujéxəl'i nək'r'ist'ini | ktamú stárəmu af'itséru | katórij jézd'it | namál'ən'kəj s'éraj lófəd'i # vəzídán'ii ixvəzvraf':én'ia | gr'ifə án'ə al'ófə són'ə ikuxárk'in sín andr'éj | s'id'át fstalóvəj zəab'éd'ənim stalóm | iigrájut vlató #]

В этом отрывке три фразы, отделенные друг от друга паузами. Каждая из этих фраз образует интонационное единство.

При характеристике **интонации** обычно указывают на то, что это сложный комплекс меняющихся во времени компонентов: мелодики (т. е. изменения основного тона), интенсивности, ритма, темпа, тембра. Из этих компонентов наибольшее значение имеет мелодика. Интонация не только фонетически скрепляет фразу, она также может указывать на коммуникативный тип высказывания (утверждение, вопрос, приказ и т. п.). Она же передает бесконечные оттенки чувств и настроений.

Фразы распадаются на **синтагмы**, отделенные друг от друга сменной интонационного рисунка и небольшими факультативными паузами. Каждая синтагма соответствует определенному смысловому и грамматическому единству (сочетанию слов или отдельному слову). Нельзя, скажем, свести в одну синтагму слова *офицеру*,

¹ В ораторской речи, в поэзии могут быть и более крупные фонетические единства (период, строфа), но они уже не регламентируются законами языка.

который, отнеся в другие синтагмы к старому и ездит. В отличие от фразы синтагма не создает впечатления интонационной законченности. Например, интонация первой синтагмы не завершена; если ее произнести отдельно, то слушатель обязательно воспримет ее как незаконченную.

Разбивка фразы на синтагмы допускает варианты. В третьей фразе, например, можно сделать отдельными синтагмами имена детей. Такая разбивка придаст каждому имени особый вес (слушающему как будто предлагается лучше запомнить эти имена). Также можно все придаточное предложение второй фразы произнести в одну синтагму. Но не следует думать, что здесь царит полный произвол. Никто не отнесет к разным синтагмам слова *кухаркин сын*.

В русском языке в обычной, неэмфатической, интонации выделяется последнее слово синтагмы. Всякое отступление от этого правила (интонационное выделение не последнего слова или чрезмерная интонационная выразительность последнего слова) создаст эффект **фразового акцента**, т. е. эффект подчеркивания этого слова, скрытого противопоставления его другим словам. Так, если в предпоследней синтагме наибольшее изменение основного тона придется на слово *обеденным*, то это будет намеком на то, что за обеденным столом детям играть не полагается. Синтагмы членятся на **фонетические слова**, в нашей транскрипции отделенные друг от друга пробелом. Каждое фонетическое слово характеризуется одним ударением. Фонетические слова состоят из слогов, слоги — из отдельных звуков. Понятия слога и фонетического слова настолько важны, что требуют специального рассмотрения.

Итак, отдельные звуки объединяются в слоги, слоги — в фонетические слова, фонетические слова — в синтагмы, синтагмы — в фразы. Но каждая более крупная единица не просто суммирует более мелкие, а добавляет к ним еще что-то. Русское слово *мой* [mɔi] не просто цепочка звуков [m + a + i], существенно также и то, что граница двух слогов проходит после [a], что второй слог звучит сильнее, чем первый. Иначе говоря, над цепочками отдельных звуков надстраиваются некоторые звуковые явления: всевозможные пограничные сигналы, ударение, движение основного тона и т. п., которые в совокупности называются **просодическими** (от греч. *προσῳδία* 'ударение') средствами языка.

§ 11. Слог

Мельчайшей звуковой единицей, которую можно произнести изолированно, является **слог**. Слоги существуют во всех языках, физиологический механизм образования слога относится к самым стойким навыкам речевой деятельности. Хотя среди лингвистов

нет единства в понимании слога, тем не менее можно сказать, что для слога характерна некая дуга акустической и мускульной интенсивности. В центре такой дуги находится вершина слога, которой предшествует и за которой следует понижение интенсивности. В русском слове *сок* вершина приходится на гласный, где и находится максимум мускульного напряжения. Обычно вершина слога заполняется гласным, но слогаобразующими могут быть и согласные (чаще сонанты)¹: чеш. *brva* ‘бровь’, *hrdlo* ‘горло’, др.-инд. *kṛṇá-* ‘черный’, *vṛka-* ‘волк’, англ. *little* [lit] ‘маленький’. Могут быть даже слова совсем без гласного: серб. *брз* ‘быстрый’, чеш. *vlk* ‘волк’, *hrst* ‘горсть’.

Слог, кончающийся на гласный, называется **открытым** (рус. *сестра*), если же слог кончается на согласный, он называется **закрытым** (узбекское *ёт-киз-мок* ‘укладывать’). Слоги с начальным согласным — прикрытые, с начальным гласным — неприкрытые. Так, в русском слове *ужин* первый слог открытый и неприкрытый, второй слог — закрытый и прикрытый.

В некоторых языках нет ограничений ни в типе слога, ни во внутренней его структуре; в них слог не играет большой роли. К таким языкам относятся, в частности, русский, английский, французский и множество других. Целый ряд языков допускает лишь открытые слоги, к ним относятся, например, полинезийские языки, о чем легко судить по названиям островов Тихого океана (Тонга, Са-мо-а, Ни-у-э, Ра-па-ну-и, Га-ва-йи, Ту-а-мо-ту).

Принцип открытых слогов когда-то господствовал в славянских языках. «Закон открытых слогов» интересен тем, что на его примере видно, как переход к новому типу структуры слога вызывал многочисленные фонетические изменения. Чтобы лучше понять суть этой перестройки, введем символы для некоторых классов звуков. Пусть символ А обозначает любой гласный, Т — шумный согласный, N — носовой согласный, R — плавный сонант [l] или [r]. Теперь должны были исчезнуть слоги типа TAN-ТА: носовой согласный исчез перед другими согласными, назализовав предшествующий гласный (**rep-te* > **реть* = ст.-сл. *пѣть*, см. с. 20). Что касается сочетаний типа TAR-ТА, то они устранялись по-разному в различных группах славянских языков (см. с. 297). Этот же закон вызвал отпадение древних конечных согласных, например старого окончания им. падежа -s: ст.-сл. *сынъ*, но лит. *sūnus*.

В отличие от полинезийских языков славянские языки тяготели к закрытым слогам. Перед начальными гласными в славянских языках часто появляются **протетические**² согласные [e-] > [je-] и изредка [o-] > [wo-] > [vo-]: рус. *еда* (ср. лат. *edō*), *восемь* (ср.

¹ В транскрипции обозначаются кружком под символом согласного.

² *Протеза* (от греч. *πρόθεσις* ‘приставка’) — появление дополнительного звука в начале слова.

ст.-сл. *осмь*), *вотчина* (т. е. 'наследное имение', от отца), но *отец*. Старые заимствования из европейских языков тоже получали начальный [j-]: *Европа*, *Елена*, *Елизавета*, *епископ*, *ересь* и т. д. В некоторых случаях результаты были различны в разных славянских языках. Начальный [a-] сохранялся в старославянском и превращался в [ja-] в остальных славянских языках: ст.-сл. *азъ*, рус. *я* [ja]; ст.-сл. *агньць*, рус. *ягненок*; ст.-сл. *агода*, рус. *ягода*; ст.-сл. *лице*, рус. *лицо*.

Уральские и тюркские языки в начале слога допускают лишь одиночный согласный. Заимствования с начальными сочетаниями согласных должны каким-то образом устраняться. Это может достигаться разными путями. Во-первых, лишние согласные могут просто отбрасываться. По такому пути шли прибалтийско-финские языки, заимствуя германские и славянские слова, ср.: финск. *leima* 'клеймо, печать', *gaakki* 'брак', *raja* 'граница' (< *край*), *Ranska* 'Франция', *Tukholma* 'Стокгольм', эст. *leib* 'хлеб', *rist* 'крест', *kool* 'школа', *gaamat* 'книга' (< *грамота*).

Во-вторых, между согласными может вставляться эпендетический¹ гласный. Такой гласный мы обнаруживаем в вышеприведенных чувашских примерах (см. с. 27). Эпентеза видна в венг. *barát* 'друг' (из слав. *братъ*), *király* [kíra:j] 'король' (из слав. *крьль*).

Протеза гласного перед начальными сочетаниями [sp-], [st-], [sk-] наблюдалась и в романских языках: лат. *schola(m)* 'школа' > исп. *escuela*, порт. *escola*, фр. *école*²; лат. *scribere* 'писать' > исп. *escribir*, фр. *écrire*; лат. *scūtum* 'щит' > исп., порт. *escudo*, фр. *écu* (также название монеты); лат. *spatha(m)* 'меч' > исп., порт. *espada*, фр. *épée*; лат. *strictum* 'узкий' > исп. *estrecho*, фр. *étroit*.

В большинстве языков мира слог, даже если он имеет определенную структуру, остается чисто фонетической единицей и не связан с планом содержания. Узб. *тўртинчи* 'четвертый' делится на три слога: *тўр-тин-чи*, а грамматически на две морфемы: *тўрт-инчи*. Русское *влезть* состоит из одного слога, но из трех морфем: *в-лез-ть*.

По-другому обстоит дело в языках слогового типа (вьетнамский, тай-чжуанские, большинство китайско-тибетских). Здесь слог совпадает с морфемой. Любое слово (или сочетание слов) имеет здесь столько же слогов, сколько морфем. Русскими буквами можно записать в одно слово название газеты «Жэньминьжибао». В нем четыре слога, а следовательно, четыре морфемы: *жэнь* 'человек', *минь* 'народ', *жи* 'день', *бао* 'газета'.

В слоговых языках слог строится по жестким правилам. Так, в китайском языке в слоге может быть максимально четыре звука:

¹ Эпентеза (от греч. ἐπέθεσις 'вставка значения') — вставка звука между двумя другими звуками.

² Во французском языке *s* в таких сочетаниях позднее обычно исчезал.

1) согласный, 2) неслогообразующий гласный, 3) слогообразующий гласный, 4) неслогообразующий гласный, или сонант. Из этих четырех звуков обязательным является третий. Следовательно, возможны слоги типа: *и* 'один', *ў* 'пять', *э́р* 'ухо', *ю́* 'правый', *шань* 'гора', *хуán* 'желтый' и т. п. При таких ограничениях в пекинском варианте китайского языка набирается чуть больше 400 разных слогов¹. Ясно, что 400 морфем слишком мало для языка. В какой-то мере этот недостаток компенсируется тонами. **Тонами** в лингвистике называют изменение интонации в пределах слога, благодаря которому различаются слова и грамматические формы. В китайском литературном языке четыре тона (табл. 5).

Таблица 5

Ровный	Восходящий	Нисходяще-восходящий	Нисходящий
<i>шй</i> 'стихи'	<i>шй</i> 'десять'	<i>шй</i> 'история'	<i>шй</i> 'рынок'
<i>вэнь</i> 'теплый'	<i>вэнь</i> 'письмена'	<i>вэнь</i> 'целовать'	<i>вэнь</i> 'спрашивать'
<i>янь</i> 'дым, табак'	<i>янь</i> 'язык, сказать'	<i>янь</i> 'глаз'	<i>янь</i> 'осматривать'

Могут быть языки и с бóльшим числом фонологических тонов. Например, во вьетнамском языке четыре тона, аналогичных китайским, но есть еще восходящий прерывистый и резко нисходящий. В некоторых китайских диалектах число фонологических тонов может доходить до десяти.

Кроме Китая и Индокитая тоновые языки широко представлены в Западной Африке.

§ 12. Фонетическое слово. Сингармонизм

Во многих языках между слогом и синтагмой располагается промежуточная единица фонетического членения речи — **фонетическое слово**. Эта единица в основном соответствует грамматическому слову.

Фонетическое слово выделяется прежде всего ударением, а также всевозможными пограничными сигналами, отделяющими его от других слов.

Там, где нет словесного ударения, фонетическое слово выделяется слабо или совсем не выделяется. Во французском языке, на-

¹ В языке со слабыми ограничениями на структуру слога разнообразие слогов очень велико (например, в английском языке потенциально допустимо более 20 тысяч слогов, а в русском — около 50 тысяч).

пример, ударным является последний слог синтагмы, почти нет сигналов о конце одного слова и начале другого. Французская поговорка *Petit à petit l'oiseau fait son nid* (дословно 'Мало-помалу птица строит гнездо') состоит из двух синтагм, заканчивающихся ударным слогом [pti-ta-pti / lwa-zo-fe-sə-ni], членение на слоги никак не согласуется с делением на грамматические слова. В языках, подобных французскому, изолированное слово и слово в речевой цепи способны звучать по-разному. На границах слов в потоке речи могут происходить всевозможные изменения (сандхи)¹. Первоначально эти изменения укладываются в правила комбинаторной фонетики (см. § 14), но со временем могут исчезнуть звуки, вызывавшие комбинаторное изменение, и тогда возникают самые прихотливые чередования, совершенно непонятные с синхронной точки зрения.

Рассмотрим в качестве примера некоторые чередования валлийского языка: 1) после предлога *â* 'с', после союза *a* 'и', после слов *ei* [i] 'ее', *tri* 'три' начальные глухие взрывные становятся щелевыми: изолированным *plat* 'тарелка', *ci* [ki] 'собака' и *cath* [kaθ] 'кот' в сочетаниях с указанными словами соответствуют *tri phlat* [flat] 'три тарелки', *ei chath* [xaθ] 'ее кот', *ci a chath* 'собака и кошка', *dun a chi* [xi] 'человек с собакой'; 2) после слова *fy* [və] 'мой' начальные звонкие взрывные становятся носовыми: *bwrdd* [burð] 'стол', но *fy mwrdd* 'мой стол', а глухие взрывные становятся носовыми придыхательными: *fy nghath* [ŋhaθ] 'мой кот'; 3) после многих слов, например, после *ei* [i] 'его', *dau* 'два', *dros* 'за, через' глухие озвончаются, а звонкие и *m* становятся звонкими щелевыми: *dau fwrdd* [vurð] 'два стола', *ei feddyg* [vedəg] 'его доктор' (отдельно было бы *meddyg*), *dros bont* 'за мостом' (отдельно было бы *pont*).

В русском языке фонетические слова четко выделяются благодаря ударению. На каждое фонетическое слово приходится одно ударение. Фонетическое слово может включать два грамматических слова, скажем предлог и существительное, глагол и частицу: *за водой* [zəvadój]², *пошел бы* [pəšólbi]. Безударное слово, стоящее перед ударным, называется **проклитикой**: нем. *an die Tafel* [anditá:fəl] 'к доске', англ. *in the house* [inðəháus] 'в доме'. Безударное слово, стоящее после ударного, называется **энклитикой**: рус. *дай-ка*, лат. *patri filioque* 'отцу и сыну' (здесь частица *-que* перетягивает ударение на предшествующий слог).

В русском языке ударение характеризует фонетическое слово, но не отмечает его границы (начало или конец). Последнюю функцию ударение выполняет во многих языках. В удмуртском языке ударение падает на последний слог слова, в венгерском и

¹ Термин «сандхи» (букв. 'соединение') взят из терминологии индийских грамматистов.

² В русском фонетическом слове ударение иногда падает на предлог: *из лесу, по воду*.

прибалтийско-финских — на первый слог. Следовательно, по месту ударения в этих языках можно всегда определить начало или конец слова.

Пограничными сигналами фонетического слова могут служить и другие звуковые явления. В русском языке шумные согласные, стоящие на конце слова, оглушаются. Даже если произносить два слова слитно, на конце первого слова звонкий превращается в глухой: князь *Олег* [kn'ás'al'ék], голубь *летит* [góluɐ'l'it'ít]. Значит, оглушение звонкого — пограничный сигнал конца слова в русском языке.

Фонетическое слово в тюркских языках характеризуется **сингармонизмом** (или гармонией гласных). Принцип сингармонизма можно сформулировать так: в зависимости от первого гласного органы речи настраиваются на переднюю или заднюю артикуляцию на всем протяжении слова. Например, казах. апа-муз-ға 'нашей матери' (дательный падеж), уј-іміз-ге 'в наш дом' (в данных примерах морфемы разделены дефисом). В корне первого слова — гласный заднего ряда, остальные гласные тоже заднего ряда, во втором слове первый гласный переднего ряда и остальные гласные тоже переднего ряда. Сингармонизм захватывает и согласные, что особенно ясно видно на примере заднеязычных: при передней артикуляции слова заднеязычный звучит как палатальный [k], [g], при задней артикуляции — как велярный [q], [g]: казах. іф-кіз 'напоить', но зат-қуз 'уложить'.

В киргизском языке сингармонизм охватывает не только признак ряда, но и признаки подъема и лабиализации.

Сингармонизм не ограничен тюркскими языками. Когда-то он широко был представлен в финно-угорских языках. Он чрезвычайно характерен для современного финского языка. Большинство аффиксов выбирает вариант с гласным переднего ряда или с гласным заднего ряда в зависимости от гласного корня. Так, суффикс имен деятеля встречается в словах: koululainen 'школьник', maalainen 'деревенский житель' (от maa 'земля'), suomalaisen 'финн'; но työläinen 'рабочий' (от työ 'работа'); venäläinen 'русский' (от Venäjä 'Россия').

§ 13. Ударение. Редукция

Выделение какого-либо слога из цепи слогов называется **ударением**. Употребляя этот термин, обычно имеют в виду словесное ударение, т. е. выделение слога в составе фонетического слова.

В языках мира в основном представлены два способа выделения слога: силовое (или динамическое) ударение и музыкальное ударение. Силовое ударение достигается более интенсивным произнесением ударного слога (при этом нередко происходит его

удлинении). Такой вид ударения наблюдается очень часто, например, в тюркских языках, в большинстве индоевропейских языков. Музыкальное ударение проявляется в том, что ударный слог выделяется интонационно (например, повышением основного тона). Таким было ударение в латинском, древнеиндийском языках. В языках с музыкальным ударением безударные гласные, как правило, не редуцируются. Музыкальное ударение может быть политоническим, т. е. ударный слог может иметь разные интонации¹ (лит. *aĩšti* ‘светать’ и *áušti* ‘мерзнуть’, *grōbis* ‘добыча’ и *grōbas* ‘ребро’). Разные интонации ударного слога находим в словенском языке, в некоторых диалектах сербохорватского, были они и в древнегреческом языке (в современном произношении не различаются): *φῶς* ‘свет’; *φῶς* ‘мужчина’; *χρῶμα* ‘цвет’; *ῥήτωρ* ‘оратор’.

Очень редко наблюдается количественное ударение, т. е. удлинение ударного слога без его усиления (например, в индонезийском, яванском языках).

В русском языке ударение может быть названо количественно-динамическим. Ударный слог отличается от безударного прежде всего длительностью, а затем уже большей интенсивностью.

Что касается места ударения, то в этом отношении языки разделяются на две большие группы: 1) языки с **фиксированным** ударением и 2) языки со **свободным** (разноместным) ударением.

В языках первого типа ударение падает на определенный слог относительно начала или конца слова². Ударение может быть на следующих слогах: первом — в чешском, словацком, латышском, чеченском, эстонском, финском, венгерском, дравидских языках; втором — например, в лезгинском; предпоследнем — в польском, суахили, зулу, горно-марийском, в кельтских языках, в большинстве индонезийских языков; последнем — в тюркских, французском, армянском, удмуртском, персидско-таджикском, нанайском.

В некоторых случаях место ударения зависит от долготы или краткости гласных. Так, в латинском языке ударение падает на предпоследний слог, если он долгий, а в противном случае — на третий от конца: *salūto* ‘приветствую’, *canīcula* ‘собачка’. В осетинском языке ударение падает на первый слог, если он сильный (долгий), и на второй слог в остальных случаях.

Фиксированное ударение служит пограничным сигналом для фонетического слова (в большинстве языков) или для синтагмы (например, во французском, осетинском).

¹ Для обозначения разных интонаций ударного слога используются диакритические значки: ‘ (акут), ˘ (циркумфлекс), ˘ (гравис).

² К языкам с фиксированным ударением мы относим также и такие, в которых отступления от общего правила связаны с определенной грамматической функцией.

К языкам со свободным ударением относятся, например, русский, литовский, мордовский, абхазский. В таких языках благодаря ударению могут различаться разные слова и формы слов. Так, в русском языке различаются *мука́* и *му́ка*, *засыпа́ть* и *засы́пать*, *руки́* и *ру́ки*. К языкам со свободным ударением можно отнести и английский язык: ср. *object* 'объект' и *objéct* 'возражать', *désert* 'пустыня' и *desért* 'покинуть, дезертировать'. Но чем меньше подобных пар, тем больше язык приближается к типу языков с фиксированным ударением. Например, в испанском и итальянском языках ударение в подавляющем большинстве случаев падает на предпоследний слог, хотя и здесь могут встречаться пары, различающиеся местом ударения: исп. *sánte* 'я пел бы' (сослагательное наклонение) и *canté* 'я пел' (прошедшее время). Почти фиксированное ударение наблюдается в немецком языке.

В языках со свободным ударением оно может быть **подвижным** или **неподвижным**. В русском, испанском, итальянском ударение подвижно: оно может падать на разные слоги в формах одного и того же слова. В английском языке ударение неподвижно, если оно падает на какой-то определенный слог в слове, то место его уже не меняется, какие бы аффиксы ни добавлялись к основе¹.

Силовое выделение одного слога в слове обычно сопровождается соответствующим ослаблением остальных слогов. Такое ослабление безударных слогов называется **редукцией**. Степень редукции сильно различается от языка к языку. В грузинском языке редукция не наблюдается, нет ее и в итальянском, очень слаба редукция в испанском. Напротив, в английском, немецком, датском безударные гласные крайне редуцированы.

Ослабление безударного гласного без изменения его качества называется **количественной** редукцией. Например, только количественно сокращаются русские гласные высокого подъема [i], [i], [u]. Качество ударного и безударного гласного почти совпадает в словах *пи́ли*, *мы́ши*, *бу́ду*. При **качественной** редукции меняется не только сила гласного, но и его качество.

Закономерности редукции часто связаны с качеством гласного, с его позицией по отношению к ударному гласному, с качеством соседних согласных. Например, в русском языке редукция слабее в предударном слоге и сильнее в других безударных слогах. В литературном языке в предударном слоге результат редукции различен после твердых и мягких согласных. После твердых здесь могут звучать [i] [u], [a], а после мягких — только [i], [u]:

¹ Различие подвижного и неподвижного ударения не имеет значения в языках с фиксированным ударением, ведь там место ударения определяется автоматически по общему правилу.

<i>быть</i> [bitʼ]	<i>бываютъ</i> [bivátʼ]
<i>пусть</i> [pustʼ]	<i>пустить</i> [pustʼitʼ]
<i>возим</i> [vózʼim]	<i>возить</i> [vazʼítʼ]
<i>платим</i> [plátʼim]	<i>платить</i> [platʼítʼ]
<i>пить</i> [pʼitʼ]	<i>питье</i> [pʼitʼjó]
<i>любит</i> [lʼúbʼit]	<i>любить</i> [lʼubʼítʼ]
<i>лечит</i> [lʼétʼit]	<i>лечить</i> [lʼitʼítʼ]
<i>пляска</i> [plʼáskə]	<i>пляши</i> [plʼiʃ]

В узбекском языке в максимальной степени редуцируются гласные высокого подъема, особенно в предударном слоге. Соседство щелевых и сонорных облегчает редукцию: *киши* [k(i)ʃe] ‘человек’, *кизил* [q(i)zil] ‘красный’, *булутли* [bul(u)tlɪ] ‘облачный’.

Полное исчезновение безударного гласного называется **синкопой**.

Сильное динамическое фиксированное ударение может вызвать очень серьезные изменения во всем строе языка. Так, германские языки в глубокой древности установили фиксированное ударение на корне слова. Это ударение было настолько сильным, что безударные гласные постепенно редуцировались до полного исчезновения. Первыми исчезали краткие гласные (особенно в закрытом слоге), затем и долгие. Германские языки можно расположить один за другим в порядке усиления редукции: 1) скандинавский («рунический»), готский; 2) древнеанглийский, древневерхненемецкий, исландский, шведский; 3) среднеанглийский, немецкий; 4) современный английский. Слово со значением ‘день’ звучит как двусложное *daȝarʼ* в руническом и как *dagur* в исландском, в остальных германских языках оно произносится в один слог: шведское *dag* [dā(γ)], английское *day* [dei]. В готском слово *пато* ‘имя’ произносится с долгим гласным во втором слоге, немецкое *Name* — с редуцированным нейтральным гласным во втором слоге [ʼпа:тə], в английском же это слово произносится в один слог — *name* [neim]. Последствия редукции конечных гласных очень велики, ведь конечные слоги часто служат грамматическими показателями (падежа, лица и т. п.), а значит, их отпадение ослабляет различение грамматических форм.

Столь же чревато последствиями фиксированное ударение на предпоследнем (или на третьем от конца) слоге, как, например, в латинском или древнеиранском. В результате редукции и отпадения безударных гласных ударный слог окажется последним в слове, а все слоги с бывшими окончаниями падежа исчезнут. Так и случилось в языках, с наибольшей силой проводивших эту тенденцию: из романских языков — во французском, а из иранских — в персидско-таджикском, ср.:

лат. ferru(m) ‘железо’	>	фр. fer [fer]
лат. ala(m) ‘крыло’	>	фр. aile [el]
лат. mittere ‘посылать’	>	фр. mettre [metr] ‘класть’
др.-перс. [xsājaθija] ‘царь’	>	тадж. <i>шоҳ</i>
др.-перс. [vazrka] ‘великий’	>	тадж. <i>бузург</i>
др.-перс. [nāma] ‘имя’	>	тадж. <i>ном</i>
др.-перс. [radi] ‘ради, для’	>	тадж. <i>-ро</i> (послелог прямого дополнения)

Во французском и в персидско-таджикском языках нет склонения существительных.

§ 14. Комбинаторная фонетика

Сталкиваясь в потоке речи, отдельные звуки могут влиять друг на друга, изменяться. Изменения звука, вызванные какими-то соседними звуками, называются **комбинаторными**. Рассмотрим в качестве примера судьбу латинских заднеязычных звуков в романских языках. Перед согласными и перед гласными заднего ряда заднеязычные [k] и [g] не менялись. Перед гласными переднего ряда они превращались либо в среднеязычные щелевые, либо в переднеязычные аффрикаты (свистящие или шипящие), а затем в переднеязычные щелевые (табл. 6):

$$\begin{array}{l}
 > \text{ʦ} > \text{s} \\
 \text{k} > \text{j} > \text{ç} > \text{z} \\
 > \text{ʃ}
 \end{array}$$

Таблица 6

Лат.	Ит.	Прованс. (также ст.-фр.)	Фр.	Исп.	Порт.
[k]	[tʃ]	[tʃ]	[s]	[θ]	[s]
[g]	[ç]	[ç]	[z]	[j], [x]	[z]
centu(m) ‘сто’	cento	cen	cent [sā]	ciento	cento
caelu(m) ‘небо’	cielo	cel	ciel [sjel]	cielo	ceo
gémere ‘стонать’	gemere	gemir	gémir	gemir	gemer
gelu ‘мороз’	gelo	gel	gel [zel]	yelo	gelo

Анализ артикуляции дает очень простое объяснение этому изменению. Под влиянием следующего гласного переднего ряда место артикуляции согласного сдвигается вперед. Артикуляции двух звуков (гласного и согласного) сближаются. Такой процесс называется **аккомодацией**. В данном случае последующий

звук влиял на предыдущий, такая аккомодация называется **регрессивной**.

Прогрессивная аккомодация наблюдалась, например, в английском языке при переходе [a] > [ɔ] после [w]: what ‘что’, was ‘был’, quatrel ‘ссора’, quality ‘качество’ и т. п. Губной согласный во всех этих словах способствовал огублению последующего гласного.

Комбинаторные изменения обычны при взаимодействии согласных. Разные возможности такого взаимодействия удобно рассмотреть на примере истории латинского слова homo (вин.п. homine(m)) ‘человек’. В романских языках homine(m) синкопировало послеледальный слог и превратилось в [omne]. Теперь согласные [m] и [n] оказались в непосредственном соседстве. Два носовых согласных различаются лишь местом образования. Еще один шаг, и они полностью уподобляются друг другу (например, во французском языке) [omne] > homme [ɔm]. Уподобление звуков одного рода (гласных гласным и согласных согласным) называется **ассимиляцией**¹. В данном случае происходила полная прогрессивная ассимиляция.

В том же слове в испанском языке наблюдалась обратная тенденция: из двух носовых в [omne] второй становился дрожащим, тем самым артикуляционно отдаляясь от первого носового. Происходило расподобление, или **диссимиляция**. Затем между [m] и [r] появился эпентетический [b]: [omne] > [omre] > hombre [ombre].

Ассимиляция обычна в самых разных языках, но реализация этого процесса происходит неодинаково. Латинское сочетание [kt] всегда изменяется в романских языках, но в испанском оно дает [tʃ] (взаимная ассимиляция), в итальянском [t:] (полная регрессивная ассимиляция), а в португальском [kt] > [jt] > [it] (ассимиляция по месту артикуляции сопровождалась диссимиляцией по способу образования преграды).

Латинский	Итальянский	Испанский	Португальский
nocte(m) ‘ночь’	notte	noche	noite
lacte(m) ‘молоко’	latte	leche	leite
octo ‘восемь’	otto	ocho	oito

Ассимиляция согласных всегда предполагает изменение какого-то признака артикуляции. В русском языке, например, действует регрессивная ассимиляция по звонкости/глухости. В комбинации двух шумных первый уподобляется второму по этому признаку: *излить*, но *истратить*; *борода*, но *бородка* [-tk-]; *сложить*, но *сделать* [zd’-]².

¹ Лат. assimilatio ‘уподобление’ само содержит в себе ассимиляцию. Префикс ad + основа simil (‘подобный’) дали assimil-.

² Эта ассимиляция не происходит перед [v, v’].

Прогрессивная ассимиляция по звонкости/глухости происходила в польском языке в сочетаниях глухой + звонкий щелевой. Польские *swój* ‘свой’, *twój* ‘твой’, *twarz* ‘лицо’, *kwiat* ‘цветок’ произносятся соответственно [sfuj], [tfuj], [tfaf], [kfʲat]. Поскольку перед гласными переднего ряда славянский г в польском превратился в з (на письме *gz*), в результате в ходе этой ассимиляции появились сочетания [pʲ], [tʲ], [kʲ], столь частые в польской речи: *Krzysztof* [kʲʃʲɪtɔf], *krzesło* [kʲjesʲɔ] ‘стул’, *krzyż* [kʲʃʲ] ‘крест’, *trzy* [tʲʃi] ‘три’, *strzyć* [sʲʃʲɪtsʲ] ‘стричь’, *prze-* [pʲʃe-] ‘пере-, пре-’, *przed-* ‘перед-, пред-’, *przy-* ‘при-’.

Регрессивная ассимиляция по звонкости/глухости наблюдается в латинском языке: *scribō* ‘пишу’, но *scriptus* ‘написанный’; *regō* ‘правлю’, но *rectus* ‘правильный’; *intēllegō* ‘понимаю’, но *intellectus* ‘рассудок’. Однако здесь к ней добавляется ассимиляция по месту и способу образования. В словах *inertia* ‘бездействие’ (от *ars* ‘занятие, искусство’), *inimicus* ‘враг’ (от *amicus* ‘друг’) отрицательный префикс *in-* стоит перед гласным, здесь ассимиляции быть не может. Но перед губными согласными [n] > [m], перед л [n] > [l], перед г [n] > [r]: *imprātiens* ‘нетерпеливый’, *impossibilis* ‘невозможный’, *illiterātus* ‘необразованный’, *ignationālis* ‘неразумный’.

Ассимиляция встречается и у гласных. Сингармонизм (см. с. 36) можно считать прогрессивной ассимиляцией гласных, ведь первый гласный предопределяет характер всех последующих гласных. Регрессивная ассимиляция гласных проявлялась в древних германских языках в процессе, который обозначается термином *умлаут* (нем. *Umlaut* ‘перегласовка’). Гласный заднего ряда превращался в гласный переднего ряда под влиянием [i] или [j] следующего слога:

др.-англ. *talū* ‘рассказ’ (совр. *tale*), но *tellan* (< **taljan*) ‘рассказывать’ (совр. *tell*);

др.-англ. *man* ‘человек’, но *men* (< **maniz*) ‘люди’;

др.-англ. *dōm* ‘судьба, суд’ (совр. *doom*), но *dēman* (< **dōmjan*) ‘судить’ (совр. *deem*);

др.-англ. *fōt* ‘нога’ (совр. *foot*), но *fēt* (< **fotiz*) ‘ноги’ (совр. *feet*);

др.-англ. *full* ‘полный’, но *fyllan* [-y-] (< **fulljan*) ‘наполнять’ (совр. *fill*).

Диссимиляция встречается сравнительно редко. Так, в народных (не книжных) русских словах с сочетанием *-чн-* происходит диссимиляция [tʃn] > [ʃn], ср.: *конечно* [kanʲɛʃnə], *нарочно* [narɔʃnə], *скучно* [skúʃnə] (но *конечный* [kanʲɛʃnʲij], *тучный* [túʃnʲij]). Когда-то в славянских языках произошла диссимиляция двойного [tt]: *месту* (< **met-ti*), *вести* (< **ved-ti*), *кладь* (< **klad-ti*). Особенно характерна диссимиляция для слов с двумя сонантами, ср.: лат. *arborē(m)* ‘дерево’ > исп. *árbol*; лат. *sanguine(m)* ‘кровь’ > исп. *sangre*; лат. *peregrinu(m)* > ит. *pellegrino*, откуда в конечном счете и рус.

пилигрим; рус. *февраль* < *феврарь*. На пути от лат. *marbor* ‘мрамор’ к англ. *marble* диссимилиация наблюдалась дважды: сначала во французском диссимилировали звуки [m] (*marbre*), а затем в английском диссимилировали плавные сонанты.

С одной стороны, скопления согласных (особенно в случае сонантов) могут изменяться и путем **метатезы**, т. е. перестановки согласных. Лат. *periculu(m)* ‘опасность’ > исп. *perigro*; лат. *gēpere(m)* ‘зять’ > исп. *уэто*. Другой способ «облегчить» произношение скопления сонантов заключается в эпентезе, т. е. вставке дополнительного согласного. При этом обычно наблюдаются переходы: [nr] > [ndr], [mr] > [mbr], [sr] > [str]: англ. *thunder* ‘гром’ < др.-англ. *Þunor* (ср. нем. *Donner*), фр. *tendre* [tādr] ‘нежный’ < лат. *tēnere(m)* (но исп. *тиэто* с метатезой), греч. *ἀμβροσία* ‘амброзия’, ‘пища бессмертных’ (префикс *a-* ‘без’ + корень *mr* ‘умирать’, ср. др.-инд. *amṛta-* ‘бессмертный’), рус. *сестра*, англ. *sister* (ср. др.-инд. *svasar*).

С другой стороны, скопления согласных могут облегчаться за счет *диэрезы* (греч. *διαίρεσις* ‘деление, раздел’), т. е. выпадения одного из согласных. Например, в русском языке *солнечный* [ln’-], но *солнце* [sónʹtsə]; *честь*, но *честный* [ʃ’ésniʃ]. Из пары одинаковых слогов может выпасть целый слог (гаплоглогия): ср. *знамено-сец* < *знаменоносец*.

§ 15. Фонетические законы

Фонетические изменения, регулярно происходящие в языке на данном этапе его развития, называются **фонетическим законом**. Подобные фонетические изменения делятся на **спонтанные** (или позиционно не обусловленные) и **позиционные**. И те и другие ограничены во времени, т. е. действуют в определенный период, а затем могут перестать действовать. Когда-то в английском языке действовал фонетический закон [sk] > [ʃ]. Любое слово, содержащее сочетание [sk], подчинялось ему. В исконных английских словах [ʃ] всегда происходит из [sk], о чем можно судить, сравнивая английские слова с соответствующими словами готского и исландского языков, где этот закон не действовал, ср. англ.: *sharp* ‘острый’ (др.-исл. *skarpr*), *ship* ‘корабль’ (гот. *skip*), *shower* ‘ливень’ (др.-исл. *skúr*), *fish* ‘рыба’ (гот. *fisks*), *wash* ‘мыть’ (др.-исл. *vaska*).

Но потом этот закон перестал действовать, в английский язык могли проникать новые слова со звукосочетанием [sk], и они уже сохранялись без изменения: *skill* ‘искусство’, *scalp* ‘скальп’, *score* ‘счет (очков)’ (из сканд.); *squirrel* ‘белка’, *scandal* ‘скандал’, *scout* ‘разведчик’, *screw* ‘винт’, *task* ‘цель’, *risk* ‘риск’ (из франц.); *sketch* ‘набросок’, *skates* ‘коньки’ (из гол.); *scale* ‘шкала’, *skeleton* ‘скелет’ (из лат.); *squadron* ‘эскадрон’ (из ит.).

В западных романских языках когда-то действовал фонетический закон, по которому одиночные глухие смычные озвончались между гласными (или после гласного и перед сонантом). Сравним латинские формы с соответствующими формами испанского, португальского, каталанского, провансальского языков: *sarğa(m)* 'коза' > *sabra*, *catena(m)* 'цепь' > *cadena*, *dracone(m)* 'дракон' > *dragon*, *vita(m)* 'жизнь' > *vida*. Когда этот закон перестал действовать, новые глухие смычные в звонком окружении уже не менялись, например: исп. *otro* 'другой' (< *alteru(m)*), *sara* 'плащ' (< *sarra*), *pesado* 'грех' (< *peccatu*); *mate* 'матовый' (из араб.).

Как видно из романских примеров, фонетические законы могут охватывать целые серии звуков. Изредка такие законы распространяются на всю систему согласных или гласных. Примером может служить фонетический закон, захвативший все долгие гласные английского языка (XVI—XVIII вв.), так называемый «великий сдвиг гласных». По этому закону [a:] > [ei], [ɛ:] > [i:], [e:] > [i:], [i:] > [ai], [ɔ:] > [ou], [o:] > [u:], [u:] > [au]. Именно этот фонетический закон объясняет большинство расхождений между звучанием и орфографией, отражающей старое произношение: *name* [neɪm] 'имя', *able* [eɪbl] 'способный'; *peace* [pi:s] 'мир', *meat* [mi:t] 'мясо'; *feet* [fi:t] 'ноги', *meet* [mi:t] 'встречать'; *my* [maɪ] 'мой', *wide* [waɪd] 'широкий', *road* [roud] 'дорога', *stone* [stoun] 'камень'; *moon* [mu:n] 'луна', *boot* [bu:t] 'сапог'; *round*¹ [raund] 'круглый', *house* [haus] 'дом'.

Различие спонтанных и позиционных фонетических законов довольно условно. Например, в узбекском языке старый тюркский гласный заднего ряда низкого подъема [a] несколько сузился: [a] > [ɔ] узб. *сокол* 'борода' (< [saqal]), *бой* 'богатый' (< [baj]), *китоб* 'книга' (ср. араб. [kitab]). Но конечный [a] этому изменению не подвергался: узб. *ота* 'отец' (< ata). Таким образом, это изменение можно считать спонтанным, но у него есть важное позиционное исключение.

Приведенный выше пример озвончения согласных в романских языках относится к позиционным изменениям. Здесь легче указать позиции, в которых происходило изменение, чем перечислять все позиции, где оно не происходило.

§ 16. Чередование звуков

В предыдущих параграфах рассматривались всевозможные позиционные фонетические изменения. Одни из них были связаны с положением в слоге или слове, другие — с соседством каких-то определенных звуков (комбинаторные изменения). Морфемы могут

¹ В среднеанглийском звук [u:] изображается буквосочетанием *ou* (как во французском).

попадать в самые разные положения, поэтому в языке возникают **позиционные чередования звуков**.

Правила таких чередований действуют в синхронной системе языка автоматически: попадая в те или иные позиции, звуки, входящие в состав морфем, чередуются вполне определенным образом.

Так, в русском языке в морфеме *под* наблюдаются чередования и гласного, и согласного. У гласного находим чередование [o]~[a]~[ə], связанное с редуцией: *поднял* [pódn'əl], *поднять* [padn'át'], *поднимать* [pədn'imát'].

Чередование согласного подчиняется формуле [d]~[t], глухой появляется перед следующим глухим (регрессивная ассимиляция): *подписать* [pəp'isát']. В английском языке находим чередование [z]~[s], где глухой появляется после глухого (прогрессивная ассимиляция): *lies* [laiz] 'лежит', *stands* [stændz] 'стоит', *sits* [sɪts] 'сидит'. В узбекском языке наблюдается чередование [b]~[p] не в начале слова, причем [b] выступает перед гласным, а [p] — в остальных случаях: *китоб* [kitóɓ] 'книга', *китоблар* [kitóɓlár] 'книги', *китобим* [kitóɓim] 'моя книга'.

Позиционные чередования звуков действуют в языке, пока жив соответствующий фонетический закон, вызывающий эти чередования. Оглушение звонкого шумного на конце фонетического слова — живой закон современного русского языка, и значит, в русском языке существует автоматическое чередование типа [d]~[t], [z]~[s], [g]~[k] и т. п.

Во многих случаях в языке может исчезнуть та причина, которая раньше вызывала позиционное чередование. Например, в русском языке когда-то действовал фонетический закон [tj] > [tʃ]. Если граница между морфемами проходила между [t] и [j], возникало чередование. В одних позициях морфема кончалась на *-t*, в других на *-tʃ*: *свет*, но *свеча* (< *svetja); *встретить*, но *встречать*; *катать*, но *качать*. В отличие от рассмотренных выше это чередование нельзя считать позиционным. С точки зрения современного русского языка нельзя объяснить, почему в слове *свеча* звучит [ч], ведь в том же корне перед *a* может звучать и [т] (*светать*, например). Причина, вызвавшая чередование, исчезла, а само чередование осталось. Такие чередования называются **историческими**.

Выше (см. с. 42) приводились примеры регрессивной ассимиляции гласных (умлаута) в древних германских языках. Соответствующий фонетический закон уже не действует, исчезла и причина фонетического изменения, но исторические чередования (тоже называемые умлаутом) широко представлены во всех германских языках современности: англ. *tell* 'сказать' и *tale* 'рассказ', исл. *mæla* 'говорить' и *mäl* 'речь', *fylki* 'область' и *folk* 'народ', нем. *Träger* 'носилищик' и *tragen* 'нести'.

Довольно часто исторические чередования используются в языке для различения грамматических форм, такие чередования называются **морфологическими**. В английском языке чередования, связанные с умлаутом, изредка используются в грамматике для различения единственного и множественного числа: англ. man [mæn] ‘человек’ и men [men] ‘люди’, tooth [tu:θ] ‘зуб’ и teeth [ti:θ] ‘зубы’. Число подобных примеров невелико, стройной системы они не образуют. Напротив, в немецком языке умлаут — одно из важных грамматических средств. Сотни существительных регулярно чередуют корневой гласный в формах единственного и множественного числа: Vater ‘отец’ (мн. ч. Väter), Bruder ‘брат’ (Brüder), Sohn ‘сын’ (Söhne), Braut ‘невеста’ (Bräute [ɔ̃]), Hand ‘рука’ (Hände).

§ 17. Фонема

Богатство звуков, создаваемое произносительным аппаратом человека, очень велико. Детальный экспериментально-фонетический анализ показал бы в любом языке сотни разных звуков. Но в языке это море звуков организуется в систему нескольких десятков фонем. Основной принцип выделения и анализа фонем формулируется так: *если в данном языке различие между двумя данными звуками позволяет различать разные слова или разные грамматические формы, эти звуки относятся к разным фонемам*. Это основной фонологический принцип. Как бы ни расходились фонологи в своих теориях, все они принимают это правило.

Самый надежный и убедительный путь выделения фонем заключается в анализе минимальных пар. **Минимальная пара** — это пара слов (или грамматических форм), которые различаются лишь одним звуком. Рус. *кот* и *тот*, нем. *Kante* ‘край’ и *Tante* ‘тетя’, англ. *call* [ko:l] ‘звать’ и *tall* [to:l] ‘высокий’, фр. *coute* [kut] ‘стоит’ и *toute* [tut] ‘вся’, тадж. *калон* ‘большой’ и *талон* ‘талон’ — все это минимальные пары, которые доказывают, что в этих языках есть фонологический контраст между [k] и [t] и, следовательно, /k/ и /t/ относятся к разным фонемам.

Не всякое звуковое различие является фонологическим. В русском языке можно слышать разное произношение слов *город*, *гулять*, *грубый* и т. п. Одно (литературное) произношение дает в начале этих слов взрывной [g], другое — шелевой [ɣ]. Это звуковое различие может кое-что сказать о самом говорящем (например, о месте, где он провел детство), но оно не используется для различения слов. Значит, эти звуки нельзя отнести к разным фонемам. Такие звуки, которые в данном языке могут заменить друг друга в любом положении, и при этом нигде не возникает различия смыс-

ла, называются **факультативными вариантами фонемы**¹. Факультативными вариантами одной фонемы являются увулярный /r/ и переднеязычный /r/ во французском языке.

В русских словах *медь* и *жест* слышатся разные гласные: в первом слове более закрытый [m'et'], во втором — более открытый [zest]. Во французском языке [e] и [ɛ] различают смыслы слов (*fée* [fe] «фея» и *fait* [fɛ] «факт»), но в русском языке не найдется минимальных пар, где все различие было бы сосредоточено в звуках [e] и [ɛ]; всегда к нему добавляется различие окружающих звуков. Звук [e] следует только за мягкими согласными, звук [ɛ] никогда не следует за ними. Если два фонетически близких звука ни разу не встречаются в одном и том же звуковом окружении, они являются **позиционными вариантами** (или **аллофонами**) одной и той же фонемы. Аллофоны могут осознаваться говорящими на языке, могут даже отражаться на письме в виде разных букв, но они не становятся от этого разными фонемами.

Показателен пример русских *и* [i] и *ы* [ɨ]. В русском языке эти разные звуки появляются в строго определенных позициях: [i] после твердых согласных: *мыть* [mit'], *жить* [žit'], а [ɨ] во всех остальных положениях (после мягких согласных, после паузы). В одних и тех же морфемах наблюдается позиционное чередование [i] ~ [ɨ]: *играть* [igrát'] и *сыграть* [sigrát'], *Ивану* [ivánu] и *к Ивану* [kivánu]. Следовательно, звуки [i] и [ɨ] — аллофоны одной фонемы.

Различие [l] и [ɾ] относится к числу самых распространенных фонологических контрастов, но в некоторых языках (особенно в языках Восточной Азии, во многих языках банту) такого фонологического контраста нет. Либо имеется только звук [l], как в языке зулу, либо только [ɾ], как в японском: *Рисубон* (= Лиссабон), *Рондон* (= Лондон), *Воруга* (= Волга). Если же встречаются и [l] и [ɾ], то они лишь позиционные варианты одной и той же фонемы. Например, в корейском языке [ɾ] появляется перед гласными и [h], а [l] — в остальных положениях: *тал* 'луна', но *тори* 'нога', *мал* 'лошадь', но *марян* 'фураж'.

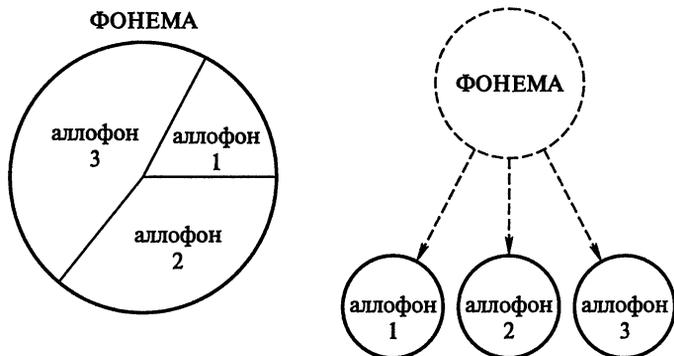
Группировка звуков в фонемы позволяет упростить описание языка: вместо многих сотен звуков лингвист теперь оперирует несколькими десятками фонем. Фонологическая транскрипция записывается в косых скобках, ср.: рус. *мыть* /mit'/, *жить* /žit'/, *медь* /m'et'/, *жест* /zest/.

Как уже отмечалось, фонология — такая лингвистическая дисциплина, где еще не достигнуто единство мнений по принципиальным теоретическим вопросам.

¹ В каком-нибудь другом языке различие [g] и [ɣ] может быть фонологическим. Например, в грузинском языке /g/ и /ɣ/ — разные фонемы (*gogí* 'вершок' и *ɣogí* 'клык').

Расхождение мнений особенно велико при определении самой сущности понятия «фонема». Крайние точки зрения на соотношение фонемы и ее аллофонов можно схематически выразить следующим образом (схема 2).

Схема 2

При первом подходе утверждается, что фонема есть класс звуков (аллофонов), фонологически контрастирующий с другими классами звуков. При втором подходе — фонема есть абстракция, которая лишь реализуется в звуках.

Группировка звуков в фонемы (или согласно второму подходу — выделение абстрактных фонем, стоящих за конкретными звуками) сопряжена с известными трудностями. Особую сложность для фонологического анализа представляют всевозможные звуки сложного образования (дифтонги среди гласных, аффрикаты среди согласных), где часто возникает проблема — считать сложный звук единой фонемой или сочетанием двух фонем. При решении подобных проблем принимаются во внимание критерии разного рода: чисто фонетические, фонологические (а иногда и грамматические). Так, при анализе дифтонгов можно учесть следующее фонетическое соображение: части фонемы не должны принадлежать двум разным слогам. Это соображение позволит нам утверждать, что в русском языке в слове *май* [maj] три фонемы, а не две. Ведь при изменении этого слова конечная часть дифтонга может перейти к следующему слогу: *мая* (род. пад.) [má-jə]. Напротив, в английском дифтонге [aɪ] вторая часть никогда не переходит к следующему слогу, ср.: *die* [dai] ‘умирать’ и *dying* [daɪ-ɪŋ] ‘умирающий’. Следовательно, это фонетический довод в пользу трактовки английского дифтонга как единой фонемы.

Фонологические соображения преобладают при анализе русских аффрикат, например [ts]. С точки зрения фонетики аффри-

каты можно представить как сочетание двух звуков — взрывного и щелевого: [t + s]. Однако для русского языка такая интерпретация была бы искусственной. Звук [ts] в словах *о цирке* звучит не совсем так, как в сочетании слов *от сына*; кроме того, [t] может появляться как перед [s'], так и перед [s], а аффриката [ts] никогда не палатализуется: *отсели* (прош. вр. глагола *отсесть*) [ats'él'i] и *цели* [atsél'i].

Меньшее значение имеют грамматические соображения: например, дифтонги часто чередуются с монофтонгами, а значит, выступают как единое целое: англ. told [tould] 'сказал' и tell [tel] 'сказать', shine [ʃaɪn] 'сиять' и shone [ʃon] 'сиял', speak [spi:k] 'говорить' и spoke [spouk] 'говорил'.

Из анализа дифтонгов и аффрикат можно сделать вывод, что **фонема есть мельчайшая фонологическая единица, способная следовать за другими фонологическими единицами**. Если в фонеме и могут выделяться следующие друг за другом части, то сами они фонологической роли не играют.

Большие трудности для анализа создают некоторые звуковые явления в слоге и слове. Узб. *кийик* [kijik] 'олень, антилопа' и *кийик* [qijiq] 'кривой, упрямый' различаются как согласными, так и гласным (в первом случае более передний, во втором случае более задний). Чему же приписать фонологическое различие: согласным или гласным? Считать ли, что здесь разные фонемы — /к/ и /q/, а гласные представляют собой аллофоны одной и той же фонемы; или считать, что здесь две гласные фонемы — /i/ и /i/, а согласные — позиционные варианты заднеязычной фонемы? Обычно принимают первую точку зрения, но нет безупречного довода в пользу такого выбора.

В русском языке, так же как и в узбекском, существуют пары слов, которые различаются и гласным, и согласным: *лук* [l'uk] и *лук* [luk], *лед* [l'ot] и *лот* [lot], *мать* [m'at'] и *мать* [mat'], *пил* [p'il] и *пил* [pil]. В конечном положении четко различаются твердые и мягкие согласные, причем это различие не зависит от соседних звуков: *пыл* — *пыль*, *вид* — *вить*. Следовательно, в любом случае для русского языка приходится признать твердые и мягкие согласные разными фонемами. Тогда в приведенных выше четырех парах мы будем считать, что фонологический контраст обусловлен согласным. Что касается гласных, то их мы будем считать аллофонами одной и той же фонемы, обусловленными предшествующими согласными. В этом случае фонемная запись рассмотренных пар выглядит так: /l'uk/ — /luk/, /l'ot/ — /lot/, /m'at'/ — /mat'/, /p'il/ — /pil/.

Пример русских мягких и твердых интересен еще в одном отношении: можно показать один из путей возникновения фонем. В древнерусском языке слова *есть* и *естъ*, *пыль* и *пыль*, *вонь* и *вонъ* произносились в два слога, на конце их звучал редуциро-

ванный гласный либо переднего [ь], либо заднего ряда [ъ]. Конечный гласный переднего ряда смягчал предшествующий согласный, но мягкость согласного сама по себе не отличала его от твердого согласного, она лишь сопровождала следующий гласный переднего ряда.

Лингвисты считают, что фонологический контраст был сосредоточен в гласных. Затем редуцированные гласные отпали, но мягкость предшествующего согласного сохранилась. Отныне различие мягкого и твердого согласного само по себе дифференцирует слова без всякой помощи гласных. Таким путем в языке возникли твердые и мягкие согласные фонемы.

Фонологический принцип может быть применен и к просодическим средствам языка. Например, для китайского языка необходимо выделить четыре фонемы тона, для русского — просодическую фонему ударности, которая различает смыслы слов *пили* и *пили́*, *лужу* и *лужу́* (наст. вр. глагола *лудить*) и т.п. Напротив, в языках со строго фиксированным местом ударения (французском, венгерском, латинском) нет соответствующих фонем, так как место ударения не различает смысл слов.

§ 18. Фонологические оппозиции

Звуковые различия, благодаря которым в данном языке различаются слова, называются **фонологическими оппозициями** (или противопоставлениями). Иначе говоря, фонологические оппозиции — это противопоставления фонем. Некоторые фонологические оппозиции многократно используются в языке. Например, оппозиция фонем /а/ и /о/ в русском языке различает множество пар слов: *палка* и *полка*, *дам* и *дом*, *там* и *том*, *ляг* и *лёг* и много сотен (а может быть, и тысяч) других. Эта оппозиция несет большую функциональную нагрузку. Фонологическая оппозиция /ts/ и /tʃ/ нагружена очень слабо; надо долго подыскивать минимальные пары типа *цех* — *чех*, *цедить* — *чадить*, *горец* — *горечь*¹.

Фонологические оппозиции можно классифицировать по самым разным признакам. Из всех видов фонологических оппозиций наибольшее значение имеют **пропорциональные** фонологические оппозиции, которые задаются пропорцией типа /b/ : /p/ = /d/ : /t/ = /z/ : /s/ = /ʒ/ : /ʃ/ = /g/ : /k/ (в тех языках, где есть фонологическое различие звонких и глухих). Пропорциональные оппозиции встречаются почти в каждом языке. Пропорциональную оппозицию образуют также английские, немецкие и турецкие пары: /b/ : /m/ = /d/ : /n/ = /g/ : /ŋ/.

¹ Любопытно, что в некоторых русских диалектах /ts/ и /tʃ/ фонологически не различаются. В них отмечается произношение *цай* вместо *чай* ('шюканье').

Фонологическая оппозиция, которая не находит себе эквивалента в других фонологических оппозициях того же языка, называется изолированной. Такова оппозиция /tʃ/ : /k/, /o/ : /i/ в русском языке или оппозиция /ŋ/ : /r/ в английском. Естественно, что пропорциональные фонологические оппозиции представляют большой интерес для фонолога, поскольку в них наблюдается известная регулярность.

С точки зрения фонологической системы языка главное в фонеме — ее способность отличаться от других фонем, т.е. возможность быть в оппозиции к другим фонемам. Две фонемы могут различаться целой совокупностью звуковых свойств, например фонемы /p/ и /f/ в самых разных языках. Есть фонемы, которые различаются только одним звуковым свойством, таковы в разных языках /t/ взрывной и /s/ щелевой, /b/ звонкий и /p/ глухой.

Минимальное звуковое различие, участвующее в фонологических оппозициях, называется **различительным** (или **дифференциальным**) **признаком**. Несколько дифференциальных признаков могут объединяться в какой-либо оппозиции. Так, во французском и немецком языках фонемы /i/ и /u/ противопоставлены друг другу сразу по двум дифференциальным признакам: ряду (передний — задний) и лабиализации (нелабиализованный и лабиализованный). Дифференциальный признак, взятый отдельно от конкретных фонем, обозначается парой антонимов, например: дифференциальный признак звонкий/глухой (или звонкость/глухость), дифференциальный признак смычный/щелевой и т.д. Если же дифференциальный признак выявляется у конкретной фонемы, то он обозначается одним из антонимов; например, говорят: /d/ обладает дифференциальным признаком звонкости.

Иногда звуковое свойство, используемое в данном языке как различительный признак, не является им у какой-то конкретной фонемы. В итальянском, английском, узбекском языках фонема /tʃ/ обладает фонологическим свойством глухости, поскольку она противопоставлена соответствующей звонкой фонеме /dʒ/; ит. *celare* 'скрывать' — *gelare* 'замораживать', англ. *chest* 'грудь' — *jest* 'шутка', узб. *чай* 'чай' — *жой* /dʒoj/ 'место'. Но в русском языке фонема /dʒ/ отсутствует, поэтому у фонемы /tʃ/ нет противопоставленной только ей звонкой фонемы, значит, и глухость фонемы /tʃ/ не является ее дифференциальным признаком. Звуковое свойство, не являющееся дифференциальным признаком фонемы, называется ее **интегральным признаком**.

Дифференциальные признаки — мельчайшие составные части фонологической структуры языка. Они не следуют друг за другом, а функционируют одновременно, объединяясь в более крупную единицу — фонему. Этим свойством одновременности дифферен-

циальные признаки отличаются от фонем, которые следуют друг за другом¹.

Пропорциональные дифференциальные признаки образуют **корреляцию**. В параграфах, посвященных классификации звуков, приводилось много примеров классификационных признаков, имеющих фонологическое значение. Речь шла именно о корреляциях: корреляции по звонкости/глухости, лабиализованности/нелабиализованности и т. п.

Во многих языках фонологические оппозиции в некоторых положениях теряют свою различительную способность. Например, различие звонких и глухих — важное фонологическое свойство русских согласных. Оно в полную силу проявляется в положении перед гласным (*дам — там*), перед сонантами (*дрова — трава*), перед [v], [v'] (*дверь — Тверь*). Положения, благоприятные для функционирования данной фонологической оппозиции, называются ее **сильной позицией**. Для фонологической оппозиции звонких и глухих есть и такие положения, в которых эта оппозиция перестает различать слова и формы. Такой **слабой позицией** является положение перед шумным согласным или на конце слова. Здесь фонетически не различаются *история* и *из тория* (химический элемент), *нож* и *нош* (род. п. мн. ч.). Потеря фонологической оппозицией своей различительной силы в слабой позиции называется **нейтрализацией**. В рассмотренном случае нейтрализация происходит в пользу глухого перед глухим шумным и на конце слова, но в пользу звонкого перед звонким шумным. Значит, анализируя фонему /t/, мы должны различать два случая. В словах *том, утро, коты* эта фонема находится в сильной позиции, здесь она может быть противопоставлена соответствующей звонкой, и глухость этой фонемы есть ее различительный признак. В словах *год, кот, отказ, накидка* фонема /t/ стоит в слабой позиции по звонкости/глухости, она не может быть противопоставлена звонкой, следовательно, ее глухость не является дифференциальным признаком. Некоторые фонологи предлагают для слабых позиций ввести термин **архифонема**, объединяющий нейтрализуемые фонемы. Тогда в слове [rok] придется принять конечную архифонему /k/ : /g/ и записать фонологически /rok/g /². Конечно, нейтрализация может встречаться не только у согласных. Так, во французском языке сильной позицией для фонологической оппозиции /e/ и /ɛ/ является конечное положение в слове: *tée* [te] 'чай' и

¹ Строго говоря, последнее касается сегментных фонем. Просодические фонемы могут накладываться на сегментные фонемы и в этом отношении напоминают дифференциальные признаки.

² Проблематика фонологической нейтрализации особенно волновала русских фонологов, поскольку в русском языке много слабых позиций и у согласных, и у гласных. Для некоторых языков (например, для китайского) эти проблемы большого значения не имеют.

tais [tɛ] ‘наволочка’. Во всех остальных случаях оппозиция /e/ и /ɛ/ нейтрализована: в открытом слоге выступает закрытый [e], а в закрытом слоге — открытый [ɛ], например: théorème [teorẽm] ‘теорема’, prefecture [prefektur] ‘префектура’.

Нейтрализуемые дифференциальные признаки особенно близки друг другу в фонологической системе языка.

§ 19. Фонологическая система языка

Совокупность фонем языка образует фонологическую систему. Сама сущность фонемы заключается в ее противопоставленности другим фонемам и, следовательно, уже предполагает наличие какой-то системы.

Специфический характер фонологической системы какого-либо языка складывается из трех характеристик: общего числа фонем; различных частных фонологических систем, или классов фонем, и их способности сочетаться друг с другом; системы дифференциальных признаков, правил нейтрализации. По числу фонем языки могут сильно отличаться друг от друга¹. В гавайском языке всего 13 фонем (5 гласных и 8 согласных), в языке игбо 67 фонем (8 гласных, 53 согласных и 6 фонем тона), в литовском языке 61 фонема (20 гласных, 39 согласных и 2 фонемы ударения).

В среднем число разных согласных фонем более чем вдвое превышает число разных гласных фонем. К этой средней величине близки литовский, бенгальский (14 гласных и 35 согласных), персидский (8 и 23), румынский (7 и 20), китайский (10 и 23) языки. От этой средней многие языки отклоняются в сторону преобладания согласных: узбекский (6 и 23), армянский (6 и 30), итальянский (7 и 35), грузинский (5 и 28), зулу (7 и 40), русский (5 и 35), рекордное число согласных в абхазском языке (2 гласные и 58 согласных). Такие языки называют **консонантическими**.

В некоторых языках число гласных может даже превосходить число согласных, например в эстонском (27 и 24), кхмерском (30 и 18), тайском (35 и 20). Такие языки иногда называют **вокалическими**.

Среди фонем языка выделяются отдельные классы, различающиеся по своей способности сочетаться друг с другом, занимать те или иные позиции в слоге и слове. Так, в русском языке выделяются четыре класса согласных (табл. 7).

Для древнейшего тюркского состояния характерны два основных класса согласных: 1) /p/, /t/, /s/, /tʃ/, /j/, /k/ /q/, которые

¹ Не следует придавать слишком большое значение точному числу фонем в том или ином языке. Расхождения в методах анализа иногда приводят к колебаниям цифр; например, для корейского оценки колеблются от 32 до 62.

Таблица 7

Класс согласных	Вызывают ли ассимиляцию по звонкости/глухости у предшествующего согласного?	Возможны ли в конечной позиции?
Глухие (15 фонем)	Да	Да
Звонкие (9 фонем)	Да	Нет
/V/, /v'/	Нет	Нет
Сонанты (9 фонем)	Нет	Да

встречались в любых позициях в слове, и 2) /m/, /n/, /ʃ/, /l/, /r/, /z/, /ʒ/, которые не встречались в начальной позиции в слове.

Классы лингвистических единиц, объединяемых по их способности сочетаться друг с другом, называются **дистрибутивными классами**.

Фонологические корреляции могут объединять фонемы в пары, тройки, четверки и т.д. Во многих языках согласные организованы попарно корреляцией по звонкости/глухости: /b/ — /p/, /d/ — /t/, /g/ — /k/ и т.д. Соединение двух дифференциальных признаков создает четверки, как, например, в русском языке, где добавляется корреляция по твердости/мягкости:

b — b'	v — v'	d — d'	z — z'
p — p'	f — f'	t — t'	s — s'

Все фонемы, входящие в такие четверки, в определенных условиях могут нейтрализоваться.

В индийских языках четверки смычных формируются дифференциальными признаками: 1) звонкий/глухой, 2) придыхательный/непридыхательный:

b — bh	d — dh	g — gh	ʒ — ʒh
p — ph	t — th	k — kh	ʃ — ʃh

В некоторых случаях господствует организация смычных фонем в тройки. Так обстоит дело в древнегреческом:

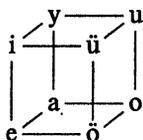
ph	th	kh
/ \	/ \	/ \
p — b	t — d	k — g

в грузинском:

b	d	dz	ʒ	g
/ \	/ \	/ \	/ \	/ \
P — p	T — t	Ts — ts	Tʃ — ʃ	K — k

Соединение корреляций изредка охватывает всю подсистему гласных. Пример стройной и симметричной организации подобного типа дает древнейшая система гласных в тюркских языках. Три корреляции (передний/задний, высокий/низкий, нелабиализованный/лабиализованный) теоретически должны дать $2^3 = 8$ фонем. Восьмифонемная система тюркских гласных может быть схематически изображена в виде куба¹ (схема 3).

Схема 3

Эта система восьми гласных фонем оказалась удивительно устойчивой. Она сохраняется (если не считать заимствованных слов) в турецком, кумыкском, казахском, каракалпакском, киргизском, туркменском, тувинском, якутском и некоторых других языках.

Иногда целые серии звуков меняют свою артикуляцию, но все фонологические контрасты сохраняются, совпадения фонем не происходит. Фонологическая система сохраняет в неприкосновенности свою способность различать слова языка. Замечательный пример такого передвижения дают германские языки.

Исключительное значение для германских языков имело первое передвижение согласных² — так называемый **закон Гримма**, включающий три серии изменений:

1) глухие взрывные стали глухими щелевыми:

$*p > f$, $*t > þ$ [θ]³, $*k > x$, h

англ. foam, нем. Feim	:	рус. пена, др.-инд. pñapa-
англ. fire, нем. Feuer 'огонь'	:	греч. πῦρ, тохар. roq
англ. three, нем. drei	:	рус. три, лат. tres
гот. þu, нем. du	:	рус. ты, лат. tu
нем. Hund 'собака'	:	греч. κύων, лат. canis;

2) звонкие взрывные стали глухими взрывными:

$*b > p$, $*d > t$, $*g > k$

англ. pool 'лужа'	:	рус. болото
англ. town 'город'	:	др.-ирл. dūn

¹ Мы отвлекаемся от различия долгих и кратких гласных.

² В немецком языке процесс повторился в меньшем масштабе (второе передвижение согласных, см. с. 286).

³ Германский [θ] > немецкий [d].

англ. to 'к'	:	рус. до
англ. knee, нем. Knie 'колени'	:	греч. γόνυ, лат. genu
нем. Acker 'поле'	:	лат. ager, греч. ἄγρός

3) звуки третьего типа (так называемые звонкие придыхательные) стали звонкими смычными (а в середине слова также звонкими щелевыми):

*bh > b, v *dh > d, ð *gh > g

англ. brow, нем. Braue	:	рус. бровь, др.-инд. bhrū
англ. mead 'напиток из меда'	:	рус. мед, др.-инд. mādhu
нем. Gans 'гусь'	:	рус. гусь, др.-инд. hāsā

Итак, глухие смычные, превратившись в щелевые, освободили место для звонких, которые теперь превратились в глухие, на освободившееся место звонких передвинулись звонкие придыхательные. Согласные фонемы передвигались как будто в фонетическом хороводе, сохраняя полный порядок и не наступая друг другу на ноги.

Фонологическая система может усиливать свою симметричность. Фонологические корреляции подготавливают место для новых фонем. Фонологическая система заполняет недостающие звенья (или лакуны). Например, русский язык на древнейшем этапе своего развития имел фонему /v/, но не имел фонемы /f/. Однако корреляция звонких и глухих как бы заготовила пустую клетку в таблице для фонемы /f/. Поэтому, когда в русский язык стали проникать слова со звуком [f] из греческого, а позднее и из западноевропейских языков, они сравнительно легко включились в систему: *февраль*, *фонарь*, *философ* (позднее *фунт*, *фартук*, *форма*, *фасоль* и т. п.). Корреляция по звонкости/глухости распространилась и на губные щелевые.

Напротив, греческий звук [θ] никак не укладывался в систему русских согласных и был заменен на [f]: *фимиам* (из θυμίαμα), *Фома* (из Θωμάς), *Федор* (из Θεόδωρος).

История развития фонологических систем изучена еще недостаточно. Фонологи пытаются найти законы эволюции фонологической системы, объяснить, почему в одном и том же языке система гласных может оставаться стабильной, а система согласных — сильно меняться (как в тюркских языках), в других же языках подвижны гласные фонемы, а согласные устойчивы (как в английском). Изучение фонологических систем в развитии поможет и в синхронном фонологическом описании, оно позволит разделить логические операции лингвистов, с одной стороны, и реальные закономерности языка — с другой.

Дополнительная литература¹

*Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. — М., 2002.

Уникальная книга замечательного лингвиста, сочетающая глубину теоретических воззрений с занимательностью изложения.

**Трубецкой Н. С. Основы фонологии. — М., 1960.

Обобщающий труд основателя фонологии. Книга вышла в свет (на немецком языке) еще в 1939 г.

***Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. — М., 2001.

¹ Знак *, предшествующий названию книги, указывает на степень трудности для читателя, впервые знакомящегося с лингвистикой.

ПИСЬМО

§ 20. Понятие о письме

Идею письма человечество открыло примерно пять тысяч лет назад. С тех пор роль письма неизменно возрастала. Письмо стало второй формой существования языка, удачно дополняющей первую (устную). Прогресс во всех областях жизни в значительной мере обусловлен существованием письма. По сравнению с языком в его устной форме письмо оказалось более эффективным средством передачи и хранения информации. Накопленные знания, записанные на бумаге или на другом материале, легче сохранялись в случаях стихийных бедствий, войн и других социальных катастроф. Даже в наше время, когда изобретены средства хранения звучащей речи, роль письма не уменьшается.

Существует два основных принципа письма: идеографический и фонетический. В идеографическом письме элементарные графические символы передают какой-то смысл. В фонетическом письме элементарные графические символы передают какое-то звучание. Внешний вид графических символов не связан с этими принципами, он зависит от социальных традиций, от материала для письма и от письменных инструментов.

§ 21. Идеографическое письмо

Идеографический принцип в чистом виде встречается в некоторых искусственных языках науки. Выражение $12 \times 7 = 84$ — образец применения идеографического принципа. Каждый элементарный символ (1, 2, 4, 7, 8, \times , =) передает здесь определенный смысл. Понимание этого выражения не зависит от языка читателя. Француз, русский и японец «озвучат» это выражение по-разному, но смысл его поймут одинаково. Элементарные символы могут соединяться друг с другом по правилам языка математики. Однако круг смыслов, передаваемых символами математики, ограничен. Столь же ограничены возможности символов химии и других наук.

Мы будем применять термин *письмо* для обозначения таких систем графических символов, которые носят универсальный характер и могут выразить то же содержание, что и обычный звуковой язык. Среди существовавших видов письма нет таких, где

использовался бы только идеографический принцип. Наряду с идеографическими написаниями всегда встречаются и написания фонетического типа.

Идеографическим будем называть письмо, в котором широко используется идеографический принцип. Элементарный или сложный символ, построенный по идеографическому принципу, будем называть **идеограммой**. К идеографическим системам относятся следующие виды письма: шумерское (позднее — аккадское, IV—I тысячелетия до н.э.), эламское (XXIII — IV вв. до н.э.), египетское (XXX в. до н.э. — V в. н.э.), хеттское (XV—VII вв. до н.э.), китайское (с XIII в. до н.э.), майя (IV—XVI вв.), ацтекское (до XVI в.).

Структуру идеографического письма удобно иллюстрировать на примере китайского письма. Древнейшие письменные памятники китайского языка уже включают очень большое число **иероглифов**¹.

В III в. до н.э. китайцы использовали более трех тысяч иероглифов. Самый большой словарь китайского языка (XVIII в.) включает более 49 тысяч иероглифов, современный язык использует примерно 10 тысяч иероглифов. Внешний вид иероглифов менялся с течением времени. Оттого что писали тушью на бумаге (или шелке), черты иероглифов постепенно приобретали свою характерную современную форму. Любой китайский иероглиф всегда соответствует слогу, совпадающему с морфемой (см. с. 33). Основу китайской письменности составляют несколько сотен идеограмм, восходящих к рисункам определенных предметов (табл. 8).

Другая группа включает иероглифы, восходящие к рисункам конкретных предметов, но обозначающие абстрактные понятия (табл. 9).

Однако численно преобладают сложные иероглифы, образованные путем сложения простых иероглифов², например: 木木 *лín* 'роща' ('дерево' + 'дерево'), 日月 *мин* 'ясный, светлый' ('луна' + 'солнце'), 門門 *шуань* 'засов' ('палка' + 'ворота'), 問問 *вэнь* 'спрашивать' ('рот' + 'ворота'), 女子 *хэо* 'любить, хороший' ('ребенок' + 'женщина'), 犬大 *фэй* 'лаять' ('собака' + 'говорить'). При этом соединяемые простые иероглифы могут несколько изменить свою форму. Так, иероглиф 人 *жэнь* 'человек', соединяясь с другими иероглифами, превращается в символ 亻, ср. 山 *сянь* 'отшельник' ('гора' + 'человек'), 田 *дянь* 'арендатор' ('поле' + 'человек'), 犬 *фу* 'пасть ниц' ('собака' + 'человек').

¹ Иероглифами (греч. ἱερογλυφικά γραμμάτια) греки называли символы древнейшего варианта египетского письма. В современной лингвистике этим словом часто обозначают символы идеографического письма.

² Поясняя состав сложных иероглифов, мы будем сначала указывать смысл правого (!) компонента, а потом смысл левого.

Таблица 8

Древнее написание	Смысл	Современное звучание	Современное написание
子	дитя, сын	цзй	子
木	дерево	мў	木
門	ворота, дверь	мэнь	門
口	рот	кóу	口
雨	дождь	юй	雨
犬	собака	цюань	犬
手	рука	шбу	手
田	поле	тянь	田
山	гора	шань	山
水	вода	шўй	水
日	солнце	жи	日
月	луна	юё	月
馬	лошадь	мǎ	馬
女	женщина	нйй	女

Как уже говорилось, число разных слогов в китайском языке ограничено. Множество слов, совершенно разных по смыслу, совпадают по звучанию (полностью или частично). Чтобы различать их в китайском письме, используется следующий прием. Один компонент сложного иероглифа (обычно правый) передает звучание, а второй компонент, или детерминатив, уточняет смысл сложного иероглифа. Иероглифом 木 мў 'дерево, деревянный' можно передать слог мў со значением 'мыться, купаться', но при этом слева добавляется символ 氵 — видоизменение иероглифа 水 шўй 'вода'. Так образуется сложный иероглиф 洗. Для этого приема обязательно полное совпадение двух слогов. Идеограмма 馬 мǎ

Таблица 9

Исходный смысл рисунка	Древнее написание	Смысл	Современное написание	Современное звучание
полумесяц		вечер		сй
солнце над горизонтом		рано		цзào
веер		не смей		ý
рот с дыханием		говорить		янь
стрела и мишень		середина		чжун
корень		корень		бэнь

‘лошадь’ используется как фонетический символ в соединении с детерминативом 女 *женщина*, образуя сложный иероглиф 女馬 *ма* ‘мама’. Еще более значительны фонетические различия в звучании идеограммы 王 *ván* ‘князь’, которая используется в составе иероглифов 狂 *куán* ‘бешеный’ (детерминатив — видоизменение иероглифа со значением ‘собака’), 皇 *хуán* ‘император’ (верхний детерминатив означает ‘белый’). Фонетические иероглифы дают возможность записывать слова, не имеющие смысла, например имена собственные.

Китайское письмо {21}¹, как и всякая идеография, обладает рядом недостатков. Число иероглифов очень велико, на их изучение уходит много сил и времени. Даже в массовых общедоступных газетах используется более тысячи иероглифов. Очень сложно и само написание иероглифов. Все это побуждало искать пути создания фонетического письма. С 1958 г. в Китае используется как вспомогательное средство латинский алфавит. Однако старая письменность по-прежнему доминирует. Дело в том, что при всех своих недостатках идеографическая письменность обладает одним существенным достоинством — она мало зависит от языка. Китайские иероглифы до сих пор широко используются в Южной Корее и Японии (когда-то они использовались и во Вьетнаме).

¹ Числа, взятые в фигурные скобки, в параграфах данной главы отсылают к приложению 3 «Образцы письма».

Так, иероглиф 山 со значением ‘гора’ по-китайски звучит *шань*, по-японски *яма*, по-корейски *сан*, но смысл его будет понят везде одинаково. Это свойство идеографии особенно важно для китайского языка с его диалектным разнообразием (см. с. 332). Китайское письмо является тем цементом, который скрепляет китайские диалекты в единое языковое целое.

Самостоятельные виды идеографического письма употреблялись раньше некоторыми народами Южного Китая: письмо лоло народа *и* (памятники с XIV в.) и письмо народа *нахи*, письмо *мяо* и письмо *яо*. Более 5000 иероглифов насчитывало тангутское письмо (XI—XIV вв.) на северо-востоке Тибета. Китайские иероглифы послужили основой для создания (в VIII в. н.э.) японского слогового (т.е. фонетического) письма — *канá*. Это письмо существует в двух вариантах: *катáкана* (ближе к начертанию китайских иероглифов) и *хирáгана* (‘ясная’) — более скорописное. Однако оба вида письма очень редко применяются самостоятельно (например, в детских книжках). Обычно знаки слогового письма перемежаются с иероглифами.

Идеографическим было также письмо Древней Месопотамии, изобретенное в городах Шумера в конце IV тысячелетия до н.э. Затем это письмо переняли семиты Вавилона и Ассирии, говорившие на аккадском языке, а еще позднее — эламиты и хетты, хурриты и урартцы. Внешний вид письма менялся в связи с материалом и орудием письма. Писали острой палочкой (стилем) на табличках из сырой глины, затем таблички обжигались и сохранялись очень долго. При такой технике письма черты первоначальных рисунков постепенно превратились в короткие прямые линии с треугольным утолщением. По форме символов месопотамское письмо называется клинописью¹ {2}.

Начало египетского письма тоже датируется концом IV тысячелетия до н.э. Надписи на стенах и колоннах храмов, на стенах коридоров и погребальных камер внутри пирамид сохраняли почти неизменной форму иероглифов на протяжении трех тысячелетий. Многие из иероглифов — стандартизованные рисунки людей, животных, предметов (иначе — пиктограммы). Отдельные иероглифы могли обозначать какой-то смысл (т.е. были идеограммами), могли обозначать два согласных, следующих один за другим, и даже одиночные согласные. Написания фонетические и идеографические переплетались друг с другом.

Наряду с иероглифическим письмом на камне в Египте существовала скоропись на папирусе, называемая иератическим письмом (от греч. *ιєратικός* ‘священный, жреческий’). Этот вид письма пережил иероглифы, просуществовав до III в. н.э., в конце

¹ Внешняя форма клинописи была заимствована двумя алфавитами: угаритским (XV—XIV вв. до н.э.) {3} и древнеперсидским (VI—IV вв. до н.э.) {4}.

концов он стал настолько сложным, что владеть им могли только жрецы. Иератику сменило демотическое письмо (от греч. δημοτικός 'народный'), еще более скорописное (VIII в. до н.э. — V в. н.э.). В иератике и демотике впервые строго закрепилось направление письма (справа налево) {1}.

Американские системы идеографического письма полностью еще не дешифрованы.

§ 22. История фонетических систем письма

Огромную роль в истории человеческой культуры сыграло возникновение финикийского письма (II тысячелетие до н.э.)¹. В отличие от египетской иероглифики и вавилонской клинописи финикийское (северносемитское) письмо не содержало идеограмм и слоговых знаков. Все символы соответствовали одиночным звукам, каждому отдельному звуку соответствовал только один символ. Такие символы называются **буквами**. Правда, в финикийском письме не было букв для гласных звуков, оно относится к **консонантным** системам письма. Каждая из 22 букв имела свое название², первый согласный названия буквы показывает ее чтение (например, если буква называется bet, то она читается как [b]). Финикийское письмо дает первый образец **алфавита**, т.е. строго упорядоченного перечня букв. Интересно, что в дальнейшем начертание и чтение букв могли меняться при их неизменном порядке. Финикийцы писали справа налево {5}. (См. табл. 10.)

Финикийское письмо употреблялось в финикийских колониях до первых веков н.э. С XII в. до н.э. оно проникло на восток — во внутренние районы Сирии и Палестины. Сейчас единственный прямой наследник древнего финикийского алфавита — самаритянское письмо {6}, используемое небольшой группой (несколько сотен человек) последователей самаритянской религии. Значение финикийского письма состоит в том, что от него происходят почти все современные алфавиты мира. Все эти алфавиты можно сгруппировать в три основные ответвления: южное, восточное и западное.

Южная ветвь финикийского письма представлена многочисленными надписями на Аравийском полуострове, особенно надписями Сабейского царства в нынешнем Йемене (I тысячелетие до н.э.). К сабейскому письму восходит современное эфиопское письмо (с IV в. н.э.). В эфиопском алфавите порядок букв и их

¹ Финикийское письмо не было самым древним фонетическим письмом. Во II тысячелетии до н.э. существовали также угаритское письмо, разные виды критского слогового письма. Однако они не дали продолжений.

² Некоторые названия представляют собой обычные слова языка: bet 'дом', dalet 'дверь', kaf 'ладонь', 'ajin 'глаз', re 'рот', nun 'рыба' и др.

Эволюция алфавитов

Финикийский: звучание название буквы	𐤀 ʔ ʔalef	𐤁 b bet	𐤂 g gimel	𐤃 d dalet	𐤄 l lamed	𐤅 m mem	𐤆 ʕ ʕajin
Самаритянский	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆
Сабейский	𐩇	𐩈	𐩉	𐩊	𐩋	𐩌	𐩍
Эфиопский	አ	በ	ገ	ደ	ረ	መ	ሰ
Арамейский	ܐ	ܒ	ܓ	ܕ	ܘ	ܘ	ܘ
Еврейский	א	ב	ג	ד	ה	ו	ז
Арабский куфический	ا	ب	ج	د	هـ	و	ز
Арабский современный	ا	ب	ج	د	هـ	و	ز
Сирийский	ܐ	ܒ	ܓ	ܕ	ܘ	ܘ	ܘ
Пехлеви	𐭀	𐭁	𐭂	𐭃	𐭄	𐭅	
Армянский	ա	բ	գ	դ	լ	վ	ո
Грузинский (хуцури)	ჱ	ჲ	ჳ	ჴ	ჵ	ჶ	ჷ
Грузинский (мхедрули)	ა	ბ	გ	დ	ე	ვ	ზ
Греческий (древнейший, VI в. до н.э.)	Α	Β	Γ	Δ	Ε	Ζ	Ο

названия не совпадают с финикийским. Этот алфавит принят для мертвого языка геез и для языков христианских народов Эфиопии (амхарского, тигре и тигринья) {7}.

Родоначальник восточного ответвления — **арамейский** алфавит, широко распространенный на Ближнем Востоке с VII в. до н.э. {8}. Именно более простое арамейское письмо окончательно вытеснило вавилонскую клинопись. В I тысячелетии н.э. видоизменения арамейского письма, связанные с той или иной религией, создавались как на Ближнем Востоке, так и далеко за его пределами (в Иране, Средней и Центральной Азии).

В первых веках нашей эры на основе арамейского алфавита сложилось **еврейское** «квадратное» письмо («квадратным» оно называется потому, что начертание буквы укладывается в мысленный квадрат) {10}, которое используется евреями разных стран (независимо от языка, будь то иврит, идиш или какой-либо другой).

К арамейскому письму восходит набатейское письмо (II в. до н.э. — IV в. н.э.), которым пользовались арабы Северной Аравии. Набатейское письмо важно тем, что от него происходит арабский алфавит (с VI в. н.э.). Благодаря исламу арабский алфавит надолго

стал единственным видом письма мусульманских народов¹. Древнее начертание арабских букв очень отличается от современного. Некоторые древние разновидности арабского алфавита (например, куфический шрифт) до сих пор применяются в орнаментальных целях {12}. Множество современных почерков развилось из скорописи, где сокращались вертикальные элементы начертаний букв и удлинялись левые соединительные элементы. Скорописный характер письма привел также к тому, что одна и та же буква пишется по-разному в начале, в середине и в конце слова {13}.

Арамейцы-христиане создали особое **сирийское** письмо {11}, которым до сих пор пользуются носители новоассирийского языка. Другие ответвления арамейского письма возникали за пределами Ближнего Востока. Еще во II в. до н.э. в Парфии возникло письмо пехлеви {14}, просуществовавшее до арабского завоевания. Особый вариант пехлевийского алфавита был использован для записи Авесты и до сих пор применяется парсами {15}. Явно под греческим влиянием в этом алфавите появились буквы для гласных. По всей вероятности, к какому-то варианту пехлевийского алфавита восходит и армянский (с V в. н.э.) {16}. Здесь влияние греческого языка проявилось еще сильнее: не только были введены буквы для гласных, но и само направление письма изменилось — стали писать слева направо.

В I тысячелетии н.э. в Средней и Центральной Азии широко использовался согдийский алфавит² {18}. К согдийскому алфавиту прямо восходит уйгурский алфавит (с VIII в.). Большинство уйгуров перешло на арабский алфавит в XII в., но часть их продолжала пользоваться уйгурским письмом до XIX в.³ В свою очередь, уйгурский алфавит дал начало монгольскому письму (с XIII в.) {20}, особыми вариантами которого можно считать маньчжурское и старое калмыцкое письмо (с XVII в.).

В конечном счете к арамейскому письму восходит письмо **брахми** (IV в. до н.э.), ставшее родоначальником индийских алфавитов {22}. Брахми и остальные индийские алфавиты значительно совершеннее других азиатских ответвлений финикийского алфавита, они опираются на индийскую лингвистическую традицию с ее прекрасным знанием фонетики. К брахми восходит много десятков алфавитов Южной и Юго-Восточной Азии. При появлении письменности на том или ином языке, как правило, создавался новый, особый алфавит на основе уже имевшегося алфавита соседнего народа. Несмотря на разнообразие начертаний меж-

¹ В XX в. арабский алфавит был заменен русским у народов СССР, латинским — в Турции, частично в Китае и Индонезии.

² Согдийское письмо и письмо пехлеви, возможно, повлияли на тюркское Орхон-енисейское письмо (VIII—X вв.) {19}.

³ Уйгурское письмо (и восходящие к нему алфавиты) сменили направление письма на вертикальное (сверху вниз).

ду индийскими алфавитами {23—30}, обычно существуют регулярные соответствия в буквах. В этих видах письма направление обычно слева направо. Из индийских алфавитов особенно важен **деванáгари** (с VII в. н.э.), ставший основным видом письма для санскрита, используется он и в нескольких живых языках (хинди, маратхи, непали, гонди, мунда) {23}. Алфавиты индийского происхождения вышли за пределы самой Индии. К ним относятся тибетский {31}, монский, бирманский {33}, тайский {34}, лаосский, кхмерский {35}, яванский и др. Различный материал для письма иногда приводил к существенному изменению написания, ср. декоративный яванский текст {36} и упрощенные начертания батакского {38} и бугийского {39}, для двух последних видов письменности материалом служила древесная кора.

§ 23. Греческий алфавит и его производные

Западное ответвление финикийского письма возглавляет **греческий** алфавит (с X в. до н.э.), который по форме, порядку и названиям букв близок к финикийскому, однако в нем есть одно принципиальное отличие. Финикийские буквы, обозначающие некоторые звуки, чуждые греческому языку, греки использовали для обозначения гласных и тем самым создали первый в истории подлинный алфавит. Отныне в европейских алфавитах были буквы и для согласных, и для гласных. С V в. до н.э. в греческом письме принято направление слева направо. Окончательное начертание букв греческого алфавита установилось к IV в. до н.э., позднее из скорописных вариантов прописных букв постепенно развились строчные {40—42} (табл. 11).

От греческого алфавита произошло много других алфавитов древности: ликийский, лидийский, фригийский, карийский в Малой Азии (с VII в. до н.э.), коптский в Египте (со II в. н.э.) {43}, готский на Балканах (с IV в. н.э.). С VIII в. до н.э. в Италии существовало этрусское письмо (тоже восходящее к греческому), давшее начало множеству итальянских алфавитов¹, один из которых — **латинский** алфавит (с VI в. до н.э.) {45} постепенно вытеснил все остальные алфавиты Италии. Возвышение Рима привело к победе латинского алфавита в Западной Европе. Благодаря католичеству это письмо утвердилось у германцев и у части славян. Как и в случае с греческим языком, наряду со старыми начертаниями, используемыми в надписях на камне (**маюскул**), развиваются рукописные курсивные начертания (**минускул**). В совре-

¹ К одному из вариантов этрусского письма, вероятно, восходит германское руническое письмо (письменные памятники с III в. н.э.) {46}, которое в результате христианизации уступило место латинскому.

Эволюция европейских алфавитов

Фини- кийский	Греческий ¹	Латин- ский	Глаго- лица	Кирил- лица ²
Ⲁ 'alef [ʔ]	Αα alpha [a]	A	ⲁ	А (аз)
Ⲃ bet [b]	Ββ beta [b] > [v]	B	Ⲃ	Б (буки)
			Ⲅ	В (веди)
Ⲅ gimel [g]	Γγ gamma [g] > [ɣ]	C [k], G [g]	Ⲅ	Г (глаголь)
Ⲇ dalet [d]	Δδ delta [d] > [ð]	D	Ⲇ	Д (добро)
Ⲉ he [h]	Εε e psilon [ɛ]	E	Ⲉ	Е (есть)
			Ⲋ	Ж (живете)
Ⲑ zajin [z]	Ζζ zeta [dz] > [z]	Z	Ⲑ	З (земля)
Ⲓ het [h]	Ηη eta [ē] > [i]	H	Ⲓ	И (иже)
Ⲕ Tet [T]	Θθ theta [tʰ] > [θ]		Ⲕ	Ⲕ (фита)
Ⲗ jod [j]	Ιι iota [i]	I	Ⲗ	І (и)
Ⲙ kaf [k]	Κκ kappa [k]	K	Ⲙ	К (како)
Ⲏ lamed [l]	Λλ lambda [l]	L	Ⲏ	Л (люди)
Ⲑ mem [m]	Μμ my [m]	M	Ⲑ	М (мыслете)
Ⲓ nun [n]	Νν ny [n]	N	Ⲓ	Н (наш)
Ⲕ samex [s]	Ξξ ksi [ks]			
Ⲇ 'ajin [ʔ]	Οο o mikron [o]	O	Ⲇ	О (он)
Ⲉ pe [p]	Ππ pi [p]	P	Ⲉ	П (покой)
Ⲋ qof [q]	{Ϟ κορρα}	Q		
Ⲍ re [r]	Ρρ ro [r]	R	Ⲍ	Р (рцы)
Ⲏ jin [ʃ]	Σσς sigma [s]	S	Ⲏ	С (слово)
			Ⲑ	З (зело)
Ⲕ taw [t]	Ττ tau [t]	T	Ⲕ	Т (твердо)
Ⲇ waw [w]	Υυ upsilon [y] > [i]	V	Ⲇ	У (ижица)
	{Ϝ digamma [w]}	F		У (ук)
	Φφ phi [pʰ] > [f]		Ⲇ	Ф (ферт)
	Χχ khi [kʰ] > [x]		Ⲇ	Х (хер)

¹ Греческий алфавит замыкали Ψψ psi [ps] и Ωω ѱега [ō]. Буквы, взятые в фигурные скобки, довольно рано вышли из употребления.

² Кроме того, в славянское письмо кириллицу были введены буквы Ц (цы), Ч (червь), Ш (ша), Щ (ща), Ъ (ер), Ы (ерь), Ь (ерь), Ў (ять), А (юс малый), Ж (юс большой) и йотированные буквы К (е), Ю (ѣ), Я (я).

менном латинском письме маюскульные начертания сохранились у прописных букв. При наличии одних и тех же букв могли возникать разные начертательные варианты латинского алфавита¹, примером может служить старое ирландское письмо {46} или **готический**² шрифт {47}. Последний преобладал в Западной Европе в XII—XV вв., а в Германии сохранялся до XX в. Однако с XIV в., начиная с Италии, все больше распространяется **антиква**, к которой мы все привыкли.

Великие географические открытия и колониальные захваты распространили латинское письмо по всем континентам. Сейчас латинский алфавит — самый распространенный на Земле вид письма. Он используется в сотнях языков мира, обладающих самой разной структурой.

Последним по времени ответвлением греческого алфавита было славянское письмо, созданное в IX в. Первоначально это письмо имело два варианта: **глаголицу** и **кириллицу**, названную по имени создателя славянской письменности Кирилла. Эти варианты славянского письма резко расходились начертаниями букв (кириллица была близка к греческому). Постепенно глаголица вышла из употребления, кириллица же оставалась письмом народов Восточной Европы, исповедовавших православие {49}. В начале XVIII в. по указу и при участии Петра I на основе кириллицы было создано **русское** (гражданское) **письмо**, в котором начертания букв были упрощены и приближены к латинским. С тех пор русское письмо было принято и южными славянами (болгарами, сербами, македонцами).

Русское письмо получило распространение у многих народов России {50}. В советское время для ранее бесписьменных языков народов СССР, а также для языков с арабской графикой сначала были созданы алфавиты на латинской основе, а в конце 30-х годов они были заменены алфавитами на русской основе.

Таким образом, подавляющее большинство ныне существующих алфавитов восходит к одному источнику — финикийскому алфавиту. За пределами этого круга алфавитов остается несколько систем фонетического письма. Грузинское письмо возникло в первой половине I тысячелетия н.э. Существует два основных варианта: *хуцури* ('церковное') и *мхедрули* ('военное', т.е. нецерковное, светское) {17}. Остается неясным, связаны ли оба алфавита с восточным ответвлением финикийского письма. В I тысячелетии н.э. на Кавказе (на территории современного Азербайджана) существовал еще один алфавит — албанский, в VIII в. уступивший свое место армянскому.

¹ Графический вариант алфавита называется *пошибом* (!), для арабского письма в том же значении охотнее используют слово *почерк*.

² Не путать с готским!

В XV в. совершенно самостоятельно возник корейский алфавит *онмун* (т. е. 'народное письмо'). Однако только в XX в. этот алфавит получил всеобщее распространение, до этого он использовался лишь для низших жанров литературы. В Южной Корее этот алфавит сочетается с иероглифами, в Северной Корее применяется только корейский алфавит {21}.

Столь же независимыми были некоторые алфавиты, разработанные в XIX в. для некоторых языков Америки, Африки, Восточной Азии. Как правило, буквы таких алфавитов имеют четкие геометрические начертания {51}. Впрочем, геометрические начертания обычны и в некоторых традиционных видах письма, например в письме *тифинаг* {53}, употребляемом туарегами и восходящем к древнему нумидийскому алфавиту {52}.

§ 24. Структура фонетических систем письма

Общая черта всех фонетических систем письма состоит в том, что графический символ, или **графема**, соответствует какой-то определенной единице звучания. В некоторых видах письма одна графема может объединять несколько вариантов, или **аллографов**. Например, в европейских системах письма различаются прописные (заглавные) и строчные буквы. В начале предложения и в начале имен собственных используется прописной вариант, в других позициях — строчной¹. В некоторых языках аллографы соответствуют разным позициям в слове или соседствуют с какими-то другими графемами. Например, в греческом языке графема сигма представлена двумя аллографами: ς используется в конце слова, σ — в других позициях. Позиционные аллографы чрезвычайно характерны для арабского письма. Почти каждая буква в нем имеет разные варианты в начале, середине и конце слова.

В зависимости от того, чему соответствуют графемы (фонемам или слогам), фонетические системы письма распадаются на две большие группы.

В **слоговых** системах письма графема соответствует слогу. Например, японская кана включает 48 графем, каждая из которых обозначает определенный слог (ta, ti, tu, to, te и т. п.). Японский алфавит обходится сравнительно небольшим числом графем, чему способствуют особенности фонологии японского языка, в частности сравнительно небольшое число разных слогов. В слоговой письменности чероки 85 графем, а в письменности языка ваи (Либерия) даже 226.

¹ В немецком языке прописной аллограф используется также в начале любого существительного. Впрочем, способность прописных и строчных букв различать смыслы позволяет рассматривать их и как графемы.

Есть системы письма, стоящие на полпути от слоговых к звуко-буквенным. Такова, например, тюркская орхонская письменность с 54 графемами, из которых одни соответствуют слогу, а другие — отдельному звуку.

В **звукобуквенных** системах письма господствует принцип «графема соответствует фонеме (звуку)». Выше уже говорилось о том, что семитские алфавиты были несовершенны: отдельными буквами в них обозначались только согласные. Хотя принцип обозначения гласных был открыт греками еще за много веков до нашей эры, семитские алфавиты не использовали этого открытия¹. Потребность в точности передачи звучания привела к окольным способам обозначения гласных. Самый старый способ заключается в том, что гласный (обычно долгий) передается буквой для согласного. Так, в иврите слово [su:s] ‘лошадь’ записывается sws, в арабском [kīs] ‘мешок, кошель’ — как kjs, слово [qan] ‘рог’ — как qn, его форма мн. ч. [qun] записывается qwn. Такие буквы назывались у европейских ученых *matrēs lectionis* (буквально ‘матери чтения’).

Второй способ обозначения гласных состоит в использовании всевозможных **диакритических значков** (точек, черточек и т. п.) над буквами, под буквами и даже между буквами. Тексты с такими диакритиками называются **огласованными**. Это в основном стихи, книги для детей и печатные издания Библии и Корана.

По третьему пути пошло эфиопское письмо. Для обозначения гласных оно использовало черточки у самих букв или несколько видоизменяло общее начертание буквы. Если считать, что такие модификации стали особыми буквами, число букв возросло с 26 до 182, а эфиопское письмо перешло к слоговому типу. Аналогичным путем несовершенное монгольское письмо было реформировано в калмыцкое, в котором стало 105 графем.

Полуслоговой характер носят индийские (и происходящие от них) алфавиты. В этих системах письма согласные буквы обозначают сочетание согласного звука с гласным [a]. Если дальше следуют другие гласные, то согласная буква обозначает только согласный звук, если же надо обозначить одиночный согласный без последующего гласного, под буквой ставится особый значок. Гласные обозначаются полностью в начале слова, в остальных позициях претерпевают всевозможные изменения. Например, в деванагари слово *uranījad* (название группы философских текстов) пишется **उ॒रानि॑षद्**. Буквы как будто подвешены к горизонтальной черте. Первая буква — u, вторая — ra, третья буква — i: (она всегда пишется перед тем согласным, за которым произносится),

¹ Этому могли мешать внешние причины. Текст священных книг (например, Библии) считался неприкосновенным, даже орфографию его нельзя было менять.

четвертая буква обозначает *n*, пятая — *ʃa* и последняя — *d*, под которой стоит значок, указывающий на отсутствие гласного.

Некоторые южноазиатские системы письма для передачи сочетаний согласных широко используют **лигатуры**, т. е. сцепления двух (или даже трех) букв в единый комплекс. Например, в деванагари слово *ʃandra* 'луна' записывается चंद्र, второй символ представляет собой лигатуру букв च *n*, द *d* и र *r* г. Иногда лигатуры настолько отличаются от соединившихся букв, что их можно считать особыми графемами. Комплексы графем достигли наибольшей сложности в тибетском письме¹.

В подлинных алфавитах число графем совпадает с числом фонем. Однако полностью этот принцип проводится редко (например, в грузинском письме). Письмо часто складывается стихийно (или заимствуется), оно может оказаться более консервативным, чем фонологическая система. Яркий пример — латинский алфавит в применении к английскому языку. Но некоторые виды письма отходят от фонологического принципа, передавая отдельные аллофоны, чем достигается большая точность произношения. Такой «фонетический» крен характерен для индийских систем письма.

Расхождение между числом графем и числом фонем может несколько уменьшаться за счет четырех приемов приспособления какого-то старого алфавита к новому языку. Во-первых, придумываются новые буквы (например, буквы *ц, ч, ш* и т. д. в славянском алфавите). Во-вторых, несколько изменяются буквы исходного алфавита (например, греческая буква «бета» расщепилась на *б* и *в* в славянском письме, а буква «гамма» — на *с* и *г* — в латинском). Этот прием характерен для многих алфавитов языков СССР, созданных на русской основе. В-третьих, старые буквы снабжаются диакритическими значками (например, *й* и *ё* в русском алфавите, *č, ř, š, ž*, — в чешском, *ç* — во французском, *ą, ę* — в польском, *ў* — в узбекском). Наконец, одна фонема может передаваться двумя буквами (диграфом). По этому пути шли многие европейские языки (например, диграфы *ph, ch, sh*). Особенно характерны диграфы для немецкого и польского языков (например, нем. *Geschlecht* 'род' и польск. *szlachta* 'шляхта') {48}.

В фонетических системах письма некоторые графемы и диакритики могут использоваться как обобщенные показатели изменения звучания других фонем. Например, чтобы показать долготу звука, некоторые виды письма прибегают к диакритикам, другие — к непроизносимым буквам, третьи — к диграфам. В чешском, словацком, древнеисландском, венгерском письме долгота обозначается диакритикой (чеш. *mák* 'мак'). В немецком языке долгота гласного может передаваться удвоением или добавлением

¹ Лигатуры изредка встречаются и в европейских языках, например *æ*, составленная из *o* и *e*. Из лигатуры развилась русская буква *ю*.

буквы *h* (например, одинаково звучащие *Moog* ‘болото’ и *Mohr* ‘мавр’). Во многих языках для этой цели широко используется удвоение гласной буквы (в финском, эстонском, халха-монгольском и др.). Для обозначения долгого согласного обычно удваивается согласная буква, но в арабском используется особая диакритика, а в японском — особая графема перед слоговой графемой. Подобные приемы могут применяться для обозначения любых фонологических различительных признаков. В японском письме особой диакритикой показывается звонкое произношение.

Рассмотрим применение этих приемов для различения мягких и твердых согласных фонем, весьма характерных для языков Восточной Европы.

Эстонский язык знает это фонологическое различие ([*ko:t*] ‘башмак’ и [*ko:t'*] ‘мешок’), но никак не выражает его на письме. В русском языке применяются два основных способа различения мягких и твердых согласных. Во-первых, это буква *ь*, используемая на конце слова для обозначения мягкости предшествующего согласного. Наличие *ь* противопоставлено здесь отсутствию особой буквы, указывающему на твердость согласного: *уголь* и *угол*, *пусть* и *пуст*. Этот же прием используется и в положении перед следующим согласным: *банька* и *банка*, *полька* и *полка*¹. До 1918 г. в конечной позиции использовался *ъ* для обозначения твердости согласного. Отмена конечного *ъ* ничуть не повредила различению твердых и мягких.

Во-вторых, различение твердых и мягких согласных осуществляется и при помощи гласных: *е*, *ё*, *и*, *ю*, *я* указывают на мягкость, после твердого согласного используются *а*, *о*, *у*, *ы*, *э*.

Польский язык тоже использует два приема для передачи мягкости согласных. Во-первых, в положении перед гласным мягкость согласного передается буквой *i*, которая сама не произносится: *miąga* [*m'aga*] ‘мера’ и *miąga* ‘видение’, *piana* [*p'ana*] ‘пена’ и *pana* ‘пана, господина’ (этот прием используется и в литовском языке). Отличие от русского заключается лишь в том, что здесь *i* не входит в ‘йотированные’ буквы, а используется в явном виде. Во-вторых, в польский алфавит были введены дополнительные буквы, образованные при помощи диакритики (*ś*, *ń*), они используются на конце слова и перед согласным (*dzień* ‘день’, *geś* ‘гусь’).

В словацком языке только четыре мягкие фонемы противопоставлены твердым. Мягкий [*n'*] обозначается буквой *ň*, т. е. обычной *n* с диакритикой («гачек»): *deň* ‘день’. Мягкость остальных зубных смычных обозначается значком *'* после согласной буквы: *dut'* ‘дуть’, *pät'* ‘пять’, *kužel'* ‘конус’, *vol'a* ‘воля’, *vlad'at* ‘мочь’.

В румынском языке мягкость согласного обозначается последующим непронизносимым *i*: *Bucureşti* [*bukurest'*] Бухарест, *chior* [*k'or*] ‘слепой, кривой’, но *soş* [*koş*] ‘хор’, *socoşi* [*kokoš'*] ‘журавли’, но *socoş* ‘журавль’.

Изредка в алфавитной письменности отражаются фонологические тоны; так обстоит дело, например, в бирманском языке.

¹ После шипящих буква *ь* иногда используется как сугубо грамматический показатель, ср. *плачь* и *плач*, *тушь* и *туш*, *рожь* и *рож*, *вещь* и *лещ*.

Совокупность графем и аллографов и диакритик вместе с общими принципами их применения образуют систему письма, или **графику**, того или иного языка. Частные правила уточняются **орфографией** (греч. ὀρθογραφία ‘правописание’). За отдельными правилами орфографии нередко можно увидеть какие-то общие принципы или тенденции. Так, русская орфография обычно не отражает на письме позиционные фонетические изменения. В слове *отгадка* буква *t* читается как [d], а буква *д* — как [t]. Таким образом, написание морфемы остается стабильным: префикс *от-*, корень *-гад-* везде пишутся одинаково. В данном случае торжествует морфологический принцип орфографии, сохраняющий неизменным написание морфемы независимо от возможных позиционных изменений.

Наоборот, фонетический принцип орфографии отражает на письме позиционные звуковые чередования. Главное отличие белорусской орфографии от русской состоит именно в преобладании фонетического принципа, в фонетическом написании безударных гласных: *весёлы* ‘веселый’, *гавару* ‘говорю’, *сёстры* ‘сестры’ (мн.ч.), но *сясцёр* ‘сестер’. Русская орфографическая реформа 1918 г., упразднив прежде формальное написание префиксов *без-*, *из-*, *раз-*, тем самым сделала шаг навстречу фонетическому принципу.

Оба эти принципа редко проводятся в полном объеме. Их влияние ощущается в орфографических реформах, которые изредка меняют консервативную орфографию. Многие написания современных слов нельзя объяснить фонетикой современного языка, они продолжают традиционную орфографию, которая когда-то могла соответствовать звучанию. Так, русские шипящие [ʃ] и [ʒ] стали твердыми, но в орфографии сохраняются написания с *и*, характерные для мягких согласных (*шить*, *жить*).

Подобные исторические написания особенно типичны для языков, в которых быстро менялся звуковой строй (французский, английский). Например, написание англ. knight [nait] ‘рыцарь’ примерно соответствует произношению XIV в. Из европейских языков, пожалуй, наибольшей сложностью орфографии отличается ирландский язык. Как можно догадаться о том, что Samhradh ‘лето’ произносится [saʊrə], gabhar ‘коза’ — [gour], что название столицы Ирландии Дублин — на письме Baile Átha Cliath — звучит как [bl'a:kl'íəh]? Возможно, рекордсменом орфографической сложности следует признать тибетский язык.

§ 25. Дешифровка древних текстов

Ученые не раз сталкивались с письменными памятниками, понять которые было очень трудно или невозможно. Сталкиваясь с такими текстами, обращаются к помощи двух филологических дис-

циплин: эпиграфики и палеографии¹. **Эпиграфика** изучает надписи (на стенах храмов и домов, на надгробных памятниках и т. п.), **палеография** — рукописи (материалы и орудия письма, почерки разных эпох и т. п.). Палеографический (или эпиграфический) анализ может показать, на каком языке, каким письмом и в какую эпоху написан текст. В этом случае начинается собственно филологический анализ.

Но может оказаться, что даже после эпиграфического анализа письменность или язык (или то и другое вместе) остаются неизвестными. Тогда возникает задача дешифровки. Конечно, и в этом случае эпиграфический анализ очень важен. Необходимо, например, выявить все варианты графемы и объединить их. В дальнейшей работе лингвист-дешифровщик опирается на данные, заключенные в самом тексте, и на внешние по отношению к текстам данные.

Пересчитав все знаки, можно высказать предположение о характере письменности. Если в тексте встречается несколько сотен знаков, это идеографическая письменность. Если графем 20—40, это звуко-буквенное письмо. Где-то между этими крайностями находится слоговое письмо. Много выводов можно сделать, изучая комбинаторику графем в звуко-буквенном письме. Можно, например, разделить друг от друга гласные и согласные, которые, как правило, имеют тенденцию чередоваться друг с другом. Однако с одними внутренними ресурсами текста дешифровка не продвинется далеко; к ним обязательно надо прибавить какие-то внешние данные.

Замечательный пример дешифровки с помощью внутренних ресурсов текста при минимуме внешних фактов дал немецкий ученый Г. Гротенфенд в 1802 г., дешифровав древнеперсидскую клинопись. Он знал, что интересовавшие его надписи написаны на древнеперсидском языке, что в них содержатся имя царя и его титулы (в частности, должно многократно встречаться слово 'царь'). Небольшое число разных знаков указывало на звуко-буквенный характер письма. Зная имена персидских царей (в греческой передаче), дешифровщик смог правильно найти их в тексте, а следовательно, определить звучание отдельных графем.

Другим внешним свидетельством может быть предположение о родственных связях изучаемого языка. Дешифровщики киданьских текстов предполагают, что киданьский язык относился к монгольским, и потому ожидают встретить в тексте цепочки суффиксов, характерные для агглютинирующих языков. Более осторожно ученые относятся к попыткам понять слово на основе его фонетического сходства со словами предполагаемых родственных языков. Иногда это удается, но чаще такие попытки заводят в тупик.

¹ Ср. греч. *γραφή* 'пишу' и *παλαιός* 'старый, древний'.

Для дешифровщика самым желанным внешним свидетельством является **билингва**, или параллельный текст на двух языках. Около ста лет бились ученые над дешифровкой египетских иероглифов, пока в 1799 г. французские саперы не нашли камень с параллельной надписью тремя видами письма: иероглифами, демотикой (по-египетски) и греческим (по месту находки эта надпись называется Розетской). Уже раньше было установлено, что имена царей в иероглифическом письме обводились овалом. В 1815 г. английский ученый Юнг почти правильно определил звучание иероглифов в имени Птолемея — царя, в честь которого и была написана трилингва. А в 1821 — 1822 гг. французский ученый Ж. Ф. Шампольон окончательно научился читать египетские иероглифические тексты.

Дешифровка забытых письменностей и языков значительно продвигалась вперед благодаря упорному труду отдельных ученых. Так было в случае Гротефенда и Шампольона, так было в 10-х гг. XX в., когда чешский ученый Б. Грозный дешифровал хеттские клинописные тексты, так было в начале 50-х гг. XX в., когда английские исследователи М. Вентрис и Дж. Чэдуик дешифровали крито-микенские надписи. Однако окончательное чтение и понимание древних письменных памятников всегда опираются на долгую и кропотливую работу многих ученых.

Дополнительная литература

*Фридрих И. Дешифровка забытых письменностей и языков. — М., 1961.

**Фридрих И. История письма. — М., 1979.

ГРАММАТИКА

§ 26. Предмет изучения грамматики

Грамматика и лексикология изучают двусторонние лингвистические единицы. **Грамматика** изучает регулярные и общие черты устройства лингвистических знаков и их поведения. Внимание лексикологии, наоборот, направлено на конкретные лингвистические знаки, на своеобразие каждого из них. Обобщающий характер грамматики позволяет ей выявить самые существенные черты структуры языка, поэтому грамматика справедливо считается центральной частью лингвистики.

Традиционная европейская грамматика сложилась вокруг понятия слова, которое и сейчас остается ее главным объектом. Однако изучение языков разных типов дает возможность обнаружить, с одной стороны, грамматические единицы меньше слова, а с другой — грамматические единицы больше слова. Таким образом, поколеблено убеждение в том, что речь состоит из слов. Слово становится в ряд с другими грамматическими единицами, разделяя с ними некоторые общие черты, но и обладая специфическими свойствами. В нашем учебном пособии мы будем следовать традиции, согласно которой слово есть центральная единица языка, без этого была бы непонятной большая часть лингвистической терминологии. В то же время мы постараемся показать условность такого представления, указать общие свойства слова и других лингвистических знаков.

Мельчайшим лингвистическим знаком является морфема. И морфемы, и слова соединяются друг с другом в более сложные комплексы. Способ соединения лингвистических знаков называется **конструкцией**. Одна и та же конструкция представлена в словах: рус. *учитель, возжак, пахарь*, лат. *scriptor* ‘писатель’, англ. *writer* ‘писатель’. Любая конструкция может быть представлена как две или более позиции, заполняемые лингвистическими знаками определенного типа. В конструкции (основа глагола) + (суффикс деятеля) = (имя деятеля) соединяются части меньшие, чем слово (морфемы, основы). Первая позиция здесь может быть заполнена основой глагола (корнем или корнем с аффиксом) из числа многих сотен подобных основ, имеющих в языке. Вторая позиция заполняется одним из нескольких суффиксов (например, в русском языке: *-тель, -арь*). Обобщенное значение этой конструкции — ‘деятель’, т. е.

‘человек, выполняющий действие, обозначенное глагольной основой’¹.

В русской фразе *Америка открыта Колумбом* заполнено семь позиций: 1) основа имени; 2) показатель именительного падежа; 3) основа глагола; 4) суффикс пассивного причастия прошедшего времени; 5) показатель согласования в числе и роде с именем — № 1; 6) основа имени — № 2; 7) показатель творительного падежа. Эта же конструкция реализуется в предложениях: *Помпеи засыпаны вулканическим пеплом; Картина написана художником XVII века; Аппарат изготовлен самарским заводом; Враг нами разбит*. Значение всей конструкции соответствует такой ситуации: ‘деятель, обозначенный именем № 2, сделал то, что обозначено глаголом, с объектом, обозначенным именем № 1’. Как и в конструкции первого типа (*учитель* и т.п.), в этой конструкции позиции заполняются основами и аффиксами. Различие двух типов конструкций — в степени спаянности. Первая конструкция обладает абсолютной жесткостью: нельзя ни изменить порядок следования частей, ни вставить между ними какой-нибудь третий лингвистический знак. Напротив, во второй конструкции можно менять части местами (*Враг разбит нами*), можно вставлять промежуточные части (*Аппарат изготовлен московским заводом*). Жесткие конструкции образуют слово, рыхлые конструкции образуют сочетания слов.

Договоримся жесткие конструкции называть моделями, остальные конструкции по-прежнему — конструкциями. Тогда можно наметить границу между традиционными разделами грамматики: *морфология* изучает модели и их значения, *синтаксис* — конструкции и их значения. Модели по размерам никогда не превосходят слова, конструкции всегда больше слова. Элементами модели могут быть только морфемы и основы слов. Элементами конструкции могут быть также слова и сочетания слов, ср.: рус. *очень хороший, довольно большой*², англ. *red flags* ‘красные флаги’.

Грамматическое описание языка проводится двояким образом. Можно разбивать готовые слова, сочетания слов, предложения на составные части — это путь **грамматического анализа**. Или же, наоборот, описать грамматический строй языка, указав те правила, по которым создаются более сложные комплексы из более простых, и правила преобразования одних единиц в другие, — это путь **грамматического синтеза**. И в том и в другом случае сохраня-

¹ Возможен случай, когда та или иная позиция заполняется строго определенным знаком. Например, в английском языке к основе глагола добавляется только суффикс -*er*. Но во всякой конструкции одну из позиций могут заполнять несколько лингвистических знаков, иначе конструкция утратила бы свой обобщающий характер.

² Аффикс падежа во втором слове не связан с данной конструкцией, он обусловлен более широкой конструкцией.

ется понятие **грамматического класса**. В один и тот же грамматический класс попадают лингвистические знаки (морфемы, слова и т.п.), заполняющие одни и те же позиции в составе моделей или конструкций.

§ 27. Морфема

Морфема — наименьшая единица языка, обладающая выражением и содержанием. Есть языки, где морфема совпадает со слогом и прямо доступна наблюдению лингвиста. Но обычно морфему можно выделить только после целого ряда операций сравнения.

В русских формах *вода*, *воды* обнаруживается совпадающая часть [vad-] и общее значение, которое можно описать разными способами (например, H₂O). Совпадение необязательно должно быть полным, можно включить в сравнение и такие формы, как *воду*, *вóды*, *водный* с общей частью [vod-], в формах *водица*, *водяной* находим уже не /d/, а /d'/: [vad'-]. Во всех этих словах содержится идея воды и сопровождающее ее звучание, представленное в вариантах [vod-], [vad-], [vad'-], [vot-], [vəd-]. По масштабам русского языка это разнообразие не очень велико.

Последние два варианта представлены в сочетаниях *шум вод* и в словах *водопад*, *водонос*. Итак, общность значения (H₂O) и сходство звучания перечисленных слов позволяют выделить в них общую морфему, выступающую в пяти вариантах, или *алломорфах*. Как фонема есть класс аллофонов (см. с. 47), так морфема есть класс алломорфов. Один из алломорфов можно выбрать представителем морфемы и записывать его в фигурных скобках, например {vod}.

Границы морфемы проходят там, где кончается двойное сходство звучания и значения. Значения слов *вода* и *жидкость* довольно близки, но их звучания совершенно различны. Слова *водичка* и *водит* очень сходны в звучании, а *водица* и *водиться* звучат одинаково, но у них нет никакого сходства в значении. Разные морфемы {vod} H₂O и {vod} 'заставлять кого-то или что-то двигаться' совпадают только в звучании (в некоторых алломорфах), это омонимичные морфемы¹. Разнообразие алломорфов глагольной морфемы {vod} очень велико: [vod'] *водит*, [vod] *своды*, [vaz] *вожу*, [v'o] *вёл*, [v'id] *веду*, [v'id'] *ведет*, [v'is] *вести* и др.

Основные трудности при выделении морфем связаны со значением предполагаемых единиц. При анализе русского слова *малина* легко выделяется конечная морфема им.п. ед.ч. {a}, ср.: *дорога*, *крыша* и т.п. Легко выделяется и морфема {in} с обобщен-

¹ Эти морфемы одновременно встречаются в слове *водопровод*.

ным значением ‘ягода’, ср.: *рябина, смородина* и т. п., что касается остатка {mal’}, то он не встречается без сопровождения {in}, сравнивать его не с чем. Чем свободнее морфема сочетается с другими морфемами, тем легче ее выделить. В данном же случае корень сочетается с единственным суффиксом, а потому и неясно, чему приписать смысл ‘растение вида *Rubus idaeus*’ — корню {mal’} или всей основе {mal’in}. Обычно выбирают первое решение.

Лингвистическая традиция считает, что слово целиком делится на морфемы (так же как словосочетания и предложения делятся на слова). Иначе говоря, предполагается, что фонемы, составляющие звучание слова, обязательно относятся к одной из морфем. Из этого принципа вытекает важное следствие: если после выделения явных морфем в слове все же есть какой-либо остаток с неясным значением или совсем без значения, то он тоже считается морфемой. Так, в русском слове *бегать* легко выделяется корень {b’eg} (ср.: *бежу, бегство, бежать*) и суффикс инфинитива {t’} (ср.: *писать, любить, петь*). Остаток тоже считается суффиксом {a}, но точное значение ему приписать трудно¹. Его роль сводится к скреплению остальных морфем в единое целое. Подобные морфемы можно назвать «пустыми».

§ 28. Виды морфем

Все морфемы можно разделить на два больших класса: **корни** и **аффиксы** (от лат. *affixus* ‘прикрепленный’). Их различие частично связано с характером значения, а отчасти — с характером сочетаемости. Корни, как правило, обладают более конкретным значением, нежели аффиксы. Впрочем, этот критерий не абсолютен: корень {vr’em’} в слове *время* обладает еще более абстрактным значением, чем аффикс {l} в слове *писал*. Корень — обязательная принадлежность слова, аффиксы иногда могут отсутствовать. Более важно различие корней и аффиксов по их роли в грамматических моделях: они заполняют разные позиции. При этом грамматические классы корней очень велики (включают сотни и даже тысячи морфем), а грамматические классы аффиксов малы. Например, в модели ‘имя деятеля’ первую позицию могут занимать многие сотни глагольных корней, а вторую — лишь 10–15 суффиксов.

Классификация некоторых морфем не допускает однозначного решения. Морфема *теле-* в русских словах *телефон, телевизор, телепатия*, с одной стороны, похожа на префикс: значение ее (‘дальний’) довольно неопределенно, она не присоединяет к себе суффиксы, всегда предшествует корню. С другой стороны, в современном языке значение морфемы *теле-* конкретизируется (‘что-

¹ Этот суффикс в русской грамматике называют основообразующим.

то связанное с телевидением') в таких словах, как *телестудия*, *телепередача*, соответственно {t'el'} становится корнем.

Подвижность границ между понятиями корня и аффикса проявляется в том, что многие корни с течением времени превращаются в аффиксы. Так, в индоевропейских языках префиксы обладают большей самостоятельностью, чем суффиксы. Многие префиксы совпадают по звучанию и значению с отдельными словами (предлогами и наречиями), ср.: рус. *без*, *в*, *за*, *из*, *о(б)*, *при*, *про*, *с*, *у*, лат. *ab* 'от', *ad* 'к', *in* 'в', *pro* 'за, впереди', греч. *εξ* 'из', *απο* 'от', *προ* 'перед', *εν* 'в', *συν* 'с', *δια* 'через', *υπερ* 'над', *υπο* 'под', *επι* 'на' и т.п. Ясно, что эти морфемы выступают и как слова, и как аффиксы. Процесс присоединения отдельного служебного слова к знаменательному слову называется *агглютинацией* (лат. *agglutinatio* 'приклеивание'). В русском языке на наших глазах происходит агглютинация отрицательного слова *не* с основами знаменательных слов: *небольшой*, *немного*.

Аффиксы по их положению относительно корня делятся на **префиксы**, предшествующие корню, **инфиксы**, вставляемые внутрь корня, и **суффиксы**, следующие за корнем. Из трех видов аффиксов наибольшее распространение имеют суффиксы. Есть языки, в которых нет ни префиксов, ни инфиксов, но есть суффиксы (алтайские, уральские, эскимосский и др.). Суффиксы могут следовать друг за другом, образуя цепочки (иногда довольно длинные): рус. *трав-ян-ист-ый* (3 суффикса), *труд-и-вш-ий-ся* (4 суффикса), узб. *машина-лаш-тир-ил-ган* 'машинизированный' (4 суффикса). Суффиксы падежа имени и лица глагола, а также суффиксы согласования глагола и прилагательного традиционно называются **флексиями** (лат. *flexio* 'изгиб, модуляция').

Префиксы представлены в индоевропейских, семито-хамитских, кавказских, австронезийских и многих других языках. Особенно широко используются они в языках банту.

Инфиксы — относительно редкий вид аффиксов. Примером могут служить некоторые латинские глаголы, при помощи инфикса {n} образующие основу настоящего времени: *vi-n-p-c-ō* 'побеждаю' (корень {vic}, ср. *vicī* 'я победил', *victor* 'победитель'); *ta-p-g-ō* 'трогаю' (корень {tag}, ср. *tactus* 'прикосновение'); *fra-n-p-g-ō* 'ломаю' (корень {frag}, ср. *fragmentum* 'обломок'); *pi-n-p-g-ō* 'рисую' (корень {pig}, ср. *pigmentum* 'краска'). Инфиксы встречаются в семитских языках.

Часть слова, к которой могут присоединяться аффиксы, называется **основой**. Минимальная основа совпадает с корнем. Например, русский корень {ʃit} со значением 'читать' есть основа, допускающая присоединение суффиксов {a}, {aj}, {k}. При помощи этих суффиксов образуются три вторичные основы, к которым, в свою очередь, можно добавлять суффиксы: {ʃit-a} может присоединить {l}, {ʃ}, {t'el'} и др.; {ʃit-aj-} — {a}, {u}, {ut} и др.; наконец,

к основе {ʃit-k} можно добавить {a}, {u}, {oj}. Третичными основами являются {ʃit-a-l}, {ʃit-a-ʃ}, {ʃit-a-t'el'}, к ним тоже можно присоединить аффиксы, но {ʃit-aj-a} или {ʃit-k-u} основами считаться не могут, так как к ним нельзя добавить аффиксы.

§ 29. Историческая изменчивость морфемного состава слова

Как мы уже видели выше, выделение морфем производится путем сравнения разных слов, путем анализа их звуковых и смысловых отношений. Но звуковые и семантические отношения между словами могут меняться со временем, а значит, может изменяться выделяемость морфем в слове.

Самый обычный вид таких морфологических процессов — опрощение. **Опрощение** есть слияние двух корней или корня и аффикса в одну морфему. В результате опрощения сложное или производное слово превращается в простое (см. с. 88).

Опрощение сложных слов характерно для германских языков и особенно для английского языка. Так, англ. woman [wʊmən] состоит из одного корня, но в древнеанглийском это слово (wīfman) было сложным, оно состояло из двух корней — wīf 'жена' и man 'человек'. Др.-англ. hus-bond состояло из двух корней: hūs 'дом' и bond 'владелец, хозяин', в современном языке husband [hʌzbənd] 'муж' не членится на морфемы.

Опрощение производных слов произошло в русских словах *жир* и *пир*. Когда-то в этих словах выделялся суффикс {r}, следовавший за корнями {zi} и {pi} (ср. *жить* и *пить*). Суффикс {r} очень редок (он встречается еще в слове *дар*), значение существительного все больше отдалялось от значения глагольного корня (в древнерусском языке слово *жирь* имело более широкое значение, чем в современном: оно могло означать 'богатство, имущество (нажитое)').

Рассмотрим подробнее причины, вызывающие опрощение, на примере некоторых русских слов, начинающихся на *об-*. Такое начало почти наверняка указывает на префикс *об-*, весьма продуктивный в русском языке. Однако во многих словах этот префикс теперь не выделяется. Слово *обман* уже не связывается по смыслу с *манить*, слово *обморок* — со словами *мрак*, *морочить*. Значение существительного с префиксом может настолько далеко уйти от исходного значения корня, что всякая связь между ними исчезает. Слово *обруч* сейчас означает 'твердое кольцо довольно большого диаметра', первоначальное его значение ('браслет') забыто, а потому исчезла всякая семантическая связь со словом *рука*, корень *-руч-* в этом слове больше не выделяется. Опрощение произошло и в слове *образ* (оно происходит от глагола *резать* и первоначально

означало 'изваяние, статуя'). Во всех этих случаях причина опрошения — утрата семантических связей между словами.

Вторая основная причина опрошения — в звуковых изменениях. Например, после префикса *об-* часто отпадал начальный [v] корня, благодаря чему становится затемненным морфемный состав слова. Слова *оборот*, *обернуться*, *обратиться* теряют семантическую связь со словами *вращение*, *вернуться*, *воротиться*. Слова *обет* (**obvet*), *обещать* выпали из круга слов с корнем {vet}: *привет*, *совет*, *ответ*, *завет*, *вече*, *вещать*¹. Конечно, фонетические и семантические причины могут действовать одновременно, разрывая связи между родственными словами и вызывая опрошение. Сейчас уже не ощущается связь между словами *обоз* и *воз*, *обод* и *водить*, *обитать* и *витать* (*в облаках*), *область* и *власть*.

Опрошение часто происходит при заимствовании слов. Английское слово *rails* [reilz] включает корень *rail-* и суффикс мн. ч. *-s*. При заимствовании этого слова русским языком множественное число образовалось по русскому образцу, а бывший показатель множественного числа вошел в состав корня: *рельсы*. Такого же происхождения звук [s] и в некоторых других заимствованиях (особенно из английского): *бутсы*, *джинсы*, *кекс*, *кокс*. Не выделяется суффикс *-лык* в заимствованиях из тюркских языков: *шашлык* (тюрк. *şif* 'вертел'), *башлык* (тюрк. *baş* 'голова'). Не выделяется арабский префикс *та-* в русских словах *магазин*, *мазут*, *мамелюк*, *матрас*. В узбекском языке очень много слов, начинающихся с *ма-*, и, возможно, этот префикс там выделяется, ср.: *мавжуд* 'наличный', *мажлис* 'собрание', *мажнун* 'безумный', *мактаб* 'школа', *мархамат* 'милость' и т.п. Можно сказать, что опрошение заимствованных слов — нормальное явление, а сохранение старого морфемного состава, скорее, исключение, наблюдающееся при массовых заимствованиях.

Очень редко наблюдается процесс, противоположный опрошению. Неделимая основа слова (обычно заимствованного) расщепляется на новый корень и аффикс. Примером может служить голландское слово *zondek* (*zon* 'солнце' и *dek* 'покрышка'), которое было заимствовано русским языком и потеряло здесь свое старое членение на морфемы. Конец слова *зонтик* воспринимался как русский уменьшительный суффикс *-ик*, остальная часть слова стала новым корнем. Вскоре возникло самостоятельное корневое слово *зонт*. Сходные изменения произошли в английском слове *beggar* 'нищий' (первоначально 'монах нищенствующего ордена'), заимствованном из французского. Конец слова стал восприниматься как суффикс отглагольных имен деятеля, а затем об-

¹ Эта причина опрошения часто действует в тех языках, в истории которых было много звуковых изменений (английском, французском).

разовался новый корневой глагол *beg* ‘просить милостыню, молить’. Иногда изменение морфологической структуры слова заключается в перемене границ между морфемами. Такой процесс называется **переразложением**. Наглядный пример переразложения дают латинские существительные 1-го склонения. Сравним их падежные формы в двух вариантах произношения: более древнем, отраженном в орфографии, и более позднем, принятом сейчас при чтении латинских слов. Образцом может служить склонение слова *causa* ‘дело, причина’:

именительный падеж	<i>causa</i>	[kauza]
родительный падеж	<i>causae</i>	[kauze]
дательный падеж	<i>causae</i>	[kauze]
винительный падеж	<i>causam</i>	[kauzam]
отложительный падеж	<i>causa</i>	[kauzā]

В более старом произношении во всех формах присутствовал звук [a], следовательно, этот звук относился к основе, в именительном падеже не было особой флексии, в родительном и дательном флексией была вторая часть дифтонга, в винительном падеже {m}, в отложительном — удлинение конечного гласного основы. После того как дифтонг превратился в монофтонг, положение изменилось. Отныне во всех падежных формах сохранялась неизменной основа {kauz}, а значит, падежными флексиями стали {a}, {e}, {e}, {am}, {a}. Таким образом, граница между основой и флексией передвинулась влево: флексия расширилась, основа сократилась, а прежний основообразующий суффикс {a} исчез. Подобное переразложение наблюдается в большинстве индоевропейских языков. Переразложение в пользу флексий имело большое значение для грамматического строя индоевропейских языков. Благодаря ему увеличивалось разнообразие типов склонения. Переразложение может касаться не только границ морфем, но и границ слов. Интересный пример такого переразложения дают славянские местоимения 3-го лица. В древности некоторые предлоги имели на конце звук [n]: *вѣн*, *кѣн*, *сѣн*. Этот [n] обычно отпадал перед согласным, но сохранялся перед гласным:

<i>вѣн</i> <i>меня</i> > <i>в</i> <i>меня</i> ,	но	<i>вѣн</i> <i>его</i> > <i>в</i> <i>него</i> ;
<i>кѣн</i> <i>мнѣ</i> > <i>ко</i> <i>мне</i> ,	но	<i>кѣн</i> <i>емү</i> > <i>к</i> <i>нему</i> ;
<i>сѣн</i> <i>мною</i> > <i>со</i> <i>мною</i> ,	но	<i>сѣн</i> <i>имѣ</i> > <i>с</i> <i>ним</i> .

Перемещение [n] к местоимению не есть лишь прихоть орфографии. Носовой согласный в местоимении появляется в современном языке после любого предлога, в том числе после тех предлогов, которые никогда не имели носового согласного: *без него*, *от него*, *за ним* и т. п.

§ 30. Грамматическая форма и грамматическое значение, словоизменение и словообразование

В лингвистике традиционно считается, что одно и то же слово может выступать в разных грамматических формах. Русское существительное *лес* имеет грамматические формы: *лес, леса, лесу, лесом, лесе* и т. д., но при этом остается одним и тем же словом. Лексическое значение этого слова не меняется, изменяется лишь грамматическое значение числа и падежа. **Грамматическая форма** слова характеризуется своим специфическим выражением и грамматическим содержанием. Русские слова *лесу* и *лесам* являются разными грамматическими формами, так как, во-первых, у них различное звучание, а во-вторых, их содержание тоже различно: в первом случае речь идет об одном лесе, во втором — о многих. Такое значение, которое в данном языке регулярно выражается грамматическими средствами, называется **грамматическим значением**. Различие единственного и множественного числа в русском языке выражается грамматическими средствами (аффиксами), следовательно, *лесу* и *лесам* обладают разными грамматическими значениями.

У одной и той же грамматической формы может быть несколько грамматических значений. В русском именном сочетании *смена часового* формой родительного падежа обозначается объект действия (в соответствующем глагольном сочетании *часового сменили* то же слово стоит в винительном падеже). Родительный падеж с таким значением называется *genetivus objectivus*. Напротив, в сочетании *измена часового* формой родительного падежа обозначается субъект действия (*genetivus subjectivus*). Соответствующим глагольным сочетанием могло бы быть *часовой изменил*, где слово *часовой* стоит в именительном падеже. Но в русском языке в именных сочетаниях различие субъекта и объекта действия не передается разными грамматическими средствами. И то и другое содержание выражается одними и теми же флексиями родительного падежа. Разные грамматические смыслы в этом случае принадлежат единой грамматической форме родительного падежа.

По-другому обстоит дело с глагольными сочетаниями. В сочетании *лес растет* слово *лес* обозначает субъект действия, а в сочетании *лес рубят* то же слово обозначает объект действия. В глагольных сочетаниях различие субъекта и объекта действия часто выражается аффиксами, например: *роща растет*, но *рощу рубят*. Грамматические значения субъекта и объекта принадлежат разным грамматическим формам: *роща* — именительный падеж, *рощу* — винительный. На этом основании и формы слова *лес* в этих двух сочетаниях считаются разными формами. Если разные

грамматические формы звучат одинаково, они называются **грамматическими омонимами**.

Образование разных грамматических форм с разными грамматическими значениями при сохранении одного и того же лексического значения называется **словоизменением**. Совокупность грамматических форм одного слова называется **парадигмой**. Члены одной парадигмы могут быть равноправны по отношению друг к другу. Сравним все формы парадигмы существительного у русского слова *игра* и соответствующего латинского *lūdus*:

	Ед. ч.	Мн. ч.		Ед. ч.	Мн. ч.
Им. п.	игра	игры	Им. п.	lūdus	lūdī
Род. п.	игры	игр	Род. п.	lūdī	lūdōrum
Дат. п.	игре	играм	Дат. п.	lūdō	lūdīs
Вин. п.	игру	игры	Вин. п.	lūdum	lūdōs
Твор. п.	игрой	играми	Отложит. п.	lūdō	lūdīs
Предл. п.	(об) игре	(об) играх			

Ни одну из этих форм нельзя признать исходной по отношению к другим. Все они равноправны.

Особое внимание обратим на форму родительного падежа множественного числа в русской парадигме. Здесь нет никакого падежного аффикса, но значение этой формы определяется безошибочно. На фоне других форм парадигмы, имеющих аффиксы, форма без аффикса находит себе точное место в системе — это форма родительного падежа множественного числа. Значимое отсутствие аффикса называется **нулевым аффиксом** (обозначается символом {0}). Иначе говоря, морфемный состав формы *игр* можно записать {igr-0}. Нулевые аффиксы могут быть лишь в тех словах, парадигма которых включает и обычные аффиксы. В слове *метро*, например, нет нулевых аффиксов, поскольку оно неизменяемо. Эту форму нельзя сравнить ни с какими другими формами, имеющими аффиксы.

Встречаются и такие парадигмы, в которых одни формы производны от других. При этом производные, или маркированные, формы обычно имеют дополнительный аффикс или каким-либо другим способом образуются от исходной формы. Исходная и маркированная формы различаются и своим значением. Исходная форма обладает более широким и неопределенным значением, маркированные — более конкретным и специализированным. Исходная форма встречается в речи намного чаще, чем маркированная. Английское существительное имеет два падежа: общий *boy*, *John* и притяжательный *boy's*, *John's*. Вторая форма имеет аффикс {z}, первая не имеет аффикса. Вторая форма обладает довольно узким и конкретным значением, она указывает на того, кому принадлежит что-то (или кто-то): *the boy's toys* 'игрушки

мальчика', John's father 'отец Джона'. Значение общего падежа соответствует всем ситуациям, для которых нельзя употребить форму притяжательного падежа. Наконец, форма общего падежа в десятки раз употребительнее формы притяжательного падежа. Ясно, что о равноправии этих двух форм не может быть и речи. Форма общего падежа является исходной, или **немаркированной**, а форма притяжательного падежа — производной, или **маркированной**. В этом случае было бы бесполезно говорить о нулевом аффиксе общего падежа: слишком незначителен тот фон положительных аффиксов, на основе которого обычно выделяются нулевые аффиксы.

Итак, отношения между словами *лес, лесом, лесу, лесах* — это отношения разных грамматических форм при полном равенстве лексического значения. Иной характер носят отношения между словами *лес, лесник, лесничий*. В грамматическом отношении они эквивалентны друг другу: все это существительные мужского рода, именительного падежа, единственного числа. Но лексическое значение их различно, это разные слова. Как уже говорилось, лексическим в языкознании называют все нерегулярное, индивидуальное.

Слово *лесник* отличается от слова *лес* тем, что имеет после корня суффикс *-ник*. Этот суффикс часто присоединяется к основам существительных (ср.: *водник, путник, мясник, сапожник, школьник, мятежник* и т. п.), значение его можно описать так: 'человек, чьи действия или занятия связаны с тем, что выражено основой'. Почему же этот суффикс нельзя считать чисто грамматическим аффиксом, а его значение — грамматическим значением? Дело в том, что слова с этим суффиксом каждый раз содержат нечто большее, чем просто сумму значений основы и суффикса. Сапожник шьет не только сапоги, но и ботинки, туфли. Водник — не всякий человек, имеющий отношение к воде, а лишь тот, кто связан с водным транспортом. Лесник — работник, охраняющий определенный участок леса, ухаживающий за ним. Слово *лесник* — название определенной должности, им нельзя, например, назвать человека, просто живущего в лесу, или лесоруба, или охотника.

Слово *лесничий* содержит очень редкий суффикс *-ничий* (который встречается еще в слове *городничий*), значение этого слова совершенно индивидуально — 'специалист (обычно с высшим образованием), руководящий работой по охране, рациональной эксплуатации и восстановлению леса'.

Своеобразие и неповторимость слов *лесник* и *лесничий* не позволяют считать их формами слова *лес*, это особые слова, хотя и связанные со словом *лес*. Поскольку в словах *лесник* и *лесничий* содержится дополнительный аффикс, легко допустить, что они образованы от слова *лес*. Процесс образования одних слов от других называется **словообразованием**.

Исходное слово и произведенные от него слова обычно остаются связанными **словообразовательными отношениями**, все вместе они образуют **словообразовательное гнездо**. Поскольку словообразовательное гнездо может существовать многие века и даже тысячелетия, входящие в него слова могут претерпевать звуковые и смысловые изменения. Словообразовательные отношения современного состояния языка могут отличаться от тех реальных процессов словообразования, которые происходили в далеком прошлом.

Рассмотрим в качестве примера английские слова *love* ‘любовь’ и *love* ‘любить’. В современном языке основы этих слов не отличаются друг от друга по звучанию [lʌv], по их смыслу тоже нельзя определить, какое из них исходное, а какое — производное. Такие словообразовательные отношения характерны для конверсии (см. с. 98). Однако в эпоху германского праязыка словообразовательные отношения между этими словами были другими: существительное имело основу *luvo, а у глагола к этой основе добавлялся суффикс -j- (например, инфинитив *luvo-j-an(a)). Следовательно, глагол был производным, а существительное — исходным.

Словообразование менее регулярно, чем словоизменение, поэтому оно образует некоторую переходную область между грамматикой и лексикологией. Однако техника словообразования во многом совпадает с техникой словоизменения, поэтому в дальнейшем эти процессы будут рассматриваться вместе.

§ 31. Грамматические средства языка.

Аффиксация

Регулярные приемы словоизменения и словообразования, а также построения грамматических конструкций называются **грамматическими средствами** языка. В совокупности они образуют ту грамматическую технику, которая в наибольшей степени характеризует грамматический тип языка (см. с. 132). Языки отличаются друг от друга набором грамматических средств, их различной употребительностью. В алтайских языках доминирует прием аффиксации, во вьетнамском языке аффиксов нет, в китайском их очень мало. В русском и латинском языках порядок слов не играет большой роли, в английском и китайском его роль огромна.

Обзор грамматических средств языка естественно начать с наиболее распространенного приема — **аффиксации**. Выше уже было показано, как при помощи аффиксов происходит словообразование и словоизменение. Рассмотрим некоторые детали этих процессов.

Словоизменятельные аффиксы называют иногда **формативами**, словообразовательные аффиксы — **дериваторами** (от лат. *derivatio*

‘произвожу’). Слово, не имеющее дериваторов, называется **простым**; слово, имеющее хотя бы один дериватор, называется **производным**.

Дериваторы делятся на **продуктивные**, с помощью которых свободно образуются новые слова, **малопродуктивные**, редко образующие новые слова, и **непродуктивные**, новых слов не образующие. Например, среди суффиксов имен деятеля к продуктивным относятся *-тель (соглашатель)*, *-ник (истопник)*, *-щик (-чик) (наводчик)*, *-атор (комментатор)*; к малопродуктивным — *-ач (тренаж)*, *-ун (шептун)*, *-ор(-ёр) (контролер)*, *-ант (квартирант)*, *-ак(а) (ломака)*, *-аг(а) (работяга)*; непродуктивными являются *-ец (продавец)*, *-ак (вожак)*, *-арь (токарь)*. Наконец, мертвыми называются аффиксы, исчезнувшие в результате опрошения (например, суффикс *-р*, префикс *об-*).

Слово, имеющее более двух морфем, обычно строится в несколько приемов. Например, русское слово *предсказание* содержит пять морфем, процесс словообразования происходит в четыре шага, на каждом из которых добавляется один аффикс. К корню {skaz} добавляется словообразовательный префикс {pr'ed}, образуя глагольную основу *предсказ-* (ср. *предскажу*). К этой основе на втором шаге добавляется суффикс {a}, образуется вторая основа *предсказа-*. Ко второй основе на третьем шаге добавляется словообразовательный суффикс {n'ij}, получается именная основа *предсказаний-*. Наконец, на четвертом шаге добавляется падежная флексия {e}, получается *предсказание*. Порядок присоединения аффиксов именно таков, потому что в русском языке префиксы типа *пред-* легко сочетаются с глагольными основами и плохо — с именными, поэтому маловероятно, чтобы сначала образовалась именная основа *сказаний*, а потом к ней добавлен префикс *пред-*. Кроме того, в последнем случае возникли бы и семантические трудности. Слово *предсказание* означает действие по глаголу *предсказать* ‘верно сказать о том, что будет в будущем’, слово же *сказание* означает совсем другое: ‘рассказ о событиях великих или легендарных’.

Иногда к основе могут присоединяться два аффикса одновременно. Например, в слове *наелась* пять морфем. К глагольному корню {jed}² одновременно прибавляются два словообразовательных аффикса — префикс {na} и суффикс {s'a}. Подобная модель имеет такое значение целого: ‘сделать то, что обозначено корнем, до полного удовлетворения’. К прерывной основе *наед..ся* добавляется суффикс прошедшего времени {l}. Наконец, к основе *наел..ся*

¹ В самом корне *сказ-* произошло опрошение. Когда-то здесь выделялись префикс *с-* и корень *-каз-* (ср.: *указать, доказать, приказать* и т. п.).

² Перед суффиксом, начинающимся на согласный, этот корень появляется в виде алломорфа {je}.

добавляется флексия женского рода {a}, после которой суффикс появляется в виде алломорфа {s'}.

Процесс анализа прямо противоположен процессу сборки. Всякое целое сначала разбивается на крупные блоки (**непосредственные составляющие**), которые затем разлагаются на свои непосредственные составляющие до тех пор, пока все целое не разделится на морфемы. Анализ по непосредственным составляющим (сокращенно *анализ по НС*) совершается таким образом, чтобы каждый раз целое делилось на максимально самостоятельные части, причем учитывается вся грамматическая система языка. Например, анализ по НС слова *бесполезный* дает два непосредственных составляющих: *бесполезн-*, который может сочетаться с флексиями *-ая, -ую, -ых, -ого* и т.д., и *-ый*, который может сочетаться с основами прилагательного. Последний составляющий совпадает с морфемой и дальнейшему анализу не подлежит. Составляющий *бесполезн-*, казалось бы, можно разделить тремя способами: *бес-полезн, бес-полез-н* и *бесполез-н*. Именно последний вариант лучше всего соответствует системе русского словообразования, поскольку он укладывается в четкую модель ({b'ez} + основа существительного) + n = основа прилагательного (ср. *бескровный, беспомощный, бездарный*). Нет слова *дарный*, но есть слово *бездарь*.

Анализ по НС приложим и к синтаксическим конструкциям (см. с. 124).

§ 32. Редупликация

Редупликация, или удвоение, заключается в полном или частичном повторении корня. Наибольшее распространение редупликация получила в австронезийских языках, где она используется как для словообразования, так и для словоизменения. Примерами полной редупликации могут служить слова индонезийские *ari-ari* 'спички' (*ari* 'огонь'); самоан. *solosolo* 'носовой платок' (*solo* 'полотенце'). Частичное удвоение состоит в повторении начального слога корня (тагальск. *laki* 'муж' и *lalaki* 'мужчина'; тонган. *toho* 'вареный' и *tomotoho* 'зрелый') или в повторении слога, у которого начальный согласный совпадает с начальным согласным корня (яванск. *laga* 'больной' и *lelaga* 'болезнь', *laku* 'идти' и *lelaku* 'путешествие').

Удвоение корня часто связано со значением интенсивности признака, интенсивности или многократности действия: самоан. *eua* 'шагать' и *euaeva* 'ходить туда-сюда'. Иногда же, напротив, редупликация служит для обозначения ослабленного признака, для выражения уменьшительности: маорийск. *wera* 'жаркий' и *wera-wera* 'теплый'; тагальск. *dagat* 'море' и *dagat-dagatan* 'пруд'. Наглядность этого грамматического приема способствует его исполь-

зованию со значением мн. ч. Особенно характерно это для индонезийских языков, где в целях экономии места на бумаге удвоенные иногда изображаются цифрой два (²) после слова: яванск. *sedulur* ‘друг’, *sedulur*² ‘друзья’, *orang* ‘человек’ и *orang*² ‘люди’.

В полинезийских языках редупликация часто используется для выражения множественного числа у согласуемых слов (прилагательных и глаголов): самоан. *ai* ‘ест’, *ai ai* ‘едят’, *tele* ‘большой’, *tetele* ‘большие’.

В древних индоевропейских языках частичная редупликация иногда использовалась в формах перфекта: лат. *cadō* ‘падаю’, *cécidī* ‘я упал’; *dō* ‘даю’, *dedī* ‘я дал’¹.

Близок к редупликации и такой прием словообразования: корень повторяется, но при этом заменяются некоторые фонемы, например: яванск. *tindak* ‘шаг’ и *tindak-tanduk* ‘поведение’. Очень типичен этот способ для тюркских языков: узб. *чай* ‘чай’ и *чай-пой* ‘угощение’, *когоз* ‘бумага’ и *когоз-могоз* ‘всякие бумажки’.

§ 33. Морфологическое чередование звуков

Использование звуковых различий алломорфов для различения слов и грамматических форм называется **морфологическим чередованием звуков**. Примерами могут служить англ. *tooth* [tu:θ] ‘зуб’ и *teeth* [ti:θ] ‘зубы’, *use* [ju:s] ‘использование’ и *use* [ju:z] ‘пользоваться’, фр. *vif* ‘живой’ и *vive* ‘живая’, рус. *вези* и *вози*, *неси* и *носи*. В приведенных примерах чередование согласных и гласных было единственным средством различения слов и форм. Очень часто звуковые чередования соединяются с аффиксацией. Рус. *друг*, *друзья*, *дружить*, *дружба*, *дружок*; *князь*, *княгиня*, *княжить*; лат. *capio* ‘беру, хватаю’, *cēpī* ‘я схватил’; *facio* ‘делаю’, *fēcī* ‘я сделал’; англ. *may* [mei] ‘мочь’, *might* [mait] ‘мог’, *leave* [li:v] ‘оставить’, *left* ‘оставил’. Звуковые чередования могут происходить и в самих аффиксах, ср. рус. *школьник* и *школьница*.

Ряд фонем, участвующих в морфологических чередованиях, образуют **морфону**. Из приведенных выше примеров видно, что во французском языке есть морфонема *f ~ v*, в английском *s ~ z*. В русском языке обычно чередование глухих и звонких, но оно обусловлено фонетической позицией (см. с. 52), не является морфологическим и морфонею не образует. Русские морфонею, как правило, объединяют фонемы, различающиеся местом или способом образования, например: *g ~ z ~ 3* (см. выше), *d ~ 3 ~ s ~ 0* (*веду*, *вожу*, *вести*, *вела*). Когда морфонею образуют регулярную систему, в ней можно выделить определенные **ступени чередова-**

¹ Следы удвоения этого корня содержатся и в русском: *даю* (без удвоения), *дадим* (с удвоением).

ния. Так, в некоторых уральских языках отмечается регулярное чередование согласных, в котором различаются две ступени чередования (сильная и слабая), ср. финск. *veteen* 'в воду' (сильная ступень) и *veden* 'воды' (слабая ступень).

Чередование гласных в корне традиционно называется **внутренней флексией**. Этот тип чередования весьма характерен для индоевропейских языков (в особенности для глагольных корней). Регулярность морфем позволяет выделить и в этом случае повторяющиеся ступени чередования: ступень (е), ступень (о), нулевую ступень (а в некоторых языках и долгую ступень) (табл. 12).

Новые типы внутренней флексии возникали в ходе развития отдельных индоевропейских языков. Так, в славянских языках существовали сильно редуцированные гласные *ь* (переднего ряда), *ѣ* (заднего ряда). В дальнейшем они исчезали в одних положениях (например, перед ударным гласным) и усиливались в других (например, под ударением). В последнем случае в русском языке *ь > е, ё; ѣ > о*. Возникло новое чередование так называемых беглых гласных: им. п. *день* (< *днь*), род. п. *дня* (< *дня*); *лѣн, льна; сон* (< *снь*), *сна* (< *сна*).

Особенно широкое распространение внутренняя флексия получила в германских языках. В морфологических чередованиях могут участвовать три фонемы, показывающие различия основ настоящего, прошедшего времени и пассивного причастия: англ. *ride* [aɪ], *rode* [ou], *ridden* 'ехать верхом'. Иногда число чередующихся фонем достигает четырех: англ. *sing, sang, sung* 'петь' и *song* 'песня'; нем. *sprechen* 'говорить', *spricht* 'говорит', *sprach* 'говорил', *gesprochen* 'сказанный' — и даже пяти: нем. *helfen* 'помогать', *hilft* 'помогает', *half* 'помог', *hülfe* 'помог бы', *geholfen* (причастие 2).

Морфологические чередования могут распространяться и на просодические элементы языка. В языках со свободным ударением чередование ударений может использоваться для словообразования и словоизменения. Даже в языках с фиксированным ударением некоторые грамматические формы имеют сдвиг ударения (особенно часто звательная форма имени и повелительная форма

Таблица 12

	Ступень (е)	Ступень (о)	Нулевая ступень
Рус.	<i>беру</i>	<i>набор</i>	<i>братъ</i>
Лат.	<i>tego</i> 'покрываю'	<i>toга</i> 'тога'	—
Греч.	<i>δέρκομαι</i> 'смотрю'	<i>δέδорка</i> 'вижу'	<i>έδραков</i> 'увидел'
	<i>είδος</i> 'вид'	<i>οἶδα</i> 'увидел, знаю'	<i>ιδέα</i> 'видимость, идея'

глагола). Например, цыган. *чявó* ‘мальчик’ (им.п.), но *чява* ‘эй, мальчик’ (звательная форма).

В тональных языках чередование тона может использоваться для словоизменения или словообразования: кит. *ча* ‘ошибаться’, *ча́* ‘быть хуже’; серб. именительный падеж *ствáр* ‘вещь’ (с нисходящим тоном), родительный, дательный падежи *ствáри*, но местный падеж *ствáри* (с восходящим тоном).

Максимального развития звуковое чередование достигло в семитских языках. Геминация (удвоение) согласного часто используется здесь для передачи интенсивности действия¹: араб. *kasara* ‘он сломал’, *kassara* ‘он разбил вдребезги’; *Daraba* ‘он ударил’, *Daḡaba* ‘он ударил с большой силой’. Геминация согласных используется в семитских языках также для образования имен деятеля: араб. *Tabbaḡ* ‘повар’ (Табаха ‘он варил’), *Kaḏḏab* ‘лжец’ (*kaḏaba* ‘он лгал’).

В семитских языках внутренняя флексия необычайно регулярна. Чередования гласных в корне происходят по строго определенным моделям, независимо от согласных. Собственно, корень в семитских языках сводится к одним согласным (обычно он состоит из трех согласных): *ghm* ‘быть милосердным’, *qtl* ‘убивать’, *ktb* ‘писать’, *mlk* ‘царь’, *bhg* ‘море’ и т.п. Роль гласных заключается в том, чтобы (наряду с аффиксами или самостоятельно) передавать грамматические значения. В арабском языке внутренняя флексия во многих случаях служит единственным средством различения единственного и множественного числа: *raḡḡul* ‘человек’, *raḡḡāl* ‘люди’; *kitāb* ‘книга’, *kutub* ‘книги’. Даже слова, заимствованные из европейских языков, включаются в эту грамматическую модель: единственное число *bank* ‘банк’, множественное число *bunūk*.

Внутренняя флексия — основное средство словоизменения и словообразования семитского глагола. Каждый глагол имеет несколько основ, характеризующихся определенным набором гласных и определенным значением. В арабской форме *kataba* ‘он написал’ выделяется флексия 3-го лица мужского рода -а и основа перфекта *katab-*². В этой основе *k-t-b* передают значение ‘писать’, а гласные *a-a* — значение перфекта актива. Если вместо последовательности *a-a* поставить последовательность *u-i*, получим основу перфекта пассива (*kutiba* ‘он был написан’). Если в этих двух последовательностях первый гласный был бы долгим, то это были бы основы ‘конатива’, т.е. означали бы действие,

¹ Геминация согласных напоминает редупликацию как по технике, так и по значению.

² Форма 3-го лица мужского рода перфекта в семитологии условно принимается в качестве основной подобно тому, как для новых европейских языков принято указывать форму инфинитива, для латинского и греческого — форму 1-го лица ед.ч. настоящего времени, а для санскрита — форму 3-го лица ед.ч. настоящего времени.

подчеркнуто направленное на какой-то объект (kātaba ‘он написал кому-то’). Последовательность ā—i создает основу активного причастия (kātib ‘пишущий, писатель’).

Основу может образовать и один гласный; например, ktub — основа имперфекта: jaktubu ‘он пишет’, где ja — префикс 3-го лица единственного числа мужского рода, -u — суффикс изъявительного наклонения. Поскольку -u- в основе независим от тех конкретных корней, в которых он появляется, его можно считать инфиксом. Соответственно последовательности a—a, u—i, ā—a, ā—i и т. п. можно считать прерывным инфиксом или *трансфиксом*.

Внутренняя флексия (или трансфиксы) самостоятельно или во взаимодействии с префиксами и суффиксами создает слова одного словообразовательного гнезда: kitāb ‘книга’, kitāba ‘письмо (процесс), надпись’, mukātib ‘корреспондент’, maktūb ‘написанный’, maktaba ‘место, где пишут: библиотека, письменный стол’, maktab ‘место, где пишут: школа, контора, бюро’, kitbāt ‘способ писания’.

Семитские языки хорошо согласуются друг с другом в корнях и хуже в закономерностях внутренней флексии. Так, арабскому ibn ‘сын’ в иврите соответствует ben, ср. также араб. hikma ‘мудрость’ (hakīm ‘мудрец’) и ивр. hoxma; араб. ḍaqaṇ и ивр. zāqān ‘борода’; араб. salām и ивр. šalōm ‘мир’ (это слово используется и как приветствие). Это значит, что звуковые чередования развивались в отдельных семитских языках независимо друг от друга (и в арабском достигли наибольшего развития).

§ 34. Супплетивность

Формы одной и той же парадигмы образуются разными грамматическими средствами от одного корня. Но иногда на фоне этого общего правила встречаются исключения: грамматические формы образуются от разных корней. В латинском языке формы сравнительной и превосходной степени прилагательных обычно создавались при помощи суффиксов -(i)or и (ss)im-: altus ‘высокий’, altior ‘выше’, altissimus ‘высочайший’. Но несколько прилагательных добавляют эти суффиксы не к тому корню, который представлен в положительной степени: malus ‘плохой’ — peior ‘хуже’ — pessimus ‘худший’, parvus ‘малый’ — minor — minimus. У прилагательного со значением ‘хороший’ в парадигме степеней сравнения объединены даже три корня: bonus — melior — optimus. Интересно отметить, что прилагательные с тем же значением часто образуют формы от разных корней и в других индоевропейских языках: рус. *хороший* — *лучше*, *плохой* — *хуже*; англ. good — better, bad — worse. Образование грамматических форм одного и того же слова при помощи разных корней называется **супплетивностью**.

В индоевропейских языках супплетивность особенно характерна для глагола со значением 'быть': фр. 3-го л. ед.ч. est [ɛ], 3-го л. мн.ч. sont [sɔ̃], прош.вр. fut [fy]; нем. 1-го л. ед.ч. наст.вр. bin, 3-го л. ед.ч. ist, ед.ч. прош.вр. wag, инфинитив sein [zain].

Супплетивная парадигма создается иногда на базе звуковых чередований. Современные формы настоящего времени английского глагола be 'быть' представляют три корня: 1-го л. ед.ч. am, 3-го л. ед.ч. is, мн.ч. are. В далеком прошлом эти формы обладали одной и той же основой *es-, но в результате разных фонетических законов они изменились до неузнаваемости.

Однако чаще супплетивная парадигма возникает благодаря грамматическому объединению синонимичных корней. Наглядно представить этот процесс можно на примере современного русского языка. В русском синонимы *дитя* и *ребенок* взаимодействуют грамматически, объединяясь в одну парадигму. Для того чтобы возникла новая парадигма, должны распасться две старые парадигмы: *дитя* — *дети* и *ребенок* — *ребята*. Форма *дитя* встречается все реже, сфера его употребления — классическая поэзия (*Не плачь, не плачь, мое дитя. Не стоит он безумной муки*) или книжная речь (в переносных значениях, например: *дитя своего века*). Напротив, мн.ч. *дети* употребляется во всех стилях. Следовательно, старая парадигма *дитя* — *дети* дифференцируется стилистически и семантически. Форма *ребенок* сохраняет старые значения: 1) человек самого малого возраста (например: *ребенок уже умеет читать*), 2) сын или дочь кого-то (*мать с ребенком*). Форма *ребята* чаще встречается в разговорной речи, причем она все больше теряет ограничение в возрасте. Школьник обижается, когда его называют *ребенком*, но называет своих друзей *ребятами*. *Ребятами* часто называют и взрослых людей¹. Таким образом, формы *дитя* и *ребята* обособляются, а формы *ребенок* и *дети* сливаются в одну парадигму. Все различие между ними заключено в грамматическом значении числа, разницы в лексическом значении нет. Например, на вопрос: *У нее есть дети?* — следует ответ: *Да, у нее есть ребенок*.

Подобным путем возникала супплетивность глаголов со значением 'идти': рус. *иду, шел*, англ. *go, went*, фр. *j'irai* 'я пойду', *je vais* [vɛ] 'я иду', *j'allais* 'я шел'.

§ 35. Словосложение

Сложное слово содержит в своем составе более одного корня. Процесс образования сложных слов называется **словосложением**. Словосложение весьма характерно для индоевропейских языков с

¹ Одновременно слово *ребята* все чаще ограничивается лицами мужского пола (*ребята* часто противопоставляются *девчатам, девчонкам* и т. п.).

древнейших времен. Данный способ состоит в соединении двух основ (иногда с помощью пустой морфемы, называемой **интерфиксом**). Например, рус. *вертолет* содержит две основы (два корня), скрепленные интерфиксом *-о-*, нем. *Trinkwasser* 'питьевая вода' содержит два корня (без интерфикса). Сложное слово часто является свернутым словосочетанием, в котором бывшие компоненты словосочетания потеряли свою грамматическую и фонетическую самостоятельность. Русское слово *сухофрукты* получено из сочетания *сухие фрукты*, но первый элемент уже не согласуется со вторым в числе и падеже. Нем. *Trinkwasser* по смыслу эквивалентно *Wasser zum Trinken*, но сложное слово отличается от словосочетания потерей предлога, другим порядком компонентов, единым ударением. Раздельное или слитное написание не является главным аргументом при различении сложных слов и словосочетаний. Нем. *aufstehen* 'встать' — словосочетание, поскольку *auf* может отделяться (*Stehe auf!* 'Вставай!'). Рус. *никого* тоже словосочетание (ср. *ни от кого*). Лат. *respublica* — словосочетание, так как обе части имеют самостоятельное словоизменение, ср.: вин. п. *rem publicam defendere* 'защищать государство'.

Если словосложение сопровождается обязательной аффиксацией, полученное слово называется **сложнопроизводным**, например: рус. *громкоговоритель*, *полководец*, *мясорубка*, *полнолуние*, *судходный*, англ. *blue-eyed* 'голубоглазый', *skyscraper* 'небоскреб'.

С семантической стороны компоненты сложного слова могут быть равноправны, например: рус. *лесостепь*, *северо-запад*, *глухонемой*, нем. *Strichpunkt* 'точка с запятой', кит. *чжоуэ* 'сутки' ('день + ночь'), *шаньшуй* 'пейзаж' ('гора + вода'), *фуму* 'родители' ('отец + мать'). Подобные сложные слова называются **копультивными**.

Несравненно чаще в сложном слове сохраняются те же подчинительные отношения, что и в словосочетании (см. с. 125). При этом в индоевропейских языках главный компонент обычно следует за подчиненным: рус. *скороход*, *лженаука*, нем. *Staatsgrundgesetz* 'конституция' (*Staat* 'государство', *Grund* 'основа', *Gesetz* 'закон'), *Schauspielhaus* 'театр' (*schauen* 'смотреть', *Spiel* 'игра', *Schauspiel* 'зрелище, спектакль', *Haus* 'дом'), лат. *agricola* 'земледелец' (*ager* 'поле', *solo* 'обрабатываю'), *benedíco* 'благословляю' (*bene* 'хорошо', *díco* 'говорю'), греч. *βουκόλος* 'волопас'¹.

Словосложение было чрезвычайно продуктивно в древних индоевропейских языках (преимущественно в высоких стилях). Особенно богат сложными словами классический санскрит. Напри-

¹ Однако во французских сложных словах главный (глагольный) компонент чаще стоит на первом месте: *gratte-ciel* 'небоскреб', *porte-cigares* 'портсигар', *portfeuille* 'бумажник' (< 'портфель'). Изредка подобный порядок встречается и в русском языке, например *сорвиголова*.

мер, основа го ‘корова, бык’ появляется в десятках сложных слов вроде *goghna-* ‘убийца коровы’, *gorás* ‘пастух, страж’, *górati-* ‘хозяин стада, надзиратель’, *gorálá-* ‘пастух, царь, правитель’. Еще большую продуктивность словосложения демонстрирует среднеиндийский язык пали.

Высокая продуктивность словосложения в древнегреческом языке привела к тому, что этот вид словообразования стал обычным способом создания европейских интернациональных научных терминов. В европейских языках широко представлены греческие сложные слова вроде *ώροσκόπος* ‘гороскоп’ (*ώρα* ‘время’, *σκοπέω* ‘смотрю’), *ίπποδρόμος* ‘ипподром’ (*ίππος* ‘конь’, *δρόμος* ‘бег, состязание’), *άνθρωπόμορφος* ‘человекообразный’, *άστρολόγος* ‘звездочет’, *άρχιτέκτων* ‘главный строитель, архитектор’, *γεωμετρία* ‘землемерие’, *αύτοκράτωρ* ‘самодержец’. По их образцу создавались и создаются все новые и новые слова европейских языков (например: *телескоп*, *аэродром*, *антропология*, *автобиография*, *стереометрия*, *архифонема* и т. п.).

Среди новых индоевропейских языков наиболее продуктивно словосложение в немецком языке.

Особо следует отметить роль словосложения в китайском языке. В современном китайском господствует принцип двусложного слова. Поскольку корень совпадает со слогом, а аффиксация не играет почти никакой роли, чуть ли не все двусложные слова (**биномы**) образованы путем словосложения. Например, корень *лин* означает ‘лес, роща’, но отдельно этот корень почти не употребляется. Чтобы стать самостоятельным словом, этот корень должен присоединить к себе еще один корень. Полученный бином характеризуется одним ударением, в безударном слоге тоны не различаются. Таким образом создаются слова типа *шулин* ‘лес’ (*шу* ‘дерево’), *сяолин* ‘роща’ (*сяо* ‘молодой, маленький’), *милинь* ‘чаша’ (*ми* ‘частый, густой’). Корень *фу* означает ‘отец’, но для обозначения отца обычно используется бином *фуцин* (где *цин* ‘родной, родственник’). Поскольку значение целого слова может совпадать с одним из корней, второй корень превращается в полужормальный показатель, становится суффиксом с очень широким значением. Суффикс *-цза*, например, входит в состав слов *кюцза* ‘брюки’, *чацза* ‘вилка’, *чжйцза* ‘ветка’, *фáнциза* ‘дом’, *цйцза* ‘жена’, *цйцза* ‘знамя’ и т. д., значение этого суффикса самое широкое — ‘предмет, нечто’. Однако тесного лексического единства здесь не образуется. Соединяясь в бином с другим корнем, указанные корни теряют суффикс *-цза* (например: *шүчжи* ‘ветка’, *хунци* ‘красное знамя’, *лоуфан* ‘многоэтажный дом’).

К словосложению относится также образование **сложносокращенных слов**, или **аббревиатур**. Этот способ словообразования широко распространился в европейских языках в XX в. (особенно в эпоху Первой мировой войны). В основе аббревиатуры обычно

лежит какое-то словосочетание с главным словом — существительным (в редких случаях аббревиатура возникает как намеренное изобретение, а не как результат сокращения словосочетания, ср. англ. motel ‘мотель’, ‘гостиница для автотуристов’). Существует два крайних типа аббревиатур: 1) инициальные и 2) усеченные (а также смешанные типы).

Инициальные аббревиатуры представляют собой результат озвучивания начальных букв слов, входящих в словосочетание, или компонентов сложного слова: рус. ЦК [tsiká] = Центральный Комитет, вуз = высшее учебное заведение, нем. U-bahn ‘метро’ = Untergroundbahn, НО ‘торговая организация’ = Handelsorganisation, англ. A. D. [eidí] ‘нашей эры’ > (anno domini), В. С. [bi:si] ‘до нашей эры’ = before Christ, фр. F. F. I., ‘участник французского движения Сопротивления’ = Forces Françaises de l’Intérieur. Инициальная аббревиатура употребляется чаще, чем исходное словосочетание, которое постепенно может забываться, ср.: рус. загс = запись актов гражданского состояния, эсер (СР) = социалист-революционер, англ. radar ‘радар’ = Radio detection and ranging, laser ‘лазер’ = Light amplification by stimulated emission of radiation.

Усеченные аббревиатуры включают части словосочетания или сложного слова (обычно начальные). Этот тип аббревиатур преобладает в русском языке: нарком = народный комиссар, продмаг = продовольственный магазин, комсомол = Коммунистический Союз Молодежи, диамат = диалектический материализм, нем. Moped ‘мопед’ = Motor und Pedale, Schupo ‘полиция, полицейский’ = Schutzpolizei.

Усечению могут подвергаться (обычно в разговорном стиле) и слова с одним корнем, ср.: рус. зам = заместитель, зав = заведующий, англ. doc = doctor, bus = omnibus, фр. bac = baccalaureat ‘экзамен на аттестат зрелости’. Усечение издавна было продуктивным приемом образования уменьшительных вариантов собственных имен: рус. Лиза (от *Елизавета*), Коля (от *Николай*), Саша (< *Алексаша* < *Александр*), нем. Hans (от *Johannes*), Fritz (от *Friedrich*), англ. Jim (от *James*), ит. Sandro (от *Alessandro*), Пере (от *Giuseppe*).

Как видим, усечение как словообразовательное средство напоминает зеркальное отражение аффиксации: не сложный комплекс образуется от более простого, а новая основа образуется путем отсечения частей более сложного комплекса. Если отброшенная часть совпадает с аффиксом, такой способ словообразования иногда называют *обратным словообразованием*. Ясно, что слово *прогул* образовано от *прогулять*, а не наоборот. В данном случае существительное мотивировано глаголом, последний служит смысловой базой для отглагольного имени. Правда, можно задать вопрос: что именно отброшено в глаголе (ведь основообразующий -я- и показатель инфинитива -ть, скорее, словоизменительные

суффиксы, а не дериваторы). Этот пример подводит нас еще к одному типу словообразовательных средств.

§ 36. Конверсия

Конверсия — прием словообразования, при котором производное слово сохраняет основу исходного слова, но отличается от него грамматическим классом. Сами грамматические классы могут различаться морфологическими признаками (например, парадигмой, характером согласования) или синтаксическими признаками. При конверсии у исходного слова как бы создается двойник в другом грамматическом классе.

Русское существительное *рулевой* образовано путем конверсии от прилагательного *рулевой*. Существительное отличается от соответствующего прилагательного своими синтаксическими характеристиками. Конверсия 'существительное из прилагательного (или причастия)' происходит особенно легко, ведь здесь достаточно опустить определяемое, чтобы его функции перешли к прилагательному. Однако не всякий случай опущения определяемого существительного автоматически приводит к конверсии прилагательного в существительное. Часто контекст позволяет безошибочно восстановить определяемое существительное, оно как бы незримо присутствует за кадром неполного предложения. Так, в диалоге *Вам какого хлеба? — Мне — черного* во второй реплике легко восстанавливается слово *хлеба*. Для того чтобы прилагательное превратилось в существительное, оно должно закрепиться в языке.

Постепенная конверсия называется *субстантивацией*, если в результате образуется существительное; *адъективацией*, если образуется прилагательное; и *адвербиализацией*, если образуется наречие. Субстантивация прилагательных и причастий чрезвычайно распространенный вид конверсии. В русском языке его продуктивности способствует возможность использовать грамматический род для различения смысла слов. Субстантивированные прилагательные мужского рода обозначают человека по его должности, роду занятий, состоянию здоровья и т. п.: *заведующий, управляющий, заряжающий, часовой, мастеровой, портной, крепостной, малый, взрослый, больной, сумасшедший*; субстантивированные прилагательные женского рода обозначают место деятельности: *столовая, парикмахерская, гостиная, проходная, булочная*; субстантивированные прилагательные среднего рода обозначают разные кушанья: *мороженое, пирожное, жаркое, заливное*.

Совсем по-другому происходит конверсия глаголов в существительные и существительных в глаголы. Синтаксические функции глагола и существительного настолько несходны, что никаких промежуточных случаев здесь быть не может, полностью меняется и

парадигма. Этот вид конверсии всегда словообразовательный прием. В русском языке примеры конверсии такого типа редки (ср.: *строить* и *строй*, *кроить* и *крой*, *разрезать* и *разрез* и т. п.). Широко распространен этот вид конверсии в германских языках: нем. Pfeffer ‘перец’ и pfeffern ‘перчить’, halten ‘останавливаться’ и Halt ‘остановка’. В английском языке путем конверсии можно образовать существительное от любого простого глагола и, наоборот, от любого простого существительного можно образовать глагол: look ‘смотреть’ и look ‘взгляд’, attack ‘нападать’ и attack ‘нападение’, stone ‘камень’ и stone ‘побить камнями’ и т. д. Конверсия вполне обычна и в других языках (например: фр. forge ‘кузница’ и forger ‘ковать’, poste ‘почта’ и poster ‘отправить по почте’).

§ 37. Аналитические грамматические средства

Рассмотренные в предыдущих параграфах грамматические средства замкнуты в пределах слова¹, такие приемы называются **синтетическими грамматическими средствами**. Грамматические средства, используемые только для построения конструкций, можно назвать **аналитическими грамматическими средствами**. В предложении со смыслом ‘Я иду в город’ идея пункта назначения выражается чисто синтетически в лат. Eo urbem (флексией винительного падежа), в финск. Käyn kaupunkiin и узб. *Мен шахарга бораман* (флексией направительного падежа). В русском языке в предложении *Я иду в город* эта идея выражена дважды: предлогом *в* и нулевым аффиксом винительного падежа (если бы слово было в предложном падеже, то и смысл был бы другой: не ‘место назначения’, а ‘место движения’, ср. *Я иду в городе*). Следовательно, здесь одновременно участвуют синтетическое средство (флексия) и аналитическое средство (предлог). В англ. I go to the town, в тадж. *Ба шахр рафта истодаам* идею места назначения выражают чисто аналитические средства — предлоги *to* и *ба*.

Итак, первый и очень распространенный тип аналитических средств — **служебные слова** (все остальные слова называются **знаменательными**). Среди служебных слов выделяются разные типы, традиционно называемые частицами, артиклями, союзами, предлогами, послелогами. Наименее конкретный из этих терминов — **частица**. Им традиционно обозначается и показатель английского инфинитива *to* (*to go* ‘идти’), и показатель русского сослагательного наклонения *бы* (*шел бы*), и вообще любые служебные слова, не вошедшие в другие, более конкретные разделы. **Артиклем** называется особое приименное служебное слово, выражающее оп-

¹ Только конверсия частично выходит за пределы слова, опираясь на его некоторые синтаксические свойства.

ределенность или неопределенность имени. **Предлоги** и **послелогои** в равной мере сочетаются с именами¹, различаясь позицией: предлоги предшествуют имени, послелогои следуют за ним. Предлоги характерны для индоевропейских языков: англ. *in the house* ‘в доме’, *to the house* ‘к дому’, *from the house* ‘из дома’, тадж. *ба хона* ‘домой’, *дар хона* ‘в доме’, *аз хона* ‘из дома’, *то хона* ‘до дома’. Послелогои свойственны, например, уральским, алтайским языкам: финск. *talon alla* ‘под домом’, узб. *хонага кадар* ‘до дома’. Изредка послелогои встречаются и в индоевропейских языках, например тадж. послелог прямого дополнения *-ро*: *Ман уро дида будам* ‘я его увидел’².

Служебных слов гораздо меньше, чем знаменательных. Многие знаменательные слова могут постепенно превращаться в служебные. Артикли часто происходят из указательных местоимений, предлоги и послелогои — из существительных, наречий и т. п. Русский предлог *благодаря* произошел из деепричастия, предлог *относительно* — из наречия, предлог *вследствие* — из сочетания существительного с предлогом.

В большинстве языков мира есть такие конструкции, в которых одно из слов имеет довольно широкое и абстрактное значение, а другое сохраняет свое конкретное лексическое значение, причем в смысловом отношении оба слова представляют нечто целое, нерасторжимое. Подобные конструкции называются **аналитическими (описательными) формами**.

Типичным примером такой аналитической формы может служить русское будущее сложное время (например, в предложении *Завтра я буду готовиться к экзамену*). Эта аналитическая форма состоит из знаменательного глагола несовершенного вида в форме инфинитива и служебного глагола *буду* (*будешь*, *будет* и т. д.). Глагол *буду* может встречаться и вне данной аналитической формы, выражая будущее время глагола *быть* (*Я был в Москве*, *Я буду в Москве*). Но в аналитической форме глагол *буду* выступает по-особому: во-первых, он сочетается с инфинитивом другого глагола, что для глагола *быть* совершенно невозможно (нельзя сказать *я был готовиться*); во-вторых, глагол *буду* не имеет здесь значения ‘быть, существовать, находиться’, все его значение ограничено передачей идеи будущего времени (флексии же передают значение лица и числа).

Аналитической формой в русском языке является и форма сослагательного наклонения (например: *Я пошел бы завтра в театр, да времени нет: надо готовиться к экзамену*). Частица *бы* сама по

¹ В тех языках, где есть падежи, предлоги и послелогои управляют определенными падежами.

² Русское родственное слово *ради* может быть и предлогом, и послелогом: *ради бога* и *бога ради*.

себе имеет значение желательности, нереальности (она, например, может сочетаться с инфинитивом: *Эх, посмотреть бы эту картину*). Своеобразие аналитической формы заключается в том, что знаменательный глагол стоит здесь в форме, совпадающей с формой прошедшего времени, хотя действие, выраженное формой сослагательного наклонения, может относиться и к прошлому, и к настоящему, и к будущему (как в приведенном примере).

Аналитические формы могут входить в состав парадигмы на тех же правах, что и синтетические формы. Например, форма будущего времени *буду готовиться* противопоставлена синтетическим формам настоящего времени *готовлюсь* и прошедшего времени *готовился*. Форма сослагательного наклонения *пошел бы* противопоставлена синтетическим формам повелительного наклонения *пойди* и изъявительного наклонения *пойду, пошел*.

Особенно богата аналитическими формами парадигма глагола. В самых разных языках описательные формы могут строиться по одному и тому же образцу. Например, сочетание глагола с основным значением 'быть' с какой-нибудь неличной формой полнозначного переходного глагола (чаще с пассивным причастием) во многих языках создает аналитическую форму страдательного залога: рус. *Дом был построен*, лат. *domus constructa erat*; англ. *the house was built*, фр. *la maison était bâtie*. Ту же роль может играть служебный глагол с исходным значением 'стать': нем. *Das Haus wurde gebaut*, тадж. *Хона сохта шуд (шудан 'становиться')*.

С течением времени аналитическая форма может превратиться в синтетическую, если служебное слово по каким-либо причинам исчезнет из употребления. Так, русское прошедшее время *написал* образовалось из старой аналитической формы перфекта *написаль есть*¹.

Аналитическим грамматическим средством является **порядок слов**. Это грамматическое средство используется не во всех языках. Есть много языков с относительно **свободным** порядком слов. Таковы, например, латинский, русский. Хотя в этих языках и существуют определенные тенденции расположения слов, но они отнюдь не являются правилом. Так, в русском языке согласуемое определение (особенно если у него нет зависимых слов) ставится

¹ Не входят в глагольную парадигму описательные конструкции типа 'глагол + существительное', в которых используются глаголы с очень широким значением ('делать', 'брать', 'иметь' и т.п.); англ. *have a look* 'взглянуть' (букв. 'иметь взгляд'), *make a mistake* 'ошибиться' ('сделать ошибку'), фр. *faire connaissance* 'познакомиться' ('сделать знакомство'), *prendre la fuite* 'обратиться в бегство' ('взять бегство'), узб. *томом килдим* 'я кончил' ('конец сделал'), *чадам ташла* 'шагать' ('шаг бросать'), тадж. *нигоҳ кардан* 'смотреть' ('взгляд делать'). Подобные описательные конструкции часто встречаются и в русской письменной (особенно канцелярской) речи: *принять решение* вместо *решить*, *дать обещание* вместо *обещать* и т.п.

перед существительным: *этот дом, интересная книга*, но часто наблюдаются отклонения от этого порядка: *Дом этот стоит в лесу. Купи мне книгу интересную*. Отклонение от привычного расположения слов не имеет в русском языке грамматического значения, хотя и может передавать некоторые оттенки смысла. Сочетание *два часа* указывает точное время, сочетание *часа два* — лишь приблизительное указание времени. В русском языке роль порядка слов важна при различении нового (**ремы**) и известного (**темы**) в сообщении. Обычно последнее место в высказывании занимает то новое, что сообщается в этом высказывании. Фраза *Мы вернулись домой* предполагает, что слушающий уже знает о нас (это — тема высказывания), но узнает о возвращении домой (это — рема высказывания). Фраза *Домой вернулись мы* предполагает, что само возвращение было запланировано, неожиданным и новым было то, что вернулись именно мы.

Напротив, в языках с **твердым** порядком слов расположение слов имеет грамматическое значение. Очень распространен такой порядок слов в предложении: подлежащее — сказуемое (глагол) — дополнение. Эта схема господствует в германских и романских языках: англ. I see a ship 'Я вижу корабль', нем. Ich sehe ein Schiff, фр. Je vois un bateau. Для краткого обозначения того или иного порядка слов обычно употребляется сокращение, восходящее к английским грамматическим терминам: S — subject 'подлежащее, субъект', V — verb 'глагол', O — object 'дополнение, объект'. Так, рассмотренный только что порядок слово обозначается SVO.

В тех языках, где слабо развито склонение, твердый порядок слов становится единственным способом определения роли имени в предложении. Англ. The lion killed the hunter (фр. Le lion a tué le chasseur) означает только одно 'Лев убил охотника', если переставить местами существительные, то предложение будет означать 'Охотник убил льва'¹.

Схема SOV (подлежащее — дополнение — сказуемое) господствует в тюркских языках: узб. *Йигит хат ёзди* 'Юноша написал письмо'. Схема VSO (сказуемое — подлежащее — дополнение) реализовалась в древних семитских языках. Она и сейчас представлена в арабском. В языках с твердым порядком слов перестановка слов (**инверсия**) возможна в стилистических целях, но только тогда, когда лексические значения слов точно указывают их синтаксическую роль.

¹ В русском языке тоже обычен порядок: подлежащее—сказуемое—дополнение, однако грамматического значения он не имеет. Вырванное из контекста предложение *Болото окружает лес* всегда будет двусмысленным. Ясно только, что о болоте речь уже шла, а лес упоминается впервые, но что в центре, а что по краям — остается неясным. Ситуацию можно прояснить, лишь переделав конструкцию: *Болото окружено лесом* или *В середине болота — лес*.

Что касается **интонации**, то она тоже иногда может быть грамматическим средством. Различие утверждения и общего вопроса обычно считают грамматическим, ведь во многих языках они передаются разными конструкциями (ср. англ. He goes to France 'Он едет во Францию' и Does he go to France? 'Он едет во Францию?'). Это же различие может быть выражено и одной интонацией (понижение тона при утверждении, повышение при вопросе). Следовательно, интонация может быть единственным средством различения грамматических значений и тем самым — грамматическим средством.

Конечно, интонация сопровождает любое высказывание и потому может выражать смысловые границы внутри предложения, когда другие грамматические средства недостаточны для этого. Например, от движения тона зависит правильное деление предложения: *Началась эвакуация больных, женщин и детей*. Запятая после слов *больных* передает на письме смену движения основного тона, которая указывает на то, что слово *больных* используется на равных правах со словами *женщин, детей*. Если бы не эта смена интонации, слово *больных* воспринималось бы как определение к слову *женщин*.

В европейских языках Нового времени постепенно развилась **пунктуация**, т.е. система значков, призванных отразить интонацию на письме (особенно в части, касающейся синтаксиса). Хорошим примером выразительного использования пунктуации может служить следующий пассаж из Кристофера Марло — знаменитого английского драматурга конца XVI в. В конце трагедии «Эдуард II» решается судьба свергнутого короля Эдуарда II, томящегося в темнице. Молодой Мортимер, один из тех, кто организовал арест монарха, хочет довести дело до конца и убить узника, но опасается мести сына короля (пока еще несовершеннолетнего Эдуарда III) и хочет застраховаться. И вот он на сцене читает письмо, которое будет направлено тюремщикам:

This letter, written by a friend
of ours,

Contains his death, yet bids
them save his life;

(Reads.)

Edwardum occidere nolite
timere, bonum est,

Fear not to kill the king, 'tis
good he die:

But read it thus, and that's
another sense;

Edwardum occidere nolite,
timere bonum est,

Это письмо, написанное нашим
другом,

Содержит его смерть, но велит
им спасти ему жизнь.

(Читает.)

Edwardum occidere nolite
timere, bonum est,

Не бойтесь убить короля,
хорошо, если умрет.

Но прочти его так, и смысл
будет другой.

Edwardum occidere nolite,
timere bonum est,

Kill not the king, 'tis good to
fear the worst.

Unpointed as it is, thus shall
it go.

Не убивайте короля, хорошо
бояться худшего.

Итак, без пунктуации,
отправится письмо¹.

§ 38. Понятие грамматической категории

Грамматическая категория есть обобщение, по крайней мере, двух грамматических значений, регулярно различающихся своими грамматическими формами. Грамматическими категориями являются такие грамматические понятия, как падеж, число, вид, время, лицо, залог и т.п. Сами различающиеся грамматические значения называются частными грамматическими категориями или **граммемами**. Таковы именительный падеж, родительный падеж, единственное число, множественное число, настоящее время, прошедшее время и т.п. Из определения грамматической категории следует, что не может быть языка с одним падежом, с одним временем, одним залогом и т.д. Отсюда же следует, что вопрос о том, существует ли определенная грамматическая категория, решается для каждого отдельного языка (или диалекта) независимо от других языков. Нет ни одной грамматической категории, которая была бы характерна для всех языков мира. Те грамматические значения, которые различаются в одних языках мира, могут не различаться в других.

В качестве примера рассмотрим категорию определенности. Во многих языках мира регулярными грамматическими средствами различаются предметы и понятия определенные (т.е. такие, которые уже известны и говорящему, и слушающему) и предметы неопределенные (о которых речь заходит впервые). В англ. различаются a house 'дом (какой-то)' и the house 'дом (определенный)', соответственно различаются нем. ein Haus и das Haus, фр. une maison и la maison, исп. una casa и la casa. Два грамматических значения 'определенности' и 'неопределенности' выражаются в этих языках преимущественно одними и теми же грамматическими средствами — артиклями, хотя ту же функцию побочно выполняют также указательные и притяжательные местоимения (англ. this house 'этот дом', нем. mein Haus 'мой дом' и т.п.).

Грамматические значения определенности и неопределенности могут также выражаться аффиксами или другими грамматиче-

¹ В буквальном переводе латинская фраза, лишенная пунктуации,

Edwardum occidere nolite timere bonum est —

звучит так: *Эдуарда убить не смейте бояться хорошо есть*. По-видимому, эта фраза и стала прообразом русской хрестоматийной (и анонимной) фразы — *Казнить нельзя помиловать*.

скими средствами. В некоторых романских и германских языках неопределенность выражается служебным словом (артиклем): рум. *un baiat* 'юноша', швед. *en flicka* 'девочка', *ett hus* 'дом', а определенность — суффиксом (так называемым постпозитивным артиклем): рум. *baiatul*, швед. *flickan*, *huset*. Такое же положение в армянском языке, где есть неопределенный артикль *mi* и суффикс определенности *-n*. В арабском языке определенность выражается префиксом (*al-baitu* 'дом'), а неопределенность — суффиксом (*baitun*).

Если в языке специальными приемами выражается лишь одна граммема, тогда вторая граммема выражается негативно — отсутствием специального показателя. Во многих языках есть показатель определенности, а неопределенность выражается негативно, например в иврите: *bajit* 'дом' и *habbajit* 'дом' (определенный). В таджикском языке, наоборот, есть только неопределенный (постпозитивный) артикль *-e* — *одам* 'человек' (определенный), *одаме* 'человек' (какой-то). Итак, первое свойство грамматической категории — регулярность различения грамматических значений.

Второе ее свойство — обязательность. В связном тексте германских или романских языков нельзя употребить существительное, не указав определенность или неопределенность предмета. Наличия этих двух свойств достаточно, чтобы сделать вывод: в романских и германских языках есть грамматическая категория определенности — неопределенности (или кратко — категория определенности). В русском языке говорящий может самыми разнообразными средствами указать определенность или неопределенность предмета (например: *мой дом, этот дом, один дом, какой-то дом*), но делать это вовсе не обязательно. Если романские и германские языки настойчиво повторяют все время, шла раньше речь об этом предмете или нет, русский язык как бы оставляет этот вопрос без уточнения, кроме случаев, когда это действительно необходимо. В русском языке категории определенности нет.

В тюркских языках сфера категории определенности уже, чем в западноевропейских. Она проявляется только в выборе формы для прямого дополнения: винительный падеж для определенного предмета, основной падеж для неопределенного (ср. узб. *китобни ўқийди* 'читает книгу (определенную)', *китоб ўқийди* 'читает книгу (какую-то)').

Как и другие языковые явления, грамматические категории меняются со временем. Среди афразийских языков категория определенности существовала в египетском с древнейших времен, в аккадском языке ее не было, в иврите и в арабском она развилась позднее. Среди европейских языков определенный артикль возник раньше всего в греческом языке. В классической латыни оп-

ределенного артикля еще не было, но в народной латыни указательное местоимение *ille* использовалось так часто, что в романских языках его употребление стало обязательным — возник определенный артикль. Позднее из числительного 'один' образовался и неопределенный артикль. Точно таким же путем развивалась категория определенности в германских языках.

В славянских языках эта грамматическая категория распространения не получила¹, хотя в древних славянских языках были условия для ее возникновения. Определенность существительного выражалась тогда указательной частицей со звуком [j], присоединявшейся к концу прилагательного и восходящей к самостоятельному указательному местоимению. Из этих форм и происходят полные прилагательные славянских языков. Если предмет упоминался в первый раз, то прилагательное при существительном было кратким²: *добры молодцы, красна девица*. Если же существительное обозначало уже известный предмет, то при нем стояло полное прилагательное: *добрые молодцы, красная девица*. По каким-то причинам это смысловое различие не закрепилось в языке. Различие грамматических форм сохранилось, но приобрело новую семантику. В литературном русском языке краткая форма прилагательного указывает на функцию *предикатива* (именной части сказуемого), полная форма — на функцию определенности: *Эта река глубока, но Это глубокая река*.

Категория определенности/неопределенности относится к типичным грамматическим категориям. В следующих трех параграфах будут рассмотрены три грамматические категории, отличающиеся своеобразными чертами: грамматическая категория числа как пример лексико-грамматической категории, категория падежа как пример морфолого-синтаксической категории и категория именных классов как пример классифицирующей категории. Затем будет дан краткий обзор некоторых других грамматических категорий.

§ 39. Грамматическая категория числа

Грамматическая категория числа — одна из самых распространенных категорий. Различие соответствующих граммем числа передается обычно какими-нибудь синтетическими средствами, хотя иногда число выражено не в самом существительном, а в согласуемом слове, как, например, во французском, где грамматические

¹ Только в болгарском языке есть постпозитивный артикль: *-ът, -та, -то*. например: *домът* 'дом' (определенный), *кравата* 'корова' (определенная).

² Примеры даются в современной орфографии; так, современному *молодцы* в древнерусском соответствует *молодци*.

категории существительного передаются артиклем, ср. [lafij] ‘дочь’, [lefij] ‘дочери’.

В большинстве языков, обладающих грамматической категорией числа, имеются две граммы: единственное и множественное число. Форма единственного числа обозначает один предмет, форма множественного числа — более чем один. При всей простоте этого противопоставления остается некоторая ‘ничейная земля’ — обозначение предмета вообще. Во многих языках здесь конкурируют обе формы. По-русски можно сказать *Зебра живет в Африке*, а можно и *Зебры живут в Африке*. Грамма множественного числа в тюркских языках несколько отличается от соответствующей граммы в индоевропейских языках. Круг ее использования в тюркских языках уже. Форма множественного числа, выраженная суффиксом *-lar*, не употребляется после числительных, а также в обобщенном собирательном значении.

Существуют языки, в которых есть три граммы числа: единственное (один предмет), двойственное (два предмета), множественное (более двух предметов)¹. Три граммы числа отмечаются во многих древних индоевропейских языках, например в древнерусском (табл. 13).

Таблица 13

Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
отец	отца	отцы
жена	женѣ	жены
земля	земли	землѣ
село	селѣ	села
око	очи	очеса

Постепенно различие между двойственным числом и множественным числом ослабевало, вместо одной формы могла употребляться другая. Современные формы множественного числа обычно продолжают старые формы множественного числа (*отцы, столы, кони, жены, села*), но часто также и старые формы двойственного числа (*глаза, рукава, очи, плечи*). В большинстве современных индоевропейских языков двойственное число исчезло, сохранилось оно в литовских диалектах, в словенском. Двойственное число представлено и в языках других семей, ср. араб. *baitu* (sg.), *baitani* (du.), *bujutu* (pl.) ‘дом’.

В категории числа собственно грамматические моменты тесно переплетаются с лексическими, поэтому эту категорию можно считать лексико-грамматической. Переплетение лексики и грамматики проявляется прежде всего в том, что не все существительные могут иметь обе формы числа. Семантика отдельных существительных не допускает счета, и, значит, у них противопоставление единственного и множественного числа лишено смысла, иными словами, оно семантически нейтрализовано. Подобные

¹ Часто употребляются соответствующие латинские сокращения: sg. — singularis, du. — dualis, pl. — pluralis.

существительные избирают или единственное (*singularia tantum*), или множественное (*pluralia tantum*) число. Существительные, у которых оппозиция единственного и множественного числа семантически нейтрализована, относятся к трем основным разрядам несчитаемых существительных (примеры из русского языка) (табл. 14).

Отнесение существительных к несчитаемым меняется от языка к языку. Никакими рациональными соображениями нельзя объяснить, почему в русском языке *помидоры* и *сливы* относятся к считаемым существительным, а *картофель* и *капуста* — к несчитаемым (а в английском языке *potato* и *cabbage* относятся к считаемым существительным). Нельзя объяснить, почему собирательное существительное *народ* может принимать форму множественного числа (ср. *народы Европы*), а слово *молодежь* — не может (ср. *молодежь стран Европы*).

Вторая сторона взаимодействия лексики и грамматики в категории числа заключается в процессе **лексикализации** грамматических форм, суть которого состоит в том, что грамматические формы некоторых слов (в данном случае формы множественного числа) приобретают особое лексическое значение. Рус. *лес* означает ‘множество деревьев’, такое же значение может иметь и форма множественного числа (например, *леса Сибири*). Кроме того, форма множественного числа *леса* может употребляться и в другом значении: ‘временные сооружения вокруг строящегося здания’. Слово *бег* в единственном числе имеет значение ‘действие по глаголу *бежать*’, форма множественного числа *бега* означает ‘место для состязания лошадей’ (ср. также *весы, часы*).

Наконец, соединение лексических и грамматических значений проявляется и в процессе, противоположном лексикализации. Этот процесс заключается в постепенном создании парадигмы путем

Таблица 14

Singularia tantum	Pluralia tantum
1. Вещественные существительные	
<i>Картофель, горох, капуста, молоко, шерсть, баранина</i>	<i>дрова, макароны, щи, чернила, белила</i>
2. Абстрактные существительные (и названия действий)	
<i>Дружба, тишина, гибель, проза, голод, испуг, тоска, терпение</i>	<i>происки, нападки, козни, сутки, похороны, прятки, дебаты</i>
3. Собирательные существительные	
<i>Белье, листва, беднота, родня, молодежь</i>	<i>деньги, финансы, латы, брюки, носилки, сани, грабли, тиски</i>

Ед. ч.	Мн. ч.	Коллект. ч.
Il llen 'полено'	dus llens 'два полена'	la llena 'поленья'
In pum 'один плод'	treis pums 'три плода'	bia puma 'много плодов'

объединения разных слов. Можно полагать, что формы множественного числа современных языков во многих случаях восходят к особым словам с собирательным значением. В индоевропейских языках объединение двух слов в одну парадигму завершилось очень давно. Но в древнегреческом языке сохранились следы былого положения. Формы множественного числа слов среднего рода кончаются на *-α* (так же, как и во многих собирательных существительных женского рода в индоевропейских языках) и согласуются с глаголом в единственном числе: *Τὰ δένδρα φέρει καρπούς* 'Деревья приносят (букв. 'приносит') плоды'¹. Последнее обстоятельство указывает на то, что данная форма существительного была раньше формой единственного числа и только затем была переосмыслена как форма множественного числа.

Начальные этапы создания новой граммы числа можно наблюдать в современном ретороманском языке. Здесь бывшее собирательное существительное втягивается в парадигму числа. При этом форма множественного числа сохраняется при числительном, а новая форма коллективного числа обозначает неопределенное множество (табл. 15).

Точно такая же система в шугнанском языке: *ōdam* 'один человек', *ōdamén* 'люди', *ōdamxēl* 'люди вообще, род людской'.

§ 40. Грамматическая категория падежа

Изменение имен по падежам называется **склонением**.

Своеобразие грамматической категории падежа заключается в том, что в ней синтетическими (морфологическими) средствами выражены синтаксические функции. Падеж — морфолого-синтаксическая категория. В значении падежных форм отражены разнообразные синтаксические конструкции, поэтому так трудно описать граммы падежа, да и передать смысл категории падежа в целом. Расплывчатость собственной семантики падежа затрудняет межъязыковое сравнение склонения. Если грамматическая категория числа сравнительно мало менялась от языка к языку,

¹ Интересно, что аналогичное правило действует в таджикском языке, где неодушевленные имена существительные во множественном числе сочетаются с глаголом в единственном числе.

грамматическая категория падежа отличается исключительным разнообразием своих проявлений.

Во многих языках грамматической категории падежа нет. Синтаксические конструкции в таких языках строятся без помощи синтетических грамматических средств. Падежей не знают австронезийские языки, большинство романских, многие иранские (например, таджикский), абхазский и др.

Теоретически минимальное число падежей (два падежа) встречается редко. С некоторыми колебаниями можно признать двухпадежную систему склонения в английском языке. Местоимения в английском имеют два падежа — именительный и объектный: He saw them 'Он увидел их'. They saw him 'Они увидели его'. Объектный падеж выражен здесь флексией -m. По аналогии падежными формами считаются супплетивные I и me 'я', she и her 'она', we и us 'мы'. Меньше оснований говорить о склонении английских существительных. Флексию 's так называемого притяжательного падежа можно с таким же успехом считать особой притяжательной частицей. Два падежа мы находим в румынском, в некоторых индийских и иранских языках. Можно полагать, что двухпадежная система лишь этап на пути к полному исчезновению падежей.

Столь же редко встречается трехпадежная система, например в классическом арабском: именительный, родительный и винительный; в белуджском: основной, притяжательный и объектный.

Чаще всего категория падежа включает от 4 до 8 падежей: 4 падежа в древнегреческом, немецком; 5 падежей в древнеперсидском; 6 падежей в латинском, русском, цыганском, в большинстве тюркских; 7 падежей в украинском, латышском, литовском, армянском, грузинском; 8 падежей в древнеиндийском, чувашском¹.

В качестве образца падежной системы рассмотрим склонение имен в тюркских языках. Типичная тюркская падежная система включает шесть граммем:

1. Основной падеж	(с нулевой флексией)
2. Родительный падеж (генитив)	-(n)in
3. Винительный падеж (аккузатив)	-(n)i
4. Направительный падеж (<i>аллатив</i>)	-ya
5. Местный падеж (<i>локатив</i>)	-da
6. Исходный падеж (<i>аблатив</i>)	-dan

Первые три падежа относятся к синтаксическим. Их значения определяются теми синтаксическими конструкциями, в которых

¹ Число падежей в том или ином языке не всегда легко определить. В русском языке, по мнению некоторых лингвистов, 7 падежей (разными падежами считаются при этом *о лесе* и *в лесу*). Иногда падежными формами не считают звательные формы (вокатив).

они встречаются. Винительный падеж обозначает определенный объект при глаголе, родительный — определение к имени. Основной падеж используется в иных конструкциях. (В других языках, например в русском, немецком, вся падежная система состоит из синтаксических падежей.)

Последние три падежа относятся к пространственным. В отличие от синтаксических значение пространственных падежей более конкретно. Три пространственных падежа тюркских языков описывают следующие типичные ситуации: 1) нахождение где-то (локатив): узб. *Тошкентда* ‘в Ташкенте’; 2) движение куда-то (аллатив): узб. *Тошкентга* ‘в Ташкент’; 3) движение откуда-то (аблатив): узб. *Тошкентдан* ‘из Ташкента’.

В некоторых языках может быть по несколько серий пространственных падежей, что резко увеличивает число падежей в системе склонения. Так, в финском языке из 14 падежей 6 относятся к пространственным и распадаются на 2 серии по 3 падежа. Внутриместные падежи включают инессив (*saunassa* ‘в бане’), иллатив (*saunaan* ‘в баню’), элатив (*saunasta* ‘из бани’), Внешнеместные падежи включают адессив (*saunalla* ‘на бане’, т.е. ‘на крыше’), аллатив (*saunalle* ‘к бане’), аблатив (*saunalta* ‘от бани’).

Конечно, пространственные (конкретные) падежи не отделены резко от синтаксических (абстрактных). В тюркских языках, например, аллатив часто превращается в дательный (датов). В индоевропейских языках пространственные падежи (локатив и аблатив) постепенно превращались в синтаксические.

Падежная система может иметь несколько уровней. Рассмотрим в качестве типичного случая категорию падежа в цыганском языке. Из 6 падежей именительный и винительный относятся к первому уровню, их ударные флексии присоединяются прямо к основе: *чяво* ‘мальчик, парень’, *чявэ* ‘мальчика, парня’ (винительный падеж); *чявэ* ‘мальчики, парни’, *чявэн* ‘мальчиков, парней’. Безударные флексии падежей второго уровня присоединяются к форме винительного падежа: *чявэскэ* ‘мальчику’ (дательный падеж), *чявэстэ* ‘мальчика’ (притяжательный падеж), *чявэстыр* ‘от мальчика’ (аблатив), *чявэса* ‘с мальчиком’ (комитатив).

В максимальной степени многоуровневый характер падежной системы проявляется в табасаранском языке, имеющем рекордное число падежей (46!). Падежей первого уровня всего два: именительный (или номинатив) и эргативный. К основе эргатива могут добавляться флексии, образующие падежи второго уровня, среди которых 2 синтаксических: родительный и дательный; остальные 7 местных падежей обозначают нахождение: 1) в чем-то ‘в мельнице’, 2) на чем-то ‘на реке (в лодке)’, ‘на верхушке дерева’, 3) за чем-то ‘за мельницей’, 4) под чем-то ‘под рекой’, т.е. ‘под водой’, 5) у чего-то ‘у реки’, 6) между чем-то, среди чего-то ‘на дереве, среди ветвей’, 7) на вертикальной плоскости ‘на стене’. К формам 7 местных падежей могут добавляться аффиксы -па (со значением движения куда-то) и -ап (со значением движения откуда-то), что дает еще 14 местных падежей третьего уровня, например: ‘в мельницу’, ‘к реке’, ‘из-за реки’, ‘со стены’. Формы падежей

всех уровней могут присоединять аффикс -di (ti,i). Этот аффикс обычно означает движение вдоль чего-то, по направлению к чему или от чего-то: 'вдоль реки', 'по направлению к реке'. Таким образом, создается еще 21 местный падеж.

По сравнению с другими категориями грамматическая категория падежа довольно неустойчива и подвижна. Формальная нейтрализация, как в русском *стол* (именительный и винительный), *стене* (дательный и предложный), может стать начальным шагом на пути к **слиянию (синкретизму)** падежей. В ходе развития индоевропейских языков неоднократно смешивались локатив, аблатив, датив и инструменталис (или орудийный падеж). В некоторых группах языков падежная система постепенно сокращается, а затем исчезает полностью.

Характерна судьба категории падежа в иранских языках. В авестийском языке было 8 падежей, в современных иранских языках встречается 3 падежа (в белуджском) или 2 (в курдском, тальшском, ягнобском). Наконец, в персидско-таджикском языке падежи исчезли полностью. Однако грамматическая категория падежа может возродиться. В результате агглютинации послелогои могут превращаться в новые падежные флексии. Новая падежная система в осетинском языке включает 9 падежей (из них 4 пространственных). Тюркская 6-падежная система в якутском языке обогатилась тремя граммемами: творительным падежом, совместным (или комитативом), сравнительным падежом (или компаративом).

§ 41. Грамматическая категория именных классов

Во многих языках мира среди имен существительных выделяются разные классы с различным грамматическим поведением (разными типами словоизменения, разными правилами согласования). Некоторые из этих классов никак не связаны со смысловыми различиями, их можно назвать **формальными классами**. Такие формальные классы обычны в индоевропейских языках. В русском языке, например, выделяются три основных типа склонения, которые, в свою очередь, содержат много подклассов, различающихся флексиями и местом ударения.

От формальных классов отличаются **семантизированные именные классы**. Обобщенное значение таких классов называется **классифицирующей грамматической категорией**.

В русском языке прямое дополнение выражается двояким образом в зависимости от класса существительного: у одушевленных существительных форма вин.п. мн.ч. совпадает с формой род.п., у неодушевленных существительных она совпадает с формой им.п. (*Я вижу птиц*, но *Я вижу деревья*). Различие двух клас-

сов семантизировано почти на 100 %. К одушевленным относятся названия людей и животных, к неодушевленным — все остальные¹. Соответствующая грамматическая категория **одушевленности/неодушевленности** встречается и в других славянских языках². В абхазском принцип деления несколько иной, все имена делятся на два класса: 1) обозначающие человека и 2) все остальные.

В некоторых языках деление на именные классы проводится по принципу пола: к первому классу относятся названия мужчин, ко второму — названия женщин, к третьему — все остальные. Соответствующее обобщенное значение называется **грамматической категорией рода**. Деление на три грамматических рода проводится, например, во многих дравидских языках, в аварском и некоторых андийских языках. Различие между тремя классами существительных здесь выражено не в самом существительном, а в согласуемых словах (в прилагательных и глаголах), такие классы называются **согласовательными**. Слова, согласуемые с первым классом в годоберинском языке (одном из андийских), имеют в единственном числе префикс v-, для второго класса характерен префикс j-, третий класс характеризуется префиксом b-:

vaxar adami vaKa	‘старый человек был’
jaxar jaTʃi jiKa	‘старая сестра была’
baxar xvai buKa	‘старая собака была’

Согласование — главный прием выражения рода и в индоевропейских языках (например: рус. *черный кофе, черная тушь, черное крыло*).

Категория грамматического рода в индоевропейских языках семантизирована частично. Когда речь идет о людях, эта категория осмыслена почти полностью³. В применении к животным она осмыслена, когда имеются в виду самцы и самки, например *бык* (мужской род) и *корова* (женский род), но она ничем не объясняется при названии животного вообще. Нельзя объяснить, почему рус. *заяц* или *олень* мужского рода, а *мышь* или *собака* — женского. Полностью лишено смысла отнесение к одному из трех родов неодушевленных существительных. Таким образом, родовые классы в индоевропейских языках можно назвать полужформальными.

¹ С научной точки зрения исключением являются слова *кукла, мертвец*, относящиеся к первому классу.

² Одушевленные и неодушевленные предметы различаются в большинстве языков мира, но обычно лишь лексическими средствами, например местоимениями типа *кто* или *что*. Грамматическая категория одушевленности есть лишь там, где соответствующее различие выражено грамматическими средствами.

³ Впрочем, в некоторых языках возможны отдельные отступления, ср. нем. *das Mädchen* (средний род) ‘девочка’.

Отсюда следует, что три грамматических рода в ходе истории языка могут частично или полностью смешиваться. Трехродовая система древних индоевропейских языков целиком сохранилась в славянских языках, в немецком, исландском, греческом. Однако она была преобразована в двухродовую систему (мужской и женский род) в романских, балтийских языках, в большинстве новоиндийских языков. Обычно при этом сливаются мужской и средний род. Другая возможность осуществлена в некоторых германских языках. В датском и шведском мужской и женский род совпали в общем роде, противопоставленном среднему роду. Полностью утрачена категория рода во многих новоиранских языках (в частности, в персидско-таджикском), в армянском, бенгальском, английском¹.

Грамматическая категория рода характеризует афразийские языки, где четко различаются два рода — мужской и женский, ср. араб. *al baitu kabīrun* ‘дом велик’ (мужской род) и *aššamsu kabīratun* ‘солнце велико’ (женский род).

Категория именных классов — главная отличительная черта грамматической структуры языков банту. Принадлежность к тому или иному классу выражается, как правило, префиксами в самом существительном и в согласуемых с ним словах. Так, в языке суахили корень *-tu* может принимать префиксы разных классов, соответственно меняя форму согласуемых слов: *jule mtu mdogo* ‘тот маленький человек’ (1-й класс, букв. ‘тот человек маленький’), *wale watu wadogo* ‘те маленькие люди’, *kile kitu kidogo* ‘та маленькая вещь’ (4-й класс), *vile vitu vidogo* ‘те маленькие вещи’. В языках банту может быть более десятка именных классов. Семантическое различие между классами не имеет отношения к полу. 1-й класс объединяет названия людей, 2-й включает названия деревьев и растений вообще, 3-й иногда называют классом круглых предметов, сюда относятся названия зуба, глаза, головы, многих плодов, в формы множественного числа также включаются названия жидкостей, абстрактные и собирательные существительные, 4-й класс — класс вещей, 5-й включает названия животных, но также множество других слов с самой разнообразной семантикой, 6-й иногда называют классом продолговатых предметов (*ребро, палка, нить, питон*) и т. д. Таким образом, именные классы в языках банту семантизированы, хотя и не полностью. Некоторые классы (3, 5, 6-й) носят смешанный характер, в других классах могут встречаться слова, не укладывающиеся в общую семантику класса.

Именные классы представлены в некоторых языках Дальнего Востока, где они выражаются особыми счетными словами или суффиксами. В этих языках числительное нельзя присоединить к существительному без особого счетного слова, выбор которого зависит от класса существительного. Так, в китайском *и* ‘один’ и *чжоцза* ‘стол’ соединяются при помощи счетного

¹ Пережиточно сохранилось различие трех местоимений: *he* ‘он’, *she* ‘она’ и *it* ‘оно’.

суффикса *чжан* (этимологическое значение — ‘лист’): *ичжан чжоцза* ‘один стол’. Эти счетные элементы напоминают русские слова *пара, голова*, иногда используемые при счете (*две пары брюк, сто голов скота*). Отличие заключается в том, что в китайском или корейском языке необходимо в любом случае применить счетное слово или суффикс. Тем не менее именные классы, выражаемые счетными словами, не создают еще подлинную грамматическую категорию; слишком неустойчивы правила их употребления, чересчур малочисленны сами именные классы. Так, в корейском языке суффикс *-чу* (этимологически ‘ствол’) соответствует классу, объединяющему деревья и бревна, *-ип* соответствует классу, куда относятся названия шляп, матрацев и т. п., *-чаро* — для класса, включающего названия мечей, ножей, вееров и т. д.

§ 42. Обзор некоторых грамматических категорий

Выше были рассмотрены четыре грамматические категории, резко отличающиеся друг от друга как своей семантикой, так и способом выражения. Теперь рассмотрим важнейшие грамматические категории, более или менее распространенные во многих языках мира. Это категория принадлежности, категория предикативности, категория лица, категория градуальности, категория социальной ориентации, категория наклонения, категория времени, категория вида, категория залога.

В языках мира нередко встречается категория **принадлежности**. В тех языках, где эта категория есть, существительные, как правило, сопровождаются аффиксом, указывающим на грамматическое лицо человека, которому принадлежит вещь, обозначенная существительным. Категория принадлежности характерна для алтайских, уральских, западнокавказских языков. Примером могут служить узбекские формы:

<i>отам</i> ‘мой отец’	<i>отамиз</i> ‘наш отец’
<i>отанг</i> ‘твой отец’	<i>отангиз</i> ‘ваш отец’
<i>отаси</i> ‘его (ее, их) отец’.	

В категории принадлежности некоторые языки различают неотчуждаемую и отчуждаемую принадлежность. Так, в адыгейском языке префиксы неотчуждаемой принадлежности присоединяются к обозначениям частей тела: *су-п* ‘мой глаз’, *ву-п* ‘твой глаз’; к обозначениям имени, возраста, цены, дочери, брата, сестры. Префиксы отчуждаемой принадлежности присоединяются к обозначениям других объектов (*си-су* ‘мой конь’, *wi-упа* ‘твой дом’). Интересно, что к отчуждаемым объектам адыгейский язык относит отца, мать, жену и мужа.

Обычно в предложении сказуемым является глагол, однако в той же роли иногда выступает имя (например, рус. *Он студент*). Есть языки, в которых имя в функции сказуемого сопровождается особым морфологическим показателем. Такие языки обладают категорией **предикативности**. Например, в ретороманском языке *Il frar ei in mat grond e ferm* ‘Брат — человек (mat) большой и сильный’ и *Il frar ei gronds e ferms* ‘Брат — большой и сильный’, в последнем случае прилагательное является сказуемым и сопровождается особым аффиксом предикативности (s).

Специфической категорией прилагательных и наречий в индоевропейских языках является категория **градуальности** (или степеней сравнения). Эта категория включает две или три граммы: положительную, сравнительную, а в некоторых языках еще и превосходную степень, ср.:

Рус.	<i>бедн-ый (бедн-о)</i>	<i>бедн-ее</i>	<i>бедн-ейш-ий¹</i>
Англ.	poor	poor-er	poor-est
Нем.	arm	ärm-er	ärm-st
Лат.	pauper	paupér-ior	paupér- <i>im-us</i> ²

Категория градуальности характерна также для некоторых уральских языков.

В большинстве языков мира различаются: 1) сам говорящий, 2) собеседник и 3) тот, кто не участвует в разговоре. В тех случаях, когда это различие выражено грамматическими средствами в глаголе или имени, можно говорить о грамматической категории **лица**. Например, в китайском языке существуют личные местоимения *во* ‘я’, *ни* ‘ты’, но нет грамматической категории лица. Напротив, в большинстве языков мира эта категория выражена в глаголе (табл. 16).

Обычно категория лица содержит в себе указание на число (в индоевропейских, картвельских, семитских) и включает тогда шесть граммем (три для единственного числа и три для множественного). Число граммем может увеличиваться за счет различения **инклюзива** (смысл ‘мы с тобой’) и **эксклюзива** (‘мы без тебя’), например, в дравидских языках.

В некоторых языках (семитских, западнокавказских) глагольные аффиксы одновременно выражают лицо и категорию именного класса (рода), ср. араб. *jaktubu* ‘он пишет’, *taktubu* ‘она пишет’.

Значение грамматической категории лица может осложняться дополнительными социальными моментами. В вежливой речи

¹ Впрочем, *-ейш-* можно считать словообразовательным суффиксом и исключить тогда превосходную степень из числа граммем градуальности в русском языке.

² В романских языках категория градуальности утрачена.

формы лица и числа могут использоваться метафорически. Так, во французском языке формы 2-го лица мн. ч. используются в вежливом обращении не к группе людей, а к одному человеку. Под влиянием французского языка такое употребление утвердилось и в русском. Например, при обращении к незнакомому человеку: *Скажите, пожалуйста!* (но не *Скажи!*)¹.

Рус.	Англ.	Фр.	Нем.	Адыг.
<i>иду</i>	go	vais [ve]	gehe	se-Ko
<i>идешь</i>	go	vas [va]	gehst	o-Ko
<i>идет</i>	goes	va [va]	geht	ma-Ko

В немецком языке в тех же целях используется форма 3-го лица мн. ч.: *Sagen Sie mir, bitte...* ‘Скажите, пожалуйста’ (букв. ‘говорят они мне’). В итальянском языке вежливая форма строится, как во французском, но еще более вежливая форма включает местоимение 3-го лица ед. ч. *Lei*, например: *Lei sa* ‘Вы знаете...’ (букв. ‘она знает’). Глагольная форма 3-го лица ед. ч. обычна в тех случаях, когда при вежливом обращении используется слово, восходящее к существительному, например: исп. *usted sabe* ‘Вы знаете’ (*usted* произошло из *Vuestra merced* ‘Ваша милость’) или польск. *Pan wiedzie* (букв. ‘Господин знает’). Таким образом, рядом с категорией лица может развиваться грамматическая категория **социальной ориентации**. Примером служит спряжение глагола в бенгальском языке:

<i>tui koriš</i>	‘ты делаешь’ (фамильярная форма)
<i>tumi kogo</i>	‘ты делаешь’ (обычная форма)
<i>apni koren</i>	‘вы делаете’ (вежливая форма)

Максимального развития категория социальной ориентации получила в корейском языке (здесь она не связана с лицом). В современном языке выражены в формах глагола пять граммем. Так, формы глагола *делать* включают:

1) *he* — фамильярная форма (при обращении к детям, в семье, при обращении к незнакомцам выражает пренебрежение),

2) *ha-pda* — нейтральная форма (в книжной речи, в разговоре равных),

3) *ha-pe* — интимная форма (в разговоре друзей, в поэзии),

4) *ha-o* — учтивая форма (в разговоре с равными, но подчеркнуто вежливо) и

5) *ha-mni-da* — вежливая форма (в разговоре со старшими, с незнакомыми).

Еще в прошлом веке в корейском литературном языке было девять граммем социальной ориентации.

¹ В английском языке вежливый оборот (с местоимением *you*) привел к почти полному исчезновению форм 2-го лица ед. ч. Архаическое *thou* [θau] употребляется в общении с Богом.

Среди грамматических категорий глагола наиболее распространенными являются наклонение, время, вид, залог.

Грамматическая категория **наклонения** в форме глагола показывает, как соотносится с реальностью действие, выраженное этим глаголом. При минимальном числе граммем (как, например, в бенгальском) различаются два наклонения: изъявительное, или *индикатив* (от лат. *indico* 'указываю, говорю'), и повелительное, или *императив* (от лат. *impero* 'приказываю'). Значение императива — 'приказ, повеление'. Со стороны своего выражения императив во многих языках характеризуется отсутствием специального аффикса, часто форма императива совпадает с корнем глагола.

Если в языке представлено более двух граммем наклонения, индикатив передает действие как реальное, а остальные (косвенные) наклонения по-разному ослабляют реальность, вносят в нее элементы сомнения, предположительности, желательности и т. п. При трех граммемах наклонения (например, в русском) косвенное наклонение называется сослагательным (*конъюнктивом*) или условным (*кондиционалисом*)¹. Если же в языке более трех наклонений, то граммемы косвенных наклонений по-разному делят всю область нереального. Есть много языков (например, древнегреческий, литовский, узбекский), в которых к указанному наклонению добавляется желательное наклонение, или *оптатив* (лат. *opto* 'желаю, стремлюсь'), передающее желательное действие. В корейском языке есть два побудительных наклонения: повелительное (со смыслом 'иди!') и пригласительное ('пойди, а?', 'может быть, пойдешь?'). Остальные наклонения различаются степенью уверенности говорящего в реальности действия: изъявительное ('идет'), очное наклонение ('идет, я видел'), заочное I ('говорят, что идет'), заочное II ('утверждают, что идет'), категорическое ('обязательно приду') и, наконец, предположительное ('вероятно, идет'). Здесь на первый план выступает личная осведомленность говорящего.

Грамматическая категория **времени** показывает, как соотносится с моментом речи реальное время действия, выраженного глаголом. Логическое различие настоящего, прошлого и будущего далеко не всегда совпадает с граммемами времени. Правда, такое совпадение мы находим в русском языке (*читаю, читал, буду читать*), в латинском (соответственно: *lego, legebam, legam*), но в большинстве языков мира число граммем не равняется трем. Например, в древних германских языках было два времени: настоящее (др.-англ. *sime* 'прихожу, приду') и прошедшее (др.-англ. *sat* 'я пришел'). В языке йоруба тоже две граммемы времени: будущее и не-будущее. В языках, где категория времени включает лишь две граммемы, уточнение реального времени происходит

¹ От лат. *conjunctio* 'сопряжение, связь' и *conditio* 'условие'.

при помощи имен, наречий (подобно тому, как уточняется реальное время в русском предложении *Завтра я еду в Питер*). Число граммем времени может быть больше трех. Так, в языке ганда пять времен: 1) настоящее ('видим'), 2) будущее определенное ('увидим или сегодня, или в определенный срок'), 3) будущее неопределенное ('увидим когда-нибудь'), 4) прошедшее ('видели'), 5) продолженное ('видели раньше и теперь видят').

Очень часто грамматическая категория времени переплетается с категорией вида. Термин *вид* нельзя признать удачным. Традиционно его значение определяется как способ протекания действия, хотя такое определение слишком широко и туманно. В том или ином языке может быть несколько грамматических категорий, в равной мере передающих способ протекания действия, тогда приходится применять разные термины: «вид», «аспект», «способ действия» и т. п. Так, длительный характер действия в таджикском языке передается аналитическими формами типа деепричастие прошедшего времени + вспомогательный глагол: *навишта истед* 'все время пишете' (букв. 'писав, стойте'), *навишта ништаастед* 'все время пишем (монотонно)' (букв. 'писав, сидим'), *навишта гаштааст* 'он пописывает, постоянно пишет' (букв. 'писав, ходит'), *навишта баромадам* 'я тщательно писал' (букв. 'писав, выходил') и т. д.

В английском языке форма общего или неопределенного вида (аспекта) противопоставлена аналитическим формам, которые обозначают действие в какой-то определенный момент времени: *he writes* 'он пишет' (обычно), *he is writing* 'он пишет' (сейчас). Аналогичное различие проводится в таджикском языке (соответственно: *менависад* и *навишта истодааст*).

Довольно часто видовые различия укладываются в противопоставление 'совершенный/несовершенный'. Это противопоставление может быть независимым от категории времени. Так, в латинском языке оппозиция форм *инфекта* (*infectus* 'несделанный, несовершенный') и *перфекта* (*perfectus* 'совершенный') проводилась во всех трех временах: к приведенным выше временным формам глагола *lēgere* 'читать' можно добавить соответствующие формы перфекта: *lēgi* 'прочел' (сейчас), *lēgeram* 'прочел' (в прошлом), *lēgего* 'прочту'. Основы инфекта четко противопоставлены основам перфекта по долготе корневого гласного, различны и суффиксы времен, флексии. Но уже в этой системе заложена возможность слияния категорий вида и времени. Настоящее время перфекта связано с настоящим моментом (*я прочел*, результат налицо — я знаю содержание книги), но оно же связано с прошлым, ведь само действие уже закончилось. Настоящее время перфекта становится соединительным звеном двух категорий — времени и вида, поэтому в некоторых языках образуется сложный конгломерат видовременных форм.

В качестве примера рассмотрим 13 видовременных граммем французского языка. Три граммемы могут считаться исходными: 1) настоящее время (*présent*): *il vient* 'он приходит', 2) имперфект¹ (*imparfait*): *il venait* 'он приходил', 3) аорист² (*passé simple*): *il vint* 'он пришел (когда-то в прошлом)'. От форм первых двух граммем с помощью суффикса *r* образуются формы граммем следования: 4) будущее время (*futur*): *il viendra* 'он придет' и 5) будущее в прошедшем (*futur du passé*): *il viendrait* 'он должен был (или собирался) прийти (после какого-то момента в прошлом)'. От форм четырех первых граммем с помощью вспомогательного глагола образуются аналитические формы предшествования: 6) перфект (*passé composé*) *il est venu* 'он пришел (и сейчас находится здесь)', 7) плюсквамперфект³ (*plus-que-parfait*) *il était venu* 'он пришел (и в данный момент прошлого был здесь)', 8) давнопрошедшее время (*passé antérieur*) *il fut venu* 'он пришел (до того, как что-то произошло в прошлом)', 9) предбудущее (*futur antérieur*) *il sera venu* 'он придет (до какого-то события в будущем)'. От форм двух первых граммем можно образовать еще формы непосредственного следования и формы непосредственного предшествования: 10) *il va venir* 'он вот-вот придет', 11) *il allait venir* 'он вот-вот должен был прийти', 12) *il vient de venir* 'он только что пришел', 13) *il venait de venir* 'он как раз пришел (до какого-то события в прошлом)'. Некоторые из этих видовременных граммем (например, 1, 2, 3, 4, 6-я) прямо соотнесены с моментом речи, их называют *абсолютными*. Другие (например, 5, 7, 9, 13-я) соотнесены с каким-то моментом в прошлом или будущем, их называют *относительными*.

Конечно, этот сложный набор скрывает некоторое переходное состояние. Часть этих форм (например, *passé simple*, *passé antérieur*) уходят из повседневной речи.

Категория **залога** в форме глагола показывает отношение подлежащего к производителю действия или к объекту действия. В предложении *Солдаты построили мост* слово *солдаты* — подлежащее, с которым согласуется глагол-сказуемое. Одновременно это слово обозначает реальных производителей действия. Совпадение подлежащего с обозначением производителя действия характерно для **активного** (или действительного) **залога**. В предложении *Мост был построен (солдатами) за пять часов* подлежащим является слово *мост*, обозначающее объект действия. При этом глагол *построить* употреблен в аналитической форме (*был построен*) **пассивного** (или страдательного) **залога**. Категория залога в глаголе носит морфолого-синтаксический характер. В форме глагола отражаются отношения между членами синтаксической конструкции. В русском языке страдательный залог образуется только от *переходных глаголов* (т. е. от глаголов, в активной форме управляю-

¹ Лат. *imperfectus* 'несовершенный'.

² Греч. *αβριστος χρόνος*. Термин «аорист» обозначает однократное действие (особенно в прошлом), например, со значением 'ударил'.

³ Лат. *plusquamperfectus* 'более чем совершенный'.

ших винительным падежом). В других языках аффиксы залогов обладают большей свободой выбора.

§ 43. Части речи

Термин «части речи» (лат. *partes orationis*) возник еще в древности, однако проблема выделения и классификации частей речи остается до сих пор не решенной. Трудности связаны с двумя основными вопросами: 1) что следует считать одним и тем же словом? 2) каковы принципы грамматической классификации слов?

При объединении разных форм в одну парадигму обычно учитывают степень регулярности образования форм. Так, неличные формы глагола (инфинитивы, причастия, деепричастия) объединяются в одну парадигму с личными формами, потому что и те и другие связаны регулярными отношениями трансформации. От личных форм по некоторым правилам можно образовать неличные и наоборот. При этом объединяемые формы могут сильно различаться своими грамматическими значениями. Причастие обычно считается формой глагола, хотя многими свойствами оно похоже на прилагательное.

Инфинитив образуется от личных глагольных форм по твердым правилам. Так, в русском языке инфинитив образуется путем добавления стандартного суффикса {ti}¹ к так называемой второй основе, которая представлена также в форме прошедшего времени (*чита-л* и *чита-ть*, *лег* и *лечь*). В отличие от инфинитива имена действия образуются по разным моделям: *учу* и *учение*, *учеба*; *хожу* и *хождение*, *ходьба*; *бегу* и *бег*; *спешу* и *спешка*. В арабском языке имеется свыше 40 моделей образования отглагольных имен действия, причем от одного и того же глагола имена действия часто образуются по двум и более моделям. Нерегулярность образования заставляет считать эти формы именами, а не глагольными формами (инфинитивами). Это же соображение дает основание признать разными словами русские глаголы, различающиеся видом (*читать* и *прочитать*, *писать* и *написать*). Всем нам привычное противопоставление совершенного и несовершенного вида, скорее, следует отнести к сфере классифицирующих категорий (только не именных классов вроде грамматических родов, а глагольных классов). Это различие лишь косвенно связано со словоизменением (глаголы совершенного вида имеют две временные формы — прошедшего и будущего времени, у глаголов несовершенного вида таких форм три).

¹ Выбор алломорфов определяется местом ударения и характером предшествующего звука, ср.: *нести*, *красть*, *жечь*.

Напротив, формами одной парадигмы следовало бы признать англ. quiet ‘спокойный’ и quietly ‘спокойно’, strong ‘сильный’ и strongly ‘сильно’, настолько регулярен прием прибавления суффикса [li] к основе прилагательного. Такое же решение можно принять и для русских наречий на -о (*легко, сильно, часто*)¹.

Собственно лингвистические принципы выделения частей речи еще не выработаны окончательно. Главное препятствие здесь — многовековая традиция считать части речи выражением универсальных логических категорий. Со времен древнегреческих философов было принято считать, что существительное обозначает предмет, глагол — действие, прилагательное — качество или признак, числительное — число и т. д. Поскольку признавалось, что в человеческой мысли обязательно существуют эти логические понятия, постольку в языках мира должны быть одни и те же части речи. В настоящее время лингвисты полагают, что состав частей речи может меняться от языка к языку. Однако старые представления и сейчас еще не изжиты.

Выделение частей речи должно основываться на грамматических соображениях. Пока не ясно, могут ли существовать языки, в которых не было бы грамматических классов слов, различающихся грамматическим поведением. Какие бы языки ни описывались до сих пор, в них удавалось различить несколько самых широких грамматических классов или частей речи. Различия между частями речи могут быть или морфологическими, или синтаксическими. В свою очередь, морфологические различия можно подразделить на различия в словоизменении (в составе грамматических категорий, в составе грамем, в технике словоизменения) и в словообразовании. В зависимости от типа языка те или иные из этих критериев приобретают разный удельный вес.

Первая граница, которую обыкновенно удается провести между частями речи, разделяет имя и глагол². Так, в тюркских языках имя и глагол различаются набором грамматических категорий. Для имени характерна категория падежа, для глагола — категории залога, времени. В то же время ряд грамматических категорий присущ обоим классам (категория лица и числа). Соответственно различаются и аффиксы словоизменения и словообразования. Например, для узбекского имени характерны падежные аффиксы, словообразовательные суффиксы -tʃi (*пахтачи* ‘хлопкороб’), -liq (*пахтачилик* ‘хлопководство’), -tʃa (*кизча* ‘девочка’) и т. п. В то же время целый ряд суффиксов может присоединяться и к именам, и к глаголам, например -lag (для выражения мн. ч.), притяжатель-

¹ Обычно прилагательное и производное от него наречие считаются разными словами.

² Для обозначения имени часто используется символ N, для обозначения глагола — V.

ные суффиксы имен совпадают с флексиями лица некоторых глагольных времен. В русском языке имя и глагол противопоставлены еще более резко.

В языках со слаборазвитой аффиксацией различия имени и глагола проявляются в сочетаемости. Например, в полинезийских языках самый широкий класс глаголов может следовать за местоимениями, перед которыми могут стоять частицы времени, вида и наклонения. Если полнозначное слово не обладает подобной сочетаемостью, оно относится к именам.

Среди имен может наблюдаться дальнейшее деление на части речи. В русском языке, например, противопоставлены друг другу имя существительное и имя прилагательное, которые различаются характером своих грамматических категорий. У прилагательных категории рода, числа и падежа зависят от существительного, с которым они согласованы. Кроме того, у прилагательных есть категории градуальности (степеней сравнения) и предикативности (краткие формы). Значительно различаются флексии существительных и полных прилагательных, ср.: *большой дом, большого дома, в большом доме*. Словом, в русском языке есть все основания считать эти два класса разными частями речи. Достаточно четко существительные и прилагательные различаются уже в древних индоевропейских языках (латинском, греческом, санскрите).

В тех индоевропейских языках, где исчез грамматический род, различие существительных и прилагательных сведено к минимуму. В английском языке прилагательные отличаются от существительных лишь двумя особенностями: 1) могут присоединять суффиксы степеней сравнения, 2) в синтаксической позиции предикатива не принимают артикля: *he is silly* 'он глуп', но *he is a fool* 'он глупец'. Еще меньше различие существительных и прилагательных в таджикском языке. Мало оснований выделять прилагательные в особую часть речи и в тюркских языках. Прилагательные в них не согласуются с определяемым существительным в числе и падеже. Узбекские сочетания *темир йўл* 'железная дорога' и *олтин юлдуз* 'золотая звезда' (где *темир* и *олтин* — существительные) практически ничем не отличаются от *ёмон йўл* 'плохая дорога' и *кизил юлдуз* 'красная звезда' (где *ёмон* и *кизил* традиционно считаются прилагательными).

В индоевропейских, афразийских, алтайских, уральских языках класс слов, выражающих признак (прилагательные), сближается или даже сливается с именем существительным. В языках Восточной Азии (китайском, корейском, вьетнамском, кхмерском и др.) прилагательные сближаются с глаголом. Например, в китайском языке прилагательные и глаголы объединяются в широкий класс предикативов. И те и другие занимают синтаксическую позицию сказуемого без связки и соединяются с приглагольными частицами *бу* 'не' и *хэнь* 'очень': *няо бу фэй* 'птица не летит', *няо*

бу да 'птица невелика'. Еще более тесное единство предикативов характерно для индонезийских языков.

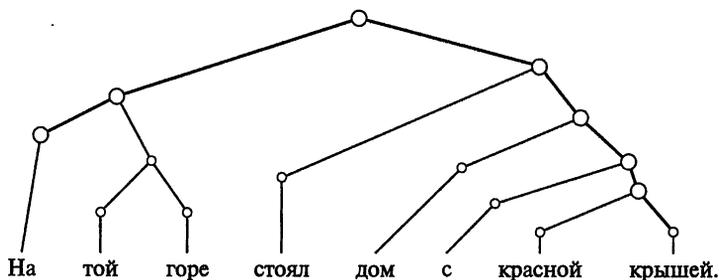
Если вместо логических соображений последовательно применять собственно грамматические критерии, для большинства языков придется отказаться от числительных как особой части речи; значительно сократилось бы при этом число слов, относимых к местоимениям, а в некоторых языках этот класс слов исчез бы, растворившись в других частях речи.

§ 44. Синтаксические конструкции

В любом языке слова сочетаются друг с другом по определенным правилам, заполняя позиции в синтаксических конструкциях. По-русски можно сказать: *На той горе стоял дом с красной крышей*, но нельзя сказать: «На той горе стояла дом с красной крышей». Первое высказывание грамматически правильно, второе — нет. Первое предложение построено по определенной схеме, иначе говоря, оно соответствует какой-то сложной синтаксической конструкции. Можно выбрать другие слова для заполнения позиций в конструкции, но сама конструкция при этом сохранится (см. с. 77).

Всякое конкретное предложение и соответствующую конструкцию можно разложить на непосредственные составляющие (НС), которые сами могут соответствовать более простым конструкциям. Анализ по НС первого предложения представлен на схеме 4.

Схема 4

Все предложение членится на два НС: 1) *На той горе* и 2) *стоял дом с красной крышей*¹. Второй НС делится на два: 1) *стоял* и 2) *дом с красной крышей*. Последний НС снова разлагается на два.

¹ Первое деление самое спорное. Большинство лингвистов, следуя традиционной концепции главных членов предложения, наверное, предпочли бы провести главную границу между НС после слова *стоял*.

Иногда какое-то целое может делиться на три и более НС¹, но чаще наблюдаются случаи дробления на два НС.

В данном предложении представлено несколько простых конструкций:

1. $na + N_{\text{предл}}$ (т.е. существительное в предложном падеже) с общим значением 'место нахождения, место действия', *на горе*. Первую позицию в этой конструкции могут занимать также предлоги *в* и *при*.

2. $s + N_{\text{твор}}$ с общим значением совместности: *с крышей*.

3. $A_{\text{согл}} + N$, т.е. прилагательное, согласуемое с существительным. Эта элементарная конструкция использована в данном предложении дважды: *той горе* и *красной крышей*.

4. $N_{\text{им}} + V_{\text{согл}}$, т.е. существительное в им.п. и согласуемый с ним глагол в личной форме: *дом стоял*.

Есть конструкции, в которых один элемент всегда можно опустить, и при этом сохраняется грамматическая правильность высказывания (конструкция 3). Такие конструкции называются **эндоцентрическими** (от греч. *ενδον* 'внутри'). В любом русском высказывании вместо слов *той горе* можно сказать просто *горе* без нарушения грамматической правильности.

Напротив, конструкции 1, 2, 4 этим свойством не обладают, они называются **экзоцентрическими** (от греч. *εκ, εξ* 'вне, снаружи'). Внутри большинства конструкций можно выделить главный элемент и зависимый элемент. В эндоцентрических конструкциях выделить главный элемент не составляет труда. Ясно, что тот элемент, который нельзя опустить, и является главным (например, в сочетании *холодный дом* главное слово — *дом*, зависимое — *холодный*)². Что касается экзоцентрических конструкций, то там решить этот вопрос труднее. В какой-то степени решению способствует анализ характера грамматических связей между элементами конструкции.

Показателем синтаксической связи между элементами конструкции могут быть как аффиксы, так и аналитические грамматические средства.

В языках с аффиксами наблюдаются два специфических приема выражения синтаксических связей: согласование и управление.

Согласование заключается в том, что грамматические значения главного слова полностью или частично повторяются в зависимом слове. Так, значения женского рода, единственного числа, предложного падежа, выраженные в форме *крыше*, повторяются в

¹ Ср.: *В этом парке растут дуб, клен, каштан, бук, липа*. Здесь составляющий после слова *растут* членился на пять НС.

² Среди эндоцентрических конструкций встречаются и такие, в которых может быть опущен любой из элементов (например, *гражданин Иванов, доктор Петров*). В этих случаях оба элемента считаются равноправными.

зависимом слове *красной*, если бы главное слово имело форму *крышу*, то и зависимое изменило бы свою форму (*красную*). Согласование — обычный вид синтаксической связи в языках с именными классами.

При **управлении** форма зависимого слова определяется главным словом, но зависимое уже не обязано повторять грамматические значения главного слова. Форма предложного падежа слова *гора* в конструкции *на горе* определяется предлогами (*в, на, при*). Если для выражения той же идеи местонахождения использовать другие предлоги, падеж существительного может измениться (*у, около, близ, возле горы* — родительный, *под, перед, за горой* — творительный). Управление характерно для конструкций 'глагол + существительное или местоимение'. Например, объект отрицательной эмоции получает форму того или иного падежа в зависимости от управляющего глагола (*бояться, стыдиться* чего-то — родительный; *ненавидеть, презирать* что-то — винительный; *брезгать, гнушаться* чем-то — творительный).

Впрочем, форма зависимого слова может определяться не столько спецификой главного слова, сколько всей конструкцией, примером чему служит русская эндоцентрическая конструкция $N + N_{\text{род}}$ (*ведро воды, приказ командира, крыша дома*). Первое слово, несомненно, главное, второе — зависимое, но форма зависимого слова определяется всей конструкцией.

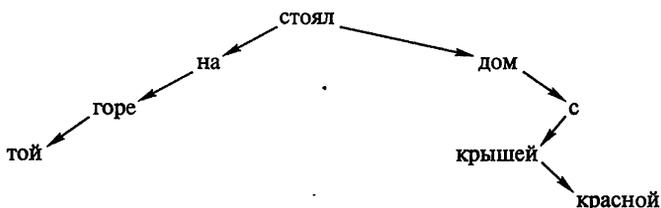
Более сложный характер носят синтаксические связи между элементами конструкции в случае **координации**. Рассмотрим русскую конструкцию со словом *два*. Если вся конструкция заполняет в более широкой конструкции позицию именительного падежа (а для неодушевленных существительных также и винительного падежа), форма существительного определяется словом *два* (аналогично словами *три* и *четыре*): существительное стоит в форме родительного падежа, единственного числа. В свою очередь, слово *два* согласуется с существительным в роде: *два дома, два озера, но две комнаты*. В случае координации оба члена конструкции являются равноправными.

После того как определены взаимоотношения главных и зависимых слов, сложную синтаксическую конструкцию можно представить не в виде дерева непосредственных составляющих, а в виде дерева зависимостей. Обычно в вершине такой схемы помещают личную форму глагола даже тогда, когда она морфологически согласована с существительным или местоимением (так называемый вербоцентрический подход к синтаксису предложения). Рассмотрим подобную схему на примере того же предложения, которое мы уже разбирали (схема 5).

Простая конструкция может включать более чем два элемента. Например, глагол *дать* обычно сопровождается указанием на адресат передачи ($N_{\text{дат}}$) и на объект передачи ($N_{\text{вин}}$, изредка $N_{\text{род}}$):

Дай мне конфету, дай мне молока. Трехчленными простыми конструкциями являются также рус. V + N_{дат} + Inf. (*Велел мне уйти*), V + N_{вин} + N_{твор} (*Его выбрали председателем*), англ. V + N_{obj} + Inf. (*He made me laugh* 'Он меня рассмешил').

Схема 5

Простые конструкции могут соединяться друг с другом в сложные конструкции. Самый простой способ образования сложной конструкции заключается в последовательном развертывании простых конструкций. В простой конструкции N_{им} + V_{согл} (*дом стоял*) можно усложнить имя, добавив конструкцию с + N_{твор} (*с крышей*). Полученную конструкцию можно развернуть далее, прибавив конструкцию на + N_{предл} (*на горе*). На любом этапе развертывания к существительному (но не к местоимению) можно добавить согласуемое прилагательное (*на той горе, с красной крышей, каменный дом*).

В приведенном примере развертывание в более сложную конструкцию не требовало переделки простой конструкции. Однако во многих случаях соединение простых конструкций в сложную может потребовать каких-то преобразований. Например, *Он привязал лошадей к столбу* может быть развернуто путем простого прибавления согласованной формы *двух* перед формой *лошадей*. Однако, если подобное смысловое изменение произвести с предложением *Он положил пакеты на полку*, потребуются изменить форму слова *пакет*: *Он положил два пакета на полку*. Преобразование одной конструкции в другую называется **трансформацией**. Конструкция, полученная путем трансформации другой конструкции, называется **трансформом** этой последней конструкции. Например, конструкция N(x)_{им} + V(y)_{согл} (*командир приказал, ребенок спит*) часто допускает трансформацию в конструкцию N(y) + N(x)_{род} (*приказ командира, сон ребенка*). Это значит, что вместо глагола используется соответствующее отглагольное существительное, а существительное, стоявшее в именительном падеже, меняет его на родительный падеж. Подобную трансформацию **номинализации** допускает также конструкция V(y) + N(x)_{вин} (*принимать больных, собирать хлопок и прием больных, сбор хлопка*). Следовательно, именная конструкция N + N_{род} может быть трансформом двух разных глагольных конструкций.

Одни и те же смысловые отношения в разных языках выражаются разными конструкциями. Сравним способы, применяемые в разных языках для выражения трех смысловых отношений:

- 1) человек (x) и принадлежащий ему предмет (y),
- 2) материал (x) и предмет (y), сделанный из этого материала,
- 3) целый предмет (x) и его часть (y).

В русском языке для выражения этих отношений используются три конструкции:

- 1) $A(x)_{\text{согл}} + N(y)$;
- 2) $N(y) + N(x)_{\text{род}}$;
- 3) $N(y) + \text{из} + N(x)_{\text{род}}$.

Первая конструкция обычна при выражении отношения 2: *каменный дом, золотое кольцо*. Она обязательна также для отношений 1 и 3, если x — личное местоимение 1-го или 2-го лица: *мой дом, наша лошадь, твоя рука* (изредка эта конструкция используется и в других случаях: *дядин дом, Петина книга*). Вторая конструкция характерна для отношения 3 (*крыша дома, страница книги*) и для отношения 1 (*дом дяди, его дом*). Третья конструкция выражает отношение 2 (*ваза из хрусталя*).

В английском языке для передачи тех же смыслов находим пять конструкций. Конструкция $PP(x) + N(y)$ ¹ обязательна для отношений 1 и 3, если x выражен местоимением (*my house* ‘мой дом’, *our horse* ‘наша лошадь’, *your hand* ‘твоя рука’). Отношение 1 выражается также конструкцией $N(x) + 's + N(y)$: *John's dog* ‘собака Джона’. Для отношения 2 изредка используется конструкция $A(x) + N(y)$ (*wooden house* ‘деревянный дом’), однако обычно это отношение выражается конструкцией $N(x) + N(y)$ (*gold watch* ‘золотые часы’, *iron nail* ‘железный гвоздь’). Шире всего используется пятая конструкция $N(y) + \text{of} + N(x)$, которая может выражать все три отношения: *the house of my brother* ‘дом моего брата’, *a box of ivory* ‘шкатулка слоновой кости’, *the roof of the house* ‘крыша дома’.

Во французском языке возможны две конструкции. Конструкция $PA(x)_{\text{согл}} + N(y)$ используется, если x выражен местоимением (*ma main* ‘моя рука’, *ses lunettes* ‘его (ее) очки’)². Вторая конструкция $N(y) + \text{de} + N(x)$ имеет самое широкое распространение, выражая все три типа отношений (*les livres de Pierre* ‘книги Пьера’, *sac de papier* ‘бумажный мешок’, *les murs d'une maison* ‘стены дома’).

В арабском языке для всех трех отношений может использоваться конструкция $N(y) + N(x)_{\text{род}}$, причем категория определенности выражается только во втором существительном *baitu-fallāhin* ‘дом (какого-то) крестьянина’, *bait-al-fallāhi* ‘дом крестьянина’ (определенного), *ṯaubu-hariri* ‘шелковое платье’. Эта конструкция в арабских грамматиках называется *iDafa* ‘присоединение, прибавление’ (в русской передаче — **изафет**).

В узбекском языке используются три конструкции. Конструкция $N(x) + N(y)$ выражает отношение 2: *тош кўприк* ‘каменный мост’, *олтин соат* ‘золотые часы’. Конструкция $N(x) + N(y)_{\text{прин}}$, т. е. второе имя сопровождается аффиксом принадлежности, используется для выражения отношений 1 и 3, если x обозначает класс объектов, обобщенный предмет:

¹ Здесь PP — притяжательное местоимение.

² PA — притяжательное прилагательное.

хон саройи ‘ханский дворец’, қўйлак этаги ‘подол платья (вообще)’. Конструкция $N(x)_{\text{род}} + N(y)_{\text{прин}}$ выражает отношения 1 и 2, если x обозначает отдельный определенный предмет: қизнинг кўзи ‘глаза девушки’, менинг отим ‘мой конь’, дарахтнинг бутоги ‘ветка дерева’, қўйлакнинг этаги ‘подол платья (определенного)’. Вторая и третья конструкции, в которых определяемое слово снабжено аффиксом, называются тем же арабским термином «изафет»¹.

В китайском языке используется всего одна конструкция $N(x) + N(y)$ с вариантом $N(x) + \text{ды} + N(y)$: фўцинъ фанъца ‘дом отца’, шйтоу фанъца ‘каменный дом’, чжоъца тўй ‘ножка стола’, вѳды чъньшань ‘моя рубашка’. Кроме того, существует возможность выразить те же отношения в сложном слове, например: мъньнѳ ‘ручка двери’ (букв. ‘дверь + пуговица’), фанъдѳн ‘крыша дома’ (букв. ‘дом + крыша’).

Итак, несогласуемое определение следует за определяемым словом в русском, таджикском, арабском и предшествует определяемому слову в английском, узбекском и китайском. Предложная конструкция в наибольшей степени характерна для французского и английского языков, но не характерна для китайского языка.

§ 45. Предложение

Синтаксическая конструкция, не являющаяся частью более сложной конструкции и допускающая определенное интонационное оформление, представляет собой **структурную схему предложения**. **Предложение** есть самостоятельная синтаксическая единица сообщения, включающая три компонента: 1) структурную схему, 2) последовательность слов, заполняющую позиции структурной схемы, и 3) определенный рисунок интонации.

Не всякая конструкция может быть структурной схемой предложения. Некоторые конструкции всегда представляют собой зависимый член более сложной конструкции. Таковы, например, предлог с зависимым именем (*с тобой, из леса*), прилагательное с зависимым наречием (*очень большой*) и т. п.

Конкретное предложение есть высказывание или часть высказывания, но не всякое высказывание есть предложение. Во-первых, высказывание может включать более одного предложения (например, произнесенные как интонационное единство: *Дай мне сумку, я пойду в магазин*). Во-вторых, не образуют предложений устойчивые лексические выражения вопроса и ответа, обращения, утверждения и отрицания, приказа, различных эмоций (например, рус. *Ой! Что? Разве? Привет! До свидания. Да. Нет*). Части предложения тоже могут быть высказыванием, если они по-

¹ Аналогичная конструкция широко представлена в иранских языках, например в таджикском: $N(y) + \text{и} + N(x)$: *хонаи ман* ‘мой дом’, *рохи охан* ‘железная дорога’, где аффикс *-и-* — показатель изафета, присоединяемый к определяемому слову.

являются как реплики в диалоге (например, в разговоре студентов: *Ты что получил? — Пять*). Наконец, не являются предложениями слова и словосочетания, предназначенные для называния: заголовки книг и газет, названия магазинов, гостиниц, кораблей, поездов, фильмов, спектаклей и т. п.

В любом языке есть немногочисленные простые конструкции, сами по себе являющиеся структурной схемой предложения. Самые сложные структурные схемы могут быть получены путем развертывания и трансформации простых конструкций, называемых **ядерными предложениями** языка.

К числу самых обычных ядерных предложений русского языка относятся: $N_{им} + V_{согл}$: *Часы идут*; $V_{повел}$: *Читай!*; $N_{им} + (V_{согл}) + N$ (или A)_{им/твор}: *Он доволен. Она стала ткачихой*; $N_{им}$: *Звонок! Весна!* И т. д.

Особо важную роль в языках мира играют конструкции типа $N + V$, где имя обозначает деятеля, а личная форма глагола — действие, например: *Девочка плачет*. Первый член такой конструкции называется *подлежащим*, второй — *сказуемым*, а вся конструкция — *предикативной*. По аналогии и в других ядерных предложениях выделяют подлежащее и сказуемое. Так, если в русском языке в этой конструкции имя (подлежащее) стоит в именительном падеже, а глагол (сказуемое) согласуется с этим именем, то эти свойства помогают определить подлежащее и сказуемое и в других двучленных (двосоставных) ядерных предложениях. В предложении *Коля был дома* слово *Коля* стоит в именительном падеже, с ним согласуется глагол-связка, значит, *Коля* — подлежащее, а *был дома* — сказуемое.

В некоторых языках оформление предикативной конструкции меняется в зависимости от класса глагола. В большинстве языков мира форма подлежащего не зависит от класса глагола. Во многих же кавказских языках, например в большинстве дагестанских, есть три предикативные конструкции (примеры из даргинского языка):

1) $N_{им} + V_{согл}$, если глагол непереходный: $ni\ uz-ul-ra$ 'я работаю', $\{u\ uz-ul-gi$ 'ты работаешь' (-ul- — суффикс продолженного вида);

2) $N_{эрг} + N_{им} + V_{согл}$, если глагол переходный. На первом месте здесь стоит имя деятеля в особом, *эргативном* (*активном*) падеже, на втором месте — имя объекта действия в им. п.:

$nu-pi\ zuz\ bu\{f-ul-ra$ 'я книгу читаю',

$\{u-pi\ zuz\ bu\{f-ul-gi$ 'ты книгу читаешь';

3) $N_{дат} + N_{им} + V_{согл}$, если глагол обозначает желание, чувство: $n-ab\ zuz\ dig-ul-ra$ 'мне нужна книга' (букв. 'мне книга хочу').

Эргативная конструкция встречается и в других языках.

Структурная схема предложения может создаваться не только путем развертывания исходной предикативной конструкции, но

и путем объединения двух предикативных конструкций. Самый простой способ такого построения — объединение двух конструкций при помощи союза (например: *Если я увижу его, я передам ему твою просьбу*). В других случаях зависимая предикативная конструкция занимает позицию в непредикативной конструкции (ср. *знать, что земля вертится*). Иногда включение зависимой предикативной синтагмы в структурную схему предложения требует значительных преобразований. Типичный путь — превращение личного глагола в неличную форму (инфинитив, причастие и т. п.) и замена именительного (основного) падежа на какой-либо косвенный.

Рассмотрим латинское предложение: *Ais, Democritum dicere, innumerábiles esse mundos*. Глаголу *ais* ‘говоришь’ подчинена зависимая предикативная конструкция (так называемый инфинитив с аккузативом) *Democritum dicere*. Глаголу *dicere* подчинена такая же конструкция *mundos esse innumerabiles*. Таким образом создается сжатое предложение, включающее три предикативные конструкции. В русском переводе структура была бы более рыхлой: *Ты утверждаешь, что Демокрит говорит, что миры бесчисленны*. Зависимость предикативных синтагм (придаточных предложений) в русском языке проявляется в подчинительных союзах (*что*), в остальном же структура их не меняется.

Зависимая предикативная конструкция может присоединяться не к отдельному слову (глаголу), а к основной предикативной конструкции в целом. Таков, например, латинский оборот *ablativus absolutus*: *Testamento facto, mulier móritur* ‘Сделав завещание, эта женщина умирает’ (букв. ‘завещанием сделанным, женщина умирает’).

Заканчивая рассмотрение проблем синтаксиса, следует заметить, что это тот раздел грамматики, в котором меньше всего согласия между лингвистами. Много веков структура предложения неизменно сводилась к идеальной структуре логического суждения, разработанной философами Античности. Согласно традиционным представлениям, члены предложения отражают чисто логические понятия. Лингвистика XX в. постепенно преодолевала эти представления, но пока еще неясны пути дальнейшего развития этой области языкознания.

§ 46. Грамматические типы языков

Вот уже полтора века крупнейшие лингвисты мира пытаются выработать принципы классификации языков по грамматическим типам. За этими попытками лежит стремление сгруппировать языки в крупные классы не на основе их происхождения (эта задача генеалогической классификации языков), а на основе сходства их

грамматической структуры. Хотя до поставленной цели еще очень и очень далеко, сама область лингвистической типологии вполне определилась. Задача типологии заключается в сравнении языков с целью выявления сходства и различия языковой структуры. При этом под структурой понимается некий принцип организации, а не конкретные морфемы, которые занимают позиции в грамматических конструкциях. Сравнивая, например, принципы устройства именных конструкций, мы отметим структурное сходство английского, русского, узбекского, китайского языков. Все они обычно помещают имя, выражающее признак (прилагательное), перед именем, обозначающим предмет (существительным). Противоположный порядок в таджикском, французском. Число именных классов даст нам следующие группы языков: русский, немецкий, латинский, маратхи, аварский — по три рода; французский, хинди, арабский — по два рода; английский, бенгальский, таджикский, узбекский — нет рода. Даже близкородственные языки могут оказываться в разных группах, если сравнивается грамматическая структура языка. Можно предположить, что разностороннее сравнение языков приведет к выделению некоторых устойчивых групп языков, каждая из которых и будет образцом соответствующего грамматического типа.

К сожалению, возникновение лингвистической типологии с самого начала было связано с некоторыми предрассудками, которые не раз заводили ее в тупик. Для многих лингвистов-романтиков начала XIX в. идеальными языками казались греческий, латинский, древнеиндийский. Благоговение перед высокой культурой Греции и Индии переносилось и на язык. Общие структурные свойства этих языков были объявлены признаками высшего грамматического типа — **флективного**, т.е. 'гибкого'. Эти общие черты сводятся к следующему.

1. Широко используется внутренняя флексия.

2. Части слова (по-современному — морфемы) не всегда легко отделяются друг от друга.

3. Флексии (конечные формативы) могут передавать одновременно по несколько грамем.

4. В пределах одной и той же части речи существует много типов словоизменения (формальных и семантизированных классов).

Языки, не обладавшие этими признаками, сводились в другой тип — **агглютинативный**, т.е. 'склеивающий'¹. Тюркские языки были как бы антиподом древних индоевропейских языков, так как, во-первых, они не обладают внутренней флексией, во-вто-

¹ Противопоставление флективных языков агглютинативным должно было самой терминологией подчеркнуть «органический» характер первых и «неорганический», «механический» характер последних (к их явной невыгоде). Характерно также использование термина «флексия» для обозначения совершенно разнородных явлений.

рых, в составе слова легко вычленяются морфемы, в-третьих, формативы передают по одному грамматическому значению, наконец, в каждой части речи представлен только один тип словоизменения.

Вскоре к этим двум присоединили третий тип — **изолирующий**. Изолирующие языки (китайский, точнее — древнекитайский, вьетнамский) в отличие от флективных и агглютинативных не используют аффиксов. В XX в. лингвисты несколько иначе определяют изоляцию: под изолирующими понимают теперь языки, не использующие аффиксы для связи слов в синтаксических конструкциях. При таком понимании к изолирующим относят также австронезийские языки. В языках изолирующего типа широко используются аналитические грамматические средства.

Выдающийся немецкий лингвист начала XIX в. Вильгельм Гумбольдт к указанным трем типам присоединил еще четвертый — **инкорпорирующий** (от лат. *incorporo* 'вставляю'). Процесс инкорпорации можно показать на примере языка науа (или ацтекского). Предложение *ni-k-qwa in na-ka-tl* означает 'я (сейчас) ем мясо'. Здесь *ni* — глагольный префикс 1-го лица единственного числа, *k* — префикс согласования с неодушевленным объектом, *qwa* — корень 'есть', *in* — определенный артикль, *na-ka* — корень 'мясо', *tl* — аффикс основного падежа. Для выражения смысла 'я ем мясо (обычно)' используется глагольная форма *ni-na-ka-qwa*. Формы последнего типа и считаются случаями инкорпорации. Говорят, что эти слова сближаются с предложениями, так как включают в свой состав не только указание на действие, но и на его объект¹.

Однако инкорпорация не настолько своеобразный процесс, чтобы быть основанием для выделения особого типа языка. По существу, инкорпорация лишь случай глагольного словосложения, нехарактерного для индоевропейских языков и потому странного для лингвистов-европейцев. В самом языке науа сложные глаголы могут сопровождаться отдельным словом, обозначающим объект действия, ср. *ni-k-tlewatsa in na-ka-tl* 'я (сейчас) жарю мясо', где *tle* 'огонь' и *watsa* 'жарить'; или *o-ki-keŋ-kotōn-ke in iŋtekki* 'они зарезали разбойника', здесь *o* — префикс 3-го л. мн. ч., *ki* — префикс согласования с одушевленным объектом, *keŋ* — 'шея', *kotōn* — 'резать', *ke* — суффикс перфекта, *iŋtekki* 'разбойник' (глагольную форму можно было бы буквально перевести 'зашеерезали').

Классификация с четырьмя типами (изолирующие, агглютинативные, флективные, инкорпорирующие) приобрела огромную популярность среди лингвистов. Очень часто (и безосновательно) ее пытались соединить с предполагаемыми этапами развития язы-

¹ Инкорпорацию находят в чукотском, корякском, ирокезском, в языках пайют, яна, цимшиан, такелма, шошоне.

ков. При этом флективному типу неизменно отводилась роль завершающего этапа.

К началу XX в. возникли серьезные сомнения в научной ценности четырехчленной типологической классификации. В своей книге «Язык» знаменитый американский лингвист Эдуард Сепир дал новую классификацию языков по грамматической «технике», хотя и не сумел окончательно порвать со старой классификацией. Сепир отказался от инкорпорирующего типа, а из прежнего флективного типа создал два отдельных: **символический**, характеризующийся внутренней флексией (например, семитские языки), и **фузионный** (от англ. fusion 'слияние'), обладающий остальными свойствами флективных языков.

Сепир настаивал на том, что выделение грамматических типов языков не должно основываться на одном принципе. Популярность приобрела его классификация языков по степени синтеза, т. е. (несколько упрощая) по количеству морфем в слове. Слабая степень синтеза (в среднем 1–2 морфемы на слово) характеризует вьетнамский, китайский, английский, таджикский, хинди, французский. Такие языки называют **аналитическими**¹.

Языки банту, тюркские, русский, финский называют **синтетическими**. В них среднее число морфем на слово увеличивается. В узбекском, например, возможны глагольные формы *таништи-ролмадингиз* 'вы не смогли познакомить' (*тани* 'знать', *-ш-* — суффикс возвратности, *-тир-* — суффикс каузатива², *-ол-* — суффикс возможности, *-ма-* — суффикс отрицания, *-ди-* — суффикс прошедшего времени, *-нг-* — суффикс 2-го л., *-из-* — суффикс мн. ч. Впрочем, такие длинные слова встречаются редко.

В кабардинском обычны глагольные формы с 6–7 аффиксами, например *сэрх'эгіѣѣѣ* 'он велел им вести меня (для тебя, для твоей пользы)'. В этой форме корень *ѣ* 'вести', ему предшествуют пять префиксов: *сэ* 'меня', *р* 'для тебя', *х'э* 'их (или его)', *гі* 'он', *е* — префикс каузатива, за корнем следуют *а* — суффикс прошедшего времени и *ѣ* — суффикс утвердительной формы. Кабардинский относится к типу **полисинтетических** языков.

К полисинтетическим относится и эскимосский язык, в котором возможны только суффиксы и нет словосложения. Глагол *anisaхtuхtаfkaratarixnaqaraqa* включает следующие морфемы: *ani* — корень 'снег', *сах* — суффикс с идеей 'посылать', *тух* — выражает многократность, *тѣѣ* — суффикс каузатива, *rata* — по-

¹ Термин *аналитический* не очень удачен, поскольку в лингвистике он используется для обозначения разных явлений. Им обозначают, во-первых, языки со слабым синтезом, во-вторых, описательные формы. Правда, в аналитических языках обычно распространены и аналитические формы, но многие синтетические языки (например, тюркские) также изобилуют аналитическими формами.

² *Каузативом* называют глагол или глагольную форму со значением 'сделать так, чтобы кто-то другой сделал что-то; заставить кого-то сделать что-то'.

казатель переходности, *rix* — показатель интенсивности действия, *paqaq* — показатель намерения, *ja* — показатель желания, *ra* — показатель перфекта, *qa* — выражает одновременно 1-е л. субъекта и 3-е л. объекта. Общий смысл формы — ‘я хотел было заставить его много раз ходить за снегом’.

Деление языков на три типа по степени синтеза (аналитические, синтетические и полисинтетические) принято современной лингвистикой.

Обе типологические классификации (по «технике» и по «степени синтеза») являются морфологическими. В лингвистике делаются также попытки создать синтаксическую классификацию языков.

В процессе своего развития один и тот же язык может менять свои типологические характеристики.

В XIX в. многим лингвистам казалось, что грамматическая структура китайского языка (вэньяня) отражает самый древний этап в эволюции типов языка¹. В XX в. лингвисты обнаружили в древнекитайском языке остатки старых суффиксов, чередования гласных и согласных. Например: *tshər* ‘жена’ (совр. *ци*), *tshəs* ‘женить’ (совр. *цй*); *dhen* ‘поле’ (совр. *тянь*) и *dhen-s* ‘обрабатывать поле’ (совр. *дянь*); *pjur* ‘войти’ (совр. *жү*) и *pur* ‘впустить’ (совр. *нà*); *tjaŋ* ‘натянуть’ (совр. *чжан*) и *dhjaŋ* ‘длинный’ (совр. *чán*). Значит, в китайском языке этапу изоляции предшествовал этап какого-то другого типа.

Многие языки в своей истории демонстрируют переход от синтетического строя к аналитическому. Это касается большей части индоевропейских языков: романских, германских (кроме исландского и фарерского), иранских, индийских. Максимального аналитизма достигли английский и французский языки. Но языковое развитие на этом не останавливается. Послелогии, вспомогательные глаголы и другие служебные слова, агглютинируясь с основой знаменательного слова, создают новые синтетические формы. Характерна грамматическая судьба бенгальского языка. От флективного синтетического типа древнеиндийского языка бенгальский язык перешел к аналитическому типу (вроде английского). Исчезло старое склонение (т. е. категория падежа), исчезли старые формы числа, грамматический род, внутренняя флексия. Широко распространились аналитические формы. А затем благодаря агглютинации возникали новые синтетические формы. Глагольная форма *koŋchilam* ‘я делал’ содержит корень *koŋ*, суффикс несовершенного вида *chi*, восходящий к служебному глаголу со значением ‘быть’, суффикс прошедшего времени *l* и флексию 1-го л. *-am*. Возникло также новое склонение из четырех падежей.

¹ Эти представления отражались и в терминологии, изолирующие языки тогда назывались также корневыми и даже аморфными (т. е. бесформенными).

Эти факты заставляют с осторожностью относиться к проблеме прогресса в грамматике. Пока нет никаких оснований утверждать, что один язык является более прогрессивным в грамматическом отношении, чем другой, или что один этап в истории языка стоит выше другого. Общие закономерности языков еще недостаточно изучены, так что в будущем наука, возможно, прольет свет на этот интересный вопрос: существует ли прогресс в языке?

Дополнительная литература

*Плунгян В.А. Общая морфология: (Введение в проблематику). — М., 2000 (**, глава 3).

Образцовый учебник, соединяющий широту и глубину обсуждения проблем с ясностью изложения.

***Мельчук И.А. Курс общей морфологии. — М.; Вена, 1997—2001. — Т. 1—4.

***Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. — М., 2001.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

§ 47. Предмет и задачи лексикологии

Лексикология (термин возник в XVIII в., от греч. λέξις ‘слово’) призвана изучать как отдельные слова, так и всю совокупность слов, или лексику языка. О различном подходе к слову в лексикологии и грамматике говорилось выше.

В состав лексикологии вошли некоторые разделы лингвистики, существовавшие с древности. С древнейших времен для разных практических потребностей составлялись всевозможные словари. Раздел, занимающийся словарями, называется **лексикографией** (греч. термин λεξικογράφος ‘составитель словарей’ появился еще в византийскую эпоху). Со времен Античности существовала и **этимология**, т. е. изучение происхождения слов, хотя этот раздел языкознания приобрел научный характер только в XIX в.

Кроме этих двух разделов в составе лексикологии выделяются **семасиология** (от греч. σημασία ‘значение, смысл’), изучающая смысловую сторону лексики, **фразеология** (от греч. φράσις ‘способ выражения’), анализирующая устойчивые сочетания слов, и **ономастика** (от греч. ὄνομα ‘имя’), занимающаяся именами собственными.

Задачи лексикологии — научиться распознавать смысл слов; определить, какие связи существуют между словами, какие группы слов можно выделить в языке; изучить процессы изменения смысла слов, процессы появления слов в языке, объяснить, какими причинами вызываются эти процессы; определить происхождение слов; выяснить различия языков в устройстве их лексики.

§ 48. Слово

До сих пор лингвистам не удавалось дать общее определение слова. Определение, позволяющее хорошо выделять слова в одном языке, плохо подходит для другого. Трудности увеличиваются из-за того, что нет резкой границы между морфемой и словом даже в одном и том же языке. Тем не менее можно указать некоторые общие черты, характерные для слова.

В любом языке должны быть какие-то образования, которыми можно кратко обозначить предмет, отвечая на вопрос: что это? Указывая на предмет, мы спрашиваем: что это? — и получаем ответ: *дом* (или *камень*, или *книга* и т.д.). Такие наименования

самых обычных предметов будем называть словами. По аналогии с этими словами можно выделить другие, которые обладают теми же грамматическими свойствами, но предметов не обозначают. Можно не только *построить дом*, но и *построить теорию*, не только *прочитать книгу*, но и *прочитать приказ*, не только *бросить камень*, но и *бросить курить*. Слова *теория*, *приказ*, *курить* не обозначают предметов, но в грамматическом отношении они подобны словам *дом*, *книга*, *камень*, а потому их тоже можно считать словами.

Грамматическое равноправие слов проявляется и в том, что они выступают партнерами в каких-то сочетаниях. В сочетаниях *красный галстук*, *магазин открыт*, *поезд остановился* выделяются слова — названия предметов (*галстук*, *магазин*, *поезд*), по аналогии с ними словами объявляются *красный*, *открыт*, *остановился*. Итак, легче всего выделяются слова самостоятельные в смысловом отношении — названия предметов, явлений действительности. Подобные слова обладают **номинативной** функцией. Другие слова, например: *очень*, *потом*, *по*, *разве* и т. п., номинативной функцией не обладают. В смысловом отношении такие слова менее самостоятельны, они сближаются с морфемами.

В отличие от морфемы подлинные слова обладают и формальной самостоятельностью, которая проявляется, во-первых, в том, что слово может становиться отдельным высказыванием (например, при кратком ответе на вопрос), а во-вторых, слова имеют некоторую свободу расположения внутри конструкции; морфемы лишены этой свободы. Так, возвратные глаголы во многих западноевропейских языках состоят из основного глагола и местоименного показателя (нем. *sich erinnern*, фр. *se souvenir* 'вспоминать'). В формальном отношении местоименный показатель ведет себя как слово: он может следовать за глаголом или предшествовать ему, может отделяться от него каким-либо третьим словом. В русских возвратных глаголах элемент *-ся* по происхождению тоже самостоятельное слово. В ходе развития восточнославянских языков это безударное местоимение утратило формальную самостоятельность: потеряло возможность отделяться от глагола, стало замыкать глагольную форму (*боюсь*, *смеется*, *казался* и т. п.), т. е. превратилось в аффикс¹.

Однако сфера лексикологии не ограничивается грамматически самостоятельным словом. С одной стороны, часто объектом лексикологии становится основа слова. Например, в слове *чернобровый* первая основа ничем не отличается от основы слова *черный*, в лексикологии они могут рассматриваться как один факт. С другой стороны, к компетенции лексикологии относятся также устойчивые сочетания слов (*взять реванш*, *белое вино*, *лед тронулся* и т. п.).

¹ Аналогичное развитие происходило в балтийских и скандинавских языках.

§ 49. Семантика слов

Слово — двусторонняя лингвистическая единица. Иначе говоря, оно обладает планом выражения, или **звучанием**, и планом содержания, или **семантикой** (от греч. σηματικός ‘означающий’). Семантика слова есть сложное психическое образование, в котором обычно преобладают мыслительные (интеллектуальные) элементы. Например, содержание слова *самолет* представляет собой мысли о летательном аппарате с определенными свойствами, иначе — семантика этого слова совпадает с понятием самолета.

Однако семантика многих слов включает также и элементы эмоций. Содержание слова *болван*, например, имеет как интеллектуальный элемент (мысль о глупом человеке), так и сильный эмоциональный элемент (субъективная оценка этого человека, неодобрение, презрение). В отдельных случаях эмоциональная сторона явно преобладает в семантике слова (например, у междометий, бранных слов типа *мерзавец*, *подлец*).

Содержание слова может включать и разнообразные **коннотации** (от средневекового лат. соппоtagе ‘дополнительно означать’), т. е. семантические оттенки, отражающие особенности употребления слова. Так, содержание слова *аэроплан* совпадает с содержанием слова *самолет* во всем, кроме коннотации. Слово *аэроплан* было общеупотребительным в первой четверти XX в., и его семантика содержит элемент архаичности, как бы отблеск технического несовершенства и романтического героизма, характерных для тогдашней авиации. Слова *картофель* и *картошка* семантически совершенно эквивалентны, если не считать стилистических коннотаций: первое слово — книжное, второе — разговорное.

Коннотации могут быть связаны и с происхождением слова. **Внутренней формой слова** называют элемент содержания, объясняющий, почему данное содержание выражено именно таким звуковым комплексом. Содержание русского слова *переулок* можно описать как ‘маленькая улица’. Но морфологическое строение этого слова дает еще одну слабую коннотацию. Префикс *пере-* словно указывает на старинную городскую топографию: большие *улицы пересекались* маленькими *переулками*. Если в слове *переулок* внутренняя форма еле просвечивает, то в слове *самолет* она очень ясна (этот аппарат летает сам).

Весьма часто то или иное слово языка соотнесено со своим **денотатом** (лат. denotatum ‘обозначенное’), т. е. с классом предметов или явлением реальной действительности, обозначенным данным словом (с реальными самолетами, переулками, картофелем). В процессе речи слово может обозначать вполне конкретный предмет или факт. Последний обычно называют **референтом**. У слов с абстрактной семантикой связь с действительностью не такая прямая.

Круг денотатов слова иногда называют объемом значения слова. Поскольку одна и та же область действительности в различных языках может передаваться разным числом слов, объем значения слов в разных языках не совпадает. Так, фр. *laver*, англ. *wash*, нем. *waschen* обладают одним и тем же значением 'очищать при помощи воды (или другой жидкости)'. В русском языке соответствующие денотаты обозначены двумя словами — *мыть* и *стирать*, причем второе слово предполагает в качестве объекта одежду или белье. В русском или французском идея 'много' выражена одним словом (*много*, *beaucoup*), в английском же используются два слова: *many* (для исчисляемых предметов) и *much* (для неисчисляемых). Следовательно, объем значения английского *many* уже, чем объем значения русского *много*.

Единый термин **содержание**, или **семантика**, можно уточнить. Устоявшееся, принятое языковым коллективом содержание будем называть **значением**. Содержание слова в конкретных случаях употребления в речи будем называть **смыслом**. В состав смысла входит значение плюс те элементы содержания, которые привносятся ситуацией речи и лингвистическим окружением слова, или **контекстом**. Рассмотрим пример простого диалога: — *Где Петя?* — *Он куда-то ушел*. Слово *он* обладает в языке очень неопределенным значением. Содержание этого слова сводится к чисто грамматическому значению: 3-е л., ед. ч., м. р. В данном диалоге содержание слова максимально конкретизируется. И ситуация, и контекст ясно показывают, что словами *Петя* и *он* обозначен один и тот же референт. Поскольку значение слова *он* очень неопределенно, а у слова *Петя* языкового значения вообще нет¹, смысл этих двух слов полностью совпадает и ограничен связью с определенным референтом.

В большинстве случаев взаимодействие значения и контекста (ситуации) более сложно. Например, в строках:

Вы — зори, зори! Ясно огневые,
Как старое, кровавое вино...

слово *кровавый* обозначает цвет. На это точно указывает и слово *вино*, и то, что сравнивается с вином (*зори огневые*). Однако нельзя сказать, что в смысле этого слова исчезло его языковое значение. Оно образует мрачный фон, вносит трагическую ноту в эти строки.

Если употребление слова в определенном контексте становится обычным, соответствующий смысл может закрепиться и превратиться в значение. Например, слово *ремень* когда-то имело одно значение 'кожаный пояс'. Затем это слово стало применяться к

¹ В личных именах есть только намек на значение — указание на пол человека, да и то не всегда.

техническим средствам передачи вращательного движения (*приводные ремни*). Такое употребление закрепилось, у слова *ремень* появилось второе значение.

Значение слова, или лексическое значение, в некоторых случаях можно разложить на элементарные семантические компоненты, или **семы** (от греч. σήμα ‘знак’). Такое разложение (**компонентный анализ**) возможно, если анализируемое слово входит в регулярные связи с другими словами¹. Классическим объектом разложения на семы служат термины родства: слова *мать, отец, брат, сын* и т. д. Так, в русском языке в области терминов родства можно выделить группы, противопоставленные друг другу по разным признакам: группы мужчин (*отец, брат, внук* и т. д.) и женщин (*сестра, дочь, бабушка* и т. д.), группы предков (*отец, мать, дед* и т. д.) и потомков (*сын, внук, дочь* и т. д.). Значение слова *дядя*, например, включает четыре семы: 1) мужской пол, 2) предшествование, 3) расхождение в одно поколение, 4) боковое родство.

Можно полагать, что семы содержатся в значении многих слов.

§ 50. Полисемия

Число фонетически различных слов языка меньше числа выражаемых значений. Несколько значений могут выражаться одной и той же звуковой последовательностью. Если между несколькими одинаково выраженными значениями можно установить семантическую связь, они считаются разными значениями одного и того же слова. Такое слово называется **многозначным**, а само явление называется **полисемией** (от греч. πολύς ‘многий’ и σήμα ‘знак’). Если же не удастся установить содержательной связи между значениями, они считаются значениями разных слов — омонимов (см. с. 154).

Рассматривая содержание русского звукового комплекса *хребет*, мы легко можем выделить два разных значения: 1) ‘позвоночник’ и 2) ‘горная цепь’. Семантическая связь между этими значениями очевидна: горная цепь включает возвышения и впадины, такие же возвышения и впадины есть у позвоночника (хребта) человека и животного. Напротив, никакой семантической связи нельзя обнаружить между значениями ‘основная денежная единица в Италии’ и ‘струнный инструмент древних греков’, хотя оба они выражаются одинаково — *лира*. Эти значения приходится считать значениями разных слов: *лира*¹ и *лира*². Существует множество переходных случаев, где неясно, что перед нами — полисемия или омонимия. Считать ли, например, значениями одного слова содержание звукового комплекса [sv’et] в таких

¹ Семы в семасиологии подобны дифференциальным признакам в фонологии.

контекстах: 1) *Сквозь волнистые туманы/Пробирается луна,/На печальные поляны/Льет печально свет она* и 2) *На свете счастья нет,/но есть покой и воля*. Не соединяются ли эти значения семантическими мостами вроде сочетания *белый свет* (= весь мир)? Почему он белый?

Можно ли считать омонимами слова *лихой* с такими характерными контекстами: 1) *лихое время, лихой человек* (= злой, злобный) и 2) *лихой наездник* (= молодецкий, удалой)? Лингвистика пока не обладает безотказными средствами разграничения полисемии и омонимии. Отметим, что повторяемость семантических отношений — аргумент в пользу полисемии. Например, звучание [pɾávij] может выражать два значения: 1) ‘правый в пространстве’ (например, *правая рука*) и 2) ‘правый в политике’, (например, *правые партии*). Нет никаких разумных оснований считать, что местоположение справа более реакционно, чем положение слева. Между самими денотатами логической связи нет, однако противоположные значения (1 — ‘левый в пространстве’ и 2 — ‘левый в политике’) тоже выражаются одним звуковым комплексом. Такой параллелизм говорит о языковой (семантической) связи между пространственным и политическим значением. Указанные значения следует считать случаями полисемии.

Столь же неясен вопрос разграничения отдельных значений многозначного слова. Следует ли, например, считать, что у слова *маленький* несколько значений, появляющихся в таких контекстах: *маленький домик, маленькая группа, маленький ребенок*? Или все это лишь контекстуальные приращения смысла при одном и том же значении?

Денотаты узбекского слова *ин* объединяют жилище птиц, медведя и мыши. В русском языке соответствующие денотаты были бы выражены разными словами (*гнездо, берлога, нора*), но это обстоятельство не доказывает полисемии узбекского слова. Напротив, сравнение с синонимом *уя*, обозначающим те же денотаты, указывает, скорее, на моносемию этих слов, т. е. на единое, нерасчлененное, значение.

Регулярность выражения и в этом случае говорит о единстве значения. С логической точки зрения какой-либо сосуд — это одно, а содержимое этого сосуда — другое. Но в русском языке (и не только в русском) название сосуда регулярно употребляется для выражения содержимого сосуда. Слова *стакан, тарелка, ложка* и т. п. в определенных контекстах обозначают чай, кашу, лекарство и т. д. Никого не удивляет фраза *Я съел две тарелки*. Ясно, что съедены были не сами тарелки, а их содержимое (например, суп). При описании русского языка нет необходимости при каждом из этих слов выделять кроме значения ‘сосуд’ еще и значение ‘содержимое сосуда’. Достаточно указать, что любое название сосуда может быть использовано для обозначения содержимого. (Это

правило можно распространить и на другие вместилища, ср. *зал аплодировал.*)

§ 51. Типы полисемии

Семантическая структура многозначного слова (т.е. разные значения слова и семантические связи между ними) укладывается в несколько типов.

Наиболее распространен такой тип полисемии: одно **исходное** значение имеет при себе одно или несколько **производных** значений. Так, русское слово *брат* имеет исходное значение 'сын тех же родителей' и три производных: 1) 'близкий человек, единомышленник, друг', 2) фамильярное обращение к лицу мужского пола, 3) 'монах'. На примере второго производного значения видно, что одно значение может отличаться от других не только семантически, но и синтаксически (всегда обращение), морфологически (невозможна форма мн.ч.), фонетически (энклитика) и стилистически (только разговорное). В данном случае исходное значение является одновременно **основным** (самым употребительным), а производные можно назвать **второстепенными**, периферийными. Например, в произведениях Пушкина слово *брат* встретилось 392 раза, из них в исходном значении — 288, в первом производном — 46, во втором — 44, а в третьем — только 4¹.

Редко значения многозначных слов подразделяют на **прямые** и **переносные** (последние всегда относятся к производным). При этом переносные значения более абстрактны, чем прямые, часто в них заметен художественный образ. Слово *глубокий* имеет прямое (исходное) значение 'имеющий большое протяжение сверху вниз, находящийся внизу далеко от поверхности' и ряд переносных значений: 'серьезный, значительный по содержанию' (*глубокая мысль, книга*), 'очень сильный, полный, достигший крайней степени' (*печаль, уважение, молчание, ночь, осень*).

Производные значения многозначного слова могут стать более употребительными, чем исходное. Так, в слове *звено* исходное значение 'кольцо цепи' встречается очень редко, уступая по частоте производному значению 'организационная единица' (например, *пионерское звено* 'мельчайшее подразделение пионерской организации') и производному (переносному) значению 'составная часть чего-то целого, какого-то процесса'. Исторически исходное значение может совсем исчезнуть из языка. У англ. и фр. *poison* когда-то исходным было значение 'напиток' (лат. *potio*), а значение 'яд' было производным. Затем первое значение совершенно вышло из языка, второе значение стало исходным, по отношению к которому про-

¹ В остальных случаях слово *брат* входит в состав фразеологизмов.

изводным является переносное значение (например, ‘какие-то идеи, чья-то деятельность, отравляющая умы окружающих’). Первый тип семантической структуры полисемии (с одним исходным значением) можно назвать **моноцентрическим**.

Второй тип многозначных слов включает два или более семантических центра, слабо связанных друг с другом. Например, в русском слове *двор* два семантических центра. Первый центр возглавляется значением ‘участок земли, расположенный между домами одного владения’, при нем есть производное значение ‘отдельное крестьянское хозяйство’¹. Второй центр образует значение ‘монарх и его окружение’. В соответствующих словах в романских языках и в английском (фр. *cour*, ит. *corte*, англ. *court*) к этому добавляется третий центр — ‘суд’. В современном русском языке вполне равноправны два значения слова *бригада*: 1) ‘коллектив людей, выполняющих определенное производственное задание’ и 2) ‘военное соединение из нескольких полков’. Первое значение встречается намного чаще второго, хотя второе значение возникло раньше. Этот тип полисемии можно назвать **полицентрическим**.

Пример следующего типа полисемии — слово *операция*. У этого слова четыре четко очерченных значения: 1) ‘хирургическое вмешательство’, 2) ‘военные действия, подчиненные единому стратегическому плану’, 3) ‘торговая или финансовая акция’, 4) ‘отдельное действие в технологическом процессе’. Нельзя сказать, что одно из этих значений является производным по отношению к другому. Каждое из них можно считать конкретизацией очень неопределенного **общего** значения ‘действие’².

Наконец, значения многозначного слова могут скрепляться каким-то другим словом. Такой тип семантической структуры особенно характерен для производных слов. Например, в слове *каток* значение ‘место на льду для катания на коньках’ и технические значения (например, ‘каток для выравнивания асфальта’) непосредственно не связаны друг с другом, их связывает значение корня в глаголах *катать*, *кататься*.

Конечно, производное слово может развивать и собственные значения. В слове *гражданский* некоторые значения определяются значениями слова *гражданин* (в таких сочетаниях, как *гражданские права*, *гражданское мужество*), но у этого слова есть и собственные значения: ‘невоенный, штатский’ (*гражданские власти*), ‘нецерковный’ (*гражданский брак*).

¹ К этому же центру относится слово *двор* во всевозможных сочетаниях, обозначающих место хозяйственной деятельности (*постоялый двор*, *гостинный двор*, *монетный двор*).

² Именно это значение было у лат. *operatio*, производного от глагола *operor* ‘тружусь, занимаюсь, действую’.

Отдельные значения многозначного слова (а не все слово в целом) выступают как основная единица семасиологии. Отдельное значение может иметь свои собственные семантические связи с другими словами (синонимические, антонимические, словообразовательные). Например, в слове *дробь* четко различаются три значения: 1) 'мелкие шарики для стрельбы' (ср. *дробинка*), 2) математическое понятие (противопоставлено целому числу, ср. *дробный*), 3) 'последовательность частых отрывистых звуков' (иногда синонимично слову *трель*). В слове *грубый* два основных значения: 1) 'необработанный, неотделанный, предварительный', противопоставленное словам *тонкий, детальный, изящный* (ср. глагол *огрубить*), и 2) 'неучтивый, невежливый' (ср. *грубить, грубиян*). В слове *добрый* тоже два семантических центра: 1) 'делающий добро другим, отзывчивый' (антонимы *злой, злобный*, ср.: *доброта, добродушный, добросердечный, подобреть*) и 2) 'хороший' (антоним *плохой*, ср.: *добро, добродетель, добротный*).

§ 52. Семантические изменения. Переносы названий

Содержание слова с течением времени может изменяться — у слова могут появляться новые значения, постепенно меняться старые. Среди семантических изменений легче всего выделить самый простой (и самый распространенный) случай — **переносы названий**.

Механизм переноса названия очень прост: при необходимости обозначить какой-либо денотат (новый или уже существовавший в человеческой практике) можно использовать для этого уже имеющееся слово. Когда было создано приспособление для поднятия тяжестей, его внешнее сходство с известной птицей позволило использовать название птицы для обозначения технического приспособления: рус. *журавль* (ср. в близком смысле — *лебедка*), фр. *grue*, англ. *crane* и нем. *Kran* (откуда и рус. *кран*). Когда впервые появилась потребность выразить геометрическое понятие линии, для этого было использовано слово со значением 'веревка' (лат. *linea*), поскольку, приложив натянутую веревку, можно легко провести прямую линию. В результате переноса названия у старого слова появляется новое (производное) значение.

Существует два основных типа переносов названий: перенос по сходству и перенос по смежности.

Перенос по сходству, или **метафора** (греч. *μεταφορά* 'перенос'), предполагает какое-то сходство денотатов. Геометрические фигуры, образованные перпендикулярными линиями, названы *клетками* по внешнему сходству с клеткой. Отверстие в иголке для продевания нитки может быть названо по его сходству с ухом

(рус. *ушко*), глазом (англ. *eye*, фр. *œil*). Боковая часть здания по сходству положения может быть названа *крылом* (рус. *крыло*, нем. *Flügel*). Названия частей тела переносятся на разные предметы, но и сами части тела могут принимать названия предметов. Для многих языков, например, характерна такая метафора: голова называется *чашкой*, *горшком*, ср. народное латинское *testa* ‘горшок, черепок’ > ‘голова’, заменившее старое *caput*; нем. *Kopf* ‘голова’ (< ‘чашка’), заменившее *Haupf*.

Метафора может быть основана и на внутреннем свойстве (чертах характера, например). Героев войны называют *орлами*, *соколами*, хитрого человека — *лисой*, неуклюжего — *медведем*. Подобные переносы иногда превращают имена собственные (исторических лиц или литературных персонажей) в нарицательные: *ирод* ‘злой человек’ (по имени царя Ирода, якобы приказавшего истребить всех младенцев страны), *король* (по имени Карла Великого), *царь* (по имени Цезаря), *донжуан* и т. п. Названия конкретных свойств могут быть перенесены на абстрактные, так возникают переносные значения прилагательных, которые мы употребляем, например, в таких сочетаниях: *сладкая жизнь*, *горькая жизнь*, *высокие мысли* (= благородные), *низкий поступок*, *сухое изложение* и т. п.

К метафорам относится и перенос, основанный на общности функции. Когда в Европе появилась бумага, для нее было использовано старое название папируса (нем. *Papier* и т. п.) именно потому, что бумага и папирус выполняют одну и ту же функцию: на них пишут. Лат. *fórmula* первоначально означало ‘формочка, модель’, затем это слово стало означать также краткую запись какого-либо определения, закономерности, способа решения. Как литейная форма служит для отливки многих изделий, так математическая формула многократно используется для решения тех или иных задач. Когда-то на ярмарках разбивались палатки для торговли, затем и другие торговые заведения (небольшого размера) тоже стали называться *палатками*. Сходство между двумя денотатами не внешнее, а функциональное. Процедура тайного голосования в самом названии может отражать старую технику принятия решений. Избиратели могут *голосовать* в полном молчании, при *баллотировке* уже не пользуются черными и белыми шарами (ит. *ballota*).

Второй важнейший тип переносов названий — **метонимия** (греч. *μετωνυμία* ‘переименование’), или перенос по смежности. В этом случае денотаты не сходны, но связаны каким-то другим образом: находятся рядом в пространстве или во времени, один денотат может быть причиной, а другой — следствием, один может быть действием, а другой — деятелем и т. д. Место, связанное с каким-либо действием, может передать свое название и самому действию. Слово *трапеза* значит ‘прием пищи’, в греческом языке это слово

первоначально значило ‘столик’ (отсюда же произошло слово *трапезия*). Аналогично слово *банкет* в итальянском языке обрело исходным значением ‘скамеечка’. Ит. *banco* ‘скамейка’ в результате метонимии образовало значение ‘банк’ (менялы в средневековых итальянских городах вели свои операции на открытом воздухе, сидя на скамьях). Слово *цена* обозначает место театрального представления, оно же может означать часть спектакля (например, *3-я цена*)¹. Англ. *budget* первоначально имело значение ‘сумка (для денег)’, затем стало означать ‘деньги, расходуемые правительством, бюджет’.

Смежность в пространстве лежит в основе переноса географического названия на предмет, вещество, изделие, происходящие из этого места. Название острова Кипр, например, было перенесено на медь (лат. *cyprium*, фр. *cuivre*, нем. *Kupfer*, англ. *correr*). Название Китая перенесено на фарфор (англ. *china*). Название английского и американского городов Бостон стало нарицательным трижды: 1) род карточной игры, 2) вид шерстяной ткани и 3) медленный танец. Особенно характерна такая метонимия для названий вин (*бордо, коньяк, херес, мадера, малага, токай, кагор* и т. п.).

Метонимические переносы лежат в основе многих названий отрезков времени. Луна полностью проходит цикл смены фаз за 28 дней, и этот период стал основным подразделением года. Название луны было перенесено на период времени (лат. *mensis*, рус. *месяц*, узб. *ой*). Лат. *capicula* было названием звезды Сириус, появлявшейся над горизонтом в конце июля, когда учеников отпускали на отдых. Так слово *каникулы* приобрело свое нынешнее значение. Подобным же образом названия частей тела начинают обозначать меры длины: *локоть, фут* (англ. *foot* ‘нога, ступня’), *дюйм* (голл. *duim* ‘большой палец’). К тюрк. *arş* ‘локоть’ восходит название меры длины *аршин*.

Очень обычны метонимические переносы типа ‘материал’ — ‘изделие из этого материала’: фр. *argent* ‘серебро’ и ‘деньги’, англ. *glass*, фр. *verre* ‘стекло’ и ‘стакан’, узб., тадж. *ойна* ‘стекло’ и ‘зеркало’, *шиша* ‘стекло’ и ‘флакон’².

Многие предметы названы именем человека, так или иначе способствовавшего их появлению или популяризации: *френч, грос, сэндвич, дизель, маузер, батист, гобелен, галифе*.

Благодаря метонимическим переносам названия конкретных предметов и веществ могут применяться к психическим явлениям, абстракциям и т. п. Средневековые представления об источ-

¹ Отсюда метафорический перенос на какую-то жизненную ситуацию (*Сегодня я видел ужасную сцену*).

² Обратный переход наблюдается редко, ср. исп. *plata* ‘серебро’ (первоначально ‘блюдо’).

нике психических явлений отразились в таких словах, как фр. *humeur*, англ. *humour* ‘настроение’ (исходное значение ‘жидкость’; согласно старым представлениям, то или иное настроение объясняется преобладанием в организме определенной жидкости — крови, желчи и т. п.). Нем. *Laune* означает ‘каприз, прихоть’, первоначальное его значение ‘луна’ (смена настроения приписывалась влиянию луны).

Название части может переноситься на целое. Слово *неделя*, например, сначала имело значение ‘воскресенье, день отдыха’ (это значение сохраняется в украинском), затем оно было перенесено на всю неделю. Метонимия ‘часть вместо целого’ обычна при счете: столько-то *голов скота* (= животных), *штыков в полку* (= бойцов), *дворов в селе* (= крестьянских хозяйств), столько-то *душ у помещика* (= крепостных людей).

Конкретный предмет может стать символом какой-либо деятельности, и у соответствующих слов развивается переносное значение, например во фразе *Ум с сердцем не в ладу*. Перо становится символом литературы, меч — символом войны.

При метонимии связь исходного и производного значений может ослабляться, особенно в тех случаях, когда она основана на случайных обстоятельствах. В Риме монеты чеканились в храме Юноны Монеты (*Moneta*, т. е. ‘достопамятная’), этот эпитет был перенесен на самый предмет. Конечно, этимология слова была вскоре забыта. Даже тогда, когда исходное и производное значения сохраняются в слове, они становятся относительно независимыми. Если при этом у производного значения появится еще одно производное значение, то последнее уже никак не будет связано с исходным значением слова. Таким образом, метонимические переносы создают цепочки значений. Примером может служить история греческого слова *κανών*. Первоначальное его значение — ‘отвес плотника, каменщика’, отвесом проверяют правильность возведения стен, поэтому это слово стало означать также ‘правило, закон’ (первый метонимический перенос). В результате метонимии от второго значения образовалось третье ‘сборник церковных песнопений, расположенных в определенном порядке’ (второй перенос). Такая последовательность исполнялась полностью по праздникам и в дни, предшествующие праздникам, поэтому создались условия для третьего метонимического переноса: у слова появилось четвертое значение — ‘канун, день накануне’. (В русском языке *канун* и *канон* разошлись и фонетически.)

Столь же сложную эволюцию проделало персидское слово *dīwān* с первоначальным значением ‘список, реестр’ (это слово этимологически связано с *dībir* ‘писец’). Одной из важных задач новой мусульманской администрации было ведение списков арабских ветеранов, которым полагалось денежное содержание. Персидское слово проникло в арабский язык, вскоре им стали обозначать не

только список, но и учреждение, в котором велись и хранились такие списки (метонимический перенос). Позднее арабское слово распространилось в языках мусульманских народов, в том числе и в турецком, постепенно продвигаясь вверх по социальной лестнице. Уже в XII в. слово зарегистрировано в Европе в значении 'таможня' в виде лат. *duana* (фр. *douane*, исп. *aduana*, ит. *dogana*). На исламской почве семантическая эволюция продолжалась; в конце концов это слово приобрело значение 'собрание советников монарха (халифа, шаха, султана)', а затем мы снова видим цепочку метонимических переносов: 'комната для таких собраний' и, наконец, 'предмет мебели, расположенный у стены и снабженный подушками для удобства сидящего'¹. Сам этот предмет мебели стал особенно популярным в Европе в XVIII в., с ним распространилось слово (ср. рус. *диван*). Особая ветка эволюции персидского слова — значение 'сборник стихов' благодаря «Западно-восточному дивану» Гёте, и это значение стало известно в европейских языках.

Особый вид переносов основан на отношении «род» — «вид». Для выражения родового понятия может быть использовано название видового понятия (реже наблюдается обратный процесс). Когда химики в XIX в. обнаружили единство целого класса органических веществ, они назвали их *белками*, используя как образец определенный вид белка, а именно — яичный белок. Напротив, греч. *διάγραμμα* с родовым (широким) понятием 'чертеж' в новых европейских языках было применено к видовому (узкому) понятию 'рисунок или чертеж, наглядно отражающий какие-то числовые или другие абстрактные отношения'.

§ 53. Другие семантические изменения

Семантические изменения не ограничиваются переносами названий. Во многих случаях происходит **перенос значения**. Механизм этого процесса таков: два слова (x и y) устойчиво употребляются вместе в каких-то контекстах, самостоятельное значение каждого компонента сочетания ослабляется, доминирует значение целого. Общее значение сочетания теперь в равной мере принадлежит двум словам, и если одно из них (x) используется вне устойчивого сочетания, оно тем не менее сохраняет значение сочетания, а следовательно, значение своего партнера по сочетанию (слово y). Классический пример дают французские конструкции отрицания. В старофранцузском языке отрицательные глагольные

¹ Цепочку значений 'группа людей' — 'помещение' — 'мебель' слова могут проходить в разной последовательности, у слова *кабинет* исходной точкой было 'помещение', у слова *бюро* — 'предмет мебели'.

конструкции постоянно усиливались добавлением знаменательного слова. Говорили не просто *он не идет, он не видит*, но *он не идет (ни на) шаг, он не видит (ни одной) вещи* и т. п. Такие слова-усилители вобрала в себя значение отрицательных частиц, в паре с которыми они употреблялись. Слово *rien* (лат. *rem* ‘вещь’, вин. п.) означает теперь ‘ничего’. Слово *pas* ‘шаг’ употребляется как отрицательная частица в паре с частицей *ne* (*Je ne parle pas* ‘Я не говорю’) или отдельно (*Pas vrai?* ‘Не правда ли?’). Слово *personne* означает ‘человек, персона’ и ‘никто’.

Во Франции в 20-х гг. XIX в. лат. *omnibus* ‘всем, для всех’ вошло в сочетание *voiture omnibus* ‘экипаж для всех’, затем *omnibus* стало употребляться самостоятельно, вобрав в себя значение всего сочетания. **Эллипс** (опущение) существительного в сочетаниях «прилагательное + существительное» и соответствующий перенос значения объясняют семантическое развитие многих субстантивированных прилагательных: *музыка* (греч. *τέχνη μουσική* ‘искусство муз, искусство мусическое’), *филиппика* ‘обличительное выступление против кого-то’ (от греч. *φιλίππικὸί λόγοι* ‘речи Демосфена против царя Филиппа’); *генерал* (фр. *capitaine general* ‘общий начальник’), *интернационал* (полное название основанного К. Марксом и Ф. Энгельсом I Интернационала — *Association Internationale des travailleurs* ‘Международное товарищество рабочих’).

Такой же процесс может происходить и в компонентах сложного слова, ср. нем. *Rad* ‘колесо’, но также ‘велосипед’, последнее значение возникло при сокращении сложного слова *Fahrrad* ‘велосипед’.

От переносов отличаются медленные, постепенные изменения значения, особенно характерные для названий абстракций или предметов с нечеткими границами. Названия частей тела могут постепенно изменить свое содержание: нем. *Kinn* и англ. *chin* ‘подбородок’, но готск. *kinnus* ‘щека’ (это же значение у родственного лат. *genaе*), а соответствующее слово в греческом (*γένυς*) значит ‘челюсть’. Границы челюсти, подбородка, щеки настолько неопределенны, что содержание слова могло смещаться в ту или другую сторону. Лат. *spathula* означало ‘лопатка’, а происходящее из него фр. *épaule* ‘плечо’. Ст.-сл. *рамо*, лат. *armus* ‘плечо’ соответствует арм. *armukn* ‘локоть’ и нем., англ. *Arm*, прус. *irmo*, др.-инд. *īrmā-*, осет. *arm* ‘рука (вся конечность)’.

Постепенный «дрейф» значения очень характерен для слов, обозначающих психические или другие свойства человека. Лат. *crudelis* ‘кровавый’ превратилось в ‘жестокий’ (фр. *cruel*), лат. *ferus* ‘дикий’ прошло такие этапы: ‘жестокий’, ‘надменный’ и, наконец, ‘гордый’ (фр. *fier*). Нем. *klug* ‘умный’ когда-то означало ‘красивый’, англ. *fair* ‘красивый’ приобрело также значения ‘белокурый’, ‘справедливый’. Фр. *joli* когда-то означало ‘веселый’ (ср. англ. *jolly*, сохранившее это значение), теперь оно значит ‘красивый, милый’.

По своим результатам постепенное изменение значения может совпадать с переносами названий. Нем. Herbst ‘осень’ когда-то значило ‘урожай, жатва’ (ср. англ. harvest ‘урожай’). Два значения укладываются в модель метонимии, однако исторически никакого переноса названия здесь не было. В некоторых контекстах (например, в сочетании ‘до урожая’) различие понятий ‘урожай’ и ‘осень’ нейтрализовалось, а отсюда уже значение ‘осень’ могло распространяться и на другие контексты¹. Фр. saison проделало такой путь семантического развития: ‘сев’ — ‘весна’ — ‘сезон вообще’. Результаты напоминают метонимию: первые два значения связаны отношением «действие» — «время действия», вторые два — отношением «вид» — «род». Рассматривая родственные индоевропейские слова: чеш. jaго ‘весна’ (ср. рус. *яровой*), с одной стороны, и авест. jaг, нем. Jahr, англ. year ‘год’ — с другой, мы обнаруживаем отношение «часть» — «целое».

Если в начале семантической эволюции значение совпадает с видовым понятием, а в конце — с родовым, такой путь развития называют **расширением** значения. Рус. *кожа* этимологически связано со словом *коза* и первоначально значило ‘козья шкура’. Поскольку шкура козы была наилучшим материалом для сапог и других кожаных изделий, это слово расширило свое значение, стало обозначать любую кожу. Хотя мясо козы отнюдь не относится к деликатесам, фр. boucher (англ. butcher), означавшее сначала ‘торговец козлятиной’, постепенно расширило свое значение до ‘мясник (вообще)’. Лат. véнего ‘поклоняюсь’ развило свое значение из более узкого — ‘поклоняюсь Венере’. В латинском языке первых христиан греческое слово παραβολή ‘сравнение, притча’ расширило свое значение (фр. parole ‘речь’). На наших глазах расширяется значение русского слова *работать*: в XIX в. были невозможны фразы *магазин работает (= открыт)*, *актер работает в таком-то театре* и т.п.

Если же семантическое развитие идет от родового понятия к видовому, этот путь называется **сужением** значения. Лат. сагмен ‘песня (вообще)’ затем стало означать ‘волшебная песня, заклятие’, а позднее — метонимически ‘чары’ (фр. charme, откуда и рус. *шарм*). Лат. laborare означало ‘работать’, фр. labourer — ‘пахать’. Англ. hound ‘гончая собака’ сузило свое значение, раньше оно означало ‘собака (вообще)’, ср. нем. Hund ‘собака’. Греч. πάππας ‘батюшка’ в языке христиан стало означать ‘епископ, священник’ (ср. рус. *поп*, нем. Pfaffe), а затем на Западе сузило свое значение до обозначения главного (римского) епископа (*papa*).

Очень часто сужение значения сопровождается проникновением слова в новый язык. Например, проникая в европейские языки,

¹ Аналогично рус. *осень*, прус. assanis этимологически соответствуют гот. asans ‘жатва’, с последним словом связано и нем. Ernte ‘урожай’.

англ. dog ‘собака’ неизменно сужало свое значение (рус. дог, фр. dogue ‘бульдог’). Тюрк. qaqa ‘черный’ превратилось в рус. карий и применяется теперь только к глазам и лошадям. Нем. Gruppe ‘отряд, группа’ в русском языке сузило свое значение (*труппа* = ‘коллектив актеров’).

Постепенно происходит и смена эмоциональной окраски слова. Слово *лекарь* значит ‘врач’, однако применяется оно либо иронически, либо с осуждением (= плохой, неумелый врач), еще в XVIII в. это слово не имело отрицательного оттенка. Слово же *врач*, напротив, в русском языке еще в глубокой древности избавилось от отрицательных нюансов, которые оно имело, судя по его этимологии. (Это слово происходит от глагола *врать* ‘болтать, заговаривать, лгать’, т. е. врач — тот, кто заговаривает болезнь, ср. болг. *врач* ‘колдун’.)

Развитие пейоративной (от лат. *peior* ‘хуже’) окраски может идти параллельно в разных языках у слов с одной и той же семантикой. Нем. *List* раньше значило ‘ум’, теперь — ‘хитрость’, этот же путь от ‘умного’ до ‘хитрого’ проделало англ. *unning*. Слово со значением ‘несчастный’ может произноситься не с жалостью и сочувствием, а с раздражением, неодобрением, презрением (ср. рус. *Умри, несчастный!*), фр. *méchant* от значения ‘несчастный’ постепенно перешло к значению ‘злой’.

Сдвиг эмоциональной окраски может происходить и резко, особенно при заимствовании. Турецк. *alafa* ‘содержание, плата’ через тюркское посредство проникло в русский язык, превратившись в *лафа* ‘удача, счастье, легкая жизнь’. Оно приобрело как положительную эмоциональную окраску, так и низкую стилистическую. Др.-евр. *šabbath* ‘отдых, суббота’ во многих языках Европы получило значение ‘ночное собрание ведьм и прочей нечистой силы’ (рус. *шабаш*). Латинский грамматический термин *gegundium* в устах русских семинаристов превратился в слово *ерунда* ‘глупость, чепуха’.

В заключение как пример слова с долгой и сложной семантической историей рассмотрим лат. *classis* ‘класс’ и его европейские продолжения. Первоначальное значение этого слова ‘призыв, мобилизация, набор’ (например, *classis juniorum* ‘призыв молодых возрастов’), к этому же значению восходит прилагательное *clāssicus* ‘призывный’ и *classicum* ‘военная труба’. От исходного значения начинаются два пути семантического развития: военное и гражданское. Военная ветвь демонстрирует метонимический перенос «действие» (‘мобилизация’) — «результат действия» (‘набор, армия’). *Classes* (мн. ч.) означает отныне ‘войско, отряды’. Впрочем, в этом значении слово не удержалось: конкуренция с более обычным словом *exercitus* ‘армия, войско’ привела к сужению значения: *classis* стало означать ‘флот’, одновременно возникли слова *classiarius* ‘военно-морской’, *classicus* ‘моряк’. В этом значении слово употреблялось до конца классической латыни.

Гражданская ветвь семантического пути объясняется принципами военного набора в Риме. Граждане должны были вооружаться за собственный счет, и в зависимости от своего достатка они распределялись по пяти категориям, или классам (classes). Итак, слово *classis* приобрело значение 'цензовый разряд, категория налогоплательщиков'. Это значение и лежит в основе всей дальнейшей эволюции слова. Уже в Древнем Риме наметились новые пути семантического развития. Во-первых, открывалась возможность применять слово не только к категориям граждан, но и к группам любых объектов, например *scriptor quintae classis* 'писатель пятого (низшего) разряда'. Во-вторых, слово могло специализироваться в значении 'высший класс'. Субстантивированное прилагательное *classici* означало 'граждане первого класса', *scriptores classici* 'писатели первого класса, классические писатели'¹.

В средневековой латыни слово *classis* все чаще употребляется в значении 'разряд учеников, обладающих равными знаниями' (перенос названия с первого гражданского значения). «Школьное» значение слова становится главным к XVI в.² Оно начинает притягивать к себе и значение прилагательного (*classicus*): классические писатели осмысливаются теперь не только как 'первоклассные писатели', но и как 'писатели, которых изучают в школе'.

Благодаря школьной программе эпохи Возрождения появляется сочетание *linguae classicae* 'классические языки', т.е. языки Античности (греческий и латинский). От школьного значения *classis* 'год обучения, разряд учеников' метонимическим переносом образованы значение 'помещение для занятий' (*просторные классы*), значение 'группа учеников, обучающихся вместе' (например, *дружный класс*) и, наконец, значение 'урок' (фр. *classe d'histoire* 'урок истории')³.

С XVII в. французское прилагательное *classique* 'классический' и его соответствия в других европейских языках начинают самостоятельную жизнь независимо от существительного. (Позднейшие значения слова *класс* уже не отражены в этом прилагательном.) У него появляется значение 'достойный имитации, наиболее авторитетный' (в контекстах *классический образец чего-то, классический труд* и т.п.). Прилагательное, в свою очередь, начинает порождать производные существительные. В начале XVIII в. появляется англ. *classic* 'классик'. На рубеже XVIII и XIX вв. как

¹ Такая специализация будет неоднократно повторяться и в дальнейшем. Ср. рус. *Вот это класс!* (с восхищением).

² В это время наше слово начинает появляться и в живых языках: сначала во французском (*classe*), а в XVII в. в английском (*class*) и немецком (*Klasse*), в XVIII в. в русском (*класс*).

³ Это значение не удержалось в русском языке, но у Пушкина еще можно встретить: ...*после скучного математического класса*.

антоним слова *romantisch* в немецком языке слово *klassisch* начинает применяться к литературе и искусству XVII – XVIII вв. Вскоре возникает и соответствующее существительное: в 1825 г. во французском языке впервые зафиксировано слово *classicisme*, а уже в 1827 г. Пушкин пишет: *Я классицизму отдал честь: Хоть поздно, а вступленья есть.*

В XVII в. от значения ‘разряд римских граждан’ переносом типа «вид» — «род» образовалось новое значение — ‘категория, разряд на какой-либо шкале ценностей’ (ср. современные контексты: *каюты первого класса, радиоприемник второго класса*). Еще один такой же перенос породил и самое широкое значение слова — ‘категория, разряд (вообще)’, особенно характерное для языка науки (например: *Исследуемые объекты можно разбить на такие классы...*). В середине XVIII в. в связи с этим значением возникли существительное *classification*, глаголы фр. *classer*, англ. *classify* ‘классифицировать’.

Наиболее общее из значений слова *класс* создавало неограниченные возможности конкретизации и специализации. В 30-х годах XVIII в. (после появления трудов Линнея) благодаря переносу «род» — «вид» возникло биологическое значение — «подразделение животных и растений, более узкое, чем тип, и более широкое, чем отряд (порядок)»¹.

Наконец, во второй половине XVIII в. появляется значение ‘общественный класс’, широко распространившееся в эпоху Французской революции. Это значение можно считать результатом переноса «род» — «вид», хотя какое-то влияние имело при этом и старое (римское) гражданское значение слова. Данному значению в русском языке соответствует особое прилагательное *классовый*. Это значение стало популярным в социальных науках, в марксизме оно стало терминологическим (точно определенным)².

§ 54. Омонимы

Разные слова, звучащие одинаково, называются **омонимами** (от греч. *ὀμός* ‘одинаковый, равный’ и *ὄνομα*, *ὄνομα* ‘имя’, т. е. ‘равноименный’). При тождестве звучания все различие между омо-

¹ Например, тип членистоногих делится на классы паукообразных, ракообразных, насекомых и др. Класс насекомых делится на множество отрядов (двукрылые, перелопчатокрылые, чешуйчатокрылые и т. п.).

² «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» (Ленин).

ними заключено в их семантике. В зависимости от характера этих различий омонимы подразделяются на лексические, лексико-грамматические и грамматические. Лексические омонимы различаются только лексическими значениями при полном тождестве грамматического значения, ср.:

рус. *мир* 'вселенная' и *мир* 'покой, согласие'; *кот* и *код*;

англ. *light* 'легкий' и *light* 'светлый';

фр. *être* 'существо' и *hêtre* 'бук';

нем. *Mahl* 'еда', *Mal* 'раз' и *Mal* 'родимое пятно';

узб. *карам* 'щедрость, милость' и *карам* 'капуста'.

Лексико-грамматические омонимы различаются и лексическим, и грамматическим значением, ср.:

рус. *туш* 'музыкальное произведение' (муж. р.) и *тушь* 'краска' (жен. р.), *рой* 'скопление' (пчел и т. п.) и *рой* — повелит. накл. глагола *рыть*;

англ. *ring* 'кольцо' и *ring* 'звонить';

фр. *page* 'страница' (жен. р.) и *page* 'паж' (муж. р.);

нем. *Messer* 'нож' (ср. р.) и *Messer* 'землемер' (муж. р.).

Грамматические омонимы различаются только грамматическим значением (см. с. 85).

Омонимы можно также разделить на полные, т. е. совпадающие по звучанию во всех своих грамматических формах, и частичные, совпадающие лишь в части форм. Русские омонимы *коса* 'волосы' и *коса* 'сельскохозяйственное орудие' совпадают во всех своих формах, омонимы *рог* и *рок* звучат одинаково в им. и вин. п., но различаются во всех остальных падежах (например: *рога*, *рока*).

Практически важно классифицировать омонимы по их написанию. В этом случае среди омонимов можно выделить **омофоны** — омонимы, различающиеся написанием, ср. рус. *труд* и *трут*, англ. *die* 'умирать' и *dye* 'красить', фр. *voie* 'дорога' и *voix* 'голос', нем. *Moog* 'болото' и *Mohr* 'мавр'¹.

Существование омонимов обычно не мешает эффективному функционированию языка, ведь значения омонимов далеки друг от друга, и контекст, как правило, исключает возможность двусмысленности. Лишь в очень редких случаях возникают условия для конфликта омонимов. Так, в некоторых провансальских диалектах совпало звучание латинских слов *cattus* 'кот' и *gallus* 'петух'. Поскольку эти значения относятся к одной и той же семантической области, конфликт омонимов был неизбежен, одно из этих слов должно было исчезнуть. Во французском языке в силу фонетических законов должны были совпасть лат. *ásinus* (ст.-фр. *asne*) 'осел' (совр. фр. *âne*) и лат. *anas* (ст.-фр. *ane*) 'утка'. У второ-

¹ В практических учебниках языка иногда выделяют группу слов-омографов, т. е. слов с одинаковым написанием, но различным звучанием, вроде рус. *пáры* и *па́ры*. Омографы омонимами не являются.

го слова появился вариант *cané*, а затем *canard*. Конфликт омонимов был преодолен.

Существуют четыре пути возникновения омонимов: фонетические изменения, заимствования, процессы словообразования и распад полисемии.

Первый источник омонимии (фонетические изменения) — самый распространенный. Фонетические законы могут приводить к частичному или полному совпадению фонем, а значит, и слов, включающих эти фонемы. Например, в древних славянских языках слова *лоуць* ‘растение лук’ и *лжць* ‘лук для стрельбы’ фонетически различались. В большинстве славянских языков носовые гласные исчезли, при этом в восточнославянских языках и в чешском образовались омонимы *лук*¹ и *лук*². В народной латыни *p* исчез перед *s*, поэтому в провансальской форме *pes* и старофранцузской форме *peis* совпали латинские *pisum* ‘горох’ (совр. фр. *pois*) и *pensum* ‘вес’ (совр. фр. *poids*). Позднее во французском языке к этим омонимам присоединилось слово *poix* ‘смола’ (ст.-фр. *peiz*, лат. *pix*). В английском языке *k* исчез перед *n*, в результате чего появились такие пары омонимов, как *knight* ‘рыцарь’ и *night* ‘ночь’, *knot* ‘узел’ и *not* ‘нет’, *know* ‘знать’ и *no* ‘нет’.

Фонетические изменения могут создавать пары омонимов целыми сериями (иногда десятками). Во французском языке в носовом гласном [ɛ] совпали бывшие *in* и *en*, отсюда омонимы: [fɛ̃] *faim* ‘голод’ и *fîn* ‘тонкий, изящный’; [pɛ̃] *pain* ‘хлеб’ и *pin* ‘сосна’; [sɛ̃] *sain* ‘здоровый’ и *sein* ‘грудь’; [vɛ̃] *vain* ‘тщеславный’ и *vin* ‘вино’. В английском языке совпали среднеанглийские [ā], [ai], [ei], ср. *fair* ‘прекрасный, справедливый’ и *fare* ‘поездка, плата за проезд’; *pale* ‘бледный’ и *pail* ‘ведро’; *wait* ‘ждать’ и *weight* ‘вес’.

Второй путь возникновения омонимов — заимствование иноязычного слова. Когда из старославянского в русский было заимствовано слово *градь* ‘город’, оно совпало с уже существовавшим в языке словом *градь* (метеорологическое явление). Немецкое заимствование *брак* ‘негодное изделие’ случайно совпало с русским *брак* ‘супружество’, а немецкое *горн* (музыкальный инструмент) — с *горн* ‘плавильная печь’. Французское *mèche* ‘фитиль’ было заимствовано в английский язык, где совпало с исконно английским *tesche* ‘супруг, партнер’, так было положено начало омонимии современных *match* ‘спичка’ и *match* ‘матч’.

Третий источник омонимии — создание нового слова средствами словообразования. Например, в эпоху революции 1905 г. из словосочетания *конституционный демократ* возникло сокращение *кадет*, которое фонетически совпало со словом *кадет* ‘воспитанник среднего военно-учебного заведения’, существовавшим в русском языке с XVIII в. Очень часто таким путем возникают лексико-грамматические омонимы.

Наиболее редкий путь появления омонимов — распад полисемии. Те значения, которые когда-то были семантически связаны друг с другом, могут утратить эту связь и стать значениями разных слов — омонимов. В прошлом у слова *глава* существовала связь между значением ‘раздел книги’ и исходным значением. Обычай выделять начало каждой главы рисунком (фронтисписом) или разрисованной буквой, возможно, помогал ощущению семантической связи ‘голова’ — ‘начало’ — ‘начало раздела’ — ‘сам раздел’. В настоящее время эта связь настолько ослабела, что соответствующие значения можно отнести к омонимам.

Английские омонимы *staff* ‘посох’ и ‘штаб’ (также и немецкие *Stab*) восходят к одному и тому же слову. Семантическая связь между этими значениями поддерживалась значением ‘офицерский жезл’. Когда исчез обычай давать офицерам жезл как символ их звания, исчезла и связь между данными значениями. Английские омонимы *toast* ‘ломтик хлеба, поджаренный на огне’ и ‘предложение выпить за что-то’ в XVIII в. связывались между собой благодаря обычаю класть в вино кусок хлеба. Позднее обычай исчез и полисемия распалась. Забвение первоначальной метафоры привело к расщеплению лат. *palma* на омонимы (англ. *palm*) ‘ладонь’ и ‘пальма’.

§ 55. Парадигматические связи слов

В языке слова связаны друг с другом разнообразными отношениями. Связи слов в языковой системе называются **парадигматическими**. Эти отношения основаны или только на семантике, или одновременно на двух сторонах слова (содержании и выражении)¹.

Рассмотрим сначала группы слов, которые объединяются и фонетически, и семантически. Среди таких групп наибольший интерес представляют **словообразовательные гнезда слов**, т. е. группы слов, объединенные общностью корня. Словообразовательное гнездо включает от двух-трех до нескольких десятков (изредка более ста) слов². Малые словообразовательные гнезда устроены очень просто: одна и та же структура гнезда повторяется многократно. Одинаковую структуру имеют гнездо слова *берейтор* ‘объездчик верховых лошадей’ (с прилагательным *берейторский*) и гнездо слова *зной* (с прилагательным *знойный*), хотя, конечно, слова второго гнезда намного употребительнее.

¹ Слова, связанные друг с другом только в плане выражения (например, омонимы), образуют случайные группы, не играющие большой роли в лексической системе.

² Некоторые слова не имеют словообразовательных связей и в словообразовательные гнезда не входят (например, рус. *очень*).

Чем больше слов включает словообразовательное гнездо, тем вероятнее, что его структура окажется неповторимой. Разнообразие гнезд объясняется тем, что связанные друг с другом значения выражаются то отдельными словами, то одним и тем же словом. Например, в русском языке при обозначении рыб могут использоваться такие слова: 1) существительное — название рыбы, 2) соответствующее прилагательное, 3) существительное — название мяса рыбы, 4) существительное — название маленькой рыбы, 5) существительное — название молодой рыбы. Однако все пять значений выражены только в гнезде *щука — щучий — щучина — щучка — щуренок*, да и здесь для обозначения мяса обычно используется не *щучина*, а все то же слово *щука*. Есть несколько гнезд, где выражены только значения 1 и 2, например *треска и тресковый*. В других гнездах выражены значения 1 и 4 (*лещ и лещик*), значения 1, 2, 4 (*окунь*) и т. д.

Особенно большое разнообразие структур наблюдается в сложных гнездах, возглавляемых глаголами. Так, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова зафиксировано 248 слов из словообразовательного гнезда *нести/носить*. Если учесть, что некоторые из этих слов многозначны, общее число отдельных значений, выраженных в этом гнезде, превышает 500. Эта группа значений содержит в себе много автономных семантических центров. Один из них — исходное значение глагола *нести* ‘перемещать на себе какой-то груз’ (*отнести, нанос, внести, носилки, носильщик, ноша* и т. п.), второй важный центр — значение глагола *носить* ‘одеваться во что-то’ (*обноски, носильный*), в третьем центре подчеркивается стремительность передвижения (*нестись, носиться*). Широкие возможности русской префиксации используются для уточнения видовых и пространственных оттенков действий, относящихся к этим трем центрам (*уносить, приносить* и др.). Однако во многих случаях в префиксальных глаголах возникают самостоятельные семантические центры. С префиксами *пере-, с-, вы-* ассоциируется идея ‘терпеть какое-то неудобство, зло’ (*переносить, несносный, невыносимый*), с префиксом *из-* — идея ухудшения одежды или другого предмета (*износ*), с префиксом *до-* — идея тайного сообщения о реальном или мнимом преступлении (*донос*), с префиксами *раз-, по-* связывается идея брани, ругани (*разнос, поношение*). Подобный семантический центр может потерять связи с остальной частью словообразовательного гнезда и выделиться в особое гнездо. По-видимому, это происходит с глаголом *относиться* и с производными от него словами *отношение, относительный, отнестись* и т. п.¹

¹ Впрочем, идея связи проглядывает и в других участках этого словообразовательного гнезда, ср.: *снести, сноситься*.

Распад словообразовательного гнезда облегчается при значительных фонетических изменениях, а также в тех случаях, когда исчезает исходное значение всего гнезда. Слова, восходящие к лат. *modus* 'мера', в настоящее время потеряли исходное значение¹ и многие семантические связи. Разделившись на несколько словообразовательных гнезд, они группируются вокруг нескольких центров. Семантический центр 'умеренность' представлен в англ. *moderate*, фр. *modéré*, может быть, с ним еще сохраняет связи центр, восходящий к лат. *modestus* 'скромный'. Самостоятельно существует музыкальный центр (*модуляция*, *модулировать*). К значению 'способ, манера', которое доминировало в лат. *modus*, восходит логико-грамматический центр: *модус*, *модальный*, фр. *mode*, англ. *mood* 'наклонение', может быть, к этому же центру следует отнести слово *модификация*. В Новое время отпочковались еще два словообразовательных гнезда: одно — итальянского происхождения: *модель* (*моделировать* и т. п.), второе — французского: *мода* (*модистка*, *модный*). В латинском языке наречие *modo* имело значение 'только что, недавно', давшее начало слову *modernus* 'современный', а с ним еще одному словообразовательному гнезду (*модернизм*, *модернизация*).

В разных языках мира наблюдается и обратный процесс — взаимное сближение слов, первоначально не связанных друг с другом. Такое сближение звучания и значения слов называется **народной этимологией**. В лат. *crassus* 'толстый, жирный' под влиянием *grossus* 'толстый, большой' озвончился начальный согласный (ит. *grasso*, фр. *gras*). Название венецианской больницы *Santa Maria di Nazaret* под влиянием ит. *lazzaro* 'нищий' превратило начальный *n* в *l* (ср. рус. *лазарет* 'больница'). Фр. *métier* 'профессия' произошло от лат. *ministerium* 'служба', но испытало влияние слова *mysterium* 'тайна' (совр. *mystère*). Общим для двух слов стало значение *mystère* 'мистерия' (театральное представление на религиозные темы, характерное для средневековых городов).

Чаще всего народная этимология отмечается у слов-одинок, лишенных словообразовательных связей, обычно это заимствования. Турецкое *saika* 'лодка' попало к русским казакам, но было преобразовано в *чайка*, слившись с названием птицы. Ит. *succada* (от *succo* 'сок') попало в немецкий язык и превратилось в *Zukcade* (откуда и рус. *цукат*) под влиянием *Zucker* 'сахар'.

Словообразовательные гнезда основаны на сходстве звучания и содержания. Остальные виды парадигматических связей слов носят исключительно семантический характер. Слова могут объединяться в сравнительно небольшие группы (пары антонимов, синонимические ряды, семантические группы, или поля), они входят также в более широкие классы, объединяющие десятки и

¹ Если не считать термина *модуль* в физике и математике.

сотни слов. Иногда такие широкие классы устроены по иерархическому принципу: слово с широким (родовым) значением подчиняет себе слова с узким (видовым) значением. Эти широкие классы хорошо изучены лишь в области специальных терминологий, что касается общего языка, то здесь дело обстоит хуже. Семасиология делает первые шаги по пути открытия семантической системы языка. Некоторые успехи достигнуты в изучении малых групп, к анализу которых мы и переходим.

§ 56. Синонимы

Синонимы — это слова с тождественным или предельно близким значением. Синонимы выступают в языке как семантические эквиваленты и потому в определенных условиях могут заменять друг друга. Однако очень редко встречаются синонимы, которые могут заменить друг друга в любых контекстах, совершенно не меняя при этом смысла. Такие синонимы называются абсолютными. Традиционные примеры абсолютных синонимов обычно берутся из области терминологии — слова *лингвистика* и *языкознание*.

Как правило, синонимы не полностью совпадают по своему содержанию. Правда, в конкретных случаях употребления синонимы могут быть совершенно равнозначны. Один и тот же персонаж пушкинской «Гавриилиады» назван *бесом* (8 раз), *сатаной* (8 раз), *лукавым* (4 раза), *проклятым* (2 раза), причем нельзя обнаружить никаких нюансов значения, никаких стилистических оттенков, которые отличали бы одно слово от другого в этой поэме. Четыре синонима здесь равнозначны, их выбор определяется лишь удобством стихотворного размера. В «Сказке о попе...» употребляются синонимы *черт* и *бес* без каких-либо различий. Однако едва ли Пушкин мог употребить слово *черт* в «Гавриилиаде». Дело в том, что слово *черт* имело сниженную стилистическую окраску, оно было разговорным и плохо подходило бы к ироническому тону поэмы, обыгрывающей библейский сюжет. Таким образом, *сатана* взаимозаменялось с *бесом*, *бес* — с *чертом*, но *сатана* (книжное слово) и *черт* (разговорное) если и заменяли друг друга в тексте, то при этом меняли стилистический эффект.

Семантические различия между синонимами сводятся к четырем основным пунктам.

Нередко синонимы различаются какой-либо деталью значения. Например, рус. *картавить* и *грассировать* можно считать синонимами, но второе слово вносит такое уточнение: звук [г] произносится на французский манер. Слово *традиция* синонимично слову *обычай*, но больше акцентирует идею передачи обычая во времени, чаще применяется к обычаям более важным, существенным. В синонимическом ряду *пояс*, *ремень*, *кушак* слово *ремень*

акцентирует жесткость (из кожи), слово *кушак*, напротив, — мягкость (из ткани). Синонимы *искренний* (англ. *sincere*) и *откровенный* (англ. *candid*) очень близки друг к другу, оба значат 'говорящий правду'. Первое слово чаще подчеркивает нежелание лгать (т.е. противопоставлено слову *лицемерный*), второе слово акцентирует то, что человек ничего не скрывает (иногда даже то, что может быть употреблено ему во вред).

Значения синонимов могут различаться интенсивностью выражаемого признака. Так, русские синонимы *небольшой*, *маленький*, *микроскопический* расположены здесь по убыванию размера. Точно так же усиливается степень старины в тройке синонимов *старый*, *старинный*, *древний*. Слово *скорбь* передает большую степень страдания, чем его синоним *горе*. В тройке синонимов *мокрый*, *влажный*, *сырой* слова расположены в порядке уменьшения поверхностной влаги и увеличения влаги внутренней.

Синонимы различаются также субъективной оценкой денотата. Русские разговорные синонимы *транжира* и *мот* означают одно и то же: 'человек, легко и бездумно расходующий деньги', но второе слово всегда содержит решительное осуждение, а первое может быть употреблено даже со скрытой похвалой. Описывая чрезмерную снисходительность к лодырю и пьянице, можно сказать с постепенным усилением негодования: *Что вы с ним возитесь! Что вы с ним нянчитесь! Что вы с ним цацкаетесь!*

Наконец, синонимы могут различаться своей стилистической окраской. *Электропоезд* и *электричка* различаются только тем, что первое употребляется в официальной речи, а второе — только в разговорной речи. Синонимы *юноша*, *молодой человек*, *парень* различаются стилистически; *юноша* — книжное слово, *молодой человек* имеет разговорную окраску, *парень* — тоже разговорное, но ниже, чем *молодой человек*.

Конечно, все эти четыре характеристики могут различать синонимы одновременно. Синонимический ряд, возглавляемый словом *лентяй*, включает также разговорные синонимы *бездельник*, *лодырь*, *лоботряс*, *лежебока*. Последний синоним подчеркивает, что лентяй любит поспать. Слово *лодырь* указывает и на большую степень лени, и на большее осуждение, чем *бездельник*. *Лоботряс* еще ниже стилистически и, кроме того, подчеркивает нелюбовь лентяя к полезным занятиям, не отказывая ему в какой-то другой деятельности.

Обычно среди слов синонимического ряда можно выделить главное — **доминанту**. Доминанта употребляется чаще других синонимов и нейтральна в стилистическом отношении¹. Все остальные

¹ Не во всех синонимических рядах можно выделить доминанту. Иногда синонимический ряд возглавляют два слова (*смотреть* — *глядеть*, *смелый* — *храбрый*), а в некоторых случаях во главе синонимического ряда могут находиться сразу три слова (фр. *figure*, *visage*, *face* 'лицо').

ний. Обозначение тепловых состояний иногда включает лишь два главных слова, например: фр. chaud ‘теплый’ и froid ‘холодный’. Многие языки при описании погоды доводят число основных слов до четырех: рус. *жара — тепло — холод — мороз*, нем. Hitze — Wanne — Kalte — Frost. Однако такая симметричность не обязательна для семантических групп. Различие холодного и очень холодного до изобретения холодильных установок не зависело от человека. Оно было оправдано в применении к погоде, но не находило подкрепления в активной практике человека. Напротив, различие теплого и очень теплого играло большую роль в практике, поэтому многие языки в данной семантической группе имеют три основных слова: рус. *горячий — теплый — холодный*, англ. hot — warm — cold, нем. heiss — warm — kalt.

Семантическая группа, основанная на антонимии, может осложниться введением слова, означающего ни то ни другое. Так, в дополнение к фр. chaud и froid возникает слово tiède ‘ни теплый ни холодный’. Впрочем, потребность в таком среднем члене появляется редко, ведь в этом случае можно вообще не упоминать данное свойство.

Чаще возникает необходимость в обозначении общего понятия, покрывающего все значения семантической группы, например все как обобщение легкости и тяжести. Слово, обозначающее такое общее понятие, называется **гиперонимом**. Самый простой способ удовлетворить эту потребность — использовать одно из слов-антонимов в обобщенном значении. В самых разных языках слово, означающее светлую часть суток, употребляется также в значении ‘сутки вообще’ (например, в контексте: *Мы прожили там десять дней*). Физические термины широкого значения: *свет, тепло, скорость, гравитация* (от лат. gravis ‘тяжелый’) — возникли аналогичным путем. Вторая возможность обобщения заключается в использовании «среднего члена». В XVI в. возник латинский термин temperatūra, производный от tēpergo ‘смешиваю, умеряю’; таким образом, слово ‘умеренность’ обобщило значения ‘теплый’ (cālidus) и ‘холодный’ (frigidus). Интересно, что такое же обобщенное усреднение наблюдалось и в слове temperamentum, в XVI в. обобщившем все типы телосложения и характера. С тех пор слово *темперамент* обобщает семантическую группу с четырьмя членами: *флегматик, меланхолик, сангвиник, холерик*. Наконец, общее значение может передаваться особым словом, специально для этого созданным (например, рус. *сутки*). В этих же целях может использоваться и словосочетание: сначала существуют слова *север, юг, восток и запад*, а потом уже создается обобщающий термин — *страны света*.

В европейских языках выработались сходные семантические группы для обозначения движения лошади. Взаимоотношения основных четырех значений сложились во французском языке еще в XII в.: pas — amble — trot — galop, соответственно в современ-

ном русском языке: *шаг — иноходь — рысь — галоп*¹. Усложнение группы идет по линии разделения понятия «галоп». В XVI в. появляется слово *саггiège* (рус. *карьер*)², обозначающее максимальную скорость. Только специалистами употребляется англ. *canter* 'кентер, умеренный галоп' (возникло в XVIII в.). Обобщающее название *allure* (рус. *аллюр*) появилось во французском еще в XII в. Специалисты усложняют семантическую группу, разделяя понятие 'рысь'. Например, в русском языке различают *укороченную рысь*, или *трот*, *нормальную* и *размашистую рысь*.

Сложность структуры семантической группы удобно показать на примере русской группы цвета. Основной уровень этой семантической группы образуют прилагательные *белый, черный, серый, красный, желтый, зеленый, голубой, синий* (а может быть, и *коричневый*). К ним добавляется гипероним *цвет*. Это именно те слова, которые первыми приходят в голову, когда надо назвать цвет предмета, поэтому частота их употребления намного больше, чем у слов следующих уровней.

На втором уровне располагаются более редкие прилагательные, обозначающие специфические цвета, например, *бурый, пурпурный, розовый, оранжевый, лиловый, фиолетовый* и т. п. На этом же уровне располагаются специализированные системы цветообозначения: 1) волос (*седой, рыжий, русый*), 2) кожи (*румяный, смуглый*), 3) масти лошади (*вороной, гнедой, буланый, пегий, сивый, чубарый* и т. п.). Сюда же относится слово *карий*, применяемое по отношению к глазам.

На третьем уровне мы находим, во-первых, совсем редкие слова, обозначающие специфический цвет (*карминный, сиреневый, лимонный*), а во-вторых, синонимы слов первого и второго уровней, например синонимы красного: *алый, багровый, пунцовый, кулачовый, рубиновый*.

В традиционной поэзии, где цветообозначения встречаются в несколько раз чаще, чем в прозе, различия между уровнями ослабляются: возрастает роль редких слов. Сближаются по частоте *голубой* и *лазурный*, *красный*, *багровый* и *алый*, *желтый*, *янтарный* и особенно *золотой*.

Структура семантической группы цветообозначений не совпадает в разных языках. Различие голубого и синего в русском языке выражается разными прилагательными основного уровня, а в западноевропейских языках оба цвета передаются одним прилагательным (нем. *blau*, англ. *blue*, фр. *bleu*); если же возникает не-

¹ При иноходи вперед выносятся попеременно правые и левые ноги, при рыси синхронно передвигаются левая передняя нога и правая задняя, а затем правая передняя с левой задней. При галопе лошадь передвигается скачками.

² В английском языке слово с таким значением не сохранилось, сейчас в этом смысле употребляется сочетание *tall gallop*.

обходимость различать их, то добавляют слова со значением ‘светлый’, ‘темный’ и т. п. Отличается и такая деталь: слово со значением ‘коричневый’ (нем. *braun*, англ. *brown*, фр. *brun*), несомненно, относится к основному уровню, у него больше синонимов на низших уровнях.

В тюркских языках семантическая группа цветообозначений не совпадает по структуре ни с русской, ни с западноевропейской. Четыре прилагательных сходны по семантике с европейскими: *aq* ‘белый’, *qara* ‘черный’, *sarı* ‘желтый’ и *qizil* ‘красный’. Что касается пятого слова основного уровня — *koek*, то оно охватывает очень широкую часть спектра: им можно обозначить цвет неба и травы, масть лошади. Исконные или заимствованные слова второго уровня с течением времени приобрели способность дифференцировать, уточнять значение *koek*. Слово *jaşil* все более специализировалось в значении ‘зеленый’¹, *qul* — в значении ‘серый, саврасый’, но и сейчас слово *koek* (узб. *кўк*) покрывает значения указанных прилагательных второго уровня. На втором уровне в тюркских языках выделяется важная система обозначений масти лошади²: *ʃegar* ‘буланный’, *ʃal* ‘серый, чалый’, *ʃubar* ‘серый, чубарый’, *bulan* ‘буланный’, *qoʃug* ‘серый, светло-гнедой, каурый’, *qit* ‘чалый’, *toʃi* ‘гнедой’ и др.

§ 58. Лексические классы

Семантические группы и синонимические ряды образуют естественные системы в лексике языка. Объем их редко превосходит несколько десятков слов. В лексике можно выделить и большие классы (сотни и тысячи) слов, обладающих какими-то общими свойствами. Можно, например, разделить слова на устойчивые во времени и неустойчивые, на исконные и заимствованные, на общие и специальные, на новые и старые и т. д. За исключением лексики специальных языков (терминологии, в некоторых случаях также поэтической лексики), они не образуют систем. Конечно, все слова какого-либо класса имеют какой-то общий признак, но нельзя сказать, что слова в этом классе взаимосвязаны и взаимообусловлены, а значит, они не составляют единой системы. В следующих параграфах мы рассмотрим некоторые из этих классов, пока же остановимся на признаке **частоты слова**.

Общеизвестно, что по частоте употребительности в речи слова очень отличаются друг от друга. Одни настолько употребительны,

¹ В древнетюркском это слово могло обозначать и цвет неба. Слабое противопоставление зеленого и синего проявляется в заимствованных словах: персидское заимствование в узбекском — *зангори* в литературном языке имеет значение ‘голубой, синий’, а в диалектах Ферганской долины — значение ‘зеленый’.

² Многие из них заимствованы в русский язык.

что без них почти невозможно создать более или менее длинный текст, другие встречаются редко. Появление частотных словарей (см. с. 199) создает предпосылки для объективного изучения этой проблемы.

Первая по частоте зона охватывает всего 30—40 слов, каждое из которых встречается чаще одного раза на 300 слов текста. Слова этой зоны относятся почти исключительно к функциональным, т. е. характеризуются в основном своей грамматической функцией, лексическое значение их широко и неопределенно (предлоги, союзы, артикли, местоимения, вспомогательные глаголы). Несмотря на свою малочисленность, слова этой зоны употребляются так часто, что составляют до одной трети общей длины текста.

На другом полюсе находятся слова редкие, встречающиеся не чаще одного раза на миллион слов текста. Таких слов в лексике может быть очень много (десятки и даже сотни тысяч). Между этими двумя зонами находится основное (активное) ядро лексики — 10—15 тысяч разных слов. Внутри этого ядра, по-видимому, тоже есть частотные зоны, но принципы их выделения еще неясны. Очевидно, что слово *рука* встречается в несколько раз чаще, чем *палец*, а это последнее слово — чаще, чем *ноготь*, хотя все они относятся к частым.

§ 59. Стилистическое расслоение лексики

В любом языке можно выделить стилистические классы слов, которые как бы образуют вертикальное расслоение лексики, где один пласт слов расположен над другим. Центральный пласт включает нейтральную лексику, т. е. слова, лишенные особой стилистической окраски и потому используемые во всех стилях. Таковы, например, русские *река*, *город*, *ходить*, *кашлять*, *трамвай*, *письмо*, *часть* и т. п. К нейтральной лексике относятся и редкие слова, если они не ограничены стилистически: *прискакать*, *мокнуть*, *вуаль*, *талисман*, *рогатый* и т. п.

Над нейтральной лексикой располагается слой книжной лексики, т. е. слова, характерные для письменных стилей речи и не употребляющиеся в разговорной речи, например: *свыше*, *вопреки*, *гибель*, *канонада*, *дискутировать*, *отпрянуть* и т. п. Неудивительно, что среди книжных слов много абстрактных (*специфика*, *диалектический*, *стимул*, *процесс* и т. д.). Для книжной лексики характерно обилие прилагательных (*функциональный*, *гигиенический*, *органичный* и др.), обилие производных и сложных слов (*отрочество*, *популяризатор*, *завуалировать*, *полноправный*, *целесообразный* и т. п.). Как правило, книжные слова входят в синонимические ряды, где доминантой выступает нейтральное слово, ср. *изъятие* (= *исключение*), *каннибал* (= *людоед*), *фигляр* (= *шут*), *мыслитель* (= *ученый*),

предосудительный (= *плохой*). Некоторые книжные слова с эмоциональной оценкой (обычно положительной) образуют переходный мост к следующему слою (*велеие, героизм, возвысить, претворить, множить* и т. п.).

Над книжной лексикой находится «высокая» лексика, используемая в особо торжественных случаях. В современном русском языке этот пласт невелик, например: *воззвать, грядущий, узник, беззаветный, горнило, лучезарный, отчизна* и т. д. В некоторых языках «высокая» лексика составляет значительную часть словаря.

Во многих языках мира выделяется особый пласт поэтической лексики. В современных языках поэтическая лексика сохраняется благодаря тому, что читатели знакомы с традиционной поэзией. В прошлом (например, во времена Пушкина) поэтизмы активно использовались поэтами, ср.: *дева, нега, истома, наперсник, очи, златокудрий, алкать, услада, уста, перси, ланиты, чело*; народно-поэтические слова — *красный* ('красивый'), *девица, добрый молодец, лазоревый*. В поэтической лексике особенно велика доля архаизмов. Многие поэтизмы (например, *уста*) были когда-то нейтральными словами, затем вышли из всеобщего употребления, но сохранились в языке поэзии¹.

Ниже нейтральной лексики выделяется слой разговорной лексики, т. е. слова, не используемые в письменных стилях речи: *невзначай, наобум, остряк, спорщик, переживать, парень, девчата, крошечный* и т. п. В большинстве случаев разговорные слова эмоционально окрашены, ср.: *деточка, поп, тыловик, неказистый, пиджон, втравить, куковать* ('быть одинокой'), *шугануть* ('прогнать'), *накатать* ('много написать') и т. п. Нередко эмоциональная окраска объясняется самим характером денотата. Таковы названия некоторых черт, которые кажутся смешными (*лысина, плешь, жирный* и др.), многочисленные названия глупости (*белиберда, чушь, ахинея* и т. д.), все, что связано с пьянством².

Разговорная лексика незаметно переходит в «низкую» лексику, характеризующуюся еще большей эмоциональностью и часто грубостью. Таковы *халупа* 'бедный дом', *горланить* 'орать, громко кричать', *пронюхать* 'узнать', *сморозить* 'сказать глупость' и т. д. Особенно много здесь слов, презрительно и грубо обозначающих человека и его качества: *кретин, дармоед, плюгавый, растяпа, хам, обалдуй*. В современных языках выделяется еще один разряд раз-

¹ Исключительно редко наблюдается обратный процесс: поэтическое слово становится нейтральным. Например, лат. *zelosus* значило 'ревностный', в языке провансальских трубадуров оно (*gilos*) получило значение 'ревнивый', которое вскоре распространилось и стало нейтральным. Из провансальского это значение перешло и в соседние языки (фр. *jaloux*, англ. *jealous*).

² Впрочем, многие разговорные слова не сопровождаются эмоциями. Например, обозначения врачей-специалистов (*глазник, ушник*), многие слова с суффиксом *-к-*: *галерка, раздевалка, кладовка, четверка* (= *хорошо*) и т. д.

говорной лексики, отличающийся особой экспрессивностью, часто шутивной окраской, иногда связанной с «языковой игрой». За неимением устоявшегося русского термина будем обозначать этот класс слов английским термином **сленг**. Примерами могут служить *кайф* ‘удовольствие, наслаждение’, *тачка* ‘автомобиль’, *амбал* ‘большой, грузный человек’, *совок* ‘1) Советский Союз, 2) советский человек’, *чувиха* ‘девушка’, *бабки* ‘деньги’, *на халяву* ‘бесплатно’, *толкнуть* ‘продать’, *стольник* ‘сто рублей’. Многие слова сленга отмечены очень широким и неопределенным смыслом, особенно те из них, которые возникли недавно и не успели еще «наладить» отношения со смежными словами, ср.: *беспредел*, *клёвый*, *крутой* (как положительные эпитеты), *тусовка*, *деловой* (как пейоративный эпитет).

Слова сленга особенно часто звучат в устах молодых людей. Отсюда следует и такая характерная черта сленга, как текучесть, особая подвижность. Сейчас едва ли кто-нибудь употребит сленговые выражения *буза* ‘заваруха, беспорядки’ (1920-е гг.), *шамать* ‘есть’ (1920—1930-е гг.), *колеса* ‘ботинки’ (1940-е гг.). В отношении современных сленговых слов никогда нельзя быть уверенным, надолго ли они вошли в язык. Удержится ли в языке, например, слово школьного и студенческого сленга *ботан* ‘студент (или школьник), всецело отдающийся учебе’?

§ 60. Лексика специальных языков. Терминология

Специальными языками в лингвистике называют варианты языка, характерные для какой-то определенной сферы деятельности. Отличия специальных языков от языка вообще не затрагивают грамматики и фонетики, они касаются только лексики.

Среди специальных языков можно прежде всего выделить *арго*, или *жаргоны*. Арго обычно принадлежит относительно замкнутой группе населения, противопоставляющей себя остальным людям. В разное время арго возникли у монахов, солдат, матросов, студентов, преступников. Для арго характерна устная форма, а в связи с этим — «низкая», часто эмоциональная лексика. Среди арготизмов много слов, синонимичных словам общего языка. В арго моряков, например, *травить* означает ‘привирать, фантазировать’¹. Однако большинство арготизмов непосредственно связаны с понятиями данной сферы деятельности (морские — *пустырь* ‘пустая сеть, сеть без улова’, *шкерить* ‘потрошить рыбу’). Обычно такие арготизмы служат «низкими» синонимами стилистически нейт-

¹ Это слово одновременно используется как термин со значением ‘понемногу отпускать (канат, трос)’.

ральных терминов. Вот, например, арготическое обозначение моряков, исполняющих разные обязанности: *кеп* 'капитан', *дед* 'старший механик', *маркони* 'радист', *кандей* 'повар', *юноша* 'юнга', *дикарь* 'палубный матрос', *салага* 'матрос-новичок'.

Лексика всевозможных арго проникает и во всеобщее употребление (преимущественно в «низкую» лексику). Так, из морского арго лет сорок назад вышло слово *салага*, во времена гражданской войны распространились бывшие морские слова *братва*, *дрейфить* 'трусить'. Из жаргона преступного мира вышли такие старые разговорные, «низкие» и сленговые слова, как *липовый* 'фальшивый', *трепач* 'лгун', *заткнуться* 'замолчать', *засыпаться* '1) попасться, 2) провалиться на экзамене', *шпана* 'дети-хулиганы', *кореш* 'приятель'.

Политическая и социальная система коммунистической России втягивала в места заключения многие миллионы граждан; неудивительно, что лагерная лексика легко проникла через сленг в разговорный язык. Не говоря уже о *зоне*, *зеках*, *наседках*, называющих реалии лагерной жизни, отметим *расколоться* 'признаться в чем-то', *стучать* 'доносить', *разборка* 'выяснение отношений между разными группами (часто с дракой или применением оружия)' и еще дальше внедрившиеся в общий язык — *завязать* 'покончить с какой-то привычкой, занятием', *шестерка* 'подлиза, клевет, мальчик на побегушках'. В языке казарм родились такие слова, как *дедовщина*, *дембель*.

Даже некоторые книжные слова в конечном счете восходят к арготизмам. Так, слово *филистер* 'мещанин' восходит к немецкому студенческому арготизму XVII в., восходящему к библейскому *филистимлянин*. Этим словом студенты немецких университетов называли своих антагонистов — горожан.

Специальные языки необязательно содержат слова с эмоциональной окраской. Чем меньше процент «низких» слов, тем больше лексика специального языка приближается к терминологии. **Терминологией** называют совокупность слов (**терминов**), обозначающих денотаты и понятия какой-либо сферы деятельности или отрасли знания. Терминология обнаруживает ярко выраженную тенденцию к установлению строгого порядка, к точному разделению содержания терминов¹. Эмоциональная окраска, наоборот, создавала бы известную неопределенность, а потому она и не характерна для терминов.

Разные терминологии отличаются друг от друга происхождением, степенью упорядоченности и некоторыми другими чертами. Основная граница разделяет народные и книжные термино-

¹ Лат. *terminus* означало 'граница, межевой камень', современное значение возникло в XV в., самим названием подчеркивалось разграничение слов, уточнение их смысла.

логии. Народные терминологии (морская, металлургическая, текстильная, строительная и т. п.) широко включают в свой состав общую лексику языка, часто прибегают к переносам названий, к народным моделям словообразования. Иностранные слова проникают в такую терминологию только устным путем.

Народная терминология текстильного производства восходит к глубокой древности (*веретено, прясть, пряжа, прялка, ткать, ткань, станок, сновать, челнок* и т. п.), то же можно сказать о терминологии кузнечного дела (*ковать, наковальня, мехи, молот, горн*). Та или иная терминология может заимствоваться с усваиванием самой техники. Например, древняя русская терминология морского дела почти не сохранилась¹. При Петре I ее сменила новая морская терминология, едва ли не полностью заимствованная из голландского языка, ср.: *мачта, рея, такелаж* 'снасти судна', *люк, трюм, швартовы* 'канаты для причаливания', *камбуз* 'кухня', *киль, клюз* 'отверстие для якорной цепи', *каюта, боцман, штурман, крейсер, руль, бак* 'передняя часть палубы', *флаг, вымпел, рейд, гавань, верфь, ванта* 'веревочная лестница', *буй, шлюпка* и др.

На древнейших этапах своего развития научная терминология не отличалась от народных терминологий. Многие абстрактные термины образованы переносом названий конкретных предметов. Основы были заложены еще философами Древней Греции, ср.: греч. *σκεπτικός* 'скептик' (букв. 'рассматривающий'), *ἄτομος* 'атом' ('неделимый'), *φύσις* 'природа' ('происхождение, рост'), *φαινόμενον* 'явление' ('то, что открылось'), *μορφή* 'форма' (первоначально 'форма для литья'), *ἁρμονία* 'гармония' ('скрепление'), *κατηγορία* 'категория' ('высказывание'). Создание латинской, немецкой, славянской, арабской научной терминологии протекало в русле этой традиции. Греческие термины изредка заимствовались, чаще калькировались (см. с. 179), а иногда создавалось и совершенно новое слово для понятия, выраженного греческим словом. Так, греч. *οὐσία* калькировано в латинский как *essenda*, а в русский как *сущность*. Греч. *συνλαμβάνω* 'собираю, схватываю', также 'понимаю' калькируется в лат. *conceptio*; отсюда и логический термин *conceptus*, которому соответствуют кальки нем. *Begriff*, рус. *понятие*. Греч. *διόρισμός* калькировано в лат. *definitio* и в рус. *определение*.

Калькирование и свободный перевод терминов продолжались и в дальнейшем, особенно характерны они для старых гуманитарных наук: философии, логики, грамматики, психологии, юриспруденции. Лат. *qualitas* калькируется как *качество*, нем. *Weltanschauung* как *мировоззрение*, а *Einbildung* как *воображение*. В других случаях дается примерный перевод, ср. немецкий психологический термин *Reiz*, по образцу которого создан русский термин *раздражение*,

¹ От старых терминов остались *корма, парус, палуба, судно* и греческие заимствования *корабль, канат, якорь*.

рус. *действительность* соответствует немецкому Wirkung, рус. *настроение* — латинскому affectus. Наконец, для выражения абстрактного понятия могут создаваться и совершенно новые слова. Лат. status (фр. état, нем. Staat, англ. state) как политический термин возник в XV в., в русском языке для выражения этого понятия было создано слово *государство*. Прямое заимствование тоже наблюдается достаточно часто. Лат. materia ‘материя’ (первоначальное значение — ‘дерево как строительный материал’) стало европейским интернационализмом.

Прямое заимствование и создание терминов из греческих и латинских морфем особенно характерны для медицины, естественных и точных наук. Терминология этих наук в максимальной степени интернационализирована. Это облегчает сознательное вмешательство ученых в упорядочение терминологии. Терминологии естественных и точных наук в какой-то мере приближаются к идеалу любой терминологии, которая должна обладать такими свойствами, как 1) точное определение содержания каждого термина, 2) отсутствие многозначности внутри данной терминологии, 3) прозрачность морфологической структуры, 4) отсутствие эмоциональной окраски.

Как слова обиходного языка могут превращаться в научные термины, точно так же научные термины могут широко распространиться в языке, теряя при этом свойства термина. Астрологическими терминами были когда-то фр., англ. jovial, ит. gioviale ‘веселый, благодушный’ (первоначально ‘родившийся под знаком Юпитера’), фр., англ. influence ‘влияние’ (букв. ‘вливание’), которое возникло благодаря представлениям о том, что звезды изливают какие-то невидимые жидкости (флюиды), предопределяющие судьбы людей на Земле. Вторжение научных терминов в язык повседневной жизни особенно усилилось в последние два века с повышением среднего уровня образования. Например, в русском языке философский термин *материя* приобрел два новых ненаучных значения: 1) предмет речи, тема (*высокие материи*) и 2) ткань (*шерстяная материя*). Вне медицины слова *нервы*, *нервный* получили очень широкое распространение и потеряли свою научную определенность.

§ 61. Изменение лексики

Не только отдельные слова, но и любые группировки слов изменяются во времени. Меняются границы всей лексики языка. Возникают новые слова, выходят из употребления некоторые старые.

Создание нового слова или нового значения обычно происходит резко — в сравнительно короткий период. В некоторых слу-

чаях можно указать даже автора, который ввел слово в оборот. Единицы лексики (слова, значения, фразеологизмы) в начале своей жизни воспринимаются говорящими как новые и тогда называются **неологизмами**.

Революция 1905 г. вызвала к жизни неологизмы *бастовать, баррикады, демонстрация, митинг*¹. Во время Первой мировой войны появились неологизмы *оборонец, пораженец, эвакуация*. Неологизмами 1917 г. были *гражданин* (как обращение), *милиция, советский, декрет*. Октябрьская революция и первое послереволюционное десятилетие ознаменованы сотнями (а может быть, тысячами) неологизмов. Они охватывали все сферы жизни: политику (*комсомолец, общественник, передовик, активист, чекист, субботник*); медицину, образование и культуру (*учеба, рабфак, выпускник, зачетка, аспирант, октябрюта, физкультура, диспансер*); быт (*зарплата, загс, расписаться 'вступить в брак', алименты, курортник, отпускник, свитер, фокстрот, частник, халтура*). Свидетелями первых пятилеток выступают такие неологизмы, как *колхоз, рентабельный, доменщик, электричка, метро, рекордсмен*; свидетелями войны — *ас, катюша, мешок, котел* (обозначает 'окруженные войска').

В русском языке в 60-х гг. XX в. большинство неологизмов связано с появлением новых вещей и понятий, ср.: *гидропоника, голография, квазар, кварк, лазер, ракета* ('судно на подводных крыльях'), *развязка* (автодорожная), *сенаж* ('подвяленная трава'), *реанимация*. Конечно, неологизмы могут обозначать и реалии повседневной жизни, ср.: *болонья, джерсовый, колготы, мини (юбка), мокасины, тостер, хек, кемпинг, батут, карт*².

Пополнение русского словаря в наши дни определяется главным образом следующими факторами. Прежде всего сильно обновляется лексика политической и экономической сферы, ср.: *обналичивание, рэкет, бартер, спонсор, респондент, СКВ*. Полностью натурализовались *мэр, префектура, брокер, менеджер*. Наши газеты упорно избегали интернационализма *денационализация* для обозначения насущно необходимого экономического шага, одно время для этого использовалось совершенно непроизносимое *разгосударствление*, теперь победило слово *приватизация*. Как и раньше, новые реалии постоянно требуют новых обозначений: *видео* (и *видак*), *видеоклип, факс, реанимобиль, отксерить, дезодорант*,

¹ Подобные слова могли существовать и раньше (как правило, для обозначения иностранных реалий). Неожиданный всплеск употребительности мог сопровождаться ощущением новизны.

² Многие из таких неологизмов связаны с модой, и неясно, надолго ли они пришли в язык, ср., например, неологизмы, связанные с музыкой и танцами и появившиеся в 1960-х гг.: *лимбо, босанова, калитсо, липси, сиртаки, хали-гали, летка-енка, самба, шейк*. Только два последних слова представлены в «Большом толковом словаре русского языка» 1998 г.

мазилка. Особенно это касается молодежной субкультуры: *роллер* 'катающийся на роликах', *панки*, *хит-парад*, *ушу*, *попса*.

Внедрение компьютеров в повседневную жизнь познакомило миллионы людей с такими словами и значениями, как *монитор*, *мышь*, *курсор*, *процессор*, *опция*, *файл*, *иконка*, *браузер*, *байт* и т. п.

Одновременно происходят серьезные стилистические изменения в словаре. С одной стороны, исчезновение цензуры открывает дорогу в прессу и литературу той «низкой» лексике, которая прежде туда не допускалась. На страницах газет можно встретить не только *старпер* 'старик' или *членовоз* 'роскошный автомобиль для членов Политбюро', но и слова, которые раньше табуировались совсем или в лучшем случае обозначались первой буквой. С другой стороны, постоянно ощущается влияние книжного языка, особенно же языка науки. Отсюда такие неологизмы, как *неоднозначно* 'по-разному', *личностный* 'личный' (из языка психологии), *подвижки* 'изменения' (из языка геологии).

Многие неологизмы обозначают старые реалии, которые раньше либо не имели особых названий, либо обозначались по-другому, ср.: *аутсайдер*, *саблист*, *юниор*, *стресс*, *глобальный*, *корабел*, *хобби*, *морж* 'любитель зимнего плавания', *психушка*, *диск* 'грампластинка', *бомж*, *тинейджер*. Такие неологизмы весьма часто встречаются среди разговорных, «низких» и сленговых слов: *вкатывать* 'напряженно трудиться', *выдать* 'сказать или сделать что-то неожиданное или исключительное', *заводной* 'увлекающийся, живой', *ляп* 'грубая ошибка', *до лампочки*, *по барабану*, *не колышет* 'все равно', *не светит* 'нет надежды', *химичить* 'плутовать, мошенничать', *фанаты* 'болельщики', *стоять на ушах* 'делать все возможное ради чего-то', *пудрить мозги*, *вешать лапшу (на уши)* 'обманывать'.

Неологизмами могут стать и слова, которые давно существуют в языке, но обладают узкой сферой применения, а затем неожиданно становятся очень популярными. Такие слова переживают как бы второе рождение. Во время революции миллионы людей узнали слова *большевик*, *товарищ* (как обращение), *агитация*, *лозунг*. В конце 1980-х гг. необычайную популярность получило любимое Горбачевым слово *консенсус*, в 1990-х гг. воскресли на российской почве *Дума*, *губернатор*, *сенатор*, вполне русифицировались *лоббировать*, *регион*.

Меньше бросается в глаза изменение частоты слов. В русском языке советского времени особенно увеличилась употребительность слов *работа*, *страна*, *партия*, *социализм*, *капитализм*, *коммунизм*, *революция*, *план*, *бороться*, *машина*, *завод*, *фронт*, *армия*, *великий*, *красный*. Причина такого рода ясна: все это — слова новой жизни, новой идеологии. Во многих случаях понятны и причины сокращения употребительности слов *вера*, *религия*, *душа*, *господин*, *сударь*, *государь*, *император* и т. п. Изменение социаль-

ной обстановки в 1990-х гг. снова оживляет слова *господин* (но не *сударь*), *храм*. Одно из самых «модных» сейчас слов — *духовность*. Резко выросла употребительность таких слов и фразеологизмов, как *достаточно, как бы, на самом деле, проект, клан, аура, элита, легендарный, олигарх, диаспора, престижный* и многих других.

Сокращение употребительности может приводить к «устареванию» слов. Некоторые «старые» слова постепенно совсем выходят из языка. Только специалисты-филологи знают такие слова, как *блзный* ‘ненадежный, неправильный’, *дрязга* ‘лес’, *кляся* ‘жеребенок’¹. Но чаще «старые» слова так или иначе сохраняются в языке.

Историзмы используются в языке в связи с тем или иным периодом прошлого (например, в учебниках, исторических романах и т.п.). Таковы рус. *бердыш* ‘алебарда’, *ботфорты, дань, дрожки, оброк, протоколист, купец, трактир, аршин, сажень, дилижанс, кольчуга, земство* и т.д. Бывает, что недолговечное слово из неологизма превращается в историзм, ср. слова, характеризующие эпоху революции и гражданской войны: *испанка* ‘пандемический грипп 1918 — 1919 гг.’, *совдеп* ‘совет’, *буржуйка* ‘печка-временка’. Некоторые слова стали историзмами моментально (в результате какого-либо официального акта). Так, в 1931 г. вместо *губерния* стали употреблять слово *область*, в 1946 г. слово *министр* заменило *нарком*.

Слова *губерния* и *нарком* стали историзмами². Одновременно слово *министр* перестало быть историзмом.

Устаревшие слова, не связанные семантически с определенной исторической эпохой, называются **архаизмами**. Некоторые из них совсем не употребляются в современном языке, но известны из классической литературы, ср.: *вдовица* ‘вдова’, *отверстый* ‘открытый’, *горний* ‘происходящий в вышине’, *токмо* ‘только’, *стогна* ‘площадь’, *пиит* ‘поэт’. Другие архаизмы изредка появляются и в современном тексте как слова «высокой» стилистической окраски, ср.: *полночный, прискорбие, стан* ‘фигура’, *увовать* ‘страстно надеяться’, *бранный* ‘преходящий, не вечный’. Сложнее определить стилистическую окраску таких архаизмов, как *батюшка* ‘отец’, *погост* ‘сельское кладбище’, *полно!* ‘довольно! хватит!’, *коли* ‘если’. Наконец, во многих случаях слова обладают архаической окраской, хотя и недостаточной, чтобы считать их архаизмами, например: *дурной, воззрение, воротиться, заграничный, кичливый, томный, питомец*.

Архаизмы могут реанимироваться в живом языке. Современным журналистам, например, полюбились *дорогого стоит, на круги своя, со товарищи*.

¹ Некоторые из таких слов могут сохраняться в диалектах.

² Таким образом, многие историзмы синонимичны современным обозначениям того же денотата.

Что касается путей пополнения лексики, то их всего три:

- 1) семантическое изменение уже существующих слов;
- 2) создание новых слов средствами данного языка;
- 3) заимствование слов из других языков¹.

§ 62. Заимствования слов

Слова заимствуются из одного языка в другой двумя основными путями: устным и письменным. Непосредственные контакты людей, говорящих на разных языках, способствуют устному проникновению заимствований. В начале XIX в., например, было два варианта русского слова *клуб*: *клуб* и *клуб*. Первый вариант точно отражает написание английского слова, но не соответствует его произношению, этот вариант проник в русский язык письменным путем. Второй вариант соответствует французскому (и тогдашнему английскому) произношению и вошел в русский язык устным путем.

Письменный путь заимствования предполагает чтение литературы (книг, газет, журналов) на чужом языке. Этот путь заимствования слов обладает очень широкими возможностями, так как не предполагает обязательных личных контактов. Здесь, в частности, возможны заимствования из мертвых языков. В настоящее время этот путь заимствования преобладает.

Заимствование слов происходило во все эпохи. Уже в древности существовали так называемые *слова-путешественники*, которые вместе с обозначаемыми предметами переходили от народа к народу, от языка к языку. Лишь в редких случаях удается установить тот язык, где впервые возникло данное слово. Например, из древнеиндийского языка происходит обозначение сахара: др.-инд. *śaṅkaṅga-*, тадж. *шаккар*, узб. *шакар*, араб. *sukkaḡ*, ит. *zucchero*, фр. *sucrer*, англ. *sugar*, нем. *Zucker*, польск. *sukier* и рус. *сахар*. Из семитских языков (евр. *gamal*, араб. *ḡamal*) заимствовано название верблюда: греч. *κάμηλος*, лат. *camelus*, др.-инд. *kramela-*. Нет никаких данных о первоначальном источнике слов-путешественников, обозначающих вино, льва, кошку: 1) греч. *οἶνος*, лат. *vinum*, рус. *вино*, арм. *gini*, груз. *ḡvino*, араб. *wain*; 2) греч. *λέων*, лат. *leo*, рус. *лев*, 3) лат. *cattus*, нем. *Katze*, рус. *кот*, груз. *კატა*, араб. *qīṭṭ*.

Возможно, что среди самых древних слов-путешественников были обозначения лошади и меда: англ. *mare*, нем. *Mähre* 'кобыла', монг. *moḡin* (откуда и рус. *мерин*), кор. *mal*, кит. *mǎ* 'лошадь'; рус. *мед*, др.-инд. *madhu-*, финск. *mesi*, кит. *mǐ*, яп. *мицу*.

¹ Образование интернационализмов занимает промежуточное положение между случаями 2 и 3.

В некоторых случаях наблюдается и обратное заимствование, т. е. слово переходит из одного языка в другой, а через много веков возвращается назад. Древнеперсидское *paīrīdāeza* ‘сад, ограда’ было заимствовано в греческий язык (*παράδεισος*), где у христиан получило значение ‘рай’. Из греческого языка в своем новом значении оно было заимствовано в арабский (*firḡaus*) и затем вернулось в персидский. Много примеров обратных заимствований дает французский язык, откуда тысячи слов перешли в английский язык в XII—XV вв., с XVIII в. французский язык начинает, в свою очередь, заимствовать английские слова, в том числе и слова французского происхождения. Так, во французский язык вернулось слово *parlement* со значением ‘парламент’ (в XIII—XVIII вв. обозначение некоторых высших судебных учреждений Франции), также вернулось югу ‘жюри, присяжные’ (в старофранцузском слово *jūree* означало ‘присяга’). Если старое французское слово сохранилось в языке, обратное заимствование создает пару слов, близких по звучанию и значению. Английское заимствование *humour* ‘юмор’ сосуществует во французском со своим прародителем *humeur* ‘настроение, характер’, журналистское *interview* сосуществует с *entrevue* ‘встреча для беседы, переговоров’. Этимологически тождественные слова, разошедшиеся фонетически и семантически, но сосуществующие в одном языке, называются **этимологическими дублетами**.

Русские этимологические дублеты *чердак* и *чертог* восходят к одному и тому же источнику (перс. *čartak* ‘галерея’), персидское слово пришло в русский язык двумя путями, за время своих странствий дублеты разошлись фонетически и семантически. Так же образовались *цифра* (из нем. *Zipher*) и *шифр* (из фр. *chiffre*), восходящие к араб. *Sifr* ‘ноль’¹. В отдельных случаях число этимологических дублетов может доходить до трех и даже четырех. Так, араб. *ḡubba*, перешедшее в ит. *giubba*, *giuppa*, вошло в русский язык четырьмя путями: *шуба* из др.-нем. *schube*, *зипун* из новогреч. *ζιπουνη*, *жупан* из ит. *giuppone* и *юбка* из нем. *Juppe* (из фр. *jure*).

Особенно много этимологических дублетов образуется при массовых заимствованиях из родственного языка. Русский язык заимствовал множество старославянских слов, большинство их образует пары этимологических дублетов с исконно русскими словами (см. с. 297). В таких парах старославянское слово обычно выступает как книжный архаический синоним русского слова: *брег* (= *берег*), *брада* (= *борода*), *млеко* (= *молоко*), *хлад* (= *холод*), хотя в некоторых случаях общепринятым становится именно старославянское слово, а исконное русское сохраняется в народной по-

¹ Французское и немецкое слово со значением ‘цифра’ образует по паре этимологических дублетов со словом *зѐго* ‘ноль’.

эзии, ср.: *шлем* (= *шелом*), *храбрый* (= *хоробрый*), *надежда* (= *надежа*). Еще чаще к стилистическим различиям прибавляются различия семантические, ср.: *глава* ‘начальник’ и *голова*, *прах* и *порох*, *гражданин* и *горожанин*, *краткий* (только о времени) и *короткий*, *праздный* ‘ленивый’ и *порожний* ‘пустой’, *хранить* и *хоронить*, *страна* и *сторона*.

Очень много этимологических дублетов во французском языке. Кроме упомянутых выше обратных заимствований здесь есть заимствования из других романских языков, ср.: *caste* ‘каста’ (из португ.) и *chaste* ‘чистый, непорочный’, *cargo* ‘судовой груз’ (из исп.) и *charge* ‘заряд’, *самп* ‘лагерь’ (из ит.) и *champ* ‘поле’, *орéга* ‘опера’ (из ит.) и *сеувге* ‘труд, работа’. Среди французских этимологических дублетов, как и в других романских языках, наибольший интерес представляют пары слов, образовавшиеся по такой схеме: латинское слово менялось в народном языке по всем фонетическим законам, оно могло измениться и семантически, а затем из книжного латинского языка заимствовалось то же самое слово в своем старом облике: *chétif* ‘щуплый, хилый’ и *captif* ‘пленный’, *chose* ‘вещь’ и *cause* ‘причина’, *forge* ‘кузница’ и *fabrique* ‘фабрика’, *loyal* ‘верный, лояльный’ и *légal* ‘законный’.

При заимствовании иноязычного слова заимствующий язык обычно ассимилирует чужое слово. **Ассимиляция заимствований** затрагивает их звучание, грамматические свойства и семантику. Фонетическая ассимиляция заключается в том, что звуки чужого слова подчиняются фонетическим нормам заимствующего языка. Непривычные фонологические контрасты устраняются. Так, фонологическое различие греческих *к* и *χ*, *τ* и *θ* было утрачено при заимствовании греческих слов в латинский язык, хотя в орфографии и пытались обозначить греческое придыхание: греч. *χорός* ‘хор’ звучит в западноевропейских языках с начальным [k], хотя в написании находим *ch-* (фр. *chœur*, англ. *choirus*), также в словах *chromé* ‘хром’, *cholera* ‘холера’. Многие фонологические различия арабского языка утрачены в несемитских языках, заимствовавших арабские слова. Например, узб. [z] может отражать: 1) араб. [z]: *азиз* ‘дорогой’, *замон* ‘время’; 2) араб. [Z]: *азамат* ‘удалой’; 3) араб. [ð]: *азоб* ‘страдание’; 4) араб. [D]: *казо* ‘смертный час’.

Однако заимствованные слова могут сопротивляться ассимиляции и сохранять фонетические особенности, несвойственные исконным словам данного языка. Так, в русском языке перед [e] в исконных словах всегда представлен мягкий согласный (кроме всегда твердых *ц*, *ш*, *ж*). Но в заимствованных словах нередко сохраняется твердый согласный: *фонема*, *мэр*, *тезис*, *тембр*, *тенис*, *тест*. Чем больше людей хорошо знают язык, из которого проникают заимствования, тем успешнее эти слова сопротивляются ассимиляции.

Грамматическая ассимиляция заимствований заключается в том, что заимствованное слово приобретает формы словоизменения, свойственные заимствующему языку. Однако и в этом отношении некоторые заимствования сопротивляются ассимиляции. Многие иностранные слова, оканчивающиеся на гласные, не склоняются в русском литературном языке (*шоссе, рагу, шасси, пальто, метро* и т. п.).

Семантическая ассимиляция заключается в том, что заимствованное слово начинает использоваться для обозначения реалий своей «новой родины». Можно считать семантически ассимилированными такие слова, как *жилет, кимоно, мазурка, гейзер, гонг, гамак, холл, жюри, макароны, матч, митинг*. Благодаря своим переносным значениям семантически ассимилировались *бегемот, морж, джунгли, мафия, гангстер* и т. п. Семантически неассимилированные слова обозначают реалии чужих стран и народов, такие слова называют **экзотизмами**. В большинстве случаев экзотизмы ассоциируются с историей и обычаями какой-то определенной страны (или группы стран). С Германией ассоциируются: *фрау, шуцман, кайзер, пфенниг*; с Францией — *бистро, гризетка, франк*; с Древним Римом — *гладиатор, центурион, весталка*; с Италией — *траттория, чичероне, гондола*; с Латинской Америкой — *гаучо, гасиенда, пампасы*; со странами английского языка — *гроз, шериф, лорд, леди, мисс, линчевать* и т. п. Многие экзотизмы обозначают животных и растения (ср.: *гиббон, гну, гризли, ягуар, кенгуру, лама, ламантин* и др.).

§ 63. Кальки и семантические заимствования

Когда говорят о заимствованиях, то имеют в виду прямые или явные заимствования. Кроме того, существуют и скрытые заимствования, в которых звучание не отличается от звучания исконных слов, хотя слово и создано по модели чужого языка. Среди скрытых заимствований преобладают кальки. **Калькой** называется слово, появившееся в результате поморфемного перевода иностранного слова. Для общего обозначения мух, пчел, жуков, бабочек и тому подобных животных Аристотель создал термин $\epsilon\nu\tau\omicron\rho\omicron\nu\ \zeta\omega\omicron\nu$, где первое слово включает префикс $\epsilon\nu$ 'в-' и корень $\tau\omicron\mu$ 'разрезать' (ср.: $\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\omicron\mu\eta$ 'разрез', $\delta\iota\chi\omicron\tau\omicron\mu\iota\alpha$ 'деление надвое'). Внутренняя форма этого слова связана с расчлененностью их тела. Когда создавалась латинская терминология естественных наук, этот термин не был заимствован в его греческом звучании, а был переведен на латинский язык по морфемам: префикс $\epsilon\nu$ - был заменен на in -, как соответствие греческому корню был выбран корень sec 'резать, сечь', добавлен суффикс пассивного причастия $-t$, и лат. флексия им.п.

ср. р. заменила аналогичную греческую флексию -ov. В результате появилось латинское слово *insectum*. В XVIII в. латинское слово калькируется на русский язык: *in* = *на*, *sec* = *сек* (эти корни сохранились от индоевропейского праязыка), *t* = *ом*, *um* = *ое*; создается слово *насекомое*.

Поскольку для замены одной и той же морфемы иногда можно предложить несколько вариантов перевода, одно слово может несколько раз калькироваться в один и тот же язык. Так, греческое слово *συνείδως*, включающее префикс *συν-* ‘с’ и корень *εἶδ-* ‘знать’, было калькировано на латинский (*conscientia*) и на старославянский (откуда и рус. *совесть*). Позднее на русский язык было калькировано и латинское слово (*сознание*).

Калькирование греческих образцов широко использовалось при формировании лексики литературных языков Европы (латинского, старославянского, позднее немецкого, русского). Вот несколько примеров кальк в русском языке:

благородный = греч. εὐγενής,

надзиратель = греч. ἐπίσκοπος,

пророк = греч. προφήτης,

благословляю = греч. εὐλογέω = лат. *benedico*,

благодетель = греч. εὐποιός = лат. *beneficium*,

равнодушный = греч. ἰσόψυχος = лат. *aequanimus*,

великодушный = греч. μεγαλόψυχος = лат. *magnanimus*,

полномочие = нем. *Vollmacht* = лат. *plenipotencia*,

переводить (с языка) = лат. *tradúcere*,

совпадение = лат. *coincidentia*,

председатель = лат. *praesidens*,

расстояние = лат. *distantia*,

призвание = нем. *Beruf*,

выглядеть = нем. *aussehen*.

Кальки могут быть и неточными, нем. *Unternehmung* скалькировано на русский язык как *предприятие*, хотя нем. префикс *unter-*, казалось бы, следовало перевести как *под-*. Латинскому фразеологизму *locum tenens* (букв. ‘место держащий’, откуда фр. *Lieutenant* ‘помощник, лейтенант’) соответствует русская калька *заместитель* (*tenens* при переводе потеряно).

К калькам близки случаи **семантического заимствования**, при которых слово приобретает новое значение под влиянием многозначного слова чужого языка. Рус. *утка* имеет переносное значение ‘ложное сообщение в газете’, возникшее под влиянием переносного значения фр. *canard* ‘утка’. У фр. *paradis* ‘рай’ еще в XVII в. возникло переносное значение ‘галерка в театре’, по аналогии с ним в русском языке появилось слово *раек*. Второе значение слова *двор* тоже возникло под влиянием полисемии фр. *cour* (см. с. 144). В XVIII в. фр. *majorité* и *minorité* приобрели политическое значение по образцу английских слов *majority*,

minority¹. По образцу английского слова возник целый ряд калек в европейских языках (ср.: нем. Mehrheit, рус. *большинство*).

По удельному весу заимствованных слов языки различаются очень сильно. Эти различия обусловлены не структурой языка, а внешними социальными факторами. В английском языке заимствования преобладают над исконными словами, а в китайском заимствованные слова составляют ничтожную долю лексики. Даже для передачи научных понятий, заимствованных из Европы, китайский язык создает оригинальные сложные слова или новые значения старых слов. Так, понятие 'электричество' передается китайским корнем *дэнь* 'молния', при помощи которого образуются также сложные слова вроде *дэньчэ* 'трамвай' (*чэ* 'повозка'), *дэньхуа* 'телефон' (*хуа* 'речь, язык'), *дэньбао* 'телеграмма' (*бао* 'доклад'), *дэньин* 'кино' (*ин* 'тьнь'). Кит. *вэйшэнзю* 'микроб' включает *вэй* 'крошечный' и *шэнзю* 'животное, живность'².

Сознательное стремление не допускать заимствования в язык и изгонять уже имеющиеся заимствования называется **пуризм** (от лат. *purus* 'чистый'). В некоторых случаях пуризм надолго закрывает дорогу иностранным словам. Среди европейских языков наибольшее распространение пуризм получил в исландском языке. Подобно китайскому, исландский язык широко использует сложные слова для передачи современных научных понятий: *landfræði* 'география' (букв. 'земля' + 'учение'), *kvikmynd* 'кино' ('живой' + 'картина'), *eldflaug* 'ракета' (букв. 'огнетет'), *tróllerpli* 'дыня' ('великан' + 'яблоко'), *hádegisbaugur* 'меридиан' ('полудня круг'), *gafmagn* 'электричество' ('янтарь' + 'сила'), *loftnet* 'антенна' ('воздух' + 'сеть'), *loftvog* 'барометр' ('воздух' + 'весы'). Достаточно часто в тех же целях используются метафорические переносы, ср.: *framstafn* 'фронтон' (< 'форштевень, нос корабля'), *dalkur* 'колонка в газете' (< 'рыбий хребет'), *dreki* 'броненосец' (< 'дракон').

С XVIII в. пуризм проявляется в немецком языке. Интернациональные слова не раз заменялись собственно немецкими словообразованиями: наряду с *Telephon* употребляют *Fernsprecher*, наряду с *Radio* — *Rundfunk*, вместо *Veloziped* — *Fahrrad*. В некоторых случаях для передачи научных понятий используются редкие (иногда диалектные) слова. Например, для выражения понятия 'земноводное' использовано слово *Lurch*, которое означало 'жаба'. Довольно сильно влияние пуризма в чешском языке. В английском же и русском языках пуризм большого распространения не получил.

¹ Прежнее значение французских слов — 'совершеннолетие' и 'несовершеннолетие'.

² Тем не менее в китайском встречаются и заимствования, ср.: *тэйнькэ* 'танк', *кафэй* 'кофе'.

§ 64. Этимология

Задача **этимологии**¹ заключается в установлении происхождения слова. Этимологический анализ предполагает глубокое проникновение в филологию, этнографию, историю, хорошее знание сравнительной грамматики, интуицию и здравый смысл. Естественно, что далеко не всегда удается точно установить происхождение слова. Чем дальше этимолог углубляется в древность, тем менее достоверными становятся результаты.

Рассмотрим как пример латинское слово *vetus* (род. п. *veteris*) ‘старый’ (в противоположность ‘новому’). В точном согласии с регулярными фонетическими соответствиями основа *vetus-* представлена в лит. *vetušas* ‘старый’ и ст.-сл. *ветъхъ* ‘ветхий’. Дальнейший поиск слов, близких по звучанию и значению, приводит нас к греч. *ἔτος* < *wetos* ‘год’. Идеи ‘старый’ и ‘год’ семантически связаны друг с другом, слово со значением ‘годовалый, прошлогодний’ может быть понято и как ‘старый’, особенно в связи с урожаем, например, в сочетании *прошлогоднее вино*. От значения ‘год’ перекидывается мост к словам со значением ‘годовалое животное’: др.-инд. *vatsá-* ‘теленок’, гот. *wīθrus* ‘ягненок’ (ср.: нем. *Widder*, англ. *wether* ‘баран’) и, наконец, лат. *vītulus* ‘теленок’ (фр. *veau*).

Приведенный пример не требовал фонетических комментариев, в следующем примере такие комментарии необходимы. Рус. *зерно*, лат. *grānum*, нем. *Korn*, англ. *corn* точно соответствуют друг другу по смыслу, но различаются начальными согласными. Однако в сравнительной грамматике индоевропейских языков точно установлены такие закономерности: 1) и.е. *g* > слав. и иран. *z*, 2) и.е. *g* > герм. *k*, 3) и.е. *g* > инд. *ḡ*. Зная эти соответствия, можно не только подтвердить тождество вышеприведенных слов, но и увидеть связь слов, внешне совсем несходных: рус. *зреть*, *зрелый* можно сравнить с греч. *γέρων* ‘старик’, *γέρας* ‘старость’, др.-инд. *ḡrájati* ‘стареет’, *ḡrīni* ‘старый, дряхлый’, тадж. *зер* ‘старик’, др.-исл. *karl* ‘мужчина’ (нем. *Kerl* ‘парень’).

В других случаях новая этимология требует прежде всего семантических доказательств. Этимология славянского названия меди (рус. *медь*) окончательно не установлена, его сравнивали с англ. *smith*, нем. *Schmied* ‘кузнец’. Новая этимология, предложенная В. И. Абаевым, связывает название меди с названием страны Мидии. Эта этимология довольно правдоподобна, поскольку она подкрепляется и другими параллельными случаями (см. с. 147).

Этимологические проблемы могут возникать и в связи с самыми простыми и, казалось бы, ясными словами. Внутренняя форма

¹ Слово *этимология* восходит к греч. *ἔτιμος* ‘истинный’. Античные филологи считали, что, устанавливая происхождение слова, мы тем самым познаем его истинное значение.

рус. *поединок* очень ясна: ‘сражение один на один’, однако этимолог должен тем не менее точно установить время и обстоятельства возникновения слова. Такой исторический анализ, проведенный В. В. Виноградовым, обнаружил следующее. Это слово с книжной стилистической окраской появилось в русском языке только в XVIII в. как эквивалент фр. *duelle* (в древнерусском данная реалья передавалась словом *поле*, например: *просить поля* ‘вызывать на поединок’). В польском языке соответствующее слово (*pojedynek*) возникло раньше, оно и было источником русского слова.

§ 65. Фразеология

Чтобы выразить более или менее сложную мысль, говорящий должен соединять слова по определенным правилам. Эти правила задаются грамматикой языка. Что же касается выбора слов, заполняющих позиции в синтаксических конструкциях, то он зависит исключительно и от передаваемого содержания, и от стилистического задания высказывания. В предложении *Купи мне полкило сахара* употреблены данные слова именно потому, что они соответствуют тому содержанию (довольно простому), которое хочет выразить говорящий. В стихах Пушкина:

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут —

выбор слов определяется очень сложными стилистическими ображениями и поэтической интуицией. Однако и в этом случае слова свободно сочетаются друг с другом в тех пределах, которые установлены грамматикой языка.

Между тем в любом языке встречаются какие-то ограничения на сочетания конкретных слов. Предположим, мы хотим разными словами выразить мысль «мы победили врага». В числе возможных вариантов можно употребить слово *победа*, которое диктует нам выбор глагола — *одержать*. Мы уже не можем сказать *иметь*, *взять*, *дать победу*, а вынуждены теперь выразить нашу мысль так: *Мы одержали победу над врагом*. Если ту же мысль выразить при помощи антонима *поражение*, то снова выбор глагола предопределен существительным: *Мы нанесли врагу поражение*. Таким образом, язык накладывает известные ограничения на сочетаемость отдельных слов. В той мере, в какой эти ограничения остаются индивидуальными, не выстраиваются в стройные ряды, они изучаются в лексикологии.

Благодаря подобным ограничениям в языке образуются некоторые привычные сочетания слов, например: *закадычный друг*, *про-*

ливной дождь, уклончивый ответ и т. п. В таких привычных сочетаниях слова начинают семантически взаимодействовать друг с другом. От привычных сочетаний лишь один шаг до *устойчивых сочетаний*, т. е. таких сочетаний слов, которые не создаются каждый раз заново, а воспроизводятся в речи как готовое целое образование. Слова в таких сочетаниях могут сохранять свои значения в неприкосновенности, но в любом случае все сочетание имеет единое фиксированное значение.

Устойчивые сочетания этого типа особенно характерны для терминологии, ср.: *высшее учебное заведение, заработная плата, дороги с твердым покрытием, грузовой автомобиль, товарный поезд*. Устойчивость таких словосочетаний и фиксированное значение объясняют возможность их конденсации в одно слово (ср.: *вуз, зарплата, грузовик* и т. д.). Регулярно воспроизводимыми и устойчивыми могут быть и целые предложения, например: *Разрешите обратиться* (обращение, предусмотренное военными уставами), *Отдать швартовь!* (команда матросам), *Все хорошо, что хорошо кончается*.

В устойчивых сочетаниях важным является значение целого, значения же исходных слов могут отходить на второй план. Называя новую реалию сочетанием слов, мы не всегда можем подобрать такие слова, которые в сумме точно передавали бы смысл целого. Но даже такое «приблизительное» название может закрепиться в языке: единому значению всего словосочетания не может помешать некоторое его несоответствие сумме смыслов отдельных слов. Русское сочетание *соляная кислота* обозначает определенное химическое вещество (HCl), входящие в его состав слова указывают лишь внутреннюю форму целого (соляную кислоту получают из поваренной соли)¹. Некоторое несоответствие содержания целого и содержания частей находим также в сочетаниях: рус. *пишущая машинка, хлеб на корню, ломовая лошадь* (= тяжеловоз), англ. flat tyre 'спущенная шина', feature film 'игровой фильм', фр. Légion d'Honneur 'Почетный легион', bon marché 'по низкой цене, дешевый'.

Семантическое различие между смыслом целого и суммой смыслов частей называется **идиоматичностью**. Если в свободных сочетаниях соединение смыслов можно описать формулой $X + Y = (X + Y)$, то для идиоматичности верно как раз обратное: $X + Y \neq (X + Y)$. Из такого общего определения следует, что идиоматичность может характеризовать не только словосочетания, но и слова, например: рус. *опростоволоситься* 'допустить промах, обнаружить свое неумение или глупость', англ. book-keeper, нем. Buchhalter 'бухгалтер' (букв. 'книгодержатель'), кит. хэймай 'рожь' (букв. 'темная пшеница'), яньшу 'крот' (букв. 'земляная мышь'), узб. тошбака 'черепаха' (букв. 'каменная лягушка').

¹ Другой язык мог бы обозначить это вещество так, чтобы смысл целого и частей совпадали (например, англ. hydrochloric acid, где первое слово точно указывает на состав этого вещества).

За пределами терминологии идиоматичность обычно появляется в результате образного (переносного) использования свободного сочетания, ср.: рус. *чувство локтя* 'взаимовыручка', *сесть в лужу* 'потерпеть неудачу', *сломя голову* 'очень быстро', *проглотить язык* 'молчать'.

Устойчивые словосочетания, обладающие идиоматичностью, называются **фразеологизмами**, а раздел лексикологии, изучающий их, называется **фразеологией**¹.

Многие фразеологизмы внешне совпадают со свободными словосочетаниями, тем сильнее становится тогда контраст значений. Сочетание *зелен виноград* говорится при тех людях, которые ругают что-либо недоступное, но желаемое, и это же сочетание может быть понято буквально как указание на цвет винограда. В предложении *Зубной врач положил зубы на полку* слова глагольной группы образуют свободное словосочетание. Несравненно чаще встречается фразеологизм *положить зубы на полку* с переносным значением 'остаться без денег, без еды'. Изредка переносное значение возникает у фразеологизма; например, англ. *guinea pig* многозначно: прямое значение 'морская свинка' (вид грызуна) и переносное — 'подопытный кролик (о человеке)'.

Степень идиоматичности может меняться от фразеологизма к фразеологизму. Во всех приведенных примерах, зная смысл частей, мы можем и не догадаться о точном значении целого, следовательно, идиоматичность в них есть. Однако, зная смысл целого, мы легко сможем объяснить его через смысл частей, следовательно, здесь неполная идиоматичность. Максимальной степени идиоматичность достигает в тех случаях, когда, даже зная смысл целого, мы не можем объяснить его связь со смыслом частей. Так, *съесть собаку* (в чем-то) означает 'быть очень опытным, знающим'; едва ли можно объяснить, почему знание и опыт предполагают поедание собак. Идиоматичность здесь полная.

Фразеологизм с полной идиоматичностью называется **идиомой**, ср.: *подложить свинью* 'сделать кому-то неприятность', *как пить дать* 'наверняка', *после дождичка в четверг* 'в неизвестном будущем, а может быть, и никогда'. Полная идиоматичность иногда связана с тем, что одно из слов идиомы вообще не имеет своего значения. Так, выражение *точить лясы* означает 'болтать, вести пустой разговор', англ. *tit for tat* означает 'око за око', но, что именно значат *лясы*, *tit*, *tat*, говорящие не знают.

Фразеологизмы нередко характеризуют тот или иной язык и тогда не могут быть переведены дословно². Англ. *skeleton in the*

¹ Иногда во фразеологию также включают изучение пословиц и поговорок.

² Именно это обстоятельство породило термины *идиома*, *идиоматичность*. Греч. *ιδίωμα* означала 'своеобразие, особенность', т.е. особенность определенного языка, не свойственная другому языку.

сирboard значит ‘семейная тайна’, это сочетание не может переводиться на русский язык как *скелет в буфете*. Даже в тех случаях, когда фразеологизмы восходят к одному и тому же литературному произведению, они могут различаться от языка к языку. Ситуация известной басни сжимается во французский фразеологизм *le pavé de l’ours* (букв. ‘булыжник медведя’), а в русском — *медвежья услуга*.

В качестве примера языкового своеобразия рассмотрим фразеологизмы, включающие слово со значением ‘нос’: рус. *зарубить на носу* ‘крепко запомнить’, нем. *eine Nase geben* ‘пожурить’ (букв. ‘дать нос’), *etwas unter die Nase reiben* ‘сказать правду в глаза’ (букв. ‘втереть под носом’), англ. *to pay through the nose* ‘вынужденно платить втридорога’ (букв. ‘платить сквозь нос’), фр. *se manger le nez* ‘спорить до умопомрачения’ (букв. ‘съесть себе нос’), *La moutarde lui monte au nez* ‘его охватил гнев’ (букв. ‘горчица бросилась ему в нос’), фр. *tirer les vers du nez* = нем. *die Würmer aus der Nase ziehen* ‘выведать всю правду’ (букв. ‘тащить червей из носа’), лат. *Mihi anima in naso est* ‘у меня душа ушла в пятки’ (букв. ‘в нос’), ит. *non ricordare dalla bocca al naso* ‘ничего не помнить’ (букв. ‘не помнить от рта до носа’), хинди *nak gaagna* ‘униженно просить’ (букв. ‘нос тереть’), индонез. *hidung putih* ‘донжунан, сердceed’ (букв. ‘нос белый’).

Тем не менее фразеологизмы часто калькируются с одного языка на другой. Фразеологизм *побить рекорд* пришел из английского языка, *иметь дело* — перевод фр. *avoir affaire* (также *иметь место* — *avoir lieu*). Даже полные идиомы могут переводиться на другой язык, нем. *Da liegt der Hund begraben* = рус. *Вот где собака зарыта* (говорится о неожиданном открытии причины чего-то до тех пор неясного). Особенно легко заимствуются поговорки, пословицы, афоризмы — все, что принято называть «крылатыми словами». Уже в конце Средних веков появляются сборники пословиц, где мы находим, например, *С волками жить — по-волчьи выть* (лат. *Ulula cum lupis cum quibus esse cupis*), *Дареному коню в зубы не смотрят* (лат. *Noli equi dentes inspicere donati*), *Не все то золото, что блестит* (лат. *Non est aurum omne quod radiat*), *Привычка — вторая натура* (лат. *Consuetudo est altera natura*) и множество других.

§ 66. Ономастика

Ономастика — раздел языкознания, посвященный изучению собственных имен, роль которых в речи в некотором отношении противоположна роли имен нарицательных. Если имя нарицательное относит отдельный предмет к определенному классу, то имя собственное указывает только на данный отдельный предмет,

и ни на что более. Содержание имени собственного обычно исчерпывается его связью с конкретным референтом.

В самой ономастике выделяются два основных раздела: **антропонимика** (наука об именах людей) и **топонимика** (наука о географических названиях). За пределами этих двух разделов небольшие группы имен собственных, играющих меньшую роль (клички животных, названия кораблей, ресторанов, кинотеатров, магазинов и т. п.).

В условиях жизни малого народа, охватывающего небольшую территорию, сравнительно легко создать специальные обозначения для каждого человека, для каждой реки, каждого острова, а также любой примечательной точки поверхности (горы, скалы, мыса, леса, луга и т. д.). Но у большого народа возможности языка уже не справляются с богатством денотатов: имена начинают повторяться. На территории нашей страны мы найдем сотни и тысячи сел и деревень с одинаковыми названиями (*Покровское, Петровское, Выселки, Каменка, Михайловка*), миллионы *Иванов, Юриев, Сергеев, Наталий, Елен* и т. д.

Разные народы неодинаково выходят из этого трудного положения. Ограничимся лишь несколькими примерами из антропонимики. У древних греков в ходу были только личные имена, даваемые вскоре после рождения ребенка; для большей точности к личному имени могли прибавлять имя отца, или название родного города, или, наконец, какое-либо прозвище. У знатных римлян человек носил три имени: 1) личное имя, или *praenomen* (из очень небольшого списка имен): *Marcus, Gaius, Gnaeus, Publius, Lucius, Quintus* и т. п.; 2) родовое имя, или *nomen gentuicum*, передаваемое по наследству: *Cornelius, Antonius, Julius, Claudius, Junius, Horatius, Tullius* и т. д.; 3) сначала просто прозвище (*cognomen*), которое затем стало фамильным ответвлением рода. Так, знаменитый оратор Марк Туллий Цицерон носил личное имя Марк, принадлежал к роду Туллиев и фамилии Цицеронов, один из его предков разводил горох (лат. *cicer* 'горох').

В современной Европе господствует система «личное имя + фамилия», хотя в некоторых странах ребенку при рождении могут дать два (и даже три, четыре) имени, например: *Giuseppe Garibaldi, Karel Čapek, James Joyce, Gustave Flaubert*, но также *George Gordon Byron, Ernst Theodor Amadeus Hoffmann*. В России установилась трехчленная система «личное имя + отчество + фамилия». В Европе личные имена обычно выбираются из большого, но все же ограниченного списка имен (1–3 тысячи). Конечно, далеко не все из этих имен реально даются детям. Круг русских имен превышает 2600¹, из них в Москве в 50-х гг. XX в. шестью десятками имен названо 99 % всех новорожденных, а 10 самых частых женских имен

¹ См.: Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. — М., 1966.

охватывали около 80 % всех девочек (*Елена, Татьяна, Наталья, Ирина, Ольга, Галина, Людмила, Марина, Надежда, Любовь*).

В Китае имя человека включает две части: 1) односложную фамилию, передаваемую по наследству (число разных фамилий не превышает тысячи), и 2) личное имя (чаще двусложное), даваемое при рождении. Число личных имен практически безгранично. Типичные китайские имена Ван Цзинчжи, Го Можо.

Имена собственные по своему назначению не обязаны обладать смыслом, но, поскольку все они происходят от обычных слов языка, в них может сохраняться внутренняя форма, которая учитывается родителями при выборе имен (ср. русские имена *Вера, Надежда, Любовь, Светлана*).

Антропонимика того или иного народа складывается постепенно, базируясь частично на ресурсах собственного языка, а частично — на заимствованиях.

Большинство древних индоевропейских имен, дошедших до нас, построены по модели сложного слова с двумя корнями. Значения этих корней группируются прежде всего вокруг идеи воинской доблести. Со значением 'слава' связаны славянский элемент *-славъ* (*Владислав, Ярослав, Болеслав, Милослав* и т.д.), греч. *-κλῆς* (*Периклῆς, Θεμιστοκλῆς, Σοφοκλῆς*, также *Κλεοπάτρα*), слав. *мѣръ* (совр. *мир*, ср. *Владимир, Будимир, Любомир*), герм. *hlud* (др.-нем. *Hlūdawiga*, откуда нем. *Ludwig*, ит. *Lodovico*, фр. *Louis*), *hrod* (ср. начало современных *Robert, Rudolph*). Значения 'сильный, крепкий' характерны для греч. *-κράτης* (*Σωκράτης, Πολυκράτης*), герм. *-hard* (*Bernhard, Rikhard*). Идея благородного происхождения подчеркивается в герм. *ađal-* (начало современных *Albert, Aphonse, Adolf, Adelaide*). Война ярко отражена в самых разных элементах древних германских имен: *-hild* 'бой' (совр. *Klotilde, Brunhilde*), *helm* 'шлем' (*Wilhelm*), *wald* 'власть' (совр. *Oswald, Harold, Walter*), *rik* 'править' (совр. *Dietrich, Friedrich*), *bald* 'смелый' (совр. *Archibald, Baldwin*). В греческих именах многократно повторяются корни: *ανδρ* 'муж' (*Ἀλέξανδρος, Ἀνδρομέδη*), *νικ* 'победа' (*Νικόλαος*), *ιπλ* 'конь' (*Ἰπλοκράτης, Ἰπλόλυτος, Φίλιππος*), *δημ* 'народ' (*Δημόκριτος, Δημοσθένης*), *αριστ* 'лучший' (*Ἀριστοτέλης, Ἀριστοφάνης*), *ευ-* 'хороший' (*Εὐριπίδης, Εὐκλείδης*). В Греции часто встречались и **теофорные** имена, т. е. имена, в которых упоминался бог (бог вообще — *Θεόκριτος, Θεόδωρος*; Зевс — *Διόδωρος, Διογένης, Διομήδης*; другие боги и богини — *Ἀπολλόνιος, Διονύσιος, Ερμογένης, Ηρακλῆς, Ηρόδοτος, Δημήτριος*).

Теофорные имена получили преобладание в антропонимике семитских народов Ближнего Востока. Во многих еврейских именах повторяется общесемитский корень *el* со значением 'бог': *Ēl'āzār* (отсюда *Лазарь*), *Ēliševa* (отсюда *Елизавета*), *Ēliša* (отсюда *Елисей*), *Gavnī'el, Dānī'el, Mīxāel, Immānu'el, šmū'el*. Часто в именах людей встречалось и собственное имя иудейского бога (*Jahwe*):

Jehōjāqim (отсюда *Аким*), Jehōsuʔa (*Иисус*), Jehōhānān (> нем. Johannes, рус. *Иван*, фр. Jean, англ. John, исп. Juan, арм. Ovanes, араб. Jahjā и т.д.), Matiajāhū (*Матвей*). В имени Ēlijāhū (> *Илья*) оба эти элемента встречались одновременно. Религиозный характер носили и многие другие имена с прозрачной этимологией: Bāgūx 'благословенный', Nāzār 'преданный', Nāhūm 'утешающий', Jimʔōn (> *Семен*) 'услышан' (богом), Hanna (> *Анна*) 'благодать', Jōsēf 'он преумножит' (*Иосиф*, ит. Giuseppe, исп. Jose и т.д., араб. Jūsuf). Впрочем, было довольно много имен и за пределами этих групп, например: Dāwīd (араб. Dāʔūd) 'любимый', Jimfon (Самсон) 'солнечный', fōjanna 'лилия', Rahil 'овечка'. Через Библию еврейские имена получили широкое распространение среди христиан и мусульман.

Множество теофорных имен возникло в арабском языке в связи с исламом. Сравнительно редко имя бога непосредственно присутствует в личном имени (ʔAbdallāh 'раб Аллаха'), чаще личное имя совпадает с эпитетом бога или пророка: Rahim, Rahmān, Karīm 'милостивый', Wāhid 'единственный', ʔabbār 'всемогущий', Akbar 'великий', Qāsim 'одаряющий', Xālid 'вечный', Hamīd, Ahmad, Maḥmūd, Muḥammad 'достойный похвалы', Malik 'царь', Maʔǧid, ʔalīl, ǧaʔif 'славный', Razzāq 'кормилец', Nabī 'пророк', Mustafā 'избранный', Rasūl 'посланец, апостол'. Первоначально религиозную окраску имели и многие другие имена: Amīn, Maʔmūn, Muʔmin 'верный', Rāʔid 'праведный', Gulām 'раб', Zāhid 'подвижник'. Довольно много арабских имен связано с идеей победы: MuZaffar, NaSir, Fatta, Galib, ManSur. С течением времени все чаще появлялись имена, выражающие пожелания новорожденному: Mubārak, Asʔad, Saʔid, Masʔūd 'счастливый', Azīz, Habīb 'любимый', ʔamāl, Hasan 'красивый', Muǧād 'желанный'.

Антропонимика европейских народов сложилась под идеологическим влиянием христианства. Кроме значительной доли библейских имен (см. выше) христианство способствовало популяризации греческих имен (в том числе и многих древних языческих имен). Частично сохраняла продуктивность старая модель сложного (двукорневого) имени, например: Τιμόθεος 'богобоязненный', Παντελεῖμων 'всемилоостивый', но наиболее частыми стали имена с одним корнем, обычно выражающим какую-либо добродетель: Ἀμβρόσιος, Ἀθανάσιος 'бессмертный', Ἀλεξίας 'защитник', Ἀναστασία 'воскресшая', Ἀνδρέϊος 'мужественный', Βασίλειος 'царственный', Γρεγόρειος 'бдительный', Μακάριος 'счастливый', Πέτρος 'камень', Στέφανος 'венец', Εἰρήνη 'мир', Σοφία 'мудрость', Ζωή 'жизнь', Γαλήνη 'спокойствие'. Общеевропейское распространение получили и многие латинские имена, в частности родовые имена: Antonius, Claudius, Cornelius, Aemilius, Julius, Sergius. Как и в греческом языке, наибольшую популяриность получили «значимые» имена (часто с моральной или религиозной окраской): Augustus

‘великий’, Benedictus ‘благословенный’, Clemens ‘кроткий’, Felix ‘счастливый’, Vitalis ‘жизненный’, Innocens ‘невинный’, Maximus ‘великий’, Paulus ‘малый’, Victor, Vincens ‘победитель’, Clara ‘ясная’, Margarita ‘жемчуг’, Matrona ‘почтенная женщина’.

Перечисленные типы имен характерны для всех народов Европы. У западноевропейских народов широко распространены также германские личные имена: Karl, Ferdinand, Franz и др. (см. выше).

Число фамилий в странах Европы очень велико, для такой страны, как Франция, оно определяется примерно в 100 тысяч. Конечно, и среди фамилий есть распространенные и редкие, но даже самые частые фамилии (вроде рус. *Иванов*) не угрожают различной силе ономастикона (т. е. собрания всех имен данного народа). Впрочем, в Дании наблюдается настоящий фамильный кризис: небольшой круг самых частых фамилий (Pedersen, Jensen, Andersen и др.) настолько распространен, что личные имена не могут помешать многочисленным совпадениям.

Для фамилий характерны следующие четыре пути развития. Чаще всего встречаются патронимические фамилии, т. е. фамилии, возникшие из имени отца. Этим путем возникли такие обычные русские фамилии, как *Иванов, Петров, Васильев, Михайлов, Федоров, Андреев, Алексеев, Яковлев*. Этот тип господствует в русском и в тюркских языках. Типичны такие фамилии и в странах Западной Европы (англ. Johnson, Jones, Jackson, Andrews, нем. Peters, Marx).

Второй путь связывает фамилию с родом занятий, ср.: *Кузнецов* (= укр. *Коваленко*, нем. Schmidt, англ. Smith, фр. Fabre, Lefe(b)vre), *Попов, Кожевников, Коновалов, Мельников* (нем. Miller, Muller), *Пономарев*, нем. Bekker (= англ. Baker) ‘булочник’, Weber ‘ткач’, Schulz ‘ученик’, Wagner (= англ. Carter) ‘тележник’, Koch (= англ. Cook) ‘повар’, Fischer ‘рыбак’, Hoffmann ‘придворный’, Bauer ‘крестьянин’. Этот путь больше характерен для народов, у которых раньше возникло общественное разделение труда.

Третий путь развития ведет к фамилии от прозвища. Например, в России весьма обычны фамилии, произведенные от названий птиц и зверей: *Соколов, Лебедев, Орлов, Соловьев, Воробьев, Гусев, Волков, Баранов, Быков, Соболев, Зайцев, Козлов*, англ. Fox ‘лисица’, Buck ‘козел’, нем. Wolf ‘волк’, Adler ‘орел’. Некоторые фамилии восходят к прозвищам, указывающим на внешние признаки человека (*Беляев, Чернышев, Глазунов, Горбунов, Кудрявцев, Некрасов, Носов, Румянцев, Ушаков, Шербаков*), его привычки и поведение (*Смирнов, Киселев, Молчанов, Быстров*), обстоятельства рождения (*Морозов, Жданов, Нечаев*).

Наконец, четвертый путь соединяет фамилию с местом рождения, с местом обитания, с этнической принадлежностью. Этот путь характерен для западноевропейских языков и не характерен для русского языка, ср.: англ. Scott ‘шотландец’, Ford ‘брод’, Wood

‘лес’, Brook ‘ручей’, нем. Busch ‘кустарник’, Berg ‘гора’, Bach ‘ручей’, фр. Dupont ‘у моста’, Dubois ‘у леса’.

Происхождение топонимических названий не столь легко поддается схематизации. Они отличаются большой консервативностью, поэтому далеко не всегда ясно их происхождение. Вместе с тем топонимика (и особенно гидронимика, т.е. названия рек и озер) как раз в силу своей консервативности представляет большой интерес для истории.

Дополнительная литература

*Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. — М., 1977.

**Апресян Ю. Д. Лексическая семантика // Избранные труды. — М., 1995. — Т. 1.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

§ 67. Понятие о лексикографии

Лексикографией называют прикладную лингвистическую дисциплину, занятую составлением словарей.

Словари существуют с древнейших времен. В библиотеках Древнего Вавилона уже имелись словари. Составление словарей всегда считалось важной общекультурной задачей. Имена составителей окружались почетом и уважением.

В XI в. Махмуд Кашгарский создал «Собрание тюркских наречий» — более 600 страниц тюркских слов, фразеологизмов и стихов с переводом на арабский. В XIII в. Ибн Мансур составил словарь, до сих пор остающийся самым большим словарем арабского языка (в современном издании — 15 томов большого формата по 500 страниц, всего около 80 тысяч словообразовательных гнезд). Однако наибольшее распространение в мусульманском мире получил словарь Фирузабади (XIV в.) *Al-qāmūs al-muḥīṭ* (Океан океанов), с тех пор в арабском языке слово *qāmūs* ‘океан’ означает также ‘словарь’. В XVIII в. появился английский словарь Джонсона, в XIX в. — словарь русского языка В. И. Даля, словарь французского языка Литтре. В наше время словари все реже составляются одиночками; обычно этим заняты целые коллективы лексикографов. Уже в XVII в. для этой цели создаются специальные академии, члены которых призваны участвовать в составлении академического словаря.

С конца XVII в. наряду с лингвистическими появляются первые энциклопедические словари. Различие двух типов словарей состоит в следующем. Энциклопедии преследуют цель описать денотаты слов — факты действительности. В лингвистических словарях, наоборот, основное внимание уделяется самому слову (плану выражения и особенно плану содержания), хотя без некоторой информации о самих денотатах обойтись нельзя.

§ 68. Устройство словаря

Словари различаются по технике лексикографического описания. Лексика того или иного языка — это множество (иногда десятки тысяч) лексических единиц, и все это богатство должно быть представлено читателю в таком виде, чтобы было удобно найти и переработать нужную информацию.

Первый технический вопрос, который здесь возникает, — как расположить материал: будет ли читатель прямо получать искомые кванты информации (слова, а может быть, даже отдельные значения слова) или на пути к ним он должен пройти несколько этапов поиска? Большинство современных европейских словарей выбирает первый вариант — в качестве объектов поиска выбраны слова, которые в алфавитном порядке расположены в словаре, ведь современный читатель со школьных времен привыкает к поиску информации по алфавиту¹.

Взяв, например, Словарь русского языка в четырех томах (так называемый МАС — Малый академический словарь), мы найдем такую последовательность: *крем, крематорий, кремационный, кремация, кремьень, кремешок, кремировать, кремлевский, кремль, кремневый, кремнезем, кремнеземный, кремниевый, кремний, кремнистый¹, кремнистый²* и т. д. Строгий алфавитный порядок удобен при поиске, но между соседними словами может не быть никакой смысловой связи.

Многие словари прошлого строились по гнездовому принципу: слова сводились в словообразовательные гнезда, которые уже располагались по алфавиту.

Так построен «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля². Вот что писал по этому поводу редактор третьего издания далевского словаря (1903—1909) И. А. Бодуэн де Куртенэ, лингвист мирового значения:

«Одним из главных отличий выпускаемого ныне третьего издания “Словаря Даля” является значительно исправленное распределение слов по “гнездам”.

Многих отдельных слов нельзя было найти в словаре Даля на надлежащем месте по алфавитному порядку, так как они упрятаны в “гнездах”, и иногда так хорошо упрятаны, что даже специалисту по языку приходится долго думать и искать, пока ему удастся открыть место ссылки интересного незнакомца. Такие слова можно считать почти потерянными для словаря».

¹ Вспомним пушкинскую Татьяну, пытающуюся разыскать смысл своего сна в «Соннике» Мартына Задеки:

Татьяна в оглавленьи кратком
Находит азбучным порядком
Слова: бор, буря, ворон, ель,
Еж, мрак, мосток, медведь, метель,
И прочая...

Алфавитный принцип нарушен поэтом лишь в угоду рифме.

² Словарь Даля вышел в свет в 1860-х гг., он отличался от академических словарей широким включением диалектных и других «народных» слов. Имя Даля хорошо известно широкой публике, включая и миллионы тех, кто никогда не открывал самого словаря. Характерная ошибка многих журналистов и других дилетантов — искать в словаре Даля «подлинное» значение современного русского слова.

Бодуэн де Куртенэ многое исправил, разделив, например, *живой, живот, жизнь, жилище, жить* или *аквамарин, акварель, аквариум, акватинта* и *акведук*, но все же сохранил гнездовой принцип.

Рассмотрим один пример из 3-го издания (слова даем в современной орфографии, в квадратных скобках даются добавления из 3-го издания):

Кремень [-мня́] м., самый твердый и жесткий из простых камней, служивших прежде особенно для добычи огня (до самогарных спичек) || О человеке крепкого нрава, твердый, стойкий; безжалостный; скупой. *Игра в крёмушки, в крешки́* (на юге в *крёймаху*), в черепочки, детская игра, подкидка и подхват камешков, иверней и посуды. *В смл. говор. кремсён и кремсало* [ср.] *кремень и огниво. В кремне́ огня не видать. В человеке душа, что в кремне огонь... Бог ударил кремнём о кремень — посыпались ангелы, архангелы, херувимы, серафимы; черт ударил кремень о кремень — посыпались лешие, домовые, русалки, яги-бабы. Кремнёвый, кремнево́й*, к кремню относящийся. *Кремневое ружье, противополо. ударное. Кремнёвка* ж. *кремневая кислота, кремнезем...*

Гнездовой принцип доминирует в словарях арабского языка. В той или иной мере гнездовой принцип проводится в словарях китайского и японского языков, где поиск ведется не по алфавиту, а по особым ключам к иероглифам.

Во многих старых арабских словарях слова располагались в порядке своих последних согласных. Эти словари облегчали поиски рифм. Сходны с ними современные **обратные словари**, в которых слова располагаются в алфавитном порядке при чтении, обратном обычному. Например, обратный словарь русского языка открывается словом *а*, затем идет *ба*, затем — *баба, жаба, раба, амеба* и т. д. В таком словаре очень легко группировать слова по общности суффикса. Из русских обратных словарей исключительное научное и прикладное значение имеет «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка. Рассмотрим несколько строк из этого словаря:

а (без удар.) союз	зага́дка ж 3*а	ползти́ нсв нп 7b/b
¹а част.; межд.	певи́ца жо 5а	ахти́ межд.
²а с 0 (название буквы а)	сто́лб м 1b	почти́ н.
ба межд.	гне́в м 1а	доспе́хи мн <м 3а>
¹ба́ба жо 1а (женщина)	госуда́рев п <мс 1а>	сара́й м ба
²баба ж 1а (кулич; молот)	дрыг предик.	стро́гий п 3а/с'
сва́дьба ж 1*а	утио́г м 3b	петь нсв 12b
сле́ва н	ло́же с 4а	положи́ть св 4с
сова́ жо 1d	изде́лие с 7а	тушь ж 8а
нога́ ж 3f'	то́ри мо 0	сова́ться нсв 2b

Чрезвычайно экономным и исчерпывающим образом здесь даются все русское словоизменение — со всеми его нерегулярностями, морфологическими чередованиями, передвижением места уда-

рения и т. д. Грамматическая информация при каждом слове передается краткими кодами: русскими буквами указывается часть речи и/или грамматический класс внутри части речи, числами переданы типы парадигм (* указывает на беглую гласную), латинские буквы соответствуют подтипам парадигм (особенно месту ударения). Неслучайно этот словарь стал основой многих компьютерных систем обработки русских текстов.

Перечень всех слов, входящих в словарь, называется его **словником**. Состав и объем словника определяются многими факторами как лингвистического, так и нелингвистического характера.

Цель словаря, его объем, лексикографические принципы составителя вместе определяют строение **словарной статьи**, т. е. части словаря, относящейся к заглавному слову. Обычно в словарной статье дается информация об орфографии, произношении и грамматических свойствах слова, семантическая характеристика слова: разбивка на значения, толкование каждого значения. Отдельно надо упомянуть иллюстративные примеры, благодаря которым становятся ясными грамматические, лексические и стилистические правила употребления слова. Эти примеры могут быть двух видов: **цитаты**, т. е. фрагменты реальных текстов, и **речения**, т. е. специально придуманные лексикографом возможные контексты, в которых может встретиться данная лексическая единица.

Особые **пометы** указывают на тематические и стилистические сферы употребления (вроде: военное, техническое, музыкальное, разговорное, книжное, поэтическое, устаревшее и т. п.). Отдельно даются идиоматические и прочие фразеологические сочетания, включающие рассматриваемое слово.

Снова обратимся к четырехтомному МАС.

ЛАД, -а(-у), *предл.* о ла́де, в ладу́, *мн.* лады́, *м.*

1. Разг. Согласие, мир, дружба. — *Я, ваш старинный сват и кум, Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры; Забудем прошлое, уставим общий лад!* И. Крылов, Волк на псарне. [*Ванюшин:*] *Что у нас ладу нет в семье, это я сам чувствую, и тяжело мне.* Найденов, Дети Ванюшина.

2. Способ, образец, манера. *Все постройки [хутора] на старинный лад — низкие и длинные.* Бунин, В поле.

3. Муз. Способ построения звукоряда, сочетание звуков и созвучий; строй музыкального произведения. *Каждая русская песня, от начала своего до конца, не может покинуть своего, однажды избранного, лада.* А. Серов, Русская народная песня.

4. *обычно мн. ч.* (лады́, -о́в). Поперечные деления на грифе струнных инструментов. *Перебирать лады гитары.*

5. *обычно мн. ч.* (лады́, -о́в). Клавиши гармоники, баяна, духовых инструментов. [*Парень*] *нес на ремне гармонь и бойко перебирал по ладам.* Соколов-Микитов, Пыль. [*Мать*] *вынула блеснувший перламутровыми пуговицами баян. Григорий бережно принял его, погладил лады.* Е. Мальцев, От всего сердца.

|| **В лад с кем-чем** — согласно, стройно; в полном соответствии с кем-л. **Не в лад с кем-чем** — несогласно, нестройно; не в соответствии с кем-л.

В ладу или в ладах (быть, жить и т. п.) *с кем* — дружно, согласно. [*Беркутов:*] *Да мне бояться нечего: я здесь со всеми в ладу. Хоть ребячества Лыняева и всей их компании я и не одобряю, а все-таки не ссорюсь и с ними.* А. Островский, Волки и овцы. **Не в ладу или не в ладах с кем-чем** (быть, жить и т. п.) — несогласно, в ссоре. **На лад идти (или пойти)** — идти успешно, слаженно, налаживаться. *Игорь тоже принялся за работу, но дело у него все не шло на лад.* Катерли, Бронзовая прялка. **На все лады** — по-всякому. [*Илья*] *хорошо запомнил слова сторожа и переворачивал их на все лады, стараясь понять их смысл.* М. Горький, Трое.... **Ни складу ни ладу** — никакой связи, никакого толку.

§ 69. Типы словарей

Лингвистические словари можно прежде всего разделить на общие и специальные. В общих словарях более полно отражается лексика языка. Ни один из словарей живого языка не может претендовать на то, что в нем отражена вся лексика языка. За пределами словаря всегда остаются неучтенные слова общего характера и многие тысячи специальных слов (термины науки и техники и т. п.). Тем не менее в словари могут включаться сотни тысяч слов.

Чаще всего общие (толковые) словари языка являются **нормативными**¹. Задача авторов — собрать воедино лексику литературного языка, указать орфографию, правильное произношение, грамматические свойства слов, дать объяснение (толкование) их значений, по возможности сопровождая их примерами из литературы. Такая направленность характерна для академических словарей (например, итальянского, французского, русского языков), господствует она и в словарях среднего объема (50—100 тысяч слов), например: в английских словарях серии Webster, во французских словарях серии Larousse, немецких — серии Duden, в русских словарях под редакцией Д. Н. Ушакова (4 тома), однотомном словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой.

Реже составитель словаря выходит за пределы литературной нормы, привлекая разговорные слова, диалектизмы, специальную лексику. Таков, например, вышеупомянутый словарь Даля.

Общим словарям противостоят специальные словари, в которых либо ограничивается круг привлекаемых слов, либо они рассматриваются с какой-то особой точки зрения. В терминологических словарях объясняются термины той или иной специальности². Словари иностранных слов адресованы широкому читателю,

¹ Нормативность — главное свойство орфографических словарей, в которых толкование слов не дается.

² Есть терминологические словари и в лингвистике, например: Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. — М., 1960; А х м а н о в а О. С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966.

в них охватывается лексика, воспринимаемая как заимствованная. В диалектные словари обычно включаются слова (или значения слов), отсутствующие в литературном языке, но встречающиеся в диалектах данного языка¹. Фразеологические словари посвящены устойчивым словосочетаниям.

Существуют филологические словари, в которых лексика ограничена определенным кругом текстов. Есть словари языка писателя, посвященные Шекспиру, Шелли, Мицкевичу, Шевченко, писателям Античности (Еврипиду, Платону, Цицерону и др.). К такого рода словарям относится, например, «Словарь языка Пушкина» (в 4 т., 1956–1961, 2000).

ВЕЯТЬ (14)². 1. *Дуть (о легком ветре, слабом движении воздуха)* (13). Чуть **вѣял** ветерок, под вечер холодеа; *C*₂ 148.75. Зефир скользит и тихо **веет** / В ветрила гордых кораблей / И челны на волнах лелеет; *C*₂ 111.2. Пироскаф тронулся — морской, свежий воздух **вѣет** мне в лицо; *Уч* 407.24. Кругом все тихо, ветры спят, / Прохлада вешняя не **вѣет**, / Столетни сосны не шумят. *РЛ VI* 171. *Перен. Напоминать что-н., быть сходным с чем-н. [чем]*. Там все Европой дышит, **вѣет**, / Все блещет Югом и пестреть / Разнообразием живой. *ЕО Пут.* 11.5. || *О весне, утре.* Я наслаждаюсь дуновеньем В лицо мне **вѣющей** весны. *ЕО VII* 2.7. Лампады тихий свет / Бледнел пред утренней зарею, / И утро **вѣяло** в темницу. *C*₂ 265.174. 2. *Махать чем-н., приводя в движение воздух [чем]* (1) Глубоку думу думал он, / Мечты летели над мечтами, / И неприметно **вѣял** сон / Над ним холодными крылами. *РЛ V*.450.

♦ **вѣшь**: 1. *МЦ* 482; **вѣет**: 1. *C*₁ 9.36, 35.4 *C*₂ 111.2 *C*₃ 124.1 *РЛ VI* 171 *ЕО II* 28.6 *Уч* 407.24; *перен. ЕО Пут.* 11.5; **вѣют**: 1. *C*₁ 7.45; **вѣял**: 1. *C*₂ 148.75; 2. *РЛ V*. 450; **вѣяло**: 1. *C*₂ 265.174; *Ед.Р. вѣющей*: 1. *ЕО VII* 2.7

В словарях этого типа обязательно указываются адреса всех случаев употребления слова в тексте (здесь ссылки на академическое собрание сочинений Пушкина). Такие перечни адресов, или словоуказатели, могут издаваться и отдельно. Развернутый вариант словоуказателя представляет собой **конкорданс** (или **конкорданцию**), где приводятся все контексты употребления слова у данного писателя. Ср.³:

Стогам

По стогам шум, везде сияет торжество С1.45.63
По стогам шумным в княжий дом РЛ.6.326

Стогнах

И шум на стогнах восстает РЛ.6.70
На стогнах тишина боязни РЛ.6.238
Являлся я в домах, на стогнах и на вече ВТ.9

¹ С 1965 г. выходит «Словарь русских народных говоров» под редакцией Ф. П. Филина.

² Цифры в скобках — число случаев употребления.

³ См.: Shaw J.T. Pushkin (A Concordance to the Poetry). — Columbus, 1984.

Стогны

И на немые стогны града..... С3.60.2
Стояли стогны озерáми МВ.1.114¹

Назначение словарей синонимов сводится к толкованию общих черт и различий в употреблении членов синонимического ряда. Например, двухтомный «Словарь синонимов русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой включает более 4 тысяч синонимических рядов (около 20 тысяч слов). Ср.:

Раньше, ранее, прежде

В прошлом, в прежнее время; до этого времени. **Прежде** и более редкое слово **ранее** употр. преимущ. в литературно-книжной речи.

— *Стихи-то сочиняешь? — Теперь — бросил, а раньше много сочинял. М. Горький... У меня память на лица. Я ведь вас где-то раньше до фронта видел. Симонов... Они продолжали разговор, начатый ранее. Короленко... Где прежде взору град являлся величавый, / Развалины теперь одни. Пушкин... В Горьковском крае прежде не хватало своего хлеба, — за последние годы постепенным углублением тракторной запашки значительно повышены колхозные урожаи. А. Н. Толстой.*

В XIX в. в качестве синонима употреблялось также слово **ране**, в соврем. языке сохранившееся в народных говорах. — *Так ты женат/ не знал я ране/ Давно ли? — Около двух лет. Пушкин... Я спросил его, что это за кресты. — Тут ране кладбище было, — ответил старик. Паустовский...*

К синонимическим словарям близки идеографические словари, в которых расположение слов определяется какой-то схемой идей, служащей семантическим каркасом словаря. Так, в словаре Дорнзайфа² классификационная схема включает 20 основных разделов: I. Неорганический мир. Вещества. II. Растительный и животный мир. Человек (физическая сущность). III. Пространство. Положение в пространстве. Форма... IX. Желания и поступки. X. Ощущения. XI. Чувства. Аффекты. Черты характера и т. д. Каждый из этих разделов далее членится на классы, те — на подклассы и т. д. Большую популярность приобрел словарь Roget's Thesaurus of English Words and Phrases, изданный впервые еще в XIX в. По его имени любой идеографический словарь иногда называют тезаурусом³. Если в большинстве словарей читатель идет от слова к идее, здесь принято обратное движение — от идеи к слову.

Как прикладным, так и филологическим целям служат частотные, или статистические, словари, в которых отражена частота

¹ Тот, кому слово *стогны* ранее не встречалось, постарается вывести его смысл из данных контекстов, а затем проверить свою гипотезу по какому-либо словарю русского языка.

² См.: Dornseiff F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. Во Франции и в Испании подобные словари называются идеологическими или аналогическими, ср.: Casa g e s J. Diccionario ideológico de la lengua española.

³ Греч. θησαυρός 'сокровище, сокровищница'.

слова в текстах. Частотные словари тем надежнее, чем больше объем исследованных текстов и чем более дифференцирована подача материала. Примером может служить «Частотный словарь словацкого языка» Й. Мистрика¹, построенный на основе корпуса текстов общим объемом 1 млн слов. (См. табл. 17.)

Частотный словарь может быть построен и на ограниченном корпусе. В таблице 18 даются некоторые слова из «Статистического словаря языка Достоевского»².

В зависимости от числа используемых языков словари делятся на одноязычные, двуязычные и многоязычные. Одноязычные и двуязычные словари (англо-русский, русско-японский и т. п.) распространены очень широко. Реже встречаются многоязычные словари. Примером может служить восьмитомный «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, где приводится лексика подавляющего большинства тюркских языков (толкование дается на русском и немецком языках).

Подводя итог § 68–69, обратимся к примерам, демонстрирующим две тенденции современной лексикографии, ориентированной не на широкую публику, а на филологов: 1) стремление четко разделить словарную статью на «зоны» и 2) соединение лексикографии с новейшими концепциями семасиологии.

Первый пример — небольшая книжка О. П. Ермаковой, Е. А. Земской и Р. И. Розиной «Слова, с которыми мы все встречались» (Толковый словарь русского общего жаргона. — М., 1999)³. При отборе своего материала авторы опирались на язык современных СМИ и собственные записи разговоров.

СЛОВО: ПРИКИД, -а.

МОРФ: Сущ. м.р.

ЗНАЧЕНИЕ: Одежда.

КОННОТ: Хорошая, модная.

СОЧЕТ: Какой прикид (модный, современный); прикид кого (рокера, крутого парня).

ПРИМЕРЫ: Кожа, свитера, ничего бросающегося в глаза, *прикид* палаточника средней руки (Ог. 1991, 17)... В вестибюль заходят пятеро молодых мужиков в характерном для бандитов *прикиде* (КП 3.04.93)... С тех пор он и шьет, начинал с простых моделей, но с каждым *прикидом* мастерство росло. Первыми его серьезными работами стали шорты для сестры и пижама для подруги (МК 28.06.94)... По стульям развешаны предметы интимного дамского '*прикида*' (КП 14.04.94). Чувство меры и вкуса Зайцеву никогда не отказывает — в особенности, когда речь идет о сильной половине человечества и ее *прикиде* (ТВ: «Намедни» 19.08.95)...

¹ См.: Mistrík J. Frekvencia slov v slovenčine. — Bratislava, 1969.

² См.: Шайкевич А. Я., Андрищенко В. М., Ребецкая Н. А. Статистический словарь языка Достоевского. — М., 2003.

³ Общий жаргон соответствует термину *сленг*, принятому в настоящем учебном пособии.

Частоты некоторых слов в жанрах словацкого языка

	Всего	Относительная частота на 100 тыс. слов				
		диалоги в драме	автор- ская проза	поэзия	журна- листи- ка	науч- ная проза
a 'и'	35273	2814	3979	3185	3252	3668
ak 'если'	1558	273	76	79	108	249
ako 'как'	8150	824	1039	898	668	694
ale 'но'	5448	827	946	233	351	291
alebo 'или'	2445	147	182	46	190	448
básnik 'поэт'	228	1	5	116	23	9
biely 'белый'	461	18	80	101	17	15
boh 'бог'	318	118	34	68	2	4
cesta 'путь'	785	53	98	117	107	41
čas 'время'	1422	118	107	268	125	142
čelo 'лицо'	240	9	24	79	14	11
deň 'день'	1416	91	222	175	131	75
diet'a 'ребенок'	900	76	177	122	45	20
duša 'душа'	458	30	65	146	5	10
dvere 'дверь'	344	86	59	45	10	1
ešte 'еще'	3100	668	414	289	211	144
hnutie 'движение'	483	1	2	2	31	136
hra 'игра'	279	10	18	36	101	7
hviezda 'звезда'	297	8	21	144	19	3
chciet' 'хотеть'	2283	548	346	152	139	84
chlap 'парень'	285	42	66	17	8	3
iba 'только'	1303	330	122	87	129	92
ja 'я'	8854	2230	1479	1348	130	45
krajina 'страна'	427	44	18	20	116	42
krok 'шаг'	286	31	48	50	21	4
láska 'любовь'	637	45	29	315	17	21
napríklad 'например'	603	17	12	3	66	147
nie 'не'	3300	882	314	238	263	235
práca 'труд'	869	44	38	55	236	93
prst 'палец'	304	20	57	80	1	2
prvý 'первый'	1612	107	93	82	246	244
ruža 'роза'	156	4	7	88	5	3
ten 'тот'	16576	3411	2034	1552	1077	1062
ty 'ты'	4022	1382	420	987	6	5
ústa 'рот'	501	20	90	149	6	2

**Относительная частота некоторых слов в жанрах Достоевского
(на 100 тыс. слов текста)**

	ХЛ	КП	Пс		ХЛ	КП	Пс
а	874	891	899	рука	188	54	64
же	732	710	645	лицо	120	31	14
совершенно	83	87	85	слеза	42	11	7
чрезвы-				князь	190	19	16
чайно	41	50	42	старик	51	9	4
честь	21	22	19	комната	85	8	17
спасти	13	14	13	дверь	65	7	3
вы	1068	616	1380	даже	374	503	208
я	3124	931	3922	самый	248	378	162
сейчас	78	30	69	земля	30	56	8
сегодня	53	2	89	народ	27	343	26
час	91	26	133	русский	30	347	74
ведь	213	220	116	Европа	4	155	11
о (междо-				Россия	15	158	64
метие)	62	58	19	славяне	...	48	2
-то (частица)	243	236	106	человечество	11	49	7
статья	7	102	86	вопрос	57	152	34
как	894	704	664	идея	33	122	36
как бы	83	55	11	дух	26	63	28
будто	112	58	22	вера	10	51	8
точно	59	31	19	идеал	3	44	5
вдруг	283	110	44	великий	25	85	17
ну	212	100	63	если	233	332	543
коли	30	13	5	ибо	33	63	85
пред	49	10	4	главное			
стать	156	117	67	(вводн.)	28	40	79
она	963	540	375	случай	69	107	141
говорить	360	260	211	деньги	95	36	282
заметить	94	58	14	издание	1	27	46
голос	56	31	3	письмо	59	42	509
-с (частица)	188	11	4	получить	25	26	222
убить	48	12	8	целовать	16	3	98
бледный	20	2	—	дорогой	10	15	56
минута	128	60	66	ангел	9	3	40

Примечание: ХЛ — художественная литература, КП — критика и публицистика, Пс — письма.

СИНОНИМЫ: УПАКОВКА.

ГНЕЗДО: Прикинуть(ся), **ПРИКИНУТЫЙ.**

ПРОИСХОЖД: Образование с нулевым суфф. от лит. *прикинуть* 'примерить одежду'. (Автор статьи — О. П. Ермакова.)

Второй пример — монументальный «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка», выпускаемый коллективом лексикографов под руководством Ю. Д. Апресяна. В каждом томе словаря чуть больше 100 словарных статей, четко разделенных на зоны: З — значения, Ф — форма, К — конструкции, С — сочетаемость, И — иллюстрации, ФРАЗСИН — фразеологические синонимы, АНАЛ — («Аналоги существенно пересекаются с общим значением данного ряда синонимов, хотя и не достигают той степени близости к нему, которая конституирует собственно синонимию»), АНТ — точные антонимы, ~АНТ — неточные антонимы, ДЕР — дериваты и т. п. Вот фрагменты сравнительно небольшой статьи:

ХУДОЩАВЫЙ, необходим. **ПОДЖАРЫЙ**, **СУХОЙ** З 'такой, объем тела которого меньше среднего, потому что в нем совсем нет жира и нет лишнего мяса'.

Перед ними стоял худощавый человек лет тридцати с сумкой через плечо; Между лодками ходил загорелый поджарый человек в шортах; Дверь открыла маленькая сухая старушка.

ПРЕАМБУЛА. Данный синонимический ряд наиболее близок и одновременно наиболее противопоставлен ряду *худой* 1, *тощий* 1, *костлявый* 2, *исхудалый*. Оба ряда указывают на то, что объем тела субъекта меньше среднего, потому что в нем совсем нет жира и мало мяса. Эти ряды, однако, по-разному оценивают отсутствующее мясо, причем шкала оценки тоже в каждом случае своя.

Худощавый, поджарый и — в меньшей мере — **сухой** указывают на то, что объем тела удовлетворяет требованиям современной культурной нормы, в соответствии с которой в теле человека должно быть мало мяса и совсем не должно быть жира. Сближаясь с лексемами *спортивный* 3 и *подтянутый* 3 (ср. *подтянутая спортивная фигура*), она предполагает здоровый образ жизни, возможно, занятия спортом и т. п. Ср. *Итак, доктору Давину двадцать восемь лет, он высокого роста, худощав, складен* (А. Битов. Преподаватель симметрии)...

Тощий, костлявый, исхудалый предполагают прагматическую (медицинскую) оценку и указывают на то, что в теле человека нет мяса, необходимого для нормального функционирования организма. *Тощий* и *костлявый* выражают еще и естественную в данном случае отрицательную эстетическую оценку внешности субъекта: нормально *некрасивые тощие женщины, страшный костлявый старик*, но плохо — **красивые тощие женщины, симпатичный костлявый старик*¹.

Лексема *худой* в современном языке нейтральна — она не служит ни для прагматической, ни для эстетической оценки внешности субъекта. Поэтому одинаково нормально *красивая худая спина* и *некрасивая худая спина*...

■ 3 ■ Синонимы различаются по следующим смысловым признакам: 1) степень отклонения от среднего (**сухой** отклоняется больше, чем **худой** —

¹ В современных трудах по семантике и грамматике звездочкой (*) отмечают примеры, совершенно невозможные в данном языке, вопросительными знаками сопровождаются примеры, отвергаемые не столь категорично.

щавый); 2) причина отклонения от среднего (природная комплекция, а также подвижный образ жизни для **поджарый**, отсутствие жизненных соков для **сухой**); 3) особенности тела субъекта (**поджарый** предполагает очень подтянутый живот, вообще — отсутствие округлостей там, где они обычно есть); 4) возраст субъекта (**сухим** может быть только немолодой человек); 5) указание на характер субъекта (**поджарый** обычно активный, энергичный); 6) эстетическая оценка (положительный в случае **худощавый**).

Худощавый указывает на небольшое отклонение от среднего объема тела, причиной которого является как природная комплекция субъекта, так и здоровый образ жизни. **Худощавый** человек обычно подтянутый, часто молодежавый. Ср. *Андрей Павлович был легкий, худощавый и, если бы не седая бородка и седой непослушный кок на голове, ему нельзя было бы дать более пятидесяти одного* (В. Каверин, Силуэт на стекле). В связи с этим **худощавый** выражает положительную оценку тела субъекта; ср. нормальное *красивая худощавая фигура, У него некрасиво худощавое тело*. **Худощавый** не указывает на конкретные особенности тела субъекта. Однако **худощавым** можно назвать только взрослого; сомнительно: ? Ребенок был **худощавым** и немного бледным (см. Примечание 1).

Поджарый, в отличие от **худощавый**, указывает на большое отклонение тела от среднего объема. Причиной этого, так же как и для **худощавый**, является, с одной стороны, природная комплекция, а с другой стороны, — подвижность субъекта. **Поджарый** человек обычно спортивный, у него совершенно плоский живот, нет даже намека на округлости там, где они обычно есть; ср. *Рядом с массивными тяжелоатлетами легкие поджарые бегуны казались бестелесными*. В связи с этим **поджарый** предпочтительно характеризует мужчин; нестандартно *поджарые загорелые девушки*, хотя нормально *поджарые загорелые ребята*. Физические особенности, на которые указывает **поджарый**, сочетаются с определенными чертами характера субъекта — **поджарый** человек обычно активный, энергичный; ср. *Маленький, поджарый, неугомонный, он, казалось, и ночевал на стройплощадке*.

Сухой указывает прежде всего на причину отклонения тела от среднего — это недостаток в организме жизненных соков: **сухой** как бы высох (см. также Примечание 2). Эта особенность свойственна немолодым людям; невозможно **У сарая стоял высокий сухой ребенок в валенках*. **Сухой** описывает высокую степень отклонения тела от среднего объема, которая сопровождается некоторыми особенностями кожи — она сухая, тонкая... Ср. *Отец Андрей нависал над ним, большой, костявый, с сухим табачным лицом и совершенно круглыми дикими глазами* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

Примечание 1. Лексема **худощавый** в языке XIX — начала XX в. употреблялась гораздо свободнее и могла характеризовать не только взрослых, но и детей, а также части тела. Ср. *Это был мальчик лет девяти — худощавый и тонкий, как тростинка* (Короленко, МАС). *Никому не интересно любоваться поближими прелестями: худощавой ножкой, жилистой шеею и сухими плечами, на которых обозначались красные рубцы от Узкого платья* (Лермонтов. Княгиня Лиговская).

В данный синонимический ряд входят также необходимая лексема **сухощавый** и редкое слово **сухопарый**. **Сухощавый** указывает на полное

отсутствие в теле человека жира и каких-либо излишков мяса. Ср. *Пиджак висел на сухощавой фигуре, как на вешалке* (Короленко, МАС). *Сухопарый* указывает на худобу главным образом нижней части человека. Ср. *Придя домой, стенол вместе с длинноногою и сухопарою женой о несчастной слабости их благодетеля к русской литературе* (Достоевский. Бесы); *Он был высокого роста, белобрыс, сухопар, плечист* (Тургенев. Новь).

Примечание 2. У слова *сухой* есть близкие к рассмотренной лексеме *сухой* 2.1 (ср. *сухое дерево, сухая ветвь*) и *сухой* 2.2 (ср. *сухое жесткое мясо; Что ж сухую картошку есть — возьми масло*). *Сухой* 2.1 указывает на отсутствие жизненных соков в растениях, а *сухой* 2.2 — на отсутствие жира и особой влаги, придающих объекту мягкость, возможно — сочность.

Кроме того, *сухой* 3 сближается с лексемой *сухой* 1, указывающей на отсутствие в объекте или на его поверхности влаги, воды; ср. *сухие дрова, сухие ботинки*. Если речь идет о части тела, то лексемы *сухой* 3 и *сухой* 1 могут порождать омонимичные высказывания; ср. *Катерина Петровна открыла глаза и сухой рукой начала судорожно гладить одеяло* (К. Паустовский. Телеграмма)...

■ **АНАЛ** ■ *подтянутый, стройный, мускулистый, спортивный* 3 [ср. *плоский живот*], *высохший* [ср. *высохшее лицо*].

■ **АНТ** ■ *плотный* 3, *упитанный*.

■ **-АНТ** ■ *толстый* 2, *полный* 2, *жирный* 2, *тучный* 1, *дородный, дебелий, грузный, солидный, рыхлый* 3, *сырой* 2 [ср. *рыхлая сырая старуха*], *кругленький* 2, *пухлый* 1, *расплывшийся*.

■ **ДЕР** ■ *поджарость, худощавость, сухощавость, высохнуть, иссохнуть*.

(Автор статьи Е. В. Урысон.)

§ 70. Диахронические словари

Все перечисленные выше словари относятся к синхронным словарям, им противостоят словари диахронические.

Теоретически любой тип словаря может стать диахроническим. Небольшой фрагмент одного из частотных словарей русского языка¹ представлен в таблице 19.

Но есть словари, специально ориентированные на диахронию. Давнюю традицию имеют **этимологические словари**, в которых объясняется происхождение слов.

Рассмотрим один пример из «Этимологического словаря итальянского языка»², возьмем слово *чао*, известное далеко за пределами Италии.

¹ См.: Josselson H. The Russian Word Count. Словарь содержит более 5000 слов и основан на выборке текстов длиной 1 миллион слов (преимущественно художественная литература).

² См.: Cortelazzo M., Zolli P. Dizionario etimológico della lingua italiana. — Bologna, 1979 — 1988.

	Средняя	1830— 1899	1900— 1917	1918— 1950	П	ГЖ	Р
ах	70	108	78	48	111	26	120
баба	47	17	26	73	75	10	38
бабушка	34	33	56	24	58	1	38
базар	10	1	16	12	17	4	4
бал	14	32	11	6	17	15	10
барин	31	39	25	30	41	14	34

В таблице введены такие сокращения: П — проза, ГЖ — газеты и журналы, Р — речь персонажей. Для удобства сравнения везде приводится частота на 250 тысяч слов текста.

сiао, межд. дружеское (и чуть фамильярное) обращение к кому-то при встрече или расставании (1905, в словаре Панзини).

Слово из северной Италии, сейчас распространенное повсеместно, из венецианского *schiao* [sʃiao], из *schiaivo* ('раб') (отмечено в словаре венецианского диалекта 1829 г.), соответствует вежливому *servo suo* 'Ваш слуга'. *Siao* и *ciavo* отмечены также в миланском (1839) и пьемонтском (1859).

Этимологические словари могут охватывать материал целой группы родственных языков. Обратимся к «Этимологическому словарю славянских языков» (под ред. О. Н. Трубачева) (издается с 1974 г.):

*тогвѣь: ст.-сл. *мравии* ж. р. 'муравей', *тугтѣх* *foгmica*, болг. *мравей* м. р., др.-рус. *муравей*, *моравей*, рус. *муравей*, укр. *муравий*...

Праслав. *тогвѣ, *тогвѣь, *тогвѣь с многочисленными перестройками в фонетике и распределении по родам и парадигмам продолжает исходное *тогvі...

Слово восходит к и.-е. эпохе и имеет соответствия, прямые или косвенные в большинстве и.-е. языков: ср. др.-исл. *tauft* (< *taufta-*), швед. *туга*, дат. *туге*, ср.-нидерл. *tiere* (<*teur-), арм. *тjіwn* и др.

Форма с ломаным удвоением представлена в лат. и греч., ср. лат. *foгmica* < *тогmі-, греч. *μύρμηξ*, *μύρμοξ*.

Форма с вариативностью сонантов *m~* и представлена в слав., иран. и кельтских языках: авест. *maoris* > перс. *mōg*, согд. *zm'wgc*, др.-ирл. *moirb* < *morv(i).

Форма с метатезой *uoг-m- в др.-инд. *valmika* 'муравейник', *vamra* 'муравей', греч. *βυρμαξ*, *βορμαξ*...

Огласовка -о- из редуцированного под влиянием -и-, т.е. *тѣгi > тогу- 'муравей'.

В качестве осторожной гипотезы можно привлечь к этому же корню рус. диал. *марморки* и *мормыш* 'рачок-бокоплав'. В случае, если это слово восходит к праславянскому (*тѣгтвѣь), то мы имеем форму, близкую к лат. и греч.

По замыслу авторов словарные статьи этого словаря строго соответствуют праславянским словам (а не словообразовательным гнездам, как это часто наблюдается в этимологических словарях). Поэтому мы найдем в словаре много словарных статей с реконструируемым значением 'муравей' — *mogvenъkъ, *mogvenьsь (чеш. mřavenec), *mogvica, *mogvina, *mogvja (словен. mřavlja), *mogvjъ, *mogvunъka, *mogvъ (серб. *мрав*), *mogvъka (польск. mrołwka), *mogvъkъ, *mogvъsь, *mogvъ, *mogvъja и 'муравейник' — *mogvenisce, *mogvin'ak, *mogvinьsь, *mogvisce, *mogvijsce, *mogvun'akъ, *mogvjisce, *mogvъnikъ.

В этимологических словарях обычно даются многочисленные отсылки к научной литературе (из соображений экономии места все эти ссылки были сняты в приведенном выше примере).

Этимологический словарь может быть построен и по принципам идеографического словаря. Удобная сводка такого рода — «Словарь индоевропейских синонимов» К. Бака¹. Как и в словаре Дорнзайфа (см. с. 198), здесь выделено 22 больших раздела («Физический мир», «Человек», «Животные», «Время» и т. п.). Вот пример из раздела 5 «Пища»:

5.55 МУКА

греч.	ἄλευρον	валл.	blawd	англ.	meal,	серб.	<i>брашно</i>
новогр.	αλεύρι	бретон.	bleud		flour	чеш.	rouka
лат.	farina	гот.	...	голл.	meel	польск.	maґa
ит.	farina	др.-исл.	mjол	др.-в.-н.	melo	рус.	<i>мука</i>
фр.	farine	дат.	mel	ср.-в.-н.	mel	др.-инд.	piṣṭa-
исп.	harina	швед.	mjöl	нем.	Mehl	авест.	piṣtra-
рум.	faina	др.-англ.	melu	лит.	miltai		
ирл.	men	ср.-англ.	mele,	латыш.	milti		
новоирл.	min		flour	ст.-сл.	мѣка		

Слова со значением 'мука' обычно происходят от глаголов со значением 'молоть' (5.56) или 'мять', в одной группе — от названия злаков.

1. От и.е. *mel 'молоть' (5.56). Валл. blawd, бретон. bleud, корн. blot; др.-исл. mjол, др.-англ. melu и т.д., общегерм.; лит. miltai, латыш. milti, прус. meltan; хетт. memal.

2. Греч. ἄλευρον, новогр. αλεύρι от αλέω 'мелю', арм. aleur 'мука', alaṙi 'мельница' от alam 'молоть'.

3. Лат. farina (> романск.), серб. *брашно* (ст.-сл. **брашьно** 'еда'); far 'полба, зерно', гот. barizeins 'ячменный', др.-англ. bere 'ячмень' и т.п.

4. Ирл. men, новоирл. min; лит. minti 'давить, мять кожу', ст.-сл. **мѣти** 'мять'.

5. Англ. flour, то же слово, что и flower, которое стало употребляться для обозначения лучшей части муки, лучшей муки.

¹ См.: Buck C.D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. — Chicago, 1949, 1988.

6. Ст.-сл. *мѣжа*, чеш. *rouka*, польск. *muka*, рус. *мука*; ст.-сл. *макъкъъ*, рус. *мягкий*, лит. *minkuti* ‘месить’ и т. д. (5.54)

7. Др.-инд. *pīṣṭa-*, авест. *pīṣṭa-*; др.-инд. *pīṣ-*, лат. *pinsete* ‘мять’.

В исторических словарях представлена лексика языка на протяжении долгого периода его развития. Это словари-гиганты. Большой Оксфордский словарь включает около 300 тысяч словарных статей (если учесть варианты написания и производные в нем, найдем более 600 тысяч слов), два с половиной миллиона иллюстративных примеров. Над его созданием 75 лет трудился многочисленный коллектив филологов, первые печатные выпуски появились в 1884 г., первое десяти томное издание было закончено в 1928 г. В 1980-е гг. появилось четырех томное дополнение. Сейчас существует и электронное издание. Вот пример из сокращенного (двух томного) варианта этого словаря¹:

comic [kɔmɪk] прил. и сущ. K16 [лат. *comicus* из гр. *κωμικός* от *κωμος* ‘веселье’, см. -IC] А. Прил. 1. Относящийся к комедии, в стиле комедии. K16. 2. Вызывающий смех, смешной, забавный. C18.

2 W.S. Maugham *Our use of the same word... had a comic effect, so that we were obliged to laugh.* ‘Когда мы снова повторили то же слово, это произвело комический эффект, и нам пришлось засмеяться’. J. Irving *I promise... to perform comic stunts and make you laugh all night.* ‘Обещаю... проделывать смешные номера и веселить вас весь вечер’.

Специальные словосочетания: **comic book** ‘книга комиксов’. **comic opera** ‘опера, в которой много разговорных диалогов, обычно веселого содержания’. **comic paper** = значение ВЗ ниже, **comic relief** ‘комические эпизоды в пьесе и т. п., оттеняющие более серьезные части’, **comic strip** ‘цепь картинок, рассказывающих смешную историю’.

В. сущ. † 1. Юморист; = COMEDIAN 1. H17–C18. † 2a. Комик, комический актер; = COMEDIAN 2. H17–H18. b. Тот, кто заставляет слушателей смеяться; забавник. Ср. COMEDIAN 3. H20. 3. Юмористическая газета, периодическое издание, в котором рассказ передается в виде рисунков (первоначально и главным образом для детей); во мн. ч. рисунки комиксов в газете и т. п. K19. b. комедийный фильм, комедийная телепередача. H20².

Таких же размеров достигает исторический словарь немецкого языка (*Grimms deutsches Wörterbuch*). Прекрасные исторические словари созданы для датского и шведского языков.

¹ Знак † стоит перед словом или значением, не употребляющимся в современном языке. Перед числами здесь даются буквы Н, С, К: числа указывают на век, а буквы — соответственно на начало, середину или конец данного века.

² В словаре-прародителе объем соответствующей статьи в 10 раз больше, чем то, что читатель видит здесь. Полностью даются варианты написания, например: *comi(c)que*, *comick*, более подробно разработана этимология, детальнее показана полисемия, дается больше словосочетаний и производных. Главное же — обилие цитат (в сокращенном варианте приведено только 3 % от их числа в основном издании), при каждой цитате указывается не часть века, а год создания текста, откуда взята цитата.

Составители исторического словаря могут ставить перед собой более ограниченную задачу — охватить определенный период в жизни языка. В этом случае проигрыш во времени может компенсироваться полнотой. Таков «Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.», шестой том которого уже включает слова на букву П, или «Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков)».

В одном словаре могут соединяться признаки исторического и этимологического словарей. Вот пример из «Историко-этимологического словаря осетинского языка» В. И. Абаева:

tamada ‘распорядитель пирушки, тамада’. Tamada ɣæɟɟ rawaɟɟa ‘тамада провозгласил тост’. ~ Через ряд промежуточных инстанций восходит к перс. *damad* ‘зять, жених’. На Кавказе жениху охотно поручают организационные и распорядительские хлопоты на пирушках («хочешь получить девушку — покажи, на что ты способен»). Отсюда развитие значения ‘жених’ > ‘распорядитель пирушки’. Слово вошло сперва (через тур. *damat* ‘зять, жених’: адыг. *thāmadā* 1. ‘старший’, 2. ‘жених, ухажер’... кабард. 1. ‘старшина’, 2. ‘председатель аулсовета’, ‘тамада’. Из адыгского идет груз. *tamada* ‘распорядитель пирушки’; из грузинского — рус. *тамада* и осет. *tamada*. Значения ‘старший’, ‘старшина’, ‘отец мужа’ развились на адыгской почве, несомненно, потому, что вторая часть слова *-adā* стала осмысляться как *adā* ‘отец’. Однако исходное значение ‘жених’ не было забыто; оно сохранилось в говорах.

Рассмотрим еще один пример из «Исторического словаря французского языка»¹.

BISTRO или **BISTROT** сущ. м. р. сначала *bistro* (1884), затем также (1892) *bistrot*, слово неясного происхождения. Часто упоминаемая гипотеза адаптации рус. *быстро* (с анекдотом о казаках, которые в захваченном Париже в 1814 г. произносили это слово в кабаках) должна быть отвергнута по хронологическим соображениям: французское слово будет засвидетельствовано через 70 лет. Выдвигалось предположение о связи этого слова со словом диалекта Пуату *bistraud* ‘слуга’, которое могло обозначать помощника виноторговца, а затем метонимически и самого хозяина бистро (первое значение *bistro*). Указывали также на *bistingo* ‘кабак’ (1845), ‘дом, где ночуют цыгане’ (1848); на *bistringue* (с вариантом *bastringue*), позднее зафиксированное в Канаде в значении ‘кабак’, все слова неясного происхождения. П. Гиро, отправляясь от значения ‘кабак’, предполагает обратное словообразование от *bistrouille*, варианта разговорного слова **BISTOUILLE** сущ. ж. р. (конец XIX в.), обозначающего плохое спиртное, а в Бельгии и на севере Франции — кофе с водкой (1901). Происхождение последнего слова не установлено точно, может быть, результат сложения **bis* и **touiller* ‘смешивать два или три раза’. По мысли Гиро, *bistro* (так же как *bistingue* и *bistringue*) — это место, где люди *bistrouillent*, т. е. приготавливают и распивают плохое вино с какими-то химическими добавками. Нако-

¹ Dictionnaire historique de la langue française / A. Rey, ed. — P., 1992, Dictionnaires le Robert.

нец, за неимением лучшего можно упомянуть гипотезу о связи с *bistre* 'темное прокуренное место'.

Первое зафиксированное значение 'кабатчик' — факт, не учитываемый ни одной из гипотез, — устарело, уступив место значению 'кафе, особенно простое и скромное' (1901). Постепенно слово стало символом маленького французского кафе, часто обозначает (особенно с 1980-х гг.) рестораны без всяких претензий, но тем не менее дорогие.

► BISTROTE сущ. ж.р. (1914) разговорное обозначение хозяйки бистро. ◄► BISTROQUET сущ. м.р. (1926), может быть, возникшее и раньше, если учесть *bistroqui* 'кабатчик', Брюан (1901) употребил его как слово, «существующее уже двадцать лет». Если это замечание верно, этимология всех вышеназванных слов должна быть пересмотрена, но документальных подтверждений пока нет.

Для русского языка Нового времени пока еще нет исторического словаря. По богатству материала ближайшим приближением к идеалу можно считать отдельные выпуски 1910–1920-х гг., составленные в соответствии с замыслом А.А. Шахматова¹. Вот пример двух слов из выпуска 1914 г. (под редакцией Д.К. Зеленина).

Котлѐта, *ы, ж.* (Франц. *côtelette*). Название мясного кушанья. Отбивная котлета — ребро телячье, свиное, баранье и некоторых других животных, с прилегающим к нему мясом, избитое и изжаренное в виде ломтя. **Котлета рубленая** — рубленое мясо, с примесью булки, лука и иногда яиц, изжаренное в виде лепешки круглой или продолговатой формы. *Зарезали лань и ели во всех видах: в котлетах, в жарком.* Гончаров, Фрег. Палл. II, гл. 1 (окт. 6-го).

Будут лучшие конфеты,
Будут вафли, и котлеты.
Жуковский, Елена Ив. Протасова... 1811.

К завтраку подавали... бараньи котлеты. Чехов, О любви. *Свиньи котлеты... были превосходны.* Гоголь, Мертв. д. I, гл. 5. *Стук ножей, рубивших котлеты и зелень в кухне, долетал даже до деревни.* Гончаров, Обломов, I, гл. 9. *Будто польская республика была не что иное, как котлета с горошком, которую скушали — и ее как не бывало.* Лесков, Блуждающие огоньки. гл. 24. *Котлеты куриные, картофельные. Изобью тебя как котлету! (угроза).* *Пожарские котлеты* [по фамилии Пожарского, владельца гостиницы в гор. Торжке] — особый вид рубленых котлет с примесью мяса какой-нибудь дичи. *В Торжке не найдешь теперь и знаменитых пожарских котлет: их лучше делают в Петербурге.* Гончаров, Фрег. Палл. II, гл. 5. — Ср.

¹ В 1894 г. к Шахматову перешло руководство работы над новым изданием академического словаря, начатой Я.К. Гротом. Шахматов убедил коллег в необходимости изменить ориентацию: от нормативного словаря перейти к словарю, включающему всю лексику языка — книжную и разговорную, современную и устаревшую, слова литературного языка и слова диалектов. Проект Шахматова так и не был осуществлен. В 1937 г. была поставлена новая задача, вылившаяся в форму 17-томного Словаря русского языка (так называемого Большого академического словаря — БАС).

На досуге отобедай,
У Пожарского в Торжке
Жареных котлет отведай.
Пушкин. Письмо С.А. Соболевскому 9 ноября 1826.

Баки котлетами, в виде котлет: *Седые баки котлетами придавали официально строгий вид [домохозяину]. Мамин-Сибиряк, Ранние восходы. Максим Алексеевич... с выбритыми усами и с баками в виде котлет. Станюкович, Пропавший матрос, III. || Котлеты, мн. — у мясников: вырезанная из передней четверти мелкой скотины часть мяса на отбивные котлеты...*

Обл. Коклета... Атправился к чертям на коклеты (умер). Воронеж.

Котлетный, ая, ое. Относящийся к котлетам. *Котлетные ножи, для рубки котлет... Котлетное мясо, на котлеты. Переносно-шуточно, о грубой музыке (как бы похожей на стук ножей, когда повара рубят ими котлеты): В сонатах Бетховена и вообще в классической музыке исполнение его не имело надлежащего достоинства и в ударе по клавишам было нечто отчасти котлетное. Глинка, Записки, 53... Котлетнейшим образом играл две пьесы собственного изделия любезный пианист Леопольд Мейер. Глинка, Записки, 152. — Ср. Девушка, очевидно, училась музыке в кулинарной школе и потому играла Листа так, словно рубила котлеты. Дорошевич, Против бедных [т. VI, 87].*

Дополнительная литература

*Щербань Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Избранные работы по языкознанию и фонетике. — М., 1958.

**История русской лексикографии. — СПб., 2001.

ВНЕШНИЕ УСЛОВИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА

§ 71. Язык — основное средство общения

Язык есть главное средство общения людей и потому всегда существует в обществе. Теоретически можно представить себе индивидуальный язык, на котором отдельный человек общался бы сам с собой (вел бы, например, дневник, записывал бы какие-то мысли для будущего использования). Тем не менее реальные языки всегда связаны с каким-то общественным коллективом.

Пока есть люди, которые пользуются языком как основным средством общения, язык жив, он непрерывно изменяется. Весь процесс развития языка сводится к постепенному исчезновению одних явлений и появлению других, причем момент зарождения новых лингвистических явлений (инноваций) обычно происходит незаметно для самих говорящих. Возникая в речи (устной или письменной), лингвистические инновации (фонетические, грамматические, лексические) постепенно находят себе все большее применение, начинают употребляться все чаще и чаще, пока не приобретут таким образом силу правила, пока люди, говорящие на данном языке, не станут рассматривать эти лингвистические явления как нечто обычное, само собой разумеющееся, как факт языка.

Если же язык перестал быть основным средством общения в каком-то социальном коллективе, он становится **мертвым**. Три причины могут вызвать такое положение. Во-первых, может исчезнуть народ, говоривший на данном языке. Например, последние тасманийцы умерли в прошлом веке, а с ними исчезли и тасманийские языки. Во-вторых, народ может усвоить новый язык, забыв свой старый. Если от старого языка остались какие-нибудь письменные памятники, лингвисты могут в большей или меньшей степени изучить структуру языка. К подобным мертвым языкам относятся, например, шумерский и аккадский, хеттский и хурритский, готский и прусский. Наконец, мертвым может стать какой-либо литературный язык, сохраняющийся в каких-то ограниченных сферах употребления, притом во всех остальных сферах используется живой язык, по происхождению связанный со старым литературным языком. Таково взаимоотношение между мертвым латинским и романскими языками, классическим монгольским и современными монгольскими языками, старославянским и болгарским.

Живые языки отличаются друг от друга внешними условиями своего существования. Одни языки известны лишь несколькими

десяткам людей (многие языки Америки, Австралии), на других говорят сотни миллионов человек. Различна степень единства языка на всем пространстве его распространения. Если язык охватывает значительную территорию, в нем всегда есть какие-то локальные различия, местные варианты. Тем не менее русский, французский, английский, испанский кажутся языковыми монолитами по сравнению с китайским или арабским, где различия между диалектами иногда исключают взаимопонимание.

Языки различаются сферами применения. Любой язык обеспечивает эффективное общение людей в привычных процессах труда, в семейной жизни, в социальных отношениях. Различия между языками возникают там, где отличаются соответствующие общества в степени сложности экономических и идеологических сторон жизни людей. На эскимосском языке или на языках Австралии весьма легко и просто обсуждать проблемы охоты, но очень сложно или даже невозможно обсуждать проблемы философии. На тибетском языке или на санскрите можно обсуждать сложнейшие философские проблемы, но для обсуждения вопросов ядерной физики или молекулярной генетики эти языки приспособлены плохо. Конечно, такие расхождения между языками не фатальны. Они не связаны с грамматическим строем языка¹. Если бы возникла настоятельная социальная потребность в развитии химической литературы на тибетском языке, то язык, несомненно, справился бы с этой задачей в относительно короткий срок (10–20 лет).

К внешним условиям существования языка относятся и его отношения с другими языками. Географические или социальные причины могут вызвать изоляцию народа, они же могут способствовать контактам между народами. Ясно, что в этих условиях языки будут развиваться по-разному.

§ 72. Дифференциация и интеграция языков

В отдельных областях распространения какого-либо языка лингвистические изменения могут происходить в разных направлениях и приводить к различным результатам. Первоначально незначительные различия в языке двух соседних областей могут с течением времени накапливаться, так что в конечном итоге взаимопонимание людей, говорящих на этих вариантах языка, становится затруднительным, а иногда и невозможным. Единая языковая система расщепляется на две (или более). Такой процесс языкового развития принято называть **дифференциацией**.

¹ Впрочем, образование литературных языков обычно способствует усложнению синтаксических конструкций, особенно развитию всевозможных средств соединения простых конструкций в сложные.

Обратный процесс — постепенное стирание различий между двумя вариантами языковой системы, завершающееся их полным совпадением, называется **интеграцией**.

Эти противоположные процессы происходят постоянно, однако на различных этапах истории их взаимоотношение неодинаково, каждая новая эпоха привносит в эти процессы что-то новое.

В условиях первобытно-общинного строя язык теснейшим образом связан с племенем — высшей организационной единицей, члены которой сознают свое кровное родство друг с другом.

Дробление племен вызывало дробление языков. Отделявшиеся части племен с течением времени начинали говорить не совсем так, как их бывшие сородичи: происходил процесс дифференциации языков. Если главным занятием населения служит охота или скотоводство, процесс дифференциации происходит медленно. Кочевой образ жизни заставляет отдельные роды и племена сталкиваться друг с другом; этот постоянный контакт родственных племен сдерживает центробежные силы, препятствует бесконечному дроблению языка. Эвенкийский язык по числу говорящих занимает 61-е место среди языков России, а по занимаемой территории — 2-е (после русского), и хотя в нем существует множество говоров, грамматический строй и лексика языка остаются в целом едиными. Поразительное сходство многих тюркских языков также есть результат кочевого (в прошлом) образа жизни тюркских народов.

Напротив, земледелие или жизнь в горах весьма способствует дифференциации языков. О том, как далеко может заходить подобная дифференциация, может свидетельствовать пример Новой Гвинеи, где, по предварительным сведениям, насчитывается несколько сотен языков. Подобное дробление можно наблюдать в Дагестане и на севере Азербайджана, где насчитывается 6 относительно крупных народов (с общей численностью около 1750 тыс. человек) и более 20 мелких (около 140 тыс. человек). В селе Хиналуг (северный Азербайджан), где говорят на особом, хиналугском, языке (около 1 тыс. человек), каждая из трех частей села имеет специфические варианты произношения отдельных слов.

В эпоху первобытно-общинного строя еще отсутствовала необходимость в языке, едином для сотен тысяч людей. Правда, на этой ступени общественного развития часто возникали союзы племен. В ходе истории чаша весов склонялась то в сторону дифференциации, то в сторону интеграции. Рост и укрепление римского государства способствовали унификации латинского языка, устранению первоначальных диалектных различий, а попутно и исчезновению родственных языков (оскского и умброского). Завоевания вели к географическому распространению латинского языка. Распад Западной Римской империи обусловил его дифференциацию, которая через несколько веков завершилась образованием многих романских языков (см. с. 278). Но прежде чем единый

язык распадется на два отдельных языка, он должен обязательно пройти этап диалектного дробления.

§ 73. Диалекты. Лингвистическая география

В большинстве языков мира можно выделить такие особенности языковой системы, которые характерны только для определенной территории и не встречаются в других местах распространения того же языка. Видоизменения языковой системы, связанные с определенной территорией, называются **диалектами** (греч. *διάλεκτος* 'речь, язык, говор'). Более крупные диалекты иногда называют **наречиями**, которые могут включать многочисленные говоры.

Термин *диалект* применяется и к социальным вариантам языка. Социальные диалекты, как и территориальные, представляют собой видоизменения общезыковой системы, но только связанные не с определенной территорией, а с определенной группой общества. У некоторых народов Меланезии, Америки, Азии отмечается существование женских и мужских «языков»¹. В других случаях социальные диалекты могут соответствовать разным сословиям, разным классам общества.

С собственно лингвистической точки зрения граница понятий «язык» и «диалект» очень условна, между ними нет принципиальной разницы. Оба термина предполагают какую-то систему знаков, существующую на определенной территории. Различие языка и диалекта проводится не только на основе языковых данных, но и на основе целого ряда внеязыковых обстоятельств (национального самосознания, общих черт культуры и т.д.). Неудивительно поэтому, что далекие друг от друга диалекты могут объединяться иногда в один язык и, наоборот, близкие диалекты иногда оказываются по разные стороны языковой границы. Диалекты севера Германии в лингвистическом отношении стоят ближе к диалектам нидерландского языка, чем к южонемецким диалектам, тем не менее их относят именно к немецкому языку. Южные диалекты алтайского языка (и литературный язык) близкородственны киргизскому языку, северные же диалекты ближе к шорскому языку. Конечно, нужно помнить при этом, что в пределах одного языка могут сосуществовать только родственные диалекты, т.е. происходящие от одного предка.

Диалекты одного и того же языка чаще всего различаются в области произношения тех или иных звуков. В качестве примера можно рассмотреть произношение русских предударных гласных (под ударением выступающих как [e], [o], [a]) после мягкого со-

¹ Например, в чукотском языке женщины тщательно избегают произносить звук [r], вместо него они произносят [ts].

гласного перед твердым, т. е. в словах типа *беда, несу, взяла* (ср. те же корни под ударением *бед, нёс, взял*). Во многих северных диалектах в произношении двух первых слов отмечается ёканье, т. е. они произносятся, как если бы на письме стояло ё: *бёда, нёсу*. В некоторых говорах (например, архангельском) наблюдается еканье, т. е. произношение подобных слов с отчетливым [e]: *беда, несу, взяла*. В районах Подмосковья эти слова произносятся с йканьем, т. е. *бида, нису, взяла*. Это произношение стало нормативным и в литературном языке. На юг от Москвы (в Тульской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской областях) мы встречаемся с яканьем, т. е. эти слова произносятся *бяда, нясу, взяла*.

Довольно часто диалекты отличаются друг от друга и словарем, особенно в области названий предметов быта, сельскохозяйственной техники и т. п. Рассмотрим примеры русских диалектов.

Северные	Южные	Северные	Южные
брезговать	гребовать	векша	белка
чердак	потолок	гутарить	баять
ухват	рогач	ковш	корец
орать	пахать	боронить	скородить

В упоминавшемся уже алтайском языке отдельные диалекты по-разному обозначают такие важные понятия, как:

	Северные	Южные		Северные	Южные
‘нос’	танак	тумчук	‘отец’	ага	ада
‘холодный’	тунуг	соок	‘мышь’	ньемчи	чычкан
‘шерсть’	чип	тук	‘шить’	тик-	кокто-

Наконец, диалекты одного и того же языка часто различаются грамматически. В русском языке эти различия относительно невелики и проявляются лишь в отдельных деталях (например, различия флексии 3-го л. ед. ч. {-t} в литературном языке, {t'} в южнорусских диалектах, без всякого согласного в отдельных говорах). В других языках грамматические различия диалектов могут быть очень существенными. Если мы начнем сравнивать, например, северные немецкие диалекты (около Бремена) и южные (около Штутгарта), то обнаружим целый ряд резких грамматических различий:

	Литературный язык	Северный (Бремен)	Южный (Штутгарт)
‘тебя’	dich	di	dich
‘он’	er	he	er
флексии мн. ч. глагола	en, et, en	et	et
мн. ч. слова ‘мужчина’	Männer	manns	manne

Изучением диалектов занимается особый раздел языкознания — *диалектология*. Изучение современных диалектов оказалось одним из важнейших инструментов проникновения в глубь истории

языков, поскольку отдельные диалекты часто сохраняют древние особенности, уже не представленные в общем языке.

С диалектологией тесно связан особый раздел языкознания — **лингвистическая география**, задача которой заключается в картографировании языковых явлений диалектов одного и того же языка и (реже) разных языков. Результаты работы публикуются в лингвистических атласах.

При составлении лингвистического атласа сначала составляется программа, или анкета, исследования, т. е. подробный список отдельных слов и предложений, подбираемых таким образом, чтобы на их основе можно было выяснить все существенные фонетические, грамматические и лексические особенности диалектов. Затем снаряжаются специальные диалектологические экспедиции во все пункты (деревни, села), предназначенные для исследования (таких пунктов может быть много сотен). На местах участники экспедиции и проводят само исследование, т. е. опрашивают жителей (преимущественно пожилого возраста), как они произносят то или иное слово, как называют тот или иной предмет и т. д.

Результаты исследования затем наносятся на карты. Для каждого из исследуемых явлений составляется отдельная карта, на которой особыми значками отмечается, например, тот или иной вариант произношения определенного слова. Границы между областями распространения таких вариантов наносятся на карте линиями, называемыми **изоглоссами**. Если попытаться наложить на одной карте изоглоссы разных лингвистических явлений, то можно обнаружить, что довольно часто несколько изоглосс накладываются друг на друга, образуется пучок изоглосс. Подобные пучки изоглосс и образуют границы диалектов и говоров. Особенно густые пучки изоглосс возникают вдоль значительных естественных преград (горных хребтов, болот, проливов и т. п.), на равнинах же они не столь густы. Очень часто пучки изоглосс совпадают с прежними административными и политическими границами.

На картах 1 и 2 показаны некоторые изоглоссы центра России, базой для которых послужил «Диалектологический атлас русского языка» (вып. 1—3). На карте 1 даются изоглоссы фонетических явлений. Первой отметим изоглоссу, проходящую к северу от Москвы и к югу от Муромы и Арзамаса. Это южная граница оканья, т. е. сохранения [o] в безударных слогах. Диалекты к северу от этой линии называются севернорусскими. К югу от Москвы и к северу от Рязани проходит северная граница щелевого [y] — общей черты южнорусских диалектов. Полоса между этими двумя изоглоссами образует область распространения среднерусских диалектов¹.

¹ Следует обратить внимание на среднерусский анклав на севере Костромской области вокруг Чухомы — результат переселения сюда помещиков с крестьянами после Смутного времени (XVII в.).

К востоку от Калуги и к западу от Липецка проходит западная граница начального глухого в слове *всех* [fs'ɛx], на запад от этой линии на месте глухого звучит [w] или [ɥ]. Последний звук мы находим к западу от Смоленска на конце слова как результат вокализации *-л* (см. с. 29). Наконец, к востоку от Могилева проходит восточная граница диалектов, не знающих мягкого [r']. Форма 1-го л. глагола *курить курю* — яркий показатель различия белорусского и русского языков.

На карте 1 показаны и такие явления, которые представлены в оторванных друг от друга ареалах. К таким явлениям относится цоканье, т.е. произношение *чай* и *что* на месте *чай* и *что*. Первый ареал цоканья мы видим к западу от Новгорода вокруг Пскова (находящегося за пределами карты). Второй ареал расположен к северо-востоку от Твери. Третий ареал виден к востоку от Рязани до Арзамаса. Все три ареала находятся на месте обитания прежних носителей финноугорских языков, перешедших на русский язык (см. § 78 и 99).

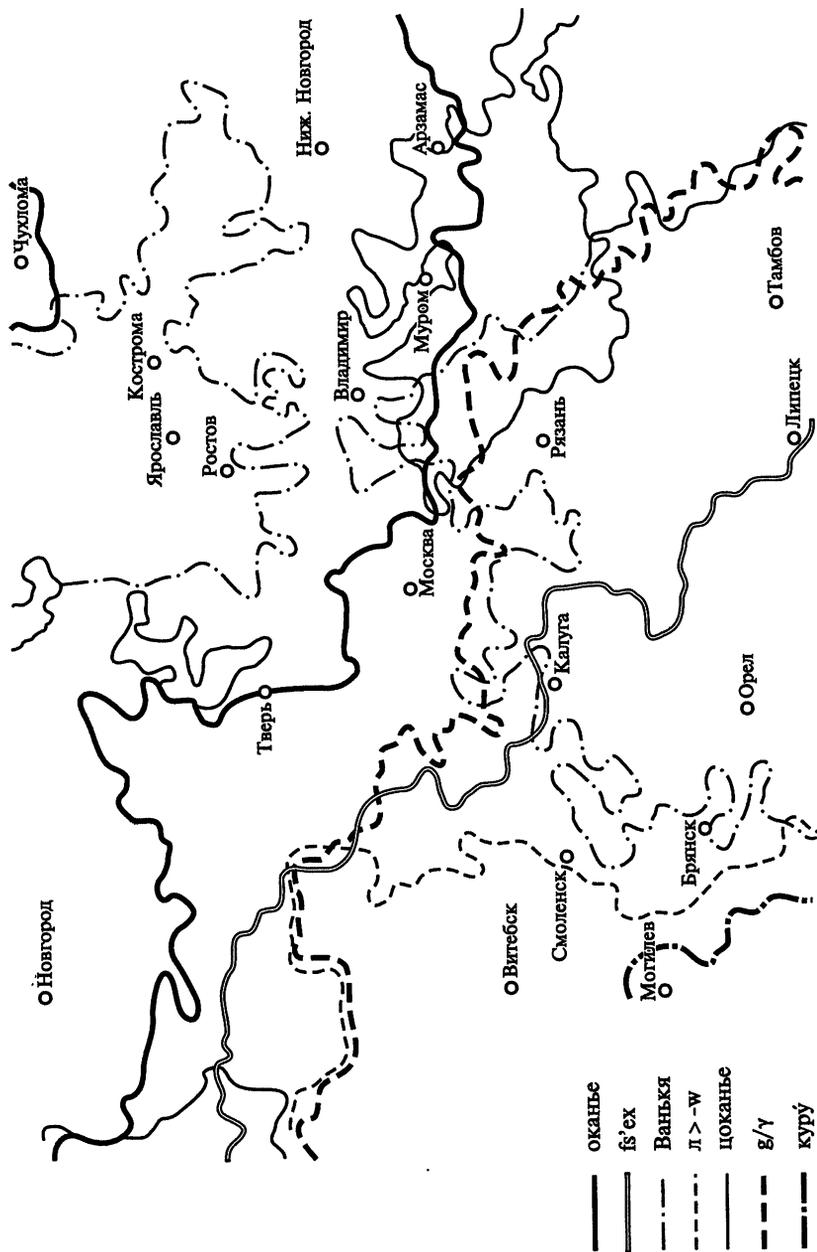
На этой же карте видны два ареала, где происходит смягчение [k] после мягких согласных (например, в слове *Ванька*).

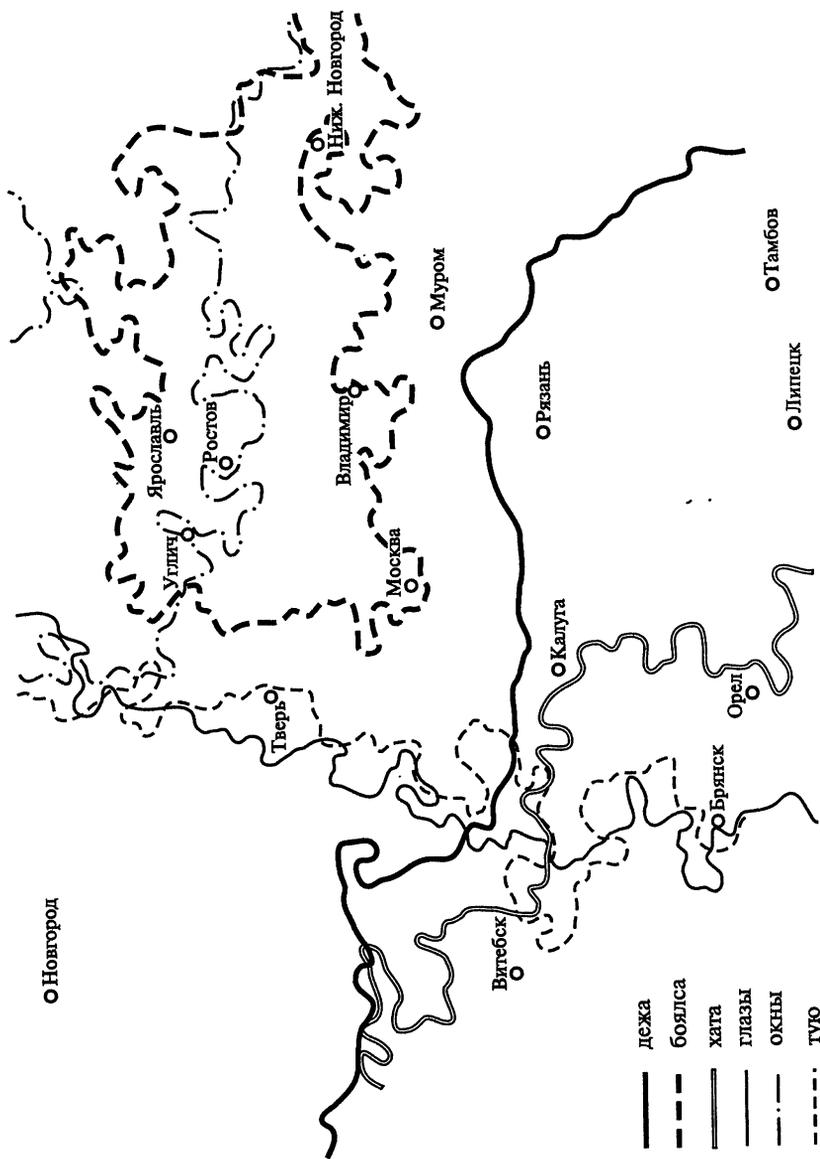
На карте 2 показан ряд морфологических и лексических изоглосс. К северу от Калуги и Рязани мы видим изоглоссу двух конкурирующих обозначений деревянной кадки для теста (слова *дежа* — к югу от этой границы и слова *квашня* — к северу) и обозначений крестьянского дома (*хата* — к юго-западу от изоглоссы, проходящей к юго-западу от Калуги, и *изба* — к северо-востоку от этой изоглоссы). Две морфологические изоглоссы идут рядом с севера на юг от Твери до Брянска — это восточная граница формы мн.ч. *глазы* (на месте *глаза*) и формы вин.п. женского рода *тую* (на месте *ту*). На карте 2 виден также замкнутый ареал, очерченный точками Москва — Углич — Ярославль — Нижний Новгород, где возвратная глагольная частица произносится с твердым [s]. Наконец, на этой карте мы видим северную границу формы мн.ч. *окны* (к северу от Углича и Ростова).

Методы лингвистической географии дали языковедению много интересных фактов. Часто распространение изоглосс на карте позволяет судить о культурно-исторических событиях далекого прошлого.

§ 74. Литературный язык

У любого народа мира существуют ситуации, отмечаемые особой значительностью, особым весом. В таких ситуациях поведение людей отличается от их повседневного поведения, какие-то определенные действия строго запрещаются и, наоборот, появляются какие-то действия, неизвестные за пределами данной ситуа-

ции. В подобных «формализованных» ситуациях меняется и языковое поведение людей. Самый характер этих ситуаций может быть различным у разных народов. У индейцев команчей, например, языковое поведение резко менялось в условиях военного похода, когда народ был «на военной тропе». Самые обыденные предметы назывались по-особому, не так, как в повседневной жизни. У других народов формализованные ситуации могут быть связаны с религиозными церемониями, с рождением или смертью людей, с какими-то политическими событиями, нередко — с особыми текстами (эпическими сказаниями, пересказами мифов, гимнами, молитвами и т. п.).

В формализованных (исключительных) ситуациях рождается понятие **языковой нормы**. Определенный вариант речевого поведения считается правильным, все другие варианты считаются неправильными и осуждаются обществом. В простых случаях языковая норма охватывает отдельные слова языка, в более сложных случаях различие нормативного и ненормативного распространяется на грамматику и фонетику.

Чем шире круг языковых явлений, охваченных нормой, тем больше приходится учиться, чтобы усвоить эту норму. Обучение родному языку становится самостоятельной педагогической задачей, особенно после появления письменности.

Вариант языка, согласующийся с особой нормой и сознательно противопоставляемый ненормативным вариантам, называется **литературным языком**¹.

Обычно появление литературного языка связано с существованием письма, но такая связь необязательна. Например, можно полагать, что при формировании нормы литературных языков Древней Индии письмо не играло большой роли, а на древнейших этапах даже было неизвестно (см. с. 260).

Если первоначально литературный язык ограничен лишь формализованными ситуациями, то с течением времени он становится показателем образованности и социального престижа и охватывает также бытовые ситуации.

В прошлом литературный язык был достоянием лишь небольшой части населения и не оказывал глубокого влияния на ход развития ненормативного варианта языка, с течением времени между литературным и ненормативным языком мог образоваться разрыв. Достигнув расцвета в определенную эпоху, литературный язык затем останавливался, в то время как народный язык продолжал изменяться. Наступал период, когда между этими двумя формами языка возникала настоящая пропасть², и тогда на базе живого языка возникал новый литературный язык,

¹ Более точно тот же смысл передается термином *стандартный язык*.

² Таково положение в современном арабском языке (см. с. 311).

происходила смена литературных языков («языковая революция»). Непосредственным поводом для смены литературных языков являются социальные или идеологические потрясения: так было в египетском языке (см. с. 312) и сравнительно недавно в китайском (см. с. 332).

В результате «языковой революции» новый литературный язык может полностью вытеснить старый. Однако чаще новый и старый литературные языки сосуществуют, распределив между собой сферы применения.

Использование одним обществом двух разных языков, употребляемых в различных социальных ситуациях, называется **диглоссией** (греч. δι 'два', γλῶσσα 'язык'). Так, новоиндийские литературные языки (см. с. 261) в течение многих веков (вплоть до XIX в.) использовались в поэзии, оставив за старым литературным языком (санскритом) прочие сферы бытового применения. В Западной Европе борьба за сферы влияния между новыми литературными языками и латынью растянулась на несколько веков. С XI—XIII вв. народные языки охватывают поэзию, затем исторические хроники, потом суд и управление государством. Латынь оставалась языком науки до XVIII в. и языком религии (у католиков) до XX в. Таким образом новые европейские языки постепенно расширяли диапазон своего применения.

Характерны данные о диглоссии, полученные при опросах жителей одного из Гебридских островов, среди тех, кто считает шотландский гэльский (см. с. 276) своим родным языком¹.

Среди опрошенных используют только гэльский язык:

более 90 % — в разговорах с родителями и между супругами;

более 80 % — в разговоре со старшими местными жителями, у себя на огороде, в семейной молитве;

более 70 % — в молитве про себя;

более 60 % — в разговоре с младшими членами семьи и знакомыми, в ссорах со знакомыми, на почте, в лавке;

более 50 % — в разговоре с медицинской сестрой, со школьным учителем, на бензоколонке;

более 40 % — во сне, в автобусе, в разговоре с незнакомым продавцом;

более 30 % — считая про себя;

более 20 % — с официантом в кафе;

более 10 % — с телефонисткой, в банке, с полицейским, с доктором;

менее 10 % — в письме к членам семьи.

Развитие литературного языка идет долгим и трудным путем. Выдающиеся писатели и ученые своими произведениями могут ускорить этот процесс (см. главу VII об итальянском, немецком, норвежском, словацком, финском и других языках). После того как созданы образцы литературы, появляются учебники и слова-

¹ См.: MacKinnon K. Language, Education and Social Process in a Gaelic Community. — L., 1977.

ри, в которых нормы литературного языка фиксируются на бумаге. Иногда для этих целей создаются специальные учреждения (академии).

Становление литературного языка ускоряется под влиянием соседнего языка, уже имеющего литературную традицию. Например, греческий язык способствовал развитию стилистического разнообразия в армянском, грузинском, эфиопском, старославянском языках. Русский язык оказывает очень большое влияние на молодые литературные языки народов России.

В наше время всеобщая грамотность, книгопечатание, средства массовой информации способствуют распространению литературного языка на все слои населения. С одной стороны, это замедляет темп развития ненормативного языка, а с другой — позволяет элементам ненормативного языка проникать в литературу и постепенно становиться нормативными. Обе тенденции не дают слишком разойтись литературному и нелитературному вариантам языка.

Сознательное вмешательство в строительство литературного языка со стороны государства называется **языковой политикой**. Языковая политика может тормозить развитие литературного языка. Так, в XIX в. царское правительство запрещало печатание книг в украинской орфографии, преподавание в школах Украины велось только на русском языке.

В такой многонациональной стране, как Россия, модернизация, достижение всеобщей грамотности были невозможны без преподавания на родном языке, а ведь очень многие языки были бесписьменными. Эта задача была в основном решена в СССР к началу 30-х гг. XX в. Была создана письменность примерно для 60 языков (киргизского, чеченского, кабардинского, каракалпакского, аварского, даргинского, лезгинского, кумыкского). Не были забыты и языки самых малочисленных народов, особенно если данный народ не был двуязычным, такие, как абазинский, эвенкийский, ненецкий, хантыйский, нанайский, нивхский, эскимосский и др. Необходимо было выработать алфавиты для всех этих языков, создать учебники, переводить художественную литературу, создавать национальные кадры интеллигенции. По существу, заново создавались литературные языки для башкир, мордвы, удмуртов, туркмен, марийцев.

Культурная революция (в том числе и языковая политика) в СССР дала свои плоды. При общем росте культуры различия между разными народами к 1940 г. сильно сократились. Об этом свидетельствует число экземпляров изданных книг и брошюр, приходящихся на одного человека¹:

¹ Были и неудачи. Не удержалась письменность, например, у вепсов, удгейцев.

	Русские	Другие национальности
1913 г. (имеется в виду территория, равная территории СССР 1939 г.)	1,3	0,11
1928 г.	2,8	0,7
1940 г.	3,4	1,4

Острые дискуссии ведутся сейчас относительно правомерности замены графики, проведенной в 20—30-е гг. XX в. Вплоть до 1932 г. новые алфавиты для бесписьменных народов строились на основе латинской азбуки. Латинская графика вводилась для языков мусульманских народов, где раньше использовалось арабское письмо. Новые алфавиты разрабатывались более или менее квалифицированно, во всяком случае, они были эффективнее прежней арабской системы. Обучение письменности не вызывало особых трудностей, а при общей низкой грамотности разрыв со старой письменной традицией был не столь болезненным¹.

Скорее негативно можно оценить переход на русскую графику, проведенный повсеместно в 1936—1938 гг.² Речь не идет здесь о лингвистических аспектах реформы: в конце концов качество алфавитов определяется верностью передачи фонологической системы языка, а не начертанием букв; важнее подчеркнуть психологический и педагогический шок, который испытали люди, только что научившиеся читать на своем языке, а теперь вынужденные переучиваться заново. Столь же травматическим становится переход от русской графики к латинице, проведенный или планируемый на территории бывшего СССР в последние годы.

Естественно, само наличие письменности еще не является гарантией конкурентоспособности языков. Многое зависит от политических и социальных условий. Начиная с 40-х гг. XX в. сталинское руководство все больше опасалось «буржуазного национализма» и всячески способствовало централизации, а в идеале — русификации культуры. Не всегда это удавалось, языки с латинской или со своей оригинальной графикой активнее сопротивлялись общей тенденции. Обратимся к таблице 20, в какой-то мере отражающей эволюцию литературных языков СССР.

Таблица демонстрирует влияние государственного статуса народа. В автономных республиках постоянно сокращалась печатная продукция на родном языке, особенно это касается репресси-

¹ Разрыв со старой традицией, конечно, был, но аналогичные реформы проводились и в других странах — в Турции (в то же время), в Румынии (в XIX в.) — и сопровождались там подъемом культуры и образования.

² У некоторых малых народов (нанайцев, нивхов) этот переход был осуществлен в 50—60-е гг. XX в. По-видимому, в годы террора просто не удавалось найти специалиста, способного сформулировать правила перехода на новый алфавит.

**Число экземпляров книг на одного человека,
знающего данный язык**

Язык	1940 г.	1960 г.	1988 – 1990 гг.
Русский	2,9	7,2	8,4
Украинский	1,2	2,1	2,0
Белорусский	1,1	1,0	1,0
Молдавский	0,5	1,8	2,7
Литовский	1,3	4,7	6,4
Латышский	1,6	6,5	7,6
Эстонский	2,2	7,6	11,2
Грузинский	1,8	3,4	4,1
Армянский	1,3	2,2	2,1
Азербайджанский	1,7	2,8	1,5
Языки Средней Азии и Казахстана	1,8	1,5	1,7
Башкирский	1,4	1,3	1,0
Татарский	1,1	0,9	0,6
Чувашский	0,8	0,9	0,5
Мордовские	0,2	0,2	0,1
Коми	0,9	0,5	0,2
Бурятский	1,9	0,8	0,4
Якутский	4,8	2,6	2,0
Осетинский	1,2	0,4	0,4
Калмыцкий	2,2	1,4	0,4
Чеченский	1,6	0,6	0,2

рованных народов (калмыцкого, чеченского). Но и среди языков союзных республик мы наблюдаем серьезные различия: при общем росте белорусский язык остается на одном и том же уровне; относительно отстает и украинский язык; у народов мусульманских республик (в какой-то мере и у армян) рост печатной продукции на родном языке не успевает за ростом населения.

§ 75. Функциональные варианты языка

Как было сказано выше, литературный язык восходит к тому варианту языка, который используется в формализованных ситуациях жизни. С течением времени литературный язык осваивает

все новые и новые ситуации, причем внутри литературного языка появляются разновидности, используемые в разных ситуациях и с разными целями¹.

Вариант языка, используемый в определенном круге ситуаций и не используемый в других ситуациях, называется **функциональным стилем**, т. е. круг ситуаций каждого стиля определяется общей функцией или целью. Функциональные стили — один из важнейших объектов, изучаемых **лингвистической стилистикой**².

Характер, число и взаимоотношение функций меняются от языка к языку, от народа к народу. Простейший вариант стилевых различий предполагает «вертикальное» расположение стилей, при котором один стиль считается носителями языка выше другого. Различие стилей может быть связано с жанрами литературы. Например, стиль поэзии во многих языках может противопоставляться другим стилям. Можно полагать, что это было основное стилистическое различие в древнейшую эпоху истории греческого языка. В тибетском языке главная стилистическая граница разделяет вежливую и обычную речь. Аналогичные различия есть и в старых литературных языках Индонезии (например, в современном яванском). Раньше вертикальная градация стилей была более сложной. В сунданском языке до сих пор различаются четыре стиля: вежливый, нейтральный (например, говоря со старшим о себе), обычный и вульгарный, или грубый. Для русского языка вертикальную систему трех стилей предлагал в свое время М. В. Ломоносов (см. с. 302).

Вертикальное расположение стилей осложняется при дальнейшей дифференциации высших ступеней стилистической лестницы. Во многих языках высшие стили расходятся к двум полюсам: начинают различаться поэтический (эмоциональный) и официальный (деловой, «сухой») стили. Внутри делового стиля дифференциация может идти еще дальше, например появляется различие канцелярского и научного стиля.

Один и тот же функциональный стиль может меняться в истории, изменяется и его соотношение с другими стилями. Так, стиль христианской литературы начинался как один из подвидов низкого стиля греческого языка. Вместе с победой христианства этот стиль (частично заимствуя элементы высоких стилей) изменил свое положение в стилистической системе языка, став одним из высоких стилей.

¹ Подобные варианты могут в зародыше существовать и в ненормированном языке, но там они плохо осознаются. В литературном же языке наблюдается сознательный отбор языковых средств, характерных для того или иного вида.

² К области стилистики относится также изучение использования элементов языка в речи (особенно в художественной литературе).

Лингвистическое изучение функциональных стилей началось сравнительно недавно.

§ 76. Языковая интеграция

Языковая интеграция имеет место тогда, когда возникают социальные и экономические условия для объединения значительных масс людей, живущих на большой территории. Тогда на смену диалектному разнообразию приходит **общий язык**. Первый зафиксированный пример образования общего языка дает история Греции (см. с. 272). Массовые переселения греков в Азию в III—II вв. до н.э. привели к сильному смещению населения и к полному исчезновению старых диалектов. Общий язык, который образовался при этом, греки называли **койне** (греч. κοινή διάλεκτος ‘общая речь’). Не следует думать, что койне образовался путем языкового усреднения диалектных различий. Языковой основой общегреческого койне был аттический диалект, т. е. диалект Афин — крупнейшего культурного и экономического центра греческого мира. Иначе говоря, аттический диалект постепенно вытеснил остальные диалекты и стал живым народным языком всех греков.

В лингвистике слово *койне* стало термином. Им обозначают общий язык, распространенный на большой территории и возникший без помощи литературного языка. Термином *койне* можно обозначить ту народную латынь, которая господствовала в западных провинциях Римской империи в первые века н.э.; тот народный язык Рима, который принесли с собой в провинции солдаты и торговцы, крестьяне и ремесленники. Термином *койне* называют также хиндустани — народный вариант хинди (см. с. 262).

Койне не единственный вид общего языка. В Новое время общий язык, как правило, возникает по-другому. Литературный язык, возникший на базе одного диалекта, используется носителями и других диалектов. Итальянцы XX в. в быту говорят на собственном диалекте (римском, венецианском, неаполитанском и др.), но на письме пользуются литературным итальянским языком (т. е. диалектом Флоренции). Таким образом, литературный язык становится ядром общего языка. По мере того как литературный язык овладевает устной стихией, диалекты начинают терять свое значение. На месте разнообразия диалектов постепенно возникает единство общего языка.

Чем больше политическое и экономическое единство страны, тем быстрее литературный язык превращается в общий. Этот процесс вполне завершился во Франции. Русский общий язык господствует в городах, да и в сельских местностях он все больше вытесняет диалекты. Там, где объединение страны произошло сравни-

тельно недавно, литературный язык еще не превратился окончательно в общий язык (так обстоит дело, например, в Италии).

Итак, понятия «литературный язык» и «общий язык» нетождественны. Первое понятие противопоставлено понятию «ненормированный язык», второе — понятию «диалект».

§ 77. Контакты языков

Люди могут владеть не одним, а двумя языками, как правило, одним владеют лучше, чем другим. Двуязычие, или билингвизм¹, обычно возникает при непосредственных контактах народов, при совместном проживании людей, говорящих на разных языках.

По данным последней Всесоюзной переписи населения (1989), в областях Черноземного центра билингвы составляли всего 2 %, в Москве и Ленинграде — 6 %, в областях Ферганской долины — 21 %, в Ташкенте — 43 %, в Вильнюсе — 54 %. Конечно, контакт двух народов не предполагает автоматически взаимного стремления изучать язык соседей. Малый народ или народ, живущий рассеянно, просто вынужден осваивать язык окружающего населения. Очень многое зависит и от социального престижа языка, от степени государственной поддержки.

Довольно часто передвижение слов при взаимодействии языков происходит в одном направлении — обычно из языка народа, более развитого в культурном, экономическом отношении, в язык народа, стоящего на более низкой ступени общественного развития. Так, латинский содержит очень много заимствований из древнегреческого языка, в древнегреческом же латинских заимствований мало; в финских языках много германских заимствований, в германских же языках (если не считать шведского) финских заимствований почти нет. В языках Африки широко распространены заимствования из арабского языка, но в самом арабском заимствования из языков Африки редки. Подобное одностороннее влияние обнаруживается и при контакте языков народов, стоящих на одинаковой ступени развития, если этому способствует политический, военный, религиозный престиж (например, многочисленные персидские заимствования в урду объясняются тем, что персидский язык в Индии был проводником ислама).

Но бывает и так, что два языка взаимно обогащаются при контактах друг с другом. В этом отношении любопытен пример взаимодействия древних западногерманских языков с латинским. Так, германцы получили от римлян много новых слов, обозна-

¹ Человек, владеющий двумя языками, называется *билингвом*, а владеющий многими языками — *полиглотом* (от греч. *polús* 'многий' и *glóttá* 'язык').

чавших предметы и понятия цивилизации, например: нем. Strasse, англ. street 'улица'; нем. Käse, англ. cheese 'сыр'; нем. Zoll, англ. toll 'пошлина'; нем. Pfund, англ. pound 'фунт'; нем. Beete, англ. beet 'свекла'; нем. Küche, англ. kitchen 'кухня' и т. д. Однако и сами германцы (прежде всего германские солдаты в римском войске) внесли в позднюю народную латынь целый ряд слов, хорошо сохранившихся в романских языках (кроме румынского) например: исп. *espíar* 'выслеживать', *tregua* 'перемирие', *guardar* 'охранять', *orgullo* 'гордость', *franco* 'вольный, искренний', *baron* 'барон', *blanco* 'белый', *bruno* 'коричневый', *gris* 'серый' и т. п.

Контакты между языками могут нередко осуществляться и без контактов между народами, когда, например, происходит заимствование из международного языка (живого или мертвого).

Заимствование происходит обычно в сфере лексики, которая является компонентом языка, наиболее проницаемым для иноязычных влияний (см. § 82). Заимствованные элементы могут изредка наблюдаться также в области фонетики и грамматики. Многочисленные заимствования слов могут приводить к тому, что в данный язык проникает какой-либо новый звук, встречающийся в заимствованных словах (см. с. 56).

Многочисленные заимствования из других языков могут расширить и круг допустимых комбинаций звуков. Если финский язык не допускал ранее сочетание двух согласных в начале слова, сейчас в него проникают заимствования, начинающиеся на сочетания согласных: *draama* 'драма', *strutsi* 'страус' и др. (см. с. 33).

Тюркские языки первоначально не допускали плавных сонантов *l* и *g* в начале слова¹. Благодаря многочисленным заимствованиям это ограничение исчезло.

Исключительно редко наблюдается заимствование в морфологии. В европейских языках иногда встречаются латинские (и греческие) существительные, сохраняющие старый способ образования множественного числа, ср. книжные слова: англ. *nucleus* 'ядро' (мн. ч. *nuclei*), *crisis* 'кризис' (мн. ч. *crises*), нем. *Examen* 'экзамен' (мн. ч. *Examina*). Совершенно так же арабские формы мн. ч. (образующиеся при помощи суффикса *-at* или внутренней флексии) сохраняются во многих арабских заимствованиях в языках Востока, ср.: перс. *ketab* 'книга' (мн. ч. *kotob*), урду *harf* 'буква' (мн. ч. *harfat*). Арабский способ образования форм мн. ч. проник даже в некоторые иранские слова: перс. *deh* 'деревня' (мн. ч. *dehat*), *færtan* 'указ, приказ' (мн. ч. *færtamin*).

¹ Отсюда следует, что тюркские слова с начальными плавными всегда являются заимствованиями, ср.: узб. *лаб* 'губа', *лугат* 'словарь', *ранг* 'цвет, краска', *рух* 'дух, психика'.

§ 78. Субстрат

Наряду с указанными выше контактами языков, при которых происходит проникновение отдельных элементов одного языка в другой (заимствование), наблюдается и другой тип взаимодействия, более тесный, вызывающий глубокие изменения всего строя языка. Возможность такого взаимодействия обычно появляется при совместном проживании двух народов на одной территории, при этом один из языков в конце концов вытесняет другой. Говорящие на исчезающем языке, усваивая новый язык, переносят в него старые языковые навыки (например, привычки артикуляции, привычный порядок слов и т. п.). Таким образом, язык-победитель испытывает влияние исчезнувшего языка. Элементы побежденного языка в языке-победителе называются **субстратом**¹ (от лат. *sub* 'под' и *stratum* 'слой').

Влияние субстрата чаще всего прослеживается в области фонетики. Так, весьма частые в новоиндийских языках церебральные звуки не встречаются в других индоевропейских языках. Их появление в древнеиндийском связано с действием субстрата (или дравидского, или языков мунда). Своеобразные 'щелкающие' звуки, характерные для языков юга Африки, наблюдаются и в некоторых соседних языках банту. При завоевании римлянами Галлии латинский язык испытывал влияние галльского (кельтского) субстрата. Одно из проявлений этого субстрата обычно видят в превращении латинского [u] в [y] (например, лат. *rigus* 'чистый' > фр. *rig* [ryʒ]). Этот звуковой закон действовал в провансальском, французском, энгадинском и северо-западных диалектах итальянского языка, т. е. в тех местах, где когда-то говорили по-галльски.

Баскским субстратом объясняют переход начального *f* в *h* (затем выпавший) в испанском: *hado* 'судьба' (< лат. *fatum*), *hierro* 'железо' (< лат. *ferrum*), *hongo* 'гриб' (< лат. *fungus*)². Этот пример интересен в том отношении, что здесь влияние субстрата было как бы 'отсрочено'. Взаимодействие латинского и баскского началось еще до новой эры, но окончательные результаты его обнаруживаются только в памятниках XIV в.

Довольно часто субстратные явления обнаруживаются в области синтаксиса. Классическим в этом отношении является пример амхарского языка. В результате воздействия кушитского субстра-

¹ Некоторые лингвисты наряду с этим термином пользуются термином «суперстрат», употребляя последний в тех случаях, когда побежденный язык принадлежит народу-завоевателю, а победивший язык — побежденному населению.

² Баскское происхождение этого изменения доказывается тем, что подобный переход наблюдается и в говорах Гаскони (к северу от Пиренеев), а также тем, что сам баскский язык последовательно заменяет *f* на *h* в заимствованиях из латинского, ср. баск. *hortitz* 'сильный' (из лат. *fortis*).

та в амхарском языке наблюдаются черты, не встречающиеся в других семитских языках. Так, если для семитских языков характерна постановка глагола на первое место в предложении, в амхарском глагол обычно ставится в конец предложения; если в семитских языках прилагательное обычно ставится после определяемого существительного, а придаточное предложение после главного, то в амхарском — наоборот: прилагательное — перед существительным, придаточное — перед главным. В этом отношении амхарский порядок слов совершенно подобен порядку слов в кушитских языках.

Наконец, субстратные явления можно наблюдать и в области семантики. Для целого ряда индоевропейских языков характерно развитие значения 'правый' (в противоположность 'левому') у прилагательных со значением 'прямой', которые параллельно могут развивать также значение 'правильный, справедливый', ср. рус. *правый*, нем. *recht*, англ. *right*, фр. *droit* (< лат. *directus* 'прямой'). В финноугорских же языках слова со значением 'правый' обычно развиваются из прилагательных со значением 'хороший'. В латышском языке мы находим прилагательное *labs* со значениями 'хороший' и 'правый', т.е. в данном случае латышский язык согласуется не с индоевропейскими, а с финноугорскими языками. Если учесть, что латышский язык распространен на территории, где раньше жили финские племена, то можно предполагать и в этом случае влияние субстрата.

§ 79. Креольские языки

В ходе истории не раз возникала необходимость в подсобном международном языке для моряков и торговцев. Кратковременные контакты между носителями разных языков не способствовали глубокому освоению иностранного языка. Язык, доминирующий в данном районе, в устах пришельцев упрощал свою грамматическую структуру, сокращал словарь. В XI—XVII вв. купцы и моряки Средиземноморья (арабы, греки, итальянцы, турки) использовали вспомогательный язык, называемый *lingua franca*¹, который развился из романских диалектов между Марселем и Генуей. Лингвисты используют термин *lingua franca* и обобщенно — для обозначения любого международного языка, упрощающего свою грамматику и словарь. В этом смысле его часто применяют к малайскому языку, к суахили.

Крайне упрощенные случаи международных языков называются термином *пиджин* по языку *Pidgin English*, который еще в

¹ На Востоке франками называли жителей Западной Европы (не византийцев).

XIX в. употреблялся при общении китайцев и европейцев на юге Китая.

Приведем пример диалога на этом языке (между портным и его заказчицей)¹.

Она: Ju mek wanpis ivning dres for mai, haumach ju wonchi?	Если вы сделаете мне вечернее платье, сколько вы за него хотите?
Он: Spos blong dansing dres, mai wonchi twelv doler.	Если это бальное платье, я хочу 12 долларов.
Она: Hwataim ju can finis for mai?	Когда вы его мне сделаете?
Он: Misi, jasnau mai plenti bizi. Mai wonchi ten de mor.	Мисс! Сейчас я очень занят. Потребуется больше 10 дней.
Она: Ten de mor blong tu long taim. Mai wonchi veli kwik.	Больше 10 дней слишком долго. Мне нужно очень скоро.

Уже в этом небольшом отрывке видны характерные черты языков пиджин — устранение флексий, супплетивности (mai = I и me; blong вместо любых форм глагола to be).

К языкам этого типа относился и Russonorsk, на котором общались русские и норвежские рыбаки в XIX в. В отличие от китайского Pidgin English, в языке Russonorsk заметно полное смешение русских и норвежских (а также английских) морфем. Вот несколько фраз: Burman, zakrepi-ko trosa lita gran nemnoska! *Рыбак,крепи потуже трос!* Drasvi, gammel go ven på moja! *Здравствуй, старый хороший друг мой!* Tvoja treska kopom på den dag? *Ты треску покупаешь сегодня?* Moja tvoja på vater kasstom. *Я тебя в воду брошу.* Kanske, tvoja vil glas tjai? *Может, ты хочешь стакан чая?*

В большинстве своем языки пиджин очень недолговечны. Но бывают случаи, когда они закрепляются надолго и более того — становятся единственным языком каких-то групп населения. В последнем случае язык уже не может довольствоваться ограниченным словарем. Вырабатываются новые способы словообразования, стабилизируется грамматика. Такие языки называются в лингвистике **креольскими**.

Современные креольские языки обычно возникали при работорговле. Какой-либо европейский язык, а точнее — соответствующий ему язык пиджин становился родным языком африканских рабов-негров на плантациях Америки. До сих пор существуют креольские языки, развившиеся из английского, — на Ямайке (2,5 млн говорящих), язык гулла на островах вдоль побережья Южной Каролины (100 тыс.), языки таки-таки и сарамакка в Суринаме, язык крио в Сьерра-Леоне (400 тыс.); из французского, — на островах Маврикия и Реюньон в Индийском океане (1,5 млн), в Луизиане, на Гаити (более 7 млн) и других Антильских островах; из порту-

¹ См.: Hall R.A. Pidgin and Creole Languages. — Ithaca, 1966.

гальского, — на островах Зеленого Мыса (600 тыс.), язык папьяменту (240 тыс.) на острове Кюрасао у берегов Венесуэлы.

Без работорговли креольские языки развивались с начала прошлого века в юго-западной части Тихого океана. Местные языки отличаются удивительным разнообразием, а потому английский пиджин широко распространялся, особенно среди рабочих на плантациях. Сейчас здесь существует два креольских языка: неомеланезийский (Папуа — Новая Гвинея) и неосоломонский (Соломоновы острова).

В замечательной популярной энциклопедии Кристала¹ перечислено 100 креольских языков и языков пиджин (живых и мертвых).

Креольские языки дают пример ускоренного развития европейского языка в специфических условиях. При этом языки африканцев и меланезийцев редко вносили прямой вклад в окончательный итог. Африканские и меланезийские языки выступали в роли катализаторов.

В креольских языках происходит существенная перестройка грамматики. Во французских креольских языках очень обычные процессы переразложения (*zozo* ‘птица’ < *les oiseaux*, *ze* ‘глаза’ < *les yeux*, *dlo* ‘вода’ < *de l'eau*, *zot* ‘вы’ < *vous autres*). Исчезают старые грамматические категории рода, числа, времени, но появляются новые аналитические способы образования времен и видов: гаитянк. *m'te kufe* ‘я лег’, *l'va māze* ‘он будет есть’, креольский о-ва Маврикия: *en zom pe ekrir* ‘человек пишет’, исчезает глагол-связка (*zordi mwe malad* ‘сегодня я болен’).

В неомеланезийском исключительно велика роль двух предлогов: *bilong* (со значением цели и принадлежности: *haus bilong mi* ‘мой дом’) и *long* (для обозначения места: *em i-go long Sidni* ‘он поехал в Сидней’). Глагол в этом языке не имеет форм времени, но имеет префикс 3-го л. *i-* и суффикс переходности *-im*: *mi ridim buk* ‘я читаю книгу’. Самое широкое применение получили омонимичные суффиксы, восходящие к англ. *fellow* ‘парень’. С одной стороны, суффикс *-fela* образует формы множественного числа местоимений: *mi* ‘я’, *mifela* ‘мы’, с другой стороны, *-fela* — суффикс прилагательных и числительных: *gudfela maen* ‘хороший человек’, *bigfela meri* ‘большая женщина’, *smolfela manki* ‘маленький мальчик’, *forfela hænkitʃif* ‘четыре платка’. Корни прилагательных могут сочетаться с корнями существительных и без суффикса *-fela*, но тогда образуются сложные слова и происходит переосмысление целого: *bigfela maus* ‘большой рот’, но *bigmaus* ‘нахал, грубиян’; *wanfela tok* ‘один язык’, но *wantok* ‘односельчанин’; *waitfela mæn* ‘человек со светлой кожей’, но *waitmæn* ‘европеец’ (поэтому черного американца назовут *blaekfela*

¹ См.: Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. — Cambridge, 1987.

waitmæn). Особенности порядка слов уже не совпадают с английским.

Например, соединение определения и определяемого представлено двумя конструкциями: 1) A + N + (Adv): *trifela pusi* 'три кошки', *bigfela haus* 'большой дом', *gudfela kaikai tumatj* 'очень хорошая еда' и 2) N + N: *haus kuk* 'кухня', *haus mani* 'банк'.

Креольские языки представляют большой интерес для лингвистики, демонстрируя уникальные случаи коренной перестройки языка в очень короткое время.

Несколько слов следует сказать и об **искусственных** международных языках. В отличие от всех перечисленных выше в этом параграфе языков искусственные языки — плод сознательного изобретения какого-либо энтузиаста. Из подобных языков самый популярный — язык **эсперанто**. Изобретатель языка Людвиг Заменгоф, родившийся в Белостоке и с детства знавший русский, польский, идиш и иврит, опубликовал в 1887 г. (на русском) книгу «Международный язык» под псевдонимом *Doktoro Esperanto*. В 1905 г. на Первом конгрессе эсперантистов присутствовало 700 делегатов из 20 стран. На эсперанто переведены Библия, Коран, «Фауст», «Евгений Онегин». Сейчас языком эсперанто владеет более миллиона человек, но нет людей, для которых он был бы родным. Главное достоинство этого языка — простота, все словоизменение изложено в 16 правилах. Большую часть этих правил читатель выведет из нескольких строк стихотворения Заменгофа и его пословного перевода на русский язык.

LA ESPERO

En la mondon venis nova sento,
tra la mondo iras forta voko;
per flugiloj de facila vento
nun de loko flugu gi al loko.
Ne al glavo sangon soifanta
gi la homan tiras familion;
al la mond' eterne militanta
gi promesas sanktan harmonion.

НАДЕЖДА

В мир пришло новое чувство,
по миру идет сильный зов;
посредством крыльев легкого ветра
теперь от места лети оно к месту.
Не к мечу, кровь жаждущему,
оно человеческую тянет семью;
миру, вечно воюющему,
оно обещает святую гармонию.

§ 80. Языковые союзы

Языковой союз — это группа неродственных (или неблизкородственных) языков, расположенных по соседству и обнаруживающих общие черты в грамматике и фонетике. Примером служат языки Балканского полуострова: греческий, албанский, болгарский, румынский. Хотя эти языки относятся к разным груп-

пам внутри индоевропейской семьи языков, они обнаруживают целый ряд общих грамматических черт, например: совпадение дат. и род. п. (в албанском и греческом); образование аналитического будущего времени при помощи вспомогательного глагола, имевшего раньше значение ‘хотеть’: рум. *voiū scrie* (из лат. *volo scribere*), болг. *ще* ‘пиша’, греч. *ἔλω γράφειν* ‘буду писать’; постпозицию определенного артикля:

	Неопределенная форма	Определенная форма	
Алб.	<i>vesh</i>	<i>veshi</i>	‘ухо’
Болг.	<i>човек</i>	<i>човекът</i>	‘человек’
	<i>крава</i>	<i>кравата</i>	‘корова’
Рум.	<i>lupu</i>	<i>lupul</i>	‘волк’
	<i>vulpe</i>	<i>vulpea</i>	‘лиса’

Рассматривая эти особенности балканских языков, лингвисты сталкиваются с большими трудностями, которые усугубляются тем, что мало известен строй языков, которые могли быть общим субстратом этих языков (по мнению одних — фракийский язык, других — иллирийский).

Особый языковой союз образуют языки Китая и Юго-Восточной Азии, характеризующиеся общими чертами в строении слога, наличием музыкальных тонов, господством аналитических средств в грамматике.

Большую роль в развитии языков играют **культурно-языковые союзы**, т. е. группы языков с общим культурно-историческим прошлым, проявляющимся в сходстве словаря (особенно семантики), стилистики, системы письма, иногда и грамматики. На земном шаре уже несколько веков существуют четыре больших культурно-языковых союза. Каждый из них характеризуется одним (двумя) языками, которые в прошлом были международными в данном регионе, обогатили остальные языки «культурной» лексикой и продолжают порождать **интернационализмы**, т. е. слова, характерные для региона в целом. Меньшее значение в культурно-языковых союзах имеют остальные живые языки региона. Один культурно-языковой союз охватывает языки Европы, второй — страны Азии и Африки, где распространен ислам, третий — Индию и страны Юго-Восточной Азии, четвертый — Китай, Корею, Японию и Вьетнам¹.

Первый культурно-языковой союз складывался в Европе с первых веков н. э. и окончательно сформировался к XVI—XVII вв. Важнейшую роль в его развитии сыграли два мертвых сейчас языка: греческий и латинский.

¹ Культурно-языковые союзы частично накладываются друг на друга: первый и второй — на Кавказе, второй и третий — в Индии и Индонезии, третий и четвертый — в Таиланде.

Первые примеры европейской интернациональной лексики можно найти в греческих заимствованиях в латинском языке, переданных затем всем европейским языкам. В основном эти интернационализмы охватывали три большие тематические области: 1) науку и образование: *хирург, холера, доза, хроника, характер, хаос, атом, декан, идея* и т. д.; 2) христианство: *Библия, апостол, дьявол, кафедра, хор* и 3) всевозможные обозначения экзотических растений, животных, веществ: *анис, бальзам, дракон, коралл, кристалл, тигр* и т. д. Латинская и греческая «культурная» лексика заимствовалась германскими и славянскими языками: латинского происхождения слова *фрукт, роза, календарь, мастер* (лат. *magister*), *цирк*, названия месяцев и т. п. Многие из греко-латинских слов древнейшей поры прочно вошли в словарь народных языков и фонетически изменились (иногда до неузнаваемости) под действием звуковых законов, ср.: рус. *ангел*, фр. *ange*; рус. *епископ*, фр. *évêque*, нем. *Bischof*; рус. *монах*, англ. *monk*, фр. *moine*; рус. *церковь*, нем. *Kirche*, англ. *church*; нем. *Uhr*, фр. *heure*, англ. *hour час* и др. В настоящее время многие из этих слов уже не укладываются в регулярные звуковые и орфографические соответствия, характерные для интернационализмов, они уже вышли из этого разряда.

В I тысячелетии н. э. единство европейского культурно-исторического союза поддерживалось господством латинского языка как главного языка письменности. В эпоху позднего Средневековья в Западной Европе возникают новые литературные языки (романские и германские), которые широко заимствуют лексику старого литературного (латинского) языка. Деятельность итальянских гуманистов (XIV–XV вв.) открыла интеллектуалам греческий язык (прежде забытый на Западе). Отныне греческий корнеслов стал мощным источником, откуда можно было черпать материал для создания новых книжных интернационализмов. Эта же тенденция продолжается и позднее. Так постепенно создается общий фонд латинских и греческих морфем в словаре европейских языков. Заимствования из древних языков охватывают следующие области¹.

Суд, управление, дипломатия: лат. *канцлер, юстиция* (XI), *адвокат, декрет, документ, министр, привилегия, провинция, процесс* (XII); *кодекс, комиссия, копия, патент, президент, ревизия, статус* (XIII); *акт, инструкция, конвенция, конфискация, легальный, протест, секретарь* (XIV).

Религия и церковь: лат. *месса* (X); *орден* (XI); *кардинал* (XII); греч. *клерк* (X); *гимн* (XII); *демон* (XIII).

Образование: лат. *искусство, наука* (X); *диспут, доктор* (XII); *университет, ректор* (XIII); *профессор, студент, экзамен* (XIV).

¹ В скобках указывается век, когда слово стало распространяться в живых языках. Слова даются в русской форме, хотя в русский язык они попали гораздо позднее.

Философия, логика, грамматика: лат. *фигура, элемент* (X); *пример, абсолютный, гуманный* (XI); *общий, условие, аргумент, материя, личность, натура, форма* (XII); *иллюзия, интерес, инцидент, информация, реальный* (XIII); *вариант, генитив, инфинитив, класс* (XIV); греч. *грамматика, логика, фантазия, философ* (XII); *теология* (XIII); *практика* (XIV).

Медицина: лат. *медицина* (XII); *инфекция, мускул* (XIV); греч. *эпидемия* (XII); *анатомия* (XIV).

Точные и естественные науки: лат. *номер* (XII); *минута, пропорция* (XIII); *глобус, перпендикуляр, химия, экватор* (XIV); греч. *астрономия, геометрия, комета, планета, металл* (XII); *диаметр, куб, математика, климат, метеор* (XIII); *гороскоп* (XIV).

Искусство и литература: лат. *автор, статуя* (XII); *спектакль* (XIII); греч. *гармония, мелодия, мистерия, музыка, поэт* (XII); *театр* (XIII); *комедия, трагедия* (XIV).

Для обозначения новых понятий писатели и ученые возрождают латинские и греческие слова, придавая им новый смысл. Некоторые из европейских интернационализмов имеют другое значение, нежеле в древности: *революция* (первоначально 'поворот, переворот'), *литература* ('культура, эрудиция'), *симфония* ('созвучие').

К эпохе Возрождения в европейских языках был накоплен такой запас греко-латинских морфем, что стало возможным создавать из этого фонда новые слова, которых не было в древности. В XVI в. появляются первые слова этого типа: *гуманист, инициатива, окулист*, в XVII в. — *геология, молекула, логарифм*, в XVIII в. — *ихтиология, литография, материалист, оптимист, манометр, панорама, мелодрама, металлургия, ностальгия, идеал*.

Такие слова можно назвать подлинными европейскими интернационализмами, ни один из европейских языков не может считать их своими. Французская революция еще больше популяризовала новые интернационализмы. Взамен старых названий месяцев в 1793 г. были приняты новые: *жержминаль* (март—апрель) от лат. *germen* 'зародыш', *флореаль* (апрель—май) от лат. *flos* 'цветок', *термидор* (июль—август) от греч. *θερμη* 'жара', *брюмер* (октябрь—ноябрь) от фр. *briume* 'туман', *нивоз* (декабрь—январь) от лат. *nivosus* 'снежный'. Республиканский календарь просуществовал до 1806 г. Долговечной оказалась метрическая система мер и ее термины, тоже созданные во время Французской революции (ср. *грамм, километр, гектар* и т. п.).

Интернационализмы создаются сотнями и тысячами. Все сферы науки и жизни охвачены ими: политика и экономика (*оппортунист, милитаризм, империализм, инфляция, пацифист*), техника и быт (*техника, телеграф, локомотив, гироскоп, линолеум, маргарин, кинематограф, телевизор*) и особенно наука (*биология, глицерин, графит, микроб, морфология, семантика*). Часто

можно определить автора нового интернационализма и дату его появления. Слово *утопия* создано Томасом Мором в 1516 г., термин *гравитация* принадлежит Ньютону, в 1795 г. Кювье создал слово *моллюск*, в 1812 г. Гей-Люссак ввел в оборот слово *йод*. Слово *коммунизм* было создано в 1840 г. французским социалистом Кабе.

Общеввропейский лексический фонд пополнялся также словами из живых языков.

В конце Средних веков в европейские языки заимствуется много восточных слов (арабских, частично персидских), например: *кофе, караван, лимон, лак, попугай, шахматы, цифры, эликсир, зенит*.

Что касается новых европейских языков, то и они внесли свой весомый вклад в фонд интернационализмов. Ведущая роль принадлежит романским языкам. Провансальского происхождения слова *баллада, галоши, габарит*, каталанского — *галера*. Испанский язык дал, например, слова *лакей, гитара, габардин, кастаньеты, майор, романс*. В эпоху Великих географических открытий интернационалистами стали несколько португальских слов: *каста, фетиш, негр*.

Мощным источником интернационализмов был итальянский язык: *банда, карнавал, балдахин, галерея* (XIV); *банк, медаль, партизан, каналья, ренегат* (XV); *бюллетень, манифест, почта, педант, карьера, балкон, модель* (XVI); *газета, гранит, грот* (XVII). Особенно велико итальянское влияние было в двух областях — в военном и морском деле и в искусстве: *корсар* (XII); *шпион* (XIII); *сапоге 'пушка'* (XIV); *кавалерия, солдат, фрегат* (XV); *батальон, граната, мушкет, компас* (XVI); *бомба, эскадрон* (XVII). С XVII в. влияние итальянского языка стало падать, но итальянские термины искусства по-прежнему обогащали европейские языки: *альт, контрабас, концерт, маска, гротеск, мадригал, сонет* (XVI); *бас, опера, профиль, купол* (XVII); *кларнет, мандолина, сопрано, тенор, гуашь, домино, дилетант, виртуоз, браво* (XVIII); *грим, импресарио* (XIX).

Из живых языков наибольшее число интернационализмов породил французский язык. Интернационализмы французского происхождения охватывают разные области: военное дело (*армия, батарея, авангард, дивизия, гарнизон, маневр, марш, бивуак, форт, понтон, сержант, драгун, кадет, корнет, лейтенант*); администрацию и политику (*принц, ассамблея, контроль, департамент, финансы, бюро, полиция, шеф, жандарм, дипломат; буржуазия, режим, клика, партия*); искусство и литературу (*жонглер, портрет, жанр, силуэт, рококо, куплет, рефрен, роман, дебют, мемуары, инженио*). В течение многих веков французский королевский двор был образцом для монархов и дворян остальной Европы. Интернациональными становились французские слова, обозначающие реалии светской жизни (*манера, комфорт, салон, дама, кокетка,*

галантный, комплимент); моды (туалет, корсет, жилет, блуза, помада); кулинарии (меню, ресторан, гурман, желе, рагу, бульон). Много французских слов и в области техники (гараж, депо, инженер, цемент)¹.

С XVII в. постоянно растет число интернационализмов английского происхождения. Первоначально они сосредоточивались вокруг двух областей: политики (бюджет, комитет, парламент, сессия, клуб, памфлет, митинг) и спорта (спорт, бокс, ринг, нокаут, гандикап, жокей, старт, финиш, ралли, футбол, матч, гол, хоккей, теннис). Сейчас множество слов относится и к другим сферам: катер, комбайн, танк, трамвай, конвейер, трест, интервью, клоун, юмор, фильм, джаз, блеф, покер, плед, тест.

Более скромной была роль языков Центральной и Северной Европы. Из немецкого языка пришли слова *вальс, кварц, глетчер, гнейс*, из нидерландского — *яхта, флаг, блок, краб*, из венгерского — *гусар*, из норвежского — *лыжи, слалом*, из исландского — *гейзер*.

Второй культурно-языковой союз сформировался в мусульманских странах. Сначала литературные функции выполнял только арабский язык, но постепенно с ним начали конкурировать и другие литературные языки: персидский, тюрки, османский, урду, малайский, суахили. Все эти языки совместно владеют огромным фондом арабских интернационализмов².

Общие слова арабского происхождения, естественно, доминируют в религиозной лексике: *ilāh* 'бог', *muqaddas* 'святой', *jaitān*, *iblis* 'дьявол', *īman* 'вера', *kāfir* 'неверный', *imām* 'имам', *šaiḫ* 'шейх, духовный наставник', *ḫalīfa* 'халиф', *ḫiḫād* 'священная война', *haḫḫ* 'паломничество'. Арабского происхождения обозначения понятий морали: благодарности — *ḫukr*, *miḫna**, милосердия — *rah(i)m*, почета — *ikrām* и др.; обозначения психических свойств: *ḫulq* 'характер', *hiḫḫ* 'чувство', *ʔaql* 'ум', *fiḫr* 'мысль', *kaif* 'настроение'.

Арабский язык был международным языком науки и школы, слова из этих областей тоже стали интернационалистами: *maktab*, *madrasa* 'школа', *mu'allim mudarris* 'учитель', 'ālim 'ученый', 'ilm, *fann* 'наука', *manṭiq* 'логика', *tāriḫ* 'хроника, история', *adab* 'воспитание', *madaniḫa** 'культура'. Общенаучная лексика и лексика отдельных наук состоит в основном из арабских слов: *tahlil* 'анализ', *mas'ala* 'вопрос', *ḫawāb* 'ответ', *dalīl*, *hiḫāb* 'счет', *kaḫr* 'дробь'. Арабского происхождения обозначения абстрактных понятий: *waqt*, *zamān* 'время', *dunjā* 'мир, вселенная', *ḫaraka** 'движение', *ḫiḫm* 'тело' и т. д.

¹ Далеко не всегда можно определить источник интернационализма, приходится ограничиться указанием на романское происхождение слова, ср.: *артиллерия, гвардия, кампания, бригада, парад, касса, марионетка, паспорт, перл, салат*.

² Слова, помеченные звездочкой, могут оканчиваться на -at (суффикс множественного числа).

Арабскими словами насыщена лексика искусства и литературы: *adabjāt* ‘литература’, *tarǧama* ‘перевод’, *jā’ir* ‘поэт’, *qaSīda* ‘ода’, *rubā’i* ‘четверостишие’. Через поэзию (и Коран) в литературные языки мусульманских народов проникали арабские слова из всех тематических областей: *ādam*, *insān* ‘человек’, *ahl* ‘семья, народ’, *barq* ‘молния’, *fams* ‘солнце’, *nūr* ‘луч’, *nār* ‘огонь’, *bahr* ‘море’, *Sahrā* ‘пустыня’, *hamr* ‘вино’, *duǧr* ‘перл’, *’iǧq*, *muhabba** ‘любовь’, *maǧnun* ‘безумный’, *qalb* ‘сердце’ и т. п.

Первоначальная гегемония арабов отразилась в арабских интернационализмах администрации, суда, военного дела: *malik* ‘царь’, *tamlaka** ‘страна’, *sulṭan* ‘султан’, *ga’is* ‘глава, председатель’, *hākim* ‘губернатор’, *nā’ib* ‘заместитель’, *wakil* ‘представитель’, *wilāja** ‘провинция, область’, *ǧarǧa** ‘обычай’. Арабского происхождения многие общественно-политические термины: *ittifāq*, *ittihād* ‘союз’, *daula** ‘государство’, *ǧumhūrīja** ‘республика’, *maǧlis* ‘собрание’. Много арабизмов среди слов, связанных с экономической жизнью: *harǧ* ‘расход, плата’, *hazīna* ‘казна’, *tāǧīr* ‘купец’, *ǧirka** ‘компания’, *kasb* ‘ремесло, профессия’, *Sāhib* ‘господин, хозяин’, *maḥalla* ‘квартал, город’.

Через арабское посредство международными словами стали многие арамейские слова: *kitāb* ‘книга’, *xātam* ‘печать’, *Salā** ‘молитва’, *ālam* ‘мир, вселенная’, *ḥajāt* ‘жизнь’, *qurbān* ‘жертва’, *ǧāhib* ‘монах’, *ǧur* ‘могила’, *Sarrāf* ‘меняла’, *ǧambe* ‘суббота’, *fallāh* ‘крестьянин’, *zaitūn* ‘маслина’. Арабский язык заимствовал слова и из европейских языков (преимущественно из греческого): *qānun* ‘закон’, *mūsīqā* ‘музыка’, *afjūn* ‘опиум’, *almās* ‘алмаз’, *failasūf* ‘философ’, *qalam* ‘перо’, *jāqūt* ‘яхонт, сапфир’, *luga** ‘язык’, *qaSr* ‘замок, дворец’ (лат. *castrum*).

Вторым по значению языком этого культурно-языкового союза стал персидский. Многие персидские слова вошли в арабский язык и затем стали международными: *pūlād* ‘сталь’, *dīn* ‘вера’, *ustā* ‘наставник, мастер’, *darwīš* ‘дервиш’, *namāz* ‘молитва’, *wazīr* ‘везирь, министр’, *askar* ‘войско’, *anbār* ‘склад’, *bustān* ‘сад’, *bāzār* ‘базар’, *ǧahr* ‘город’, *gul* ‘цветок, роза’, *saǧāi* ‘дворец’, *maidān* ‘площадь’*. Сравнительно невелико число тюркских интернационализмов, ср.: *sanǧaq*, *bajraǧ* ‘знамя’, *tamga* ‘марка, знак’, *tur* ‘пушка’.

Третий культурно-языковой союз формировался с древнейших времен в сфере влияния индийской культуры и санскрита. Он охватывает Индийский субконтинент, Тибет, Бирму (совр. Мьянму), Индокитай, острова Малайского архипелага. В странах южного буддизма (Шри-Ланка, Мьянма, Индокитай) наряду с санскритом очень большую роль играет язык пали. Интернациональные слова индийского происхождения охватывают все сферы жизни.

Своеобразие четвертого (дальневосточного) культурно-языкового союза заключается в особой роли китайской иероглифики. Китайский, корейский и японский языки обладают совершенно разной фонологической структурой, поэтому китайские заимствования в корейском и японском фонетически могут сильно отличаться от современного китайского слова. Однако иероглифическое написание сохранялось неизменным. Так, иероглиф со зна-

чением 'армия' звучит *цзюнь* в современном китайском, *кун* — в корейском, *гун* — в японском. Все три языка обладают общим фондом многочисленных сложных слов с этой морфемой (при этом сложное слово могло образоваться необязательно в китайском языке, а сначала в японском или корейском). К первой морфеме может присоединяться вторая морфема, тоже записываемая одним и тем же иероглифом, но звучащая в трех языках по-разному, например: + *гб* (*гук, коку*) 'милитаристское государство', + *цзянь* (*хам, кан*) 'военный корабль'¹. Нередко иероглифы, различаемые в китайском произношении, читаются как омонимы в корейском и японском. Китайским словам *цзюньцзи* 'оружие', *цзюньцзи*: 'военная тайна', *цзюньцзи* 'военная дисциплина' соответствуют кор. *кунги* и яп. *гунки*.

Культурно-языковые союзы не остаются стабильными, границы между ними меняются. Пуристическая языковая политика может уменьшить долю международного фонда в лексике языка. Например, единство второго культурно-языкового союза ослабляется в XX в. В Турции (и в меньшей степени в Иране) в 30-х гг. двадцатого столетия многие арабские слова заменялись турецкими, а в Иране — персидскими. В современном хинди слова санскритского происхождения все более конкурируют с персидско-арабскими. Наряду с *āzādi* 'свобода' появилось *svatantrata*, рядом с *kutubkhānā* 'библиотека' — *pustakālai* (ср. также *bahār* 'весна' и *vasant*; *dušman* 'враг' и *śatru*; *zinda* 'живой' и *çita* и т.д.).

Несколько слов необходимо сказать о пятом культурно-языковом союзе, формировавшемся вокруг русского языка.

Старославянский литературный язык создавался под сильным влиянием греческого языка, однако прямые заимствования из греческого количественно уступали калькам. Латинских заимствований было немного. Это определило автономное культурно-языковое положение старославянского (а затем и русского) языка. Со времен Петра I начинается втягивание русского языка в западноевропейский культурно-языковой союз. Одновременно русский язык оказывает все большее влияние на языки народов России.

В советское время процесс культурного сближения народов нашей страны усилился. Этому способствовала культурная революция: всеобщая грамотность, создание новых литературных языков, приобщение к русскому языку и литературе. Новая революционная идеология, новая техника и новый быт часто ассоциировались с русскими словами. Одновременно через русский язык в другие языки народов СССР проникали европейские интерна-

¹ Первым дается китайское произношение, в скобках — корейское, а затем — японское.

ционализмы. Заимствования из русского языка широко представлены в общественно-политической терминологии: *революция, республика, совет, съезд, партия, гражданин, колхоз, суд*; среди слов, связанных с хозяйством, техникой: *завод, директор, мастер, план, учет, новатор, сорт, ремонт, монтаж, выставка, металл, нефть, плуг*; среди любых тематических сфер: *поезд, самолет, автобус, вокзал, газета, библиотека, врач, медицина, зонт, стол, картошка* и т. п.

Дополнительная литература

****Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. — М., 2001.**

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

§ 81. Историческое изучение языка

Историческая (диахроническая) лингвистика ставит перед собой задачу по возможности полно описать и понять развитие языка. Идеальным было бы такое изучение языка, при котором можно сравнивать друг с другом полные описания последовательных синхронных срезов языка, соединяя такое сравнение с анализом всех внешних условий существования языка. В действительности историк языка ограничен в своих возможностях.

Главным материалом для суждения о прошлом языка служат письменные источники. Но письменные тексты не отражают состояния языка во всей его полноте. Далеко не все, что говорится людьми, попадает на бумагу; а то, что попадает, более или менее изменяется. Больше всего при этом страдает звуковая сторона речи, о которой письменные тексты дают лишь приблизительное представление. Для того чтобы верно описать язык, лингвист должен применять все методы из арсенала истории и филологии.

Когда в русских письменных памятниках конца XII в. появляются написания *съкажомъ* ‘скажем’, *блажонъ* ‘блажен’, то они говорят о том, что [e] > [o] в живом произношении. Иначе говоря, мы можем с уверенностью утверждать, что переход [e] > [o] перед твердым согласным начался до XIII в. Определяя время тех или иных изменений в языке, мы устанавливаем их **абсолютную хронологию**.

При этом учитываются свидетельства любого рода. Нем. Kaiser ‘император’ восходит к лат. Caesar — Цезарь, значит, когда германцы заимствовали это слово у римлян (в I в. н.э.), оно еще произносилось с начальным [k] и с дифтонгом после него. Древнейшие латинские заимствования христианской поры (VII—VIII вв.) уже дают немецкие слова с начальным [ts-]: лат. cella > нем. Zelle ‘келья’; лат. cedrus > нем. Zeder ‘кедр’¹. Следовательно, переход k > ts (перед гласными переднего ряда) произошел в народной латыни между I и VII вв.

Широта косвенных доказательств, привлекаемых лингвистами, поразительна. Даже идеографическая письменность позволяет извлечь некоторые сведения о произношении. Древнекитайский

¹ Славянские языки заимствовали эти слова из греческого, где переход k > ts не наблюдался.

историк записал название реки Талас двумя иероглифами, современное произношение которых — *ду лай*. Конечно *-s* не было передано отдельным иероглифом, значит, в древнекитайском данный иероглиф передавал слог с конечным *-s*, и все слово читалось тогда *ta-las*. (Конечно, такой вывод делается не только на основании этого примера. Гипотезы проверяются многократно.) Изучение рифм древнекитайских поэтов позволяет установить, что тогда в китайском было два тона, а не четыре, как сейчас. О многом говорит и само строение иероглифов. Иногда используют и специфические лингвистические методы исследования.

Показателен метод внутренней реконструкции, который опирается на анализ всевозможных чередований и других нерегулярностей в современной структуре языка.

В качестве примера рассмотрим чередование *г/ж* в русском языке. Такое чередование очень обычно, многие корни имеют алломорфы с *г* и *ж*, например: *могу, могучий, но может; бегать, бегун, беглый, но бежать, убежище*. Это чередование относится к историческим, так как в современном языке нельзя найти фонетических позиций, с которыми безусловно связаны *г* и *ж*. Тем не менее в русском языке можно заметить статистическую закономерность: *ж* чаще встречается перед гласными переднего ряда, а *г* — перед гласными заднего ряда. Сразу возникает мысль: не появился ли *ж* из *г* перед гласными переднего ряда? Такое предположение тем более вероятно, что переход *g > ɟ > ʒ* наблюдается во многих языках (см. с. 40). Приняв эту гипотезу, мы сталкиваемся с новой трудностью: как объяснить *ж* в словах *дорожный, сапожник* и т. п.? Лингвист выдвигает вторую гипотезу: когда-то в этих суффиксах перед *н* был гласный переднего ряда, который вызвал аккомодацию *г*, но затем исчез.

Таким образом, из фактов современного языка исследователь воссоздает (реконструирует) факты далекого прошлого. Такой вывод подтверждается древнерусскими написаниями *дружьный, безбожьный*, где *ь* передавал гласный переднего ряда.

Сочетание исторических, филологических и лингвистических методов многое проясняет в истории языка.

§ 82. Родство языков

Возможности познания истории языка увеличиваются, когда в орбиту исследования вовлекаются факты родственных языков.

Как возникают родственные языки? В поисках ответа рассмотрим следующую историческую ситуацию.

В IX в. н. э. по берегам фьордов Западной Норвегии жили крестьяне, занимавшиеся земледелием, животноводством, рыболовством. С юных лет они привыкли к морю, к морским походам, то

мирным (за рыбой), то военным — в поисках приключений и богатой добычи. В 874 г. Ингольв Арнарсон с семьей, со скотом и всем имуществом переселился в далекую Исландию, а вскоре за ним последовали десятки и сотни других колонистов. Прошло четыре века, и когда-то оживленные связи Норвегии и Исландии постепенно замерли, норвежцы и их соотечественники за морем перестали общаться. Шли столетия, язык менялся, но изменялся он по-разному: на континенте происходили одни изменения, в Исландии — другие. Постепенно они дошли до того, что современный исландец и крестьянин из Западной Норвегии не понимают друг друга. Это представлено на схеме 6.

Схема 6

Если бы норвежцы или исландцы могли мысленно пройти вспять через сорок поколений, они нигде бы не заметили никакого перерыва языковой традиции. Ни одно из поколений не могло бы сказать: «Мы говорим не так, как наши отцы». Расщепление языка произошло незаметно, но результат налицо — из одного языка получилось два.

Таким образом, с исторической точки зрения **родственные языки** — это разные временные и пространственные варианты одной и той же непрерывной лингвистической традиции.

Подобная интерпретация понятия лингвистического родства связана с самой сущностью описываемого явления. Выражаясь философским языком, она носит онтологический характер.

Но к понятию языкового родства можно подойти и с точки зрения лингвиста-исследователя, пытающегося доказать родство языков. Выражаясь философски, можно встать на точку зрения гносеологии (теории познания).

Интуитивное представление о родстве языков есть у людей, совсем не искушенных в науке. Когда русский слышит украинскую речь, когда казах слышит узбека, когда встречаются француз и итальянец и пробуют говорить на своем языке, во всех этих случаях люди чувствуют, что такое родственный язык. Но когда русский слышит английскую, армянскую или персидскую речь,

¹ Норвежские диалекты больше отклонились от исходного типа, что и показано на схеме.

интуиция не подсказывает ему ничего. Здесь должна сказать свое слово наука.

В некоторых отношениях связи между родственными языками напоминают связи между отдельными звеньями в классификации животных или растений. Волк и собака находятся в близких родственных отношениях, более отдаленное родство связывает их с медведем, или тигром, или гиеной. Еще дальше от волка тюлень или дельфин, но даже и они ближе, чем лошадь или овца. Строя свою классификацию, биолог учитывает одни признаки и отбрасывает другие. Особенности размножения, строение скелета значат для него больше, чем, скажем, цвет шкуры или размеры тела. Общее правило таково: наибольший интерес представляют те признаки, которые устойчиво наследуются из поколения в поколение.

Нечто аналогичное наблюдается и в языках. И здесь есть элементы устойчивые, сохраняющиеся в языке тысячелетиями, и элементы подвижные. Корни со значением 'нога', 'вода', 'два', 'солнце', 'дать', 'есть' весьма устойчивы. Напротив, корни со значением 'молния', 'хороший', 'плохой', 'говорить' подвижны. Флексии лица и падежа очень устойчивы, а союз со значением 'и' может меняться многократно. Такое различие не связано с важностью понятий или частотой их употребления. Эмоции порождают стремление к выразительности, а отсюда — неустойчивость таких частых слов, как *хороший* или *плохой*. Иногда семантически близкие слова ведут себя совершенно по-разному. Например, слова со значением 'правый' намного устойчивее слов со значением 'левый'. Ведь с 'левым' связаны всевозможные суеверия, дурные приметы.

Вместе с тем лингвистическое родство во многом отличается от родства биологического. Одно из коренных отличий заключается в следующем. В биологии скрещивание возможно только между самыми близкими родственниками (в пределах вида или между очень близкими видами). Языки же могут влиять друг на друга независимо от того, родственны они или нет. Следовательно, чтобы отличить генетическое родство от взаимовлияния, необходимо отбросить все элементы, которые могли проникнуть из одного языка в другой путем заимствования.

В языке имеются сферы, малопроницаемые или даже совсем непроницаемые для заимствований. Это прежде всего словоизменительные аффиксы.

Только при взаимодействии очень близких языков или диалектов одного языка легко заимствуются и грамматические элементы.

Что касается лексических морфем (корней), то они могут переходить из языка в язык, хотя и здесь можно обнаружить разные типы. Очень легко заимствуется так называемая **культурная лексика**, т. е. слова, связанные с духовной или материальной куль-

турой. Нелепо было бы доказывать родство языков на материале, скажем, названий одежды, обуви. Вот неполный перечень заимствованных слов этой сферы в русском языке: *пальто, шуба, кафтан, армяк, зипун, шапка, кепка, пиджак, костюм, спортук, куртка, кофта, свитер, майка, штаны, брюки, юбка, чулки, ботинки, туфли*.

Значит, для установления родства надо привлекать такие разряды слов, которые малопроницаемы для заимствований: названия частей тела, явлений природы, простых действий и качеств, чисел первого десятка и т.п.

Внешние условия существования языка могут влиять на устойчивость отдельных разрядов морфем. Личные местоимения обычно крайне устойчивы, но в корейском и японском языках они подвижны, так как по церемониалу этих народов считалось неприличным говорить о себе *я*, а о собеседнике — *ты* или *вы*, и, значит, взамен личных местоимений возникали выражения вроде *Ваш слуга* для 1-го л. или *Ваша милость* для 2-го л.

То же можно сказать и о заимствованиях. В одном языке заимствованными могут оказаться термины земледелия, в другом — термины скотоводства.

Следует заметить, что закономерности сохранности элементов языка получены опытным путем (эмпирически), а не вытекают из какой-либо теории. Столь же эмпирический характер носит следующее важное положение сравнительно-исторического метода. Всякие утверждения о родстве языков должны опираться только на анализ конкретных лингвистических знаков в совокупности звучания и значения. Сравнение звуков (или фонем) двух языков само по себе ничего не доказывает. Из того, что в двух языках встречаются звуки определенного типа, например церебральные или, скажем, гортанные, не следует, что они родственны. Должны сопоставляться только цепочки звуков в соединении с их значением¹.

При доказательстве языкового родства не учитываются и черты сходства в общей организации языка. Болгарский своей аналитичностью резко отличается от других славянских языков, но от этого он не становится менее славянским. И в языке юма (в Калифорнии), и в русском, и в латинском шесть падежей, но русский и латинский очень отдаленные родственники, а русский и юма совсем не связаны генетически, но зато латинский и французский представляют две стадии одного и того же языка, хотя во французском вообще нет падежей.

Из вышеизложенных наблюдений следует, что в любом языке есть устойчивые и малопроницаемые для заимствований разряды

¹ Вот почему мало результатов дает сравнение имен собственных, ведь у большинства из них значения нет совсем.

морфем. Если в двух (или более) языках встречается много морфем такого рода, сходных и по звучанию, и по значению, эти языки родственны (или генетически связаны).

§ 83. Сравнительно-исторический метод

Сравнительно-исторический метод есть сумма приемов изучения родственных языков, направленная на описание истории этих языков. Специалисты, применяющие этот метод, называются компаративистами (от лат. *compara* 'сравниваю'), соответствующая дисциплина называется **компаративистикой**.

Сравнительно-исторический метод начинается с доказательства родства сравниваемых языков. По мере возможности для сравнения отбираются самые древние этапы истории языка, засвидетельствованные письменными памятниками. Намного легче доказать родство латинского и древнеиндийского языков, чем родство французского и бенгальского.

Сначала проверяется, есть ли в сравниваемых языках сходные словоизменятельные аффиксы. В качестве примера рассмотрим флексии лица глагола и флексии падежа в некоторых индоевропейских языках (табл. 21).

Как видим, в формах 3-го л. ед. ч. часто повторяется -t, в формах 1-го л. мн. ч. — -m. Флексия именительного падежа обычно содержит -s, а флексия винительного кончается иногда на носо-

Таблица 21

Язык	Глагол			Имя существительное		
	Значение	3-е л. ед. ч.	1-е л. мн. ч.	Значение	Им. п.	Вин. п.
Др.-инд.	везти	váhati	váhamas	волк	v́kas	v́kam
	быть	ásti	smas	змея	áhis	áhim
Греч.	писать	γράφω	γράφόμεν	друг	φίλος	φίλον
	быть	ἔστι	ἔσμεν	город	πόλις	πόλιν
Лат.	делать	facit	fácimus	волк	lupus	lupum
	быть	est	sumus	человек	homo	hóminem
Гот.	брат	nimiθ	nimam	камень	stains	stain
	быть	ist	sijum	сын	sūnus	sūnu
Лит.	идти	eina	einame	сын	sūnùs	sūnu
	быть	esti	esme	друг	draugas	drauga
Рус.	идти	<i>идет</i>	<i>идем</i>	дом	<i>дом</i>	<i>дом</i>
	быть	<i>есть</i>	—	друг	<i>друг</i>	<i>друга</i>

вой. Приведенная таблица показывает эффективность одновременного сравнения многих языков. При сравнении двух языков можно не заметить многих явлений, которые обнаружатся при множественном сравнении. Если соотнести именительный падеж в русском и литовском, то мы не сможем увидеть сходство, но при сравнении литовского с другими языками легко выделяется общая флексия именительного падежа.

Из таблицы также видно, как важно обращать внимание на всевозможные нерегулярности, ведь они обычно сохраняются как пережиток далекого прошлого. Действительно, литовские и греческие формы 3-го л. ед.ч. (-а и -ei) не похожи на формы других языков, но стоит сравнить «исключительный» глагол *быть*, как сразу бросается в глаза сходство (а иногда и полное совпадение) форм этого глагола во всех разбираемых языках.

Но как быть, если в сравниваемых языках нет (или очень мало) словоизменительных аффиксов? Можно ли сравнивать друг с другом, например, китайский и бирманский, малайский и маорийский языки?

Широкие возможности для сравнения представляет лексика, хотя при ее анализе надо проявлять осторожность, чтобы не приписать заимствование за исконно родственное слово.

Вот обозначения очень простых понятий в некоторых индоевропейских языках:

месяц: греч. μήν, лат. mensis, нем. Monat, англ. month;

звезда: греч. ἀστήρ, лат. stella, нем. Stern, англ. star;

ночь: др.-инд. nak(t), лит. naktis, греч. νύξ, лат. пох, гот. nahts;

тьма: др.-инд. támas, лит. tamsà, др.-ирл. temel;

огонь: др.-инд. agní, хетт. agnis, лат. ignis, лит. ugnis;

печь: др.-инд. páṭfati ‘печет’, алб. pjek ‘пеку’;

мясо: др.-инд. māmśám, гот. mimz, прус. mensa;

глаз: лит. akis, ст.-сл. око, арм. akn, лат. oculus;

кровь: лит. kraujas, лат. stuor, валл. sгаu;

нос: лит. nósis, др.-инд. nāsā, нем. Nase, англ. nose;

живой: лит. gyvas, др.-инд. çiva;

мертвый: лат. mortuus, др.-инд. mrtas, тадж. *мурда*;

пасти: лат. pasco, тохар. pās-, хетт. pahhsi;

тереть: лат. tero, греч. τέρω;

стоять: лат. sto, нем. stehen, англ. stand, тадж. *ист-*;

яйцо: ст.-сл. айце, осет. айк, нем. Ei;

мышь: др.-инд. mūṣ, тадж. *муш*, греч. μύς, лат. mūs;

три: др.-инд. trí, лит. trys, греч. τρίς, лат. trēs;

четыре: др.-инд. çatvāṅ, тадж. *чор*;

восемь: лит. aštuoni, др.-инд. aṣṭán, тадж. *хашт*, греч. ὀκτώ, лат. octo, гот. ahtau;

полный: лит. pilnas, тадж. *пур*, лат. plēnus;

ныне: греч. νύν, нем. nun, лат. nunc, лит. nun;

сестра: прус. swestro, гот. swistar, др.-инд. svasar;
новый: др.-инд. navas, тадж. нав, лат. novus, греч. νέος, хетт. newa-, арм. пог;

деверь (брат мужа): лит. dīeveris, др.-инд. dēvār.

Несколько десятков подобных соответствий уже достаточно, чтобы сделать вывод о родстве сравниваемых языков.

Когда родство языков доказано, появляется возможность все-сторонне сравнивать их, уже не ограничиваясь внешне сходными элементами. При этом между двумя языками устанавливаются регулярные **фонетические соответствия** (корреспонденции), записываемые $X_a = Y_b$, т. е. какой-то звук X языка (а) обычно соответствует звуку Y языка (b). (В частном случае звуки X и Y могут совпадать.)

Рассмотрим таблицу трех соответствий в индоевропейских языках (табл. 22):

рус. *береза*, лит. bėržas, осет. бæрз, др.-инд. bhūrḡṣa (также лат. fraxinus ‘ясень’);

рус. *брат*, нем. Bruder, тадж. бародар, лат. frāter, др.-инд. bhrātā (также греч. φράτηρ ‘член фратрии’);

рус. *любить*, англ. love, лат. libet ‘угодно’, др.-инд. lúbhyati ‘желает’;

рус. *небо*, др.-инд. nábhās, греч. νέφος ‘облако’, лат. nebula, нем. Nebel ‘туман’;

рус. *дверь*, лит. dūrys, англ. door, греч. Θύρα, лат. foris;

рус. *дым*, лит. dūmai, др.-инд. dhūmá, лат. fūmus (также греч. Θυμίαμα ‘фимиам’);

лат. medius, англ. middle ‘средний’;

рус. *видеть*, лат. video, др.-инд. véda ‘знание’, др.-англ. wītan ‘знать’;

лит. dantis, лат. dens, др.-инд. dánta, тадж. дандон, англ. tooth ‘зуб’;

рус. *два*, лит. du, др.-инд. dvau, тадж. ду, лат. duo, греч. δύο, англ. two;

рус. *еда*, др.-инд. ádmi, греч. ἔδω, лат. edo ‘ем’, англ. eat;

рус. *сидеть*, латыш. sēdēt, лат. sedeo, англ. sit.

После того как установлены регулярные фонетические соответствия, у лингвистов уже есть средство отличать исконно род-

Таблица 22

Др.-инд.	Греч.	Лат. ¹	Герм.	Иран.	Балт.	Слав.
*bh	φ	f- -b-	b- -b/v-	b	b	Б
*dh	θ	f- -d-	d- -ð-	d	d	Д
*d	δ	d	t	d	d	Д

¹ В начале и в середине слова.

ственные слова от заимствованных. Рус. *дублировать*, фр. *doublet*, нем. *doppeln*, англ. *double* похожи друг на друга; но это сходство слишком велико, чтобы объясняться исконным родством. Ведь при французском *d* и русском *д* мы ожидали бы англ. *t* и нем. *z* [ts] (см. с. 286), чего нет на самом деле. Следовательно, сходство слов объясняется в данном случае не родством языков, а заимствованием из французского.

После выявления первых звуковых соответствий объем сравниваемого материала резко возрастает. К тем соответствиям, которые приводятся на с. 248, можно добавить новые: рус. *сердце* и тадж. *дил*; рус. *полный* и англ. *full*; нем. *drei* и тадж. *се* 'три'; рус. *восемь* и англ. *eight*. В приведенных парах слов нет никакого внешнего сходства, а между тем их различие строго закономерно, так как всегда может быть подтверждено параллельными примерами звуковых соответствий. Когда регулярные соответствия охватывают целые ряды фонем, этимологические соответствия особенно неожиданны. Таковы, например, соответствия германских и остальных индоевропейских языков (см. с. 55) или чувашского и остальных тюркских языков, записываемые чув. *l* = тюрк. *ʃ*; чув. *g* = тюрк. *z*; чув. *x* = тюрк. *q*:

чув.	др.-тюрк.		чув.	др.тюрк.	
alək	ešik	'дверь'	saməg	semiz	'жирный'
ilt	ešit	'слышать'	xəl	quš	'зима'
təl	tuša	'путь'	xurap	qazan	'котел'
ʃəl	tiš	'зуб'	təxxəg	toquz	'девять'
kəkəg	kokuz	'грудь'	suxəg	saquz	'смола'

Анализируя регулярные фонетические корреспонденции, лингвисты обычно могут установить, какое произношение древнее, а какое представляет собой нововведение (**инновацию**). Ясно, что в соответствиях закона Гримма (см. с. 55) германское произношение есть новшество, а произношение остальных индоевропейских языков более древнее. Действительно, почти все группы индоевропейских языков согласуются друг с другом и противостоят германской группе.

В отличие от внутренней реконструкции **внешняя реконструкция** заключается в восстановлении исходных звуков и форм путем сравнения этимологически связанных фактов родственных языков.

В некоторых случаях реконструкция первоначального звучания достигается без труда. Рассмотрим такое фонетическое соответствие в индоевропейских языках¹ (табл. 23):

рус. *семь*, лит. *septyni*, др.-инд. *sapta*, лат. *septem*, гот. *sibun*;

греч. *ἑπτά*, тадж. *хафт*;

рус. *сери*, латыш. *siġpis*, греч. *ἄρτη*;

¹ В таблице учтено только начальное положение в слове.

рус. *солнце*, др.-инд. *sūra-*, гот. *sauil*, лат. *sol*, греч. ἥλιος;
 рус. *самый*, англ. *same* ‘тот же самый’, др.-инд. *saamá-*, лат. *similis*
 ‘подобный’, греч. ὁμός ‘тот же самый’, тадж. *хама* ‘весь, общий’;
 рус. *спать*, *сон*, др.-инд. *svápati*, *svárna*, лит. *sapnas*;
 лат. *somnus* ‘сон’, греч. ὕπνος ‘сон’, тадж. *хоб*.

Таблица 23

Индоевроп.	Инд.	Иран.	Арм.	Слав.	Балт.	Греч.	Лат.	Герм.
*s	s	h	s	s	s	h	s	s

Итак, в большинстве групп мы находим s и только в греческом и иранском языках — h. Восстанавливаем *s (знак * ставится перед формами, реконструированными компаративистами).

Но очень часто определить подлинное звучание реконструируемой фонемы не удастся. Возьмем для примера вторую строку из таблицы 22. Артикуляция соответствующих звуков здесь сильно расходится. В большинстве языков, правда, звучит звонкий смычный, но в греческом — глухой придыхательный, в индийском — звонкий придыхательный, а в латинском в начальном положении — глухой шелевой. Ясно, что восстанавливаемый звук был переднеязычным, ясно также, что он отличался от звука d (третья строка), но каким именно был способ произношения, остается неясным. Компаративисты условно записывают здесь *dh, чтобы отличить данную фонему от других переднеязычных, но не считают, что этот символ точно отражает артикуляцию звука.

Реконструировать можно не только отдельные звуки, но и морфемы, слова и даже гипотетические фразы. Из списков этимологических соответствий на с. 248 можно, например, восстановить звучание корней: *ed ‘есть’, *nokt ‘ночь’, *dent ‘зуб’, *mūs ‘мышь’, *weid ‘видеть’ и т. д.

Восстановление древней лексики представляет особый интерес не только для лингвистов, но и для историков. Оно позволяет заглянуть в глубь веков и наряду с археологией становится методом изучения доистории народов.

Если в индоевропейских языках реконструируются корни *ekʷ ‘конь’: лат. *equus*, греч. ἵπλος, тадж. *асп*, др.-инд. *aśva-*; лит. *ašvėnis* ‘рабочая лошадь’; *kwel ‘колесо’: англ. *wheel*, рус. *колесо*, тадж. *чарх*; *akʷs ‘ось’: рус. *ось*, лат. *axis*, греч. ἄξων, др.-инд. *ákṣa-*; *wegh ‘везти’: рус. *везти*, лат. *veho*, др.-инд. *váhati*; *wogh ‘воз’, рус. *воз*, нем. *Wagen*, греч. ὄχος, то это убедительно доказывает, что в эпоху индоевропейской общности (IV тысячелетие до н. э.) у индоевропейцев были домашние лошади и повозки¹.

¹ По-видимому, индоевропейцы первыми одомашнили лошадь, что и позволило им так широко расселиться. Народы Ближнего Востока не знали домашней лошади до начала II тысячелетия до н. э.

Общая лексика уральских языков указывает на лес как среду обитания и на охоту и рыболовство как основные занятия:

финск. *kuusi*, коми *коз*, ненец. *хады* ‘ель’;

эст. *pulg*, коми *ньыл*, селькуп. *pulgo* ‘пихта’;

саам. *njoammel*, эрзя *нумоло*, венг. *nyúl*, селькуп. *nóma* ‘заяц’;

финск. *kala*, мар. *кол*, венг. *hal* ‘рыба’;

финск. *poutaa*, ненец. *не́да* ‘преследовать’, селькуп. *nota* ‘охотиться’;

финск. *kalin*, коми *кулом*, венг. *hálo* ‘сеть’;

финск. *puoli*, коми *ньол*, венг. *nyíl* ‘стрела’;

венг. *fejzse*, селькуп. *piŋi* ‘тетива’.

Общая лексика языков группы майя (в Центральной Америке) включает названия кукурузы вообще, зеленого початка, сухого початка, стержня початка, тыквы, сладкого картофеля, перца чили, плодов авокадо и агавы, хлопка, какао. Все это указывает на развитое земледелие. Общие названия благовоний и маски говорят о наличии религиозных культов.

Использование лингвистических реконструкций для получения сведений о доисторическом прошлом называется **лингвистической палеонтологией**.

§ 84. Генеалогическая классификация языков

Сравнительно-исторический метод позволяет определить родство языков и реконструировать звуки и формы **праязыка**, т.е. того языка, который является древнейшим этапом развития родственных языков. Если есть родственные языки, значит, когда-то существовал тот праязык, из которого они все развились. В некоторых случаях этот язык довольно хорошо известен. Так, для современных восточнославянских языков праязыком был древнерусский язык, известный по письменным памятникам XI–XIII вв. Все романские языки продолжают лингвистическую традицию своего праязыка — народной латыни, которая близка к письменному латинскому языку, хотя и не совпадает с ним. Однако в большинстве случаев все, что известно о том или ином праязыке, получено сравнительно-историческим методом.

Методы компаративистики применяются ретроспективно, т.е. от настоящего к прошлому. Сравнение славянских языков позволяет восстановить славянский праязык. Сравнение славянских, индийских, иранских, германских и других языков приводит к реконструкции индоевропейского праязыка. Такой порядок прослеживается по письменным памятникам разного времени. Для реконструкции индоевропейского праязыка греческий, известный на протяжении 35 веков, неизмеримо важнее албанского, известного по памятникам только с XV в.

После того как достигнуты некоторые результаты, можно перейти к проспективному методу анализа (от древних этапов к более поздним). Идя от праязыка к современности, компаративисты часто могут определить процесс расщепления праязыка на разные диалекты (а затем и на разные языки). Процесс распада праязыка на отдельные языки иногда можно изобразить в виде схемы, называемой **родословным древом** родственных языков¹ (схема 7).

Главная особенность распада праязыка по такой схеме заключается в том, что, однажды разделившись, диалекты уже мало влияют друг на друга. Особые инновации одного диалекта не передаются другим. В восточной группе старые шипящие аффрикаты превратились в свистящие, т. е. $\text{tʃ} > \text{tʃ}$, $\text{dʒ} > \text{dʒ}$:

осет. *цалх*, афг. *tʃax* и тадж. *чарх* 'колесо';

осет. *цыппар*, афг. *tʃalog* и тадж. *чор* 'четыре';

осет. *цæст*, шугн. *tʃem* и тадж. *чаши*, белудж. *tʃam* 'глаз';

афг. *pindz*, шугн. *pindz* и тадж. *панч*, курд. *penç* 'пять'.

Отличительные новшества юго-западной подгруппы:

$z > d$, $\text{dʒ} > z$, $rd > l$;

тадж. *дон*, курд. *zān* 'знать' (ср. рус. *знать*);

тадж. *дил*, осет. *зæрд* 'сердце' (ср. рус. *сердце*);

тадж. *зам*, курд. *dʒin* 'женщина' (ср. рус. *жена*).

Схема 7

Родословное древо иранских языков

¹ Метафоры «родство языков», «родословное древо» создают иллюзию, что праязык (например, латинский) — это отец, прародитель, а развившиеся из него языки — дети. Такая метафора неточна. Романские языки являются тем же латинским языком на современном этапе его развития, а не детьми его.

Было время, когда компаративисты считали, что схема родословного древа соответствует типичному пути распада праязыка. Однако потом выяснилось, что такой путь сравнительно редок. Обычно диалекты, разграничиваясь в один период, снова сближаются впоследствии. Схематически такое взаимодействие можно показать на примере тюркских языков. На схеме отражено формирование отдельных этнических групп и их передвижения в ходе истории (схема 8).

Изучение генетических связей между языками позволяет построить **генеалогическую классификацию** языков мира. Максимальное объединение родственных языков называется языковой семьей. Семьи дробятся на группы, группы — на подгруппы, те, в свою очередь, могут включать еще более мелкие группы. Мельчайшей единицей генеалогической классификации является отдельный язык или диалект. Изолированный язык, у которого не удалось выявить генетических связей, тоже можно считать отдельной семьей.

У системы терминов генеалогической классификации (семья — группа — подгруппа... — язык) есть одно неудобство. Прогресс науки обнаруживает все новые генетические связи между языка-

Схема 8

Генеалогические связи тюркских языков

(модификация схемы в кн.:

Баскаков Н.А. Тюркские языки. — М., 1960)

ми. Из примерно 200 семей языков 22 приходится на Евразию, около 10 — на Африку, остальные — на Америку, Австралию, Новую Гвинею, т. е. на те районы, где сравнительно-исторический метод широко еще не применялся. С развитием науки число семей должно сокращаться. В конце XIX в. были выделены четыре семьи: тюркская, монгольская, тунгусо-маньчжурская и корейская. В XX в. все чаще считают, что они родственны между собой. Но тогда семьей надо назвать их объединение (алтайская семья), а прежние семьи понизить в ранге до группы. Такую замену терминов надо производить каждый раз, как открываются новые генетические связи.

Чтобы устранить это неудобство, предлагают новые термины для объединений, более широких, чем традиционные семьи. Примем лишь один из них. Будем называть макросемьей объединение языковых семей, чье родство друг с другом не вполне доказано. Одна из самых смелых гипотез такого типа выдвинута С. А. Старостиным, доказывающим генетическое родство северокавказских, енисейских и китайско-тибетских языков в рамках сино-кавказской макросемьи.

Сорок лет назад американец Дж. Гринберг предложил для языков Африки две макросемьи: 1) нигеро-кордофанскую (нигеро-конголезская семья, кордофанские языки) и 2) нило-сахарскую.

Однако наибольший интерес представляет гипотеза **ностратической** макросемьи. В разработке этой гипотезы ведущая роль принадлежит русскому лингвисту В. М. Иллич-Свитычу (1934—1966). В ностратическую макросемью (от лат. *noster* 'наш') предлагается свести индоевропейские, афразийские, уральские, алтайские, картвельские, дравидские языки. Уже выявлено несколько сотен этимологических соответствий, в частности в области местоимений:

татар. *мин*, морд. *мон* 'я'; занск. *munens*, рус. *мне*;

мар. *тый*, монг. *ᠲᠢ* (< *ti), рус. *ты*;

удм. *ми*, телугу *тети*, хауса *ти*, рус. *мы*;

коми *тайо*, монг. *теге*, рус. *тот*;

узб. *ким*, финск. *ken*, сомали *kuma*, рус. *кто*.

Сходство проявляется и во многих лексических корнях:

тюрк. *qulaq*, груз. *qiri* 'ухо' и финск. *kuule*, греч. *κλύω* 'слышать';

тюрк. *qagun* 'живот', араб. *qurb* 'пах', тамильск. *kaṅṅṅai* 'утроба', лат. *corpus* 'тело', рус. *чрево*;

морд. *ведь*, рус. *вода*;

греч. *καρδιά* 'сердце', груз. *mkerdi* 'грудь';

монг. *төгөг* 'река', тамильск. *ṭaṅai* 'дождь', рус. *море*;

тюрк. *tuman* 'туман', рус. *темный*;

мехри *kelōn*, тюрк. *kelin* 'невеста, невестка', лат. *glōs*;

рус. *золовка*, финск. *kaly* 'жена брата, сестра жены';

беджа kan, англ. know, рус. *знать*, груз. gen ‘понимать’;
араб. qib ‘вертеть’, рус. *колесо*;
тамилск. kuguti, рус. *кровь*;
араб. qarn, лат. cornu ‘рог’;
телугу kari, тюрк. qaqa, рус. *черный*.

Ностратическая гипотеза еще не стала общепризнанной, хотя и представляется весьма правдоподобной¹.

В следующих параграфах изложена генеалогическая классификация языков мира с некоторыми историческими, географическими и филологическими комментариями. Оценка числа говорящих дается на 2000 г. (имеются в виду только те, для кого данный язык является родным)².

§ 85. Индоевропейские языки

Пять-шесть тысяч лет назад индоевропейские языки (или диалекты) были распространены на территории Юго-Восточной Европы (в бассейне Дуная, Днестра, Днепра). Последовательные волны передвижений народов все больше и больше расширяли границы этих языков³. Во II тысячелетии до н.э. они представлены и в Греции, и в Малой Азии, и далеко на Востоке — в Средней Азии, а затем и в Индии. I тысячелетие до н.э. — свидетель почти полного освоения юга, запада и севера Европы. К этому времени окончательно сформировались те группы индоевропейских языков, речь о которых будет идти ниже. Не все из них сохранились до наших дней. От некоторых остались пространственные письменные памятники, позволяющие описать структуру языка (например, анатолийские и тохарские), другие оставили о себе лишь короткие надписи да следы в топонимике. Таковы **фракийский** (V в. до н.э., на территории современной Болгарии), **фригийский** (VII—VI вв. до н.э., на северном побережье Эгейского моря) и III—IV вв. н.э., в западной Анатолии), **иллирийский** (к востоку от Адриатического моря) и близкий к нему **мессапский** (IV в. до н.э., на юго-востоке Италии) и, наконец, **венетский**⁴ (VI—I вв. до н.э., на северо-востоке Италии).

Как военные завоевания, так и мирная колонизация расширяли область распространения индоевропейских языков и в после-

¹ Впрочем, некоторые компаративисты, считая ностратическую гипотезу вероятной, выводят из этой макросемьи афразийскую семью.

² Место ударения в названиях языков обозначено, кроме тех случаев, когда оно падает на предпоследний слог.

³ Вопрос о прародине индоевропейцев не может считаться решенным. В частности, есть гипотеза и о кавказской прародине.

⁴ Отсюда и название города Венеция.

дующие эпохи (Восточная Европа и Сибирь, Америка и Австралия). Сейчас на языках индоевропейской семьи говорит почти половина человечества. Живые индоевропейские языки сводятся в 10 групп (в некоторых случаях группу представляет один язык).

1. Индийские языки.
2. Иранские языки.
3. Армянский язык.
4. Славянские языки.
5. Балтийские языки.
6. Греческий язык.
7. Албанские языки.
8. Кельтские языки.
9. Романские языки.
10. Германские языки.

До сих пор неясно, можно ли представить взаимоотношения групп индоевропейских языков в виде родословного древа. Попытки такого рода предпринимались неоднократно, но общепринятого решения пока нет. Дело в том, что сеть изоглосс, спроецированная на карту распространения древних индоевропейских языков, не показывает важных пучков, которые могли подвести компаративиста к ясному выводу: да, именно эти изоглоссы указывают на первое основное членение будущих индоевропейских диалектов.

Так, изоглосса, основанная на различии показателей дательного падежа мн. ч., отделяет северные языки (германские, балтийские и славянские), где флексия содержит звук [m], от южных (латинского, древнеиндийского, иранских), где во флексии восстанавливается индоевропейская фонема */bh/. Ср.: с одной стороны, рус. *люд-ям*, лит. *vūgams*, гот. *maip-am* 'людям', др.-англ. *modg-um* 'матерям', а с другой стороны, др.-инд. *sunu-bhuas* 'сыновьям', авест. *bazu-byo* 'рукам' лат. *homin-ibus* 'людям', др.-ирл. *feig-aib* 'мужам'.

Но есть и такие явления, которые объединяют, например, латинский язык (а также кельтские языки) с перечисленными северными языками в европейскую группу, противопоставленную греческому и индоевропейским языкам Азии. Ср.: лат. *mare*, бретон. *mor*, нем. *Meer*, лит. *mares*, рус. *море*; лат. *muscus*, англ. *moss*, рус. *мох*; лат. *porcus* 'свинья', лит. *paršas* 'боров', рус. *поросенок*; лат. *agnus*, бретон. *oap*, рус. *ягненок*; лат. *ūngula*, др.-ирл. *ingen*, англ. *nail*, нем. *Nagel*, лит. *pagas*, рус. *ноготь*; лат. *granum*, бретон. *greun*, нем. *Korn*, рус. *зерно*; лат. *hostis* 'чужеземец, враг', англ. *guest*, нем. *Gast*, рус. *гость*. Какие-то другие слова объединят славянские языки с иранскими и индийскими, ср.: др.-инд. *giri*, авест. *gairi*, рус. *гора*; др.-инд. *meśá*, авест. *maeja* 'баран', рус. *мех*; др.-инд. *tákjati*, авест. *tas*, рус. *тесать*.

Еще в XIX в. было обнаружено важное различие в судьбе двух рядов заднеязычных согласных.

Первый ряд включает три палатальных заднеязычных, реконструируемых как *k', *g' *gh', их отражение в отдельных группах индоевропейских языков показано в таблице 24.

Таблица 24

Индоевроп.	Лат.	Греч.	Герм.	Лит.	Слав.	Иран.	Др.-инд.
*k'	k	κ	h	š	С	s	ś
*g'	g	γ	k	ž	З	z	ḡ
*gh'	h	χ	g	ž	З	z	h

Лат. centum [k-], нем. hundert;

лит. šimtas, рус. *сто*, авест. satəm, др.-инд. śatám;

лат. cor, греч. καρδιά, англ. heart, лит. širdis, рус. *сердце*;

лат. granum, нем. Korn, рус. *зерно*, žlėnis 'горох';

лат. со-gno-sco 'сознаю', греч. γνώσις 'знание', нем. kennen 'знать';

лит. žinoti, рус. *знать*, др.-инд. ḡanamī 'знаю';

лат. hiems, греч. χείμα, лит. žiemà, рус. *зима*, др.-инд. hemanta-;

лат. humus, греч. χθών, лит. žeme, рус. *земля*, авест. za(m).

Таким образом, в балтийских, славянских, иранских и индийских языках заднеязычные в основном превращались в свистящие или шипящие.

Эта часть индоевропейских языков получила название языков satəm (см. первые две строчки примеров). В латинском, греческом и германских языках эти звуки в основном сохранялись как заднеязычные. Эта группа была названа языками centum.

Второй ряд включает три лабиовелярных реконструируемых как *kw, *gw *gwh, их отражение в отдельных группах индоевропейских языков показано в таблице 25.

Таблица 25

Индоевроп.	Лат.	Греч.	Герм.	Лит.	Слав.	Иран.	Др.-инд.
*kw	qu	π	(h)w	k	К, Ч	k, ʃ	k, ʃ
*gw	gu, v	β	kw	g	Г, Ж	g, ḡ	g, ḡ
*gwh	f	φ	w	g	Г, Ж	g, ḡ	gh, h

Лат. qui, англ. who, лит. kas, рус. *кто*, авест. ko, др.-инд. ka-;

греч. ποινή 'наказание', лит. kaina, рус. *цена*, авест. kaena 'штраф';

лат. vivus 'живой', греч. βίος 'жизнь', quick 'быстрый', лит. gyvas, рус. *живой*, авест. ḡiva, др.-инд. ḡivá-;

гот. qīno 'женщина', прус. genna, рус. *жена*, авест. gəna;

лат. formus, warm 'теплый';

латыш. gaime, рус. *гореть, жар*, авест. gaēta 'горячий'.

Таким образом, в языках satəm лабиовелярные в основном сохранялись как заднеязычные и при этом теряли огубленность. Напротив, в языках centum лабиализация сохранялась или даже усиливалась.

Когда было открыто различие языков satəm и языков centum, многим лингвистам казалось, что наконец-то найдено основное деление

всей семьи. Но другие изогlossen противоречат этому взгляду. Решения пока нет.

Лишь в двух случаях между отдельными группами индоевропейских языков устанавливается особая степень родства. Это прежде всего индийские и иранские языки, несомненно восходящие к единому индоиранскому языку. В меньшей степени особая связь устанавливается между балтийскими и славянскими языками.

§ 86. Индийские языки

Первыми будут рассмотрены **индоиранские** языки. В начале II тысячелетия до н. э. народы, говорившие на индоиранских диалектах, населяли Среднюю Азию. Индоиранцы называли себя агуа (корень этого слова сохранился в названии страны Иран), поэтому индоиранские языки называют еще арийскими¹.

Есть немало лингвистических явлений, характерных именно для индоиранских языков и не встречающихся в остальных индоевропейских языках. Вот несколько лексических примеров (первым дается древнеиндийское слово, вторым — слово из языка Авесты): *vána, vanā* 'лес, дерево'; *dvīpa-*, *dvaera-* 'остров'; *varāhā, varāza* 'кабан'; *mātsya, masya* 'рыба'; *uḡra, uḡra* 'верблюд', *mākja-*, *maḡjī-* 'муха', *kaḡ, kəḡ* 'делать'; *kaḡj, kaḡj* 'пахать', *khānati, kaḡ* 'копать' и др.

Во второй половине II тысячелетия до н. э. индоиранское единство нарушается. Часть ариев продвигаются на юго-восток — в Индию, где потом лингвистически обособилась индийская группа языков². Оставшаяся часть (предшественники иранцев) тоже захватывает все большее пространство, особенно на юго-западе (совр. Иран). Таким образом, возникли индийская, иранская и переходная дардская группы.

Индийская (или **индоарийская**) группа (940 млн). Вторжение ариев в северо-западную Индию совпало с появлением вед (др.-инд. *véda-* 'знание', родственно рус. *ведать*) — собрания религиозных текстов (гимнов богам, песнопений, сопровождавших жертвоприношения, всевозможных заклинаний и т. п.). Веды сыграли исключительную роль в развитии не только религии, но и всей культуры Индостана. Ведический язык вскоре перестал развиваться, став исключительно языком религии. Особенно архаичен сбор-

¹ Нелепое расистское толкование этого слова в фашистской Германии к науке никакого отношения не имеет.

² Любопытно происхождение слов *Индия*, *хинди* и т. п. Как уже указывалось, инд. *s* = иран. *h*. Поэтому название страны в низовьях Инда в индийских языках звучит *Sindh* (см. далее — язык синдхи), а в иранских языках — *Hind*. Иранское звучание было принято греками, а затем и другими европейцами, отсюда *India*.

ник «Ригведа» (т.е. «Веда гимнов»), вероятно возникший еще во II тысячелетии до н.э.¹

Позднее складывается литературный язык **санскрит** (др.-инд. *samskrta* 'очищенный, обработанный'), представленный двумя стилистическими формами — эпической и классической. Эпический санскрит — это язык двух огромных поэм — «Махабхараты» и «Рамаяны». Индийский эпос сложился во второй половине I тысячелетия до н.э. и на протяжении двадцати веков питал своими сюжетами и образами литературу всех народов Индостана и многих народов Юго-Восточной Азии.

Классический санскрит, строгие нормы которого изложены в грамматике Панини (IV в. до н.э.), до самого последнего времени оставался литературным языком индийцев. Наибольший расцвет литературы на санскрите относится к I тысячелетию н.э. Классический санскрит этой эпохи охватывает все жанры литературы: веселые рассказы, занимательные романы, драму и лирическую поэзию, грамматику и философию, религию и математику — все в равной мере используют санскрит. И в настоящее время более двух тысяч индийцев называют санскрит своим родным языком. Санскрит использовался как литературный язык и за пределами Индии, например в Камбодже и на Яве, где он оказал глубокое воздействие на местные литературные языки (кхмерский и кави).

Ведический язык и санскрит вместе образуют **древнеиндийский** язык. Лингвистические формы санскрита соответствуют живому языку начала I тысячелетия до н.э. и с тех пор мало менялись. Но живые языки развивались и уже к середине того же тысячелетия настолько отличались от санскрита, что лингвисты называют их среднеиндийскими языками.

Литературная фиксация среднеиндийских языков отражена в **пракритах** (др.-инд. *prakṛta* — 'естественный, обычный').

Особенно широко и многообразно пракриты представлены в классической индийской драме. Здесь цари, герои, брахманы говорят на санскрите. Прозаический диалог персонажей среднего ранга ведется на пракрите шаурасени (соответствующий диалект — далекий предшественник хинди). Принцы говорят на пракрите магадхи (соответствующий диалект характеризовал восток страны). Женщины поют свои песни на махараштри (отдаленный предок маратхи). Низшие персонажи (злые духи, угольщики, судомойки, варвары) говорят на пайшачи, относящемся к кругу диалектов апабхранша (др.-инд. *apabhraṃśa* 'падение, порча'), наиболее близких живой речи.

Пракриты использовались и теми религиозными течениями, которые пытались порвать с господствующим брахманизмом, в

¹ Речь идет об устной традиции. Письмо появилось позже и сначала не играло значительной роли. Древнейшие сохранившиеся надписи относятся к III в. до н.э.

свою очередь восходившим к религии вед. Из таких праkritов наиболее известен **пали** — самый архаичный из среднеиндийских языков. Проповедники буддизма, возникшего в самом начале V в. до н.э., обращались к народу на живых (среднеиндийских) языках, в числе их был и пали. Постепенно новая религия захватила всю Индию и Цейлон (совр. Шри-Ланка). Именно на Цейлоне в I в. н.э. на языке пали были записаны канонические буддийские книги. Когда в VIII—IX вв. в самой Индии произошел возврат к старым традициям и буддизм был почти искоренен, он сохранился в Шри-Ланка, а с ним и язык южных буддистов — пали. В качестве сакрального (священного) языка пали проник и в страны Индокитая: Мьянму, Лаос, Камбоджу, Таиланд.

На рубеже I и II тысячелетий появляются первые письменные памятники новоиндийских языков. Лингвистическая ситуация северного Индостана очень сложна. Не существует четких и определенных границ между языками. От берегов Брахмапутры до берегов Инда можно пройти по деревням более 2000 км и нигде не заметить языковой границы, хотя жители крайних точек, говорящие на ассамском языке и на синдхи, совершенно не понимают друг друга. Конечно, по мере распространения грамотности будет усиливаться роль литературного языка и языковые границы станут более определенными. Этому же способствует и деление Индии на штаты, организованное по лингвистическому принципу.

На крайнем востоке Индии — в долине Брахмапутры представлен **ассамский** язык (15 млн; л.¹ с XIV в.). В устье Ганга и Брахмапутры распространен **бенгальский** язык (Бангладеш и индийский штат Западная Бенгалия; более 190 млн; п.п. с X в.). Литература на бенгальском языке — одна из самых значительных из новоиндийских литератур. Всемирную славу приобрел бенгальский писатель Рабиндранат Тагор. Литературный язык имеет три существенно различные стилистические формы: поэтический стиль, классический стиль и так называемый разговорный стиль.

К юго-западу от бенгальского распространен язык **брия** (30 млн; п.п. с XI в.), а на западе — языки и диалекты штата Бихар (95 млн), образующие как бы мост к диалектам хинди. Важнейшие из них: майтхили (ок. 36 млн; л. с XVI в.), магахи (ок. 15 млн) и бходжпури (42 млн).

Средняя часть северной Индии занята диалектами хинди (295 млн). Поэтические памятники на этих диалектах известны с XV в. Особенно важна поэзия на диалекте авадхи, прославленная именем Тулси Даса (XVI в.), воскресившего «Рамаяну» в Новое время. Однако более прочной оказалась другая литературная фор-

¹ В настоящей главе используются сокращения: л. — литература, п.п. — письменные памятники.

ма — язык **урдú** (55 млн)¹. Поэзия на этом языке возникла в XVI в. при дворах мусульманских правителей южной Индии (в частности, в Хайдарабаде). Местное население говорило на дравидских языках (телугу, каннада), а правящая верхушка — на диалекте кхари боли, принесенном с севера Индии (из Дели). С XVIII в. поэзия на урду, насыщенная персидской и отчасти арабской лексикой, использующая арабскую графику, стала процветать и у мусульман северной Индии, вытесняя собственно персидскую поэзию. Английская Ост-Индская компания использовала урду как деловой язык в переписке и общении с индийскими князьями. Это обстоятельство способствовало возникновению художественной прозы и деловых жанров на урду. В XIX в. появляются и газеты на этом языке. В настоящее время урду — государственный язык Пакистана (8 % населения) и один из официальных языков Республики Индии.

Немусульманская (индуистская) интеллигенция северной Индии с начала XIX в. стала создавать свой литературный язык, получивший название **хинди** (230 млн). В противоположность арабской графике урду в хинди стал использоваться алфавит деванагари, арабские и персидские книжные слова заменялись книжными заимствованиями из санскрита.

Таким образом, различия двух литературных форм языка ограничены рамками письменного общения и не затрагивают использования языка в быту. Общую (разговорную) часть обоих языков называют иногда **хиндустани**. Литературный хинди все более укрепляет свои позиции, постепенно вытесняет не только хинди-язычные диалекты, но и соседние диалекты штатов Бихар, Харьяна и Раджастхан. Диалекты последнего иногда объединяют под общим именем **раджастхани** (12 млн). К раджастханским диалектам в языковом отношении близки диалекты **пахари** (27 млн), на которых говорят в предгорьях Гималаев. Из диалектов пахари выделяется язык **непали** (13 млн; п. п. с XIV в.), государственный язык Непала. На северо-западе Индостана господствуют язык **панджаби** (33 млн; л. с XVI в.) и язык **ленди** (60 млн). С юга к ним примыкает язык **синдхи** (20 млн; л. с XVII в.). На этих трех языках говорит более 80 % населения Пакистана.

К югу от синдхи и раджастхани распространен язык **гуджарати** (40 млн; п. п. с XV в.), к которому близок язык **бхили** (6 млн). Дальше на юг начинается область распространения языка **маратхи** (85 млн; п. п. с XI в.), довольно существенно отличающегося от языков северной Индии.

Далеко на юге, в отрыве от других индоарийских языков, находится **сингальский** язык (около 15 млн) — основной язык Респуб-

¹ Тюркское по происхождению слово urdu первоначально означало 'войско, военный лагерь', затем 'базар' (того же корня тюрк. orda 'ставка хана, орда'). Такое название языка утвердилось лишь в XIX в.

лики Шри-Ланка. Литературный сингальский язык образовался еще в XIII в. и сейчас резко отличается от разговорного языка.

Наконец, к индоарийской группе относятся многочисленные **цыганские** диалекты (несколько миллионов, в том числе 170 тыс. в России). Само название цыган гот соответствует др.-инд. *ḍom̐ba* 'бродячий музыкант низкой касты'. Как видим, характерные занятия цыган сложились еще в Индии, которую они покинули в I тысячелетии н. э. Пройдя страны Среднего и Ближнего Востока, цыгане в XI в. появились на Балканах, отсюда они распространились по всей Европе. Этимология англ. *gipsy* и исп. *gitano* 'цыган' связана с популярной (но ошибочной) версией о египетском происхождении цыган (лат. *Aegyptus*).

Дардская группа (более 6 млн). Языки этой группы распространены на самом севере Индии и Пакистана, частично в Афганистане. Самый известный из них — язык **кашмири** (5 млн; л. с XIV в.), остальные языки бесписьменны.

§ 87. Иранские языки (около 120 млн)

В отличие от индоарийских языков иранская группа распадается на четко различимые подгруппы. Конечно, распад на подгруппы происходил очень медленно. За тысячу лет (к середине I тысячелетия до н. э.) диалекты не разошлись еще настолько, чтобы мешать взаимопониманию.

Древнейший известный текст на иранских языках — Авеста — был сложен в Средней Азии в первой половине I тысячелетия до н. э. Создание его было связано с именем легендарного религиозного реформатора Заратуштры (в греческой передаче — Зороастр). Хотя старые культы (во многом похожие на ведические) и были отвергнуты в новой религии¹, следы их хорошо сохранились в тексте (особенно в разделе Яшты — сборнике гимнов силам природы). Центральная часть Авесты — Гаты (поэтические проповеди и откровения Заратуштры) дает самые архаичные образцы **авестийского** языка.

Зороастрийская религия распространялась среди иранцев довольно медленно, но на рубеже нашей эры приобрела исключительный вес в Парфянском царстве, а позднее стала государственной религией персидской империи Сасанидов. Только тогда Авеста была записана, причем специально для этого был составлен особый алфавит. Но авестийский язык, оставаясь сакральным (об-

¹ Религиозная реформа ярко отразилась в семантике: старое слово со значением 'бог' (др.-инд. *deva*, лат. *deus*) в языке Авесты представлено как *daeva* 'демон, злой дух', откуда 'дэвы' персидской поэзии, ср. тадж. *дев* 'див, демон', *девона* 'безумный, бесноватый'.

рядовым, относящимся к религиозному культу) языком зороастрийцев, так и не стал языком культуры. Победа ислама (VII в.) и гонения на зороастрийцев еще более сузили область применения языка Авесты. В настоящее время большая часть зороастрийцев живет в западной Индии и говорит на гуджарати (там их называют *парсами*).

Оседлое иранское население Средней Азии и нынешнего Афганистана испытывало постоянное давление своих северных соседей (тоже иранцев) — саков. Во II в. до н.э. саки продвинулись на юг, разгромив Греко-Бактрийское царство. Отсюда сакские племена в I в. н.э. совершали походы в северную Индию, где основали Кушанскую империю со столицей в Пурушапуре (совр. Пешавар). В Индии саки восприняли буддизм и с ним индийское письмо брахми, благодаря чему нам известны два сакских языка в памятниках IX—X вв., найденных в Хотане и Тушмуке (к востоку от современного Кашгара — в китайской провинции Синьцзян).

Диалекты саков были предшественниками современных иранских языков юго-восточной подгруппы. Важнейшие члены группы — **афганский** язык, или **паштó** (31 млн в Афганистане и Пакистане; п. п. с XV в.), а также **памирские языки** (140 тыс.).

Афганцы выходят на арену мировой истории лишь в начале XVIII в., основателем государства был Ахмад-шах Дурр-и Дуррани ('жемчужина жемчужин' (1747); в военных походах на восток он доходил до Дели и Агры, вся территория современного Пакистана находилась в его власти. В первой половине XIX в. англичане сумели покорить афганские владения в Индии, но все их попытки захватить собственно Афганистан были тщетны. В ходе двух войн они даже брали Кабул, но каждый раз дело завершалось бесславным уходом. Много лет спустя такой же финал ожидал и советские войска, находившиеся в стране десять лет (1979—1989).

Среди языков северо-восточной подгруппы следует прежде всего назвать **хорезмийский**, на котором продолжали говорить до XIV в. Письменных памятников от него осталось очень немного. Напротив, от **согдийского** языка сохранилось много текстов IV и VIII—IX вв. Большинство их найдено в Синьцзяне, часть — в верховьях Зеравшана. Они принадлежат трем религиозным традициям (буддийской, христианской и манихейской¹) и сыграли большую роль в истории письма. Прямое продолжение согдийского языка — **ягнобский** (новосогдийский) язык (2 тыс.), распространенный в долине р. Ягноб (к северу от Душанбе).

¹ Манихейство, названное по имени его основателя Мани (III в.), представляет собой сложный сплав зороастризма, христианства и некоторых философских течений. Жестокие преследования рано положили конец манихейству в Римской империи и в сасанидской Персии, но в Средней Азии и Восточном Туркестане (Синьцзяне) оно продержалось до IX в.

Еще в первые века I тысячелетия до н. э. часть сакских племен жила в степях Причерноморья и Северного Кавказа (от Дуная до Волги). Греки называли их скифами. Непосредственно от **скифского** языка письменных памятников не сохранилось, но многие слова засвидетельствованы либо в греческих источниках, либо в названиях племен, либо в топонимике: Так, более позднее самоназвание скифов — *аланы* (αλιανα) восходит к общему имени арийцев. Названия рек *Дунай*, *Днестр*, *Днепр*, *Дон* легко связываются с авест. *danu* и с осет. *дон* 'река'.

Непосредственное продолжение скифского языка — современный **осетинский** язык (550 тыс., в том числе 450 тыс. в России и 100 тыс. в Грузии, письменность с XVIII в.). Как известно, степи Причерноморья были ареной мощных передвижений народов, и поэтому сохранить свой иранский язык смогли лишь те аланы, которые ушли в горы Кавказа, позднее осетины частично переселились на юг, за Главный Кавказский хребет. На Кавказе осетинский язык испытал сильное влияние местного кавказского субстрата.

Примерно с X в. до н. э. народы, диалекты которых позднее дали начало западноиранским языкам, начали свое движение на запад, обходя Каспийское море с юга. Здесь сформировался племенной союз *мидян*, который сумел в самом конце VII в. до н. э. разгромить Ассирию. Однако Мидийское царство оказалось очень недолговечным и вскоре попало под власть персов. Тем не менее мидийские племена сохранили свое этническое своеобразие, а из их диалектов развивались затем языки северо-западной подгруппы.

Политическая гегемония вновь вернулась к северному Ирану вместе с возвышением Парфянского царства. Иранское население северо-востока современного Ирана в 250 г. до н. э. подняло восстание против греко-македонских правителей и основало Парфянскую державу, возглавляемую династией Аршакидов. Парфяне начали долгую борьбу как на востоке (с Греко-Бактрийским царством), так и на западе — против греческого государства Селевкидов. Но непрерывные войны с греками, а потом и с римлянами, междоусобицы истощили государство и привели к падению Парфии в начале III в. н. э. От **парфянского** языка осталось очень немного текстов (I—III вв. н. э.). Затем парфянский язык быстро исчез.

Северо-западные иранские языки сохранились до наших дней. По южным берегам Каспийского моря распространены диалекты прикаспийских языков: талышского (200 тыс.) по обе стороны азербайджанско-иранской границы; далее на восток — гиланского (3 млн) и мазендаранского (3 млн).

К северо-западной подгруппе относится и **курдский** язык (16 млн; п. п. с XI в.), распространенный в Ираке, Турции, Сирии, Иране: около 80 тысяч говорящих по-курдски насчитывает-

ся в Закавказье. Пробуждение национального самосознания курдов в конце XX в. приводит к постоянным волнениям в Курдистане¹. Ни иракское, ни турецкое правительство не отказываются от насильственных мер подавления курдского движения за независимость. За последние двадцать лет значительное число беженцев-курдов оказалось в Европе.

Наконец, к этой же подгруппе относится **белуджский** язык (или балучи, 7,5 млн) в сопредельных районах Ирана, Афганистана и Пакистана.

Безусловно, самый распространенный из иранских языков — **персидский**, образующий ядро юго-западной подгруппы.

Первое упоминание о персах относится к IX в. до н.э., когда они населяли область Парс на юге Ирана (около современного Шираза). В 550 г. до н.э. восставшие персы во главе с царем Киром II разгромили Мидию и за тридцать лет создали могущественную державу, завоевав Малую Азию, Вавилон, Сирию, Палестину и Египет. В V в. до н.э. персидские цари Ахемениды (Дарий I, Ксеркс I и др.) оставили как память о себе надписи на скалах и на стенах дворцов². Эти надписи дают представление о **древнеперсидском** языке. Несмотря на политическую гегемонию персов в державе Ахеменидов, персидский язык не получил широкого распространения.

Персидское царство погибло под ударами войск Александра Македонского в 334—327 гг. до н.э. На пять веков персы замкнулись в пределах Парса, пока в 220-х гг. н.э. они снова не объединили Иран. Династия Сасанидов более четырех веков правила громадной империей, снова появляются царские надписи, но теперь они пишутся при помощи письма пехлеви³. На **среднеперсидском** языке расцветают литература духовного (зороастрийского) и светского содержания (III—VII вв.). На этот раз персидский язык широко распространяется по всей империи, особенно на север и северо-восток (Хорасан), где он вытесняет парфянский. Грамматика среднеперсидского языка сильно отличается от той,

¹ Мусульманские государства, где правила династии курдского происхождения, известны в этом районе с X в. Столицами этих мелких государств были Гянджа, Двин, Ани. Курдом был знаменитый Салах ад-дин (или Саладин), сплотивший мусульман для отпора крестоносцам (1170—1180-е гг.). Ему удалось отвоевать Иерусалим, покорить всю Сирию и Египет, где его потомки (Айюбиды) правили еще 60 лет. Конечно, никакого курдского национального движения тогда быть не могло, этнические мотивы играли ничтожную роль в сравнении с религиозными чувствами или игрой личных честолюбий правителей.

² Вслед за персидской надписью обычно следовали надписи на аккадском и эламском языках. Когда было дешифровано древнеперсидское письмо, в руках лингвистов оказались билингвы с одной известной частью. После этого быстрее пошла дешифровка аккадской клинописи.

³ Обычно надписи на персидском языке сопровождаются надписями на парфянском, а иногда — на греческом языке.

что была в древнеперсидском. В системе имени полностью исчезли категории грамматического рода и падежа, но появился неопределенный артикль. Исчезли многие синтетические формы глаголов, вместо них появились новые аналитические формы. Таким образом, за пять веков персидский язык проделал такой же путь в грамматике, какой мы (много позднее) обнаружим в английском.

Арабское завоевание Ирана (652) и введение ислама на время оборвали развитие литературной традиции¹.

Политическая самостоятельность иранцев возрождается в IX в. в Хорасане. Но особенно важным для языка оказалось государство Саманидов с центром в Бухаре. Таким образом, политическая и культурная активность переместилась на северо-восточную границу области распространения персидского языка, где он в городах стал постепенно вытеснять согдийский. Новый этап, связанный с мусульманской культурой и арабским письмом, соответствует уже **новоперсидскому** (или персидско-таджикскому) языку.

Расцвет литературы на персидском языке начинается в X в. Мировую славу приобрела поэзия на этом языке, представленная именами Рудаки, Фирдоуси (X в.), Омара Хайяма (XI–XII вв.), Низами (XII в.), Саади (XIII в.). С конца X в. на персидском появляются научные сочинения. Классический новоперсидский язык уже мало менялся с X–XII вв. (хотя следует отметить его постепенное насыщение арабскими заимствованиями). Постепенно литературный персидский охватил весь Иран, а с течением времени стал основным языком мусульманской культуры к востоку от Багдада — как при дворах тюркских династий, так и в Индии.

В начале XVI в. в Персии утвердилась новая династия (тюркского происхождения) — Сефевиды. Столицей стал Исфаган. Шиизм сделался государственной религией. Это обстоятельство способствовало противопоставленности Персии остальным мусульманским государствам, на три столетия внешнюю политику определяло соперничество с Османской империей. Войны и смены династий сопровождали весь XVIII век, лишь в самом конце века наступила относительная стабилизация при новой династии каджаров (туркменского происхождения). Столицей страны стал Тегеран. После несчастной для Персии войны с Россией (1828) границы страны уже почти не менялись (лишь Герат был потерян в пользу Афганистана). Соперничество России и Англии в XIX в. способствовало (как и в случае Афганистана) сохранению единства этой многонациональной страны (две европейские державы лишь установили свои зоны влияния).

Приход к власти (1925) новой династии Пахлави ознаменовался новыми идеологическими веяниями: акцентировалась связь с доисламским прошлым страны (характерно имя династии), с 1935 г. государство официально называется Иран, в 1971 г. в Персеполе торжественно отмечал-

¹ Еще два века среднеперсидский язык продолжал использоваться манихейцами Восточного Туркестана.

ся 2500-летний юбилей Персидской империи, официальный титул царя был Шахиншах Арьямеха ('Царь царей, свет арийцев'). Все эти нюансы были отброшены революцией 1979 г., когда страна стала исламской республикой.

В настоящее время на персидско-таджикском языке говорят 50 млн человек. Он включает две основные группы диалектов: персидскую (в Иране) — 32 млн и таджикскую (в Таджикистане и Афганистане) — 18 млн. У персидско-таджикского языка три литературные формы: персидский язык (**фарси**¹) в Иране, язык **дари** (фарси-кабули) в Афганистане и **таджикский** язык в Таджикистане.

Ответвлением персидско-таджикского можно считать и **татский** язык (400 тыс.) в северо-западном Иране, в Азербайджане и Дагестане. Можно полагать, что раньше татские диалекты были распространены в Азербайджане намного шире, но носители их за последние 6—8 веков перешли на тюркские языки.

Кроме персидско-таджикского к юго-западной подгруппе иранских языков относятся **лурский** (3 млн), **бахтиарский** (1 млн) и некоторые другие менее важные диалекты южного и центрального Ирана.

§ 88. Прочие индоевропейские языки в Азии

Тохарская группа. Тохарскими условно называются два родственных мертвых языка, распространенных на севере Восточного Туркестана (современного Синьцзяна) в середине I тысячелетия н.э. По месту находок рукописей языки называются **карашарский** (также восточнотохарский, или тохарский А) и **кучанский** (из г. Куча, также западнотохарский, или тохарский Б). В Турфане найдены тексты на обоих языках.

Анатолийская (или хетто-лувийская) группа объединяет ряд мертвых языков, когда-то распространенных в Малой Азии (Анатолии). Основным языком этой группы — **хеттский**, на котором сохранились многочисленные и разнообразные тексты XVIII—XIII вв. до н.э., записанные на глиняных табличках вавилонской клинописью. Таким образом, это самый древний из засвидетельствованных индоевропейских языков. Хеттский был главным языком могущественного Хеттского царства со столицей в Хаттусасе (в 150 км к востоку от современной Анкары).

Кроме хеттского к этой же группе относятся **палайский** (XIV—XIII вв. до н.э.), **лувийский** (XIV—I в. до н.э.), **ликийский** (V—IV вв. до н.э.), **лидийский** (VII—IV вв. до н.э.) языки.

¹ Форма *фарси* — это арабизированный вариант исконного *парси*. Здесь можно провести аналогию со словом *Россия* — латинизированным вариантом исконного *Русь*.

Армянский язык. Между первым упоминанием об Армении в хеттских надписях XIV в. до н.э. (самоназвание армян — *hajk* и название страны *Hajastan* восходят к имени *Hajasa*, отраженному в этих надписях) и появлением письма прошло около двадцати веков, и остается неизвестным, как сложился армянский народ. В лингвистическом отношении наиболее вероятно гипотеза о связи армянского языка с фригийским. К началу VI в. до н.э. армяне жили на месте бывшего Урартского царства (вокруг озера Ван), а к концу IV в. до н.э. появляются первые независимые армянские царства. Древнее армянское государство просуществовало до начала V в. н.э., с трудом балансируя между двумя враждебными империями: Римом на западе и Парфией (а затем Персией) на востоке.

В 301 г. н.э. христианство стало государственной религией. В 405 г. епископ Месроп Маштоц создал армянский алфавит, что послужило началом бурного развития литературной деятельности: с греческого и сирийского переводилась литература, создавались и оригинальные сочинения, особенно в области истории. Древнеармянский литературный язык V в. — *грабар* 'письменный' употреблялся до Нового времени и в эпоху чужеземных завоеваний, и в эпоху политической независимости царства Багратидов (IX—XI вв., столица Ани) и царства Рубенидов в Киликии (XII—XIV вв.).

Сначала сельджукское, а потом монгольское завоевание положили начало армянской эмиграции на запад — в Византию, в Италию, на Русь, в страны Ближнего Востока. Центр тяжести культурной жизни армянского народа переместился на запад (армянское книгопечатание начинается в 1512 г. в Венеции)¹. Особенно активизировалось здесь книгопечатание в XVIII в. К XVIII в. историческая родина армян, где только и сохранялось сельское население, входила в состав Турецкой империи (частично Персии). Причем и здесь армяне жили чересполосно с мусульманскими народами. За пределами исторической родины армяне населяли преимущественно города.

Екатерина II стимулировала переселение армян в Россию². В начале XIX в. начинается русское завоевание Закавказья, в 1805 г.

¹ Армянская (армяно-григорианская) церковь занимает изолированное положение среди христианских конфессий, поэтому армяне в диаспоре медленно ассимилировались среди окружающего населения христианских стран.

² Важный армянский город возник на Дону. Он был назван Нахичевань в честь старинного армянского города на Кавказе. Позднее он стал частью Ростова-на-Дону. Интересно сравнить численность армян в пяти городах (в тыс.):

	Ереван	Тбилиси	Баку	Ростов	Москва
1897	14	60	50	21	1,6
1989	1100	150	180	35	44

присоединен Карабах, в 1828 г. Восточная Армения до Аракса, в 1878 г. завоевана Карская область. Возникновение современной литературы привело и к смене литературного языка. Вместо габара, который, правда, остается языком литургии, появился новый литературный язык — *ашхарабър* ‘мирской, светский’ в двух вариантах — западном (константинопольском) и восточном.

В 1890-х гг. начинается национально-освободительное движение армян как в Османской империи, так и в России. Ведущей политической силой этого движения становится партия Дашнакцутюн ‘Союз’, основанная в 1890 г. в Тифлисе и окрашенная в демократические и в социалистические тона.

Первая мировая война обернулась для армян Турции национальной трагедией. Обвиняя армян в симпатиях к противнику (России), турецкое правительство в 1915 г. начало поголовную их депортацию, сопровождаемую погромами, резней, вымиранием от голода и болезней. Это был первый случай геноцида в XX в. В мае 1918 г. возникла независимая Армянская республика, возглавляемая дашнаками, но в условиях разрухи и постоянных войн с соседями независимость оказалась непрочной. В 1920—1921 гг. Армения была завоевана Красной Армией. В составе СССР Армянская ССР стала очагом возрождения армянской культуры и национального самосознания, после Второй мировой войны происходила значительная репатриация армян. С 1991 г. Армения снова стала независимой.

На армянском языке говорят около 6 млн человек, из них 3,4 млн в Армении, 370 тыс. в Грузии, 500 тыс. в России, 400 тыс. в Иране, около 800 тыс. на Ближнем Востоке.

§ 89. Греческий язык

Заселение греками территории их современного расселения происходило волнами. Первая волна греческих племен (**ахейцы**) к XVII в. до н.э. захватила материковую Грецию и проникла на Крит и Кипр. Взаимодействуя с высокоразвитой критской цивилизацией, ахейцы создали свою оригинальную культуру, лучше всего представленную в Микенах. От критян ахейцы восприняли слоговое письмо. Памятники «линейного письма Б» (XIV—XII вв. до н.э.) — первое свидетельство **древнегреческого** языка.

События ахейского периода (прежде всего разрушение Трои в XII в. до н.э.) послужили затем основой гомеровских поэм. Позднее ахейские диалекты сохранялись на Кипре и в глухом центре Пелопоннеса — в Аркадии¹. **Ионические** диалекты охватывали Атику (вокруг Афин), многие острова Эгейского моря и западное

¹ Уже в древности Аркадия стала символом идиллической сельской жизни.

побережье Малой Азии (города Эфес, Милет и др.). Третья группа диалектов (эолийская) охватывала северо-восток страны.

В XII в. по Греции прокатилась волна нашествия еще одного греческого племени — **дорийцев**. Областями расселения дорийцев стали северо-западная Греция, юг и восток Пелопоннеса (Спарта, Аргос, Коринф и др.), остров Крит. Несмотря на диалектное разнообразие и политическую раздробленность¹, греки продолжали осознавать свою этническую общность, приняв единое самоназвание Ἑλλήνης ‘эллины’, название страны Ἑλλάς — Эллада² и называя негреков варварами (βάρβαροι). Общегреческим достоянием был и эпос — поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея» (конец VIII в. до н.э.).

Гомеровский язык стал первым образцом общегреческого литературного языка, правда, с очень узким применением — только эпос. Он основан на ионическом диалекте, но содержит также формы эолийских диалектов.

В VIII—VII вв. до н.э. часть граждан из греческих городов периодически переселялась за море, где переселенцы основывали новые города-колонии, связанные узами родства и дружбы со своей метрополией (‘матерью-городом’)³. Многие известные города на берегах Средиземного и Черного морей были основаны греками: Сиракузы, Катания (Сицилия), Анкона, Таранто, Неаполь (материковая Италия), Ницца, Марсель (Франция), Херсонес, Феодосия, Керчь (Крым).

Наивысший расцвет греческой культуры приходится на VI—IV вв. до н.э. Язык этого периода называется классическим древнегреческим. Единого литературного языка еще не существовало. На ионическом диалекте писали историк Геродот, врач Гиппократ и поэт Анакреонт, на эолийском создавали лирику Алкей и Сапфо, но большая часть всех литературных и научных сочинений связана с аттическим диалектом (диалектом Афин), на котором писали, например, философы Платон и Аристотель, историк Фукидид. У греков впервые в истории возник театр, который играл огромную роль в жизни греческого народа. Не удивительно поэтому, что афинская драматургия (трагедии Эсхила, Софокла, Еврипида, комедии Аристофана) несла аттический диалект во все города Греции.

Новый этап развития греческого языка связан с походами Александра Македонского (конец IV в. до н.э.). Македонские полко-

¹ Напомним, что греч. πόλις означает одновременно и ‘город’, и ‘государство’, отсюда πολιτικός ‘политический’.

² Эти названия были в ходу до принятия христианства и снова введены в употребление в XIX в.

³ Греч. μήτηρ ‘мать’ (ср. лат. māter). Слово имеет ясную ионическую форму. В ионическом старое ā > ē, что надо учитывать, сравнивая греческие слова со словами других индоевропейских языков.

водцы и их наследники создали на Востоке греческие государства, где греческая культура самым прихотливым образом смешивалась с местными (анатолийскими, семитскими, иранскими, армянскими и др.) традициями. В Малой Азии появились Пергамское царство (на западе) и Понтийское царство (на севере). Далее на восток — Великая Армения. К югу находилось царство Селевкидов (от Средиземного моря до Персидского залива). В Египте правила династия Птолемеев, на территории Средней Азии и Афганистана существовало Греко-Бактрийское царство. Греческие колонисты переселялись на новые места, основывали там города, например: Александрию в Египте, Антиохию в Сирии, Антиохию Маргианскую (совр. Мары), Александрию Эсхату (совр. Худжанд). Весь этот период (IV—I вв. до н.э.) в истории принято называть эллинизмом, а соответствующую культуру — эллинистической.

В это же время формируется общий язык греков — **койне**, основанный на аттическом диалекте. Старые диалекты, за редчайшими исключениями, исчезают¹. Койне был языком разговорным, образованные писатели следовали аттическим образцам классического периода. Впрочем, язык многих писателей (например, у историка II в. до н.э. Полибия) близок к койне. Литература, ориентировавшаяся на народные массы, написана на койне, например Новый Завет (I—II вв. н.э.).

Римское завоевание Восточного Средиземноморья парадоксальным образом еще более укрепило позиции греческого языка. Централизация способствовала ослаблению догреческих языков и диалектов на территории империи (т.е. в Малой Азии, Сирии, Палестине, Египте).

В 330 г. римский император Константин перенес столицу в новый город на берегах Босфора, который стал называться Константинополем. В течение двух веков латинский сохранялся как язык императорского двора и законов, но затем и из этих сфер был вытеснен греческим языком². В конце IV в. христианство становится государственной религией, а византийская культура все более принимает церковно-христианский облик. В отличие от западной (римской) церкви греческая церковь поощряла пропаганду христианства путем перевода священных книг на языки местных народов³.

¹ На крайнем юге Пелопоннеса распространен и сейчас цаконский язык (или диалект), прямо восходящий к дорическому диалекту Древней Греции.

² Связь с римской традицией поддерживается названием страны Ρώμη, ср. араб., перс., хинди Rum — Византия. В греческом слово ρωμαϊκός означает 'новогреческий'. Название Византия стало применяться к Восточно-Римской империи с конца XV в. Византийцы свою страну так не называли.

³ Расхождение между западной и восточной церковью, вызванное политическими причинами — соперничеством Рима и Константинополя, постепенно усиливалось, и в начале XIII в. разрыв стал окончательным. С тех пор восточную церковь называют греко-православной, а западную — римско-католической.

Поэтому греческий язык этого периода оказывал большое влияние на языки народов, принимавших христианство: эфиопов, армян, грузин, славян.

Греческий язык в византийскую эпоху претерпевает существенные изменения (особенно в фонетике), превращаясь в среднегреческий. Бурная внешняя история сопровождалась постепенным сокращением территории Византии: в VII в. арабы завоевали Сирию, Палестину и Египет, начиная с XI в. Византия ведет войны с наступающими тюрками, которые в конце концов завоёвывают всю прежнюю Византию (1453 — год падения Константинополя).

Снова независимой Греция стала после тяжелой восьмилетней войны (1821 — 1829). После освобождения новогреческий язык стал развиваться без внешних помех, но лингвистическая ситуация осложнена соперничеством двух литературных языков: один (кафаревуса ‘очищенный’) ориентировался в грамматике и словаре на классический древнегреческий, другой (димотика ‘народный’) — на живую разговорную речь. Второй вариант и стал победителем.

В настоящее время на греческом языке говорят 11,5 млн человек, в том числе 10 млн в Греции, 0,5 млн на Кипре, 0,6 млн в Северной Америке.

Албанский язык. На албанском говорят 5 млн человек: 3 млн в Албании и около 2 млн в Сербии и Македонии. Возможно, албанский язык восходит к иллирийскому. Древнейшие письменные памятники относятся к середине XV в., когда албанцы во главе со Скандербегом ненадолго освободились от турецких завоевателей. С конца XIX в. начинается движение за национальное освобождение (с 1912 г. Албания — самостоятельное государство) и развитие литературного языка.

§ 90. Кельтские языки

Во II тысячелетии до н. э. индоевропейские диалекты, из которых потом возникли италийские и кельтские языки, были распространены в бассейне Дуная. На рубеже I тысячелетия началась экспансия на юг (за Альпы) будущих италиков, кельты же остаются к северу от Альп, особенно концентрируясь в нынешней Швейцарии.

Время наивысшего могущества кельтов — VI — II в. до н. э. В этот период кельты заняли почти все Британские острова, Галлию (современную Францию), Пиренейский полуостров¹, северную Ита-

¹ Здесь они смешались с местным иберийским населением. Римляне называли их кельтиберами.

лию (в 390 г. до н.э. победили Рим, обложив его громадной контрибуцией), нижнее течение Дуная и Балканы (в 280 г. разбили македонцев) и проникли даже в Малую Азию, где впоследствии были известны как галаты¹.

В I в. до н.э. натиск германцев с востока и римлян с юга привел к сокращению территории кельтов, но кельтские топонимы и этнонимы еще долго сохранялись на территории Центральной и Юго-Восточной Европы².

В лингвистическом отношении кельтские языки делятся на три группы: континентальную, бриттскую (от валлийского *brython* 'бритт') и гойдельскую (от др.-ирл. *goidel* 'ирландец'; в совр. яз. это слово превратилось в *gael* [gel]). К континентальной подгруппе относились **галльский** язык и кельтиберские диалекты. Сохранились надписи IV в. до н.э. — II в. н.э.

До середины I тысячелетия н.э. бритты населяли всю Британию, в том числе и нынешнюю Шотландию. Приход англосаксов, а вскоре также ирландцев расчленил прежде единый язык на несколько диалектов. Из языков-наследников отметим прежде всего **валлийский** (или уэльский) язык³ (около 500 тыс., п.п. с VIII в. н.э.), обладающий богатой литературой, впрочем малоизвестной за пределами Уэльса. Валлийская письменность была создана ирландскими монахами. Сложнейшая ирландская орфография не стала яснее при пересадке на валлийскую почву. В XIII в. Уэльс был присоединен к Англии⁴ и началось мощное воздействие английского языка; быть может, валлийский язык совсем уступил бы место более престижному соседу, если бы не движение методистов (течение в протестантизме), в XVIII в. создавшее целую сеть школ с валлийской Библией и единой литературной нормой. Тем не менее к началу XX в. только половина валлийцев говорила на родном языке, к нашим дням эта доля сократилась до 20 %.

На **корнском** языке говорили до XIX в. на полуострове Корнуол. Имеется небольшая литература XVI—XVII вв. В настоящее время делаются попытки возродить корнский язык, и уже тысяча человек знает его.

¹ Галаты сохраняли кельтский язык, по-видимому, до V в. н.э.

² От имени кельтского народа бойев берет начало слово *Богемия* (т.е. западная Чехия). Кельтский этноним *Walk-, Wolk-* (ср. *Уэльс, валлийцы*) широко представлен в славянских языках, но применяется здесь уже не к кельтам, а к романским народам, ср. *Валахия* (Румыния), польск. *Wlochy* — Италия. Названия городов по имени кельтского бога Луга дошло до нас в таких топонимах, как *Лион* (в латинской передаче *Lugdunum*) и *Лаон* во Франции, *Лейден* в Нидерландах, *Легница* в Польше.

³ От валлийского *Сумгу* 'валлиец' происходит еще одно название этого языка — *кимрский*.

⁴ Наследник английского престола по традиции называется принцем Уэльским.

В V в. н.э., в эпоху англосаксонского завоевания Британии, часть бриттов переселилась снова на континент, дав начало бретонцам (п-ов Бретань). **Бретонский** язык (300 тыс.) сохранился до нашего времени. Бретонская литература, дошедшая до нас лишь в поздних (XIII—XVI вв.) образцах религиозной драматургии и поэзии, в Средние века оказала большое влияние на литературу Франции и шире — Европы (романы о короле Артуре и рыцарях «Круглого Стола», «Тристан и Изольда» и др.). С XV в. Бретань вошла в состав Франции, но ассимиляция бретонцев идет медленно, а в последнее время началось движение за национальное самоопределение. Сфера влияния бретонского языка ограничена домашней жизнью, школьного преподавания почти нет. Издается несколько журналов, до 60—80 книг в год.

Гойдельская подгруппа продолжает диалекты первой волны кельтов, переселившихся на Британские острова. В IV в. до н.э. племена гэлов покорили Ирландию, дав начало ирландскому народу. Ирландцы, единственные из кельтов, не испытали римского завоевания. Древнейшие надписи на **ирландском** языке (IV—V вв. н.э.) написаны особым, огамическим, письмом. Мирно принятое христианство (V в., с ним же принят латинский алфавит) не мешало сохранению народного героического эпоса. Эпоха расцвета поэзии бардов¹ приходится на IX—XIV вв. (хотя эта классическая традиция дожила до XVIII в.). С XII в. в Ирландию начинают проникать англичане, встречая упорное сопротивление местного населения. Интересно, что в это время в Ирландии скорее англичане перенимали язык и обычаи ирландцев, чем наоборот. Особенно усилилась английская колонизация в XVI в. (к англичанам присоединились шотландцы на северо-востоке острова в Ольстере). С этого времени конфликт ирландцев и англичан сопровождался религиозной нетерпимостью (ирландцы сохранили католичество, а шотландцы и англичане в основном приняли протестантство). Окончательное покорение Ирландии произошло при Кромвеле (1652). Колониальное порабощение привело к культурному и экономическому упадку. В это время начинается эрозия литературного языка. К началу XIX в. уже половина ирландцев перешла на английский язык, через 50 лет 23 % населения острова говорили по-ирландски и только 5 % совсем не знали английского языка.

В XIX в. невиданный размах приняла эмиграция в Америку (более половины ирландцев покинули родину). Резко сократилось число говорящих по-ирландски. Во второй половине XIX в. началось движение за автономию (Home Rule), а затем и полную независимость Ирландии, доходившее временами до

¹ В эпоху романтизма слово *бард* стало синонимом слова *поэт* во многих языках Европы.

вооруженной борьбы. В 1921 г. Великобритания признала независимость Ирландии, сохранив, однако, за собой Ольстер. В независимой Ирландии (Эйре) роль ирландского (гэльского) языка снова стала возрастать, наряду с английским он был признан государственным языком. Сейчас его считают родным 100 тыс. человек.

Гэльским языком (80 тыс.) называют также кельтский язык Шотландии, проникший сюда из Ирландии в VI—VIII вв. н.э. Особая литература, отличная от ирландской, существует с XV в. С XII в. в Шотландии все более распространяется английский язык, и сейчас на гэльском говорят только на северо-западном побережье и на Гебридских островах. Третий гойдельский язык — **мэнке** был распространен на острове Ман в Ирландском море, перестал употребляться лет тридцать назад.

§ 91. Итальянские языки. Латынь

К **италийской** группе относятся мертвые языки: **оскский** (язык самнитов на юге Италии, п.п. III в. до н.э. — I в. н.э.), **умбрский** (в Умбрии — к северу от Рима, п.п. II в. до н.э.) и **латинский** (п. п. с VII в. до н.э.).

Латинский был первоначально языком небольшой области Лациум с Римом во главе (по преданию, Рим основан в 753 г. до н.э.). Возвышение Рима произошло в IV в. до н.э., когда были подчинены прочие латины, затем прочие италики (самниты, умбры) и, наконец, этруски. К середине III в. был подчинен юг Италии и началась борьба за Сицилию с Карфагеном. В результате первой Пунической войны (264—241 гг. до н.э.) Рим получил Сицилию, Сардинию и Корсику — первые провинции¹. Вторая Пуническая война (218—201 гг. до н.э.) оказалась самой тяжелой: карфагеняне во главе с Ганнибалом вторглись в Италию, не раз громили римскую армию, но в конце концов истощили свои силы и вынуждены были вернуться в Африку. Рим стал самым могущественным государством Средиземноморья.

К середине II в. до н.э. (к концу третьей Пунической войны) римляне уже владели Карфагеном, Испанией, Цизальпинской Галлией (северной Италией), Иллирией, Македонией, Грецией. К концу этого века была завоевана Нарбоннская Галлия (южная Франция). В результате войн Помпея (60-е гг. до н.э.) к Римской республике были присоединены Малая Азия, Сирия и Палестина, а после походов Юлия Цезаря (50-е гг. до н.э.) — северная Галлия (от Рейна до океана). В 30 г. до н.э. при Октавиане Августе к Риму был присоединен Египет. В провинциях постепенно

¹ Лат. provincia (от vinco 'побеждаю'), т.е. 'побежденная (страна)').

распространялся латинский язык. Только в Греции и других эллинистических землях латинский не сумел привиться.

Завоевания продолжались и позднее, во времена империи. При Августе были присоединены земли по правому берегу Дуная. В I в. н.э. была присоединена западная часть Северной Африки. В 43 г. н.э. была завоевана Британия (совр. Англия и Уэльс). Наконец, в самом начале II в. при императоре Траяне была захвачена Дакия (совр. Румыния), и туда сразу же началось массовое переселение римлян. Так постепенно расширялись границы Рима, а с ними — границы латинского языка.

Литература на латинском языке началась в III в. до н.э. переводами с греческого. Но уже к концу века у римлян появился крупный писатель-комедиограф Плавт¹. Расцвет латинской литературы и время фиксации норм литературного языка — I в. до н.э. — I в. н.э. Образцы этого языка представлены, например, в сочинениях публицистов и историков Цицерона, Цезаря, Саллюстия, Тита Ливия, Тацита, ученых Лукреция, Варрона, Сенеки, Плиния Старшего, поэтов Катулла, Вергилия, Горация, Овидия, Ювенала.

Литературный латинский использовался как единственный литературный язык Западной Европы все I тысячелетие н.э. Позднее он постепенно сдавал свои позиции живым литературным языкам, отдав сначала поэзию, потом юриспруденцию, науку и, наконец (уже в наши дни), церковную службу. В Средние века латинский испытывал значительное лексическое и грамматическое влияние живых языков, но гуманисты Возрождения (XV—XVI вв.) вернули его к классической чистоте и тем самым окончательно остановили его развитие.

Наряду с литературным классическим языком существовала народная (или вульгарная) латынь, т.е. разговорный вариант того же языка, принадлежавший простым людям Италии и провинций. Особенности народной латыни известны лингвистам по прямым наблюдениям римских грамматистов, но больше — по косвенным данным: отклонениям от классической латыни в надписях, деловых документах, произведениях позднейших писателей (особенно христианских).

§ 92. Романские языки (720 млн)

Выделение группы романских языков связано с традицией. С точки зрения логики генеалогической классификации их правильнее было бы назвать неолатинскими и включать в италийскую группу.

¹ Язык Плавта отличается от классического, с одной стороны, своей архаичностью, с другой — сильным разговорным элементом.

Все романские языки происходят из одного и того же источника — народной латыни, довольно единообразной в западных провинциях империи и на Балканах (к северу от Греции). В IV в. Римская империя распадается на два государства. Если Восточная империя существовала еще более тысячи лет, то Западной был уготован близкий конец. V век начинается с массовых вторжений германцев, наводнивших все европейские провинции империи. В 410 г. вестготы разграбили Рим: впервые за восемь веков бывшая столица увидела врагов в своих стенах. Через сорок пять лет подобный набег совершили вандалы. С тех пор римские императоры стали игрушкой в руках германских вождей, а вскоре отпала необходимость даже в этой политической ширме. В 476 г. германцы свергли римского императора и не назначили нового. В 500 г. положение дел в бывших западных провинциях было таково: северной Африкой владели вандалы, Пиренейским полуостровом и южной Галлией — вестготы, бассейн Роны был во власти бургундов, северной Галлией правили франки, Италией — остготы. Однако победители-германцы не смогли (да и не старались) навязать покоренному населению свой язык. Наоборот, с течением времени они сами переходили на латинскую речь.

Но и сам латинский язык менялся. Запустение городов, разрушение старой экономической и юридической системы, упадок грамотности приводили к тому, что сфера использования письменного латинского все более сужалась. Одновременно происходили существенные изменения и в народном латинском языке. Распад империи как бы разбил оковы, сдерживавшие центробежные силы народной латыни. Начинают возникать диалекты, которые сильно отличались друг от друга, а еще больше — от письменного языка.

О разрыве новых диалектов и письменной латыни свидетельствует постановление собора епископов в Туре (813), где предлагалось произносить проповеди не на латыни, а на «простонародном романском» (*rustica romana lingua*), чтобы прихожане могли понимать сказанное. Разговорные формы с VIII в. иногда попадали в деловые документы, составленные на письменном латинском языке. В латинских текстах появляются *глоссы* (краткие пояснения смысла слов) на романском. Но целые тексты на романских языках появились позднее.

Исходя из лингвистических и культурно-исторических соображений, романские языки делят на пять подгрупп: галло-романскую, иберо-романскую, итало-романскую, рето-романскую и балкано-романскую.

Галло-романская подгруппа включает два языка — французский и провансальский. Оба они испытали влияние галльского субстрата (так же, как и северные диалекты Италии).

Французский язык (71 млн) формировался на севере Галлии. С середины V в. единственной политической силой здесь были

франки, давшие свое имя и стране (Франции), и языку. В середине VIII в. при каролинских королях Пипине Коротком и Карле Великом начинается военная и политическая гегемония франков в Западной Европе. В 800 г. Карл коронуется императором в Риме. Однако огромная империя Карла оказалась непрочной. Уже в 843 г. она распалась. А за год до этого Карл Лысый (будущий король Франции) и Людовик Немецкий заключили между собой договор о дружбе и взаимопомощи («Страсбургские клятвы») на трех языках: латинском, немецком и романском. Последний вариант, таким образом, является первым письменным памятником французского языка (и вообще романских языков). С X в. появляются первые поэмы религиозного содержания, но настоящий расцвет литературы начинается с XI в., особенно после создания эпической поэмы «Песнь о Роланде». Первоначально литературные произведения создавались на любом из диалектов (пикардском, нормандском, англо-нормандском¹, шампанском, лотарингском и т. п.), но с конца XII в. на первое место вышел диалект Иль-де-Франса, т. е. диалект Парижа, который постепенно превратился в литературный язык. В XV в. литература на других диалектах перестает существовать.

После Столетней войны во второй половине XV в. всё больше усиливается централизация Франции. В 1539 г. эдиктом Франциска I французский был объявлен официальным языком государства (что было направлено как против латинского, так и против провансальского языка). Это время — наиболее бурный и динамический этап истории французского языка. Стабилизация происходит в XVII в. после полной победы абсолютизма. Созданная Ришелье Французская академия (1635) должна была закрепить нормы языка (в 1694 г. вышел в свет академический словарь). С тех пор французский язык — язык великой литературы — менялся медленно и постепенно. Французская школа обязательно включает в свою программу детальное знакомство с великими писателями XVII в.: Корнелем, Расином, Мольером, Паскалем, Лафонтеном, и их язык вполне понятен современному образованному французу; язык же Рабле (начало XVI в.) понимается с большим трудом. Политическое влияние Франции в конце XVI в., блеск двора Людовика XIV, достижения французской культуры способствовали росту престижа французского языка среди образованных дворян Европы (особенно в Германии, Швеции, Польше и России). Французский стал международным языком европейской дипломатии.

К этому времени относится начало колониальной политики Франции. Французы проникают в глубь Северной Америки, от-

¹ Напомним, что норманны, говорившие по-французски, в 1066 г. покорили Англию.

крывают Великие Озера и Миссисипи, основывают поселения¹, куда стекаются колонисты. Войны с Англией привели в дальнейшем к распаду этой империи², но французский язык удержался в канадской провинции Квебек (7 млн), в штате Луизиана (в устье Миссисипи), а в креольской форме — на островах Гаити (7 млн), Мартиника и Гваделупа (1 млн), на некоторых островах Индийского океана (1 млн). Напротив, колониальные захваты XIX в. не вызвали значительного переселения французов. Впрочем, французский остается официальным языком многих африканских государств к югу от Сахары.

Что касается Европы, то здесь восточная граница французского языка не менялась с XVIII в. Кроме самой Франции по-французски говорят в южной половине Бельгии (*валлоны*) (4 млн) и в Западной Швейцарии (вокруг Женевы) (1,3 млн).

Французский язык используется как государственный во многих бывших колониях Франции (в основном в Африке). Эта (вторая) заморская империя сформировалась в XIX в. и закончила свое существование в начале 1960-х гг.

Провансальский язык (2 млн, л. с X в.). Языковая граница провансальских и французских диалектов сложилась еще в V в., когда север был занят франками, а юг — готами³. Этот язык первым из романских кодифицировал литературную языковую норму в лирической поэзии трубадуров (XII в.). Провансальский литературный язык называли также романским, лимузинским, лангедоком. Литературный успех трубадуров помог провансальской поэзии проникнуть в Испанию, Италию и даже в Германию. В XIII в. появляются грамматики провансальского языка (первый образец для новых европейских языков). Оригинальная провансальская культура была подорвана после присоединения к Франции. Провансальский литературный язык сошел на нет, а носители языка стали постепенно переходить на французский. В XIX в. возникло культурное движение за возрождение провансальского (или, как его теперь называют, *окситанского*) языка.

Может быть, особым языком следует считать *гасконский*. До конца XVIII в. он использовался как язык местной администрации. В настоящее время гасконский признан официальным язы-

¹ Многие города Америки носят французские названия: Монреаль, Детройт, Сент-Луис, Новый Орлеан, Луисвилл.

² Англия получила Канаду в итоге Семилетней войны (1763). Громадная территория к западу от Миссисипи была куплена Соединенными Штатами у Наполеона (1803).

³ Два фонетических перехода отличают французский язык (к северу от этой границы) от всех остальных романских языков: 1) [a] > [e] в открытом слоге, 2) с [k] > ch [ʃ > ʒ] перед а, ср.: лат. pater = фр. père 'отец', но прованс. paire, исп., ит. padre; лат. cantare = фр. chanter 'петь', но прованс., исп. cantar; лат. caballus = фр. cheval 'лошадь', но прованс. caval, исп., ит. caballo.

ком маленького округа (Val d'Агган) на крайнем северо-западе Каталонии (возле истока Гаронны).

Развитие иберо-романских языков в значительной степени зависело от политической истории Пиренейского полуострова. В 711 г. арабы вторглись в Испанию и за три года овладели всем полуостровом, за исключением гор Астурии, где сохранилось небольшое христианское королевство. Вскоре арабское государство в Испании стало независимым халифатом со столицей в Кордове. Большинство населения, однако, по-прежнему составляли христиане (*мосарабы*), говорившие на романском языке. Иберо-романские языки включили в свой состав довольно много арабских слов, ср.: исп. *aljibe* 'цистерна' < араб. *ḡubb* 'колодець'; исп. *alcázar* 'замок, дворец' < араб. *qaṣr*; исп. *arrabal* 'предместье' < араб. *gabaD*; исп. *adalid* 'полководец' = араб. 'вожак'; исп. *alcalde* 'алькальд' < араб. *qāDi* 'судья'; исп. *ojalá* 'дай бог' < араб. *inša allah* 'если бог хочет'.

В конце IX в. началось медленное (с перерывами и отступлениями) отвоевывание страны у арабов (Реконкиста). На севере полуострова сложились три очага Реконкисты. В центре находилось королевство Астурия (затем Леон), на западе — Галисия, на востоке — Наварра. Главная роль принадлежала центру: В середине XI в. рядом с Леоном появилось королевство Кастилия (со столицей Бургос). В 1085 г. кастильцы освободили Толедо¹ и перенесли туда свою столицу. В то же время на востоке от Наварры возникло королевство Арагон (со столицей в Сарагосе). Наконец, в 1139 г. особым королевством стала Португалия² (со столицей в Коимбре).

Второй и решающий период Реконкисты — XIII в. К концу этого века в руках арабов (мавров) оставалась лишь небольшая территория Гранадского эмирата. Гранада была завоевана в 1492 г., вскоре после объединения Кастилии и Арагона³.

Испанский язык (365 млн) имеет свою литературу с XII в. («Поэма о Сиде», воспевающая подвиги героя Реконкисты). С XIII в. испанский язык охватил и прозаические жанры литературы. Ядром испанского литературного языка явился кастильский диалект (испанский язык часто называют кастильским).

В 1492 г. Колумб на испанских кораблях достиг берегов Америки. По его следам шли испанские завоеватели (конкистадоры) в поисках славы и золота. Всего за сорок лет были завоеваны те земли, где и теперь говорят по-испански: Южная Америка (кроме Бразилии и Гвианы), Центральная Америка, Куба, Пуэрто-Рико и часть острова Гаити (совр. Доминиканская Республика).

¹ До арабского завоевания Толедо был столицей вестготского королевства.

² Название государства происходит от названия города Порто (Опорто).

³ Леон еще раньше вошел в состав Кастилии.

Американские колонии превратили Испанию в мировую державу, несметные богатства потекли в Мадрид (новую столицу). Вторая половина XVI — первая половина XVII в. — «золотой век» (*siglo d'oro*) испанской литературы (Сервантес, Лопе де Вега, Кальдерон). Богатейшая литература способствовала нормированию литературного языка, окончательная его стабилизация завершилась в XVIII в. В первой четверти XIX в. испанская колониальная держава распалась: страны Латинской Америки получили независимость¹, поэтому в настоящее время единый испанский язык существует в многообразии национальных вариантов². На испанском языке говорят в Испании — 28 млн, в Мексике — 94 млн, в Центральной Америке и на Антильских островах — 69 млн, в Южной Америке — 145 млн, в США — 28 млн.

Галисийский язык (3 млн) когда-то имел довольно богатую литературу (с XIII в.). По происхождению он близок к португальскому, но все больше втягивается в орбиту испанского языка на правах диалекта.

Португальский язык (178 млн, л. с XIV в.), так же как и испанский, распространился благодаря колониальным захватам. Еще в середине XV в. португальцы начали поиски морского пути в Индию, и в 1498 г. Васко да Гама достиг этой цели. В XVI в. усилия Португальского королевства были направлены на захват ключевых пунктов морских путей на Востоке.

В 1500 г. Кабрал подчинил португальской короне восточное побережье Южной Америки, позднее названное Бразилией (словом *brazil* назывался ценный вид дерева, вывозившийся отсюда). Лет через тридцать начался приток колонистов из Португалии, а с конца XVI в. — ввоз рабов из Африки. В 1822 г. Бразилия стала независимой. Сейчас там живет 94 % общего числа людей, говорящих по-португальски. На основе португальского возникло несколько креольских языков.

Каталанский язык (11 млн, л. с XII в.) восходит к языку жителей Испанской марки, поселенных в Каталонии³ Карлом Великим для борьбы с арабами. Первоначально это был лишь диалект провансальского языка, но, в то время как литература на провансальском языке постепенно исчезала, каталанский язык все более укреплял свои позиции, став основным языком Арагонского королевства, и в ходе Реконкисты распространился на Валенсию,

¹ После испано-американской войны 1898 г. Испания потеряла Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппины.

² Большой лингвистический интерес представляет язык евреев-сефардов, изгнанных в 1492 г. из Испании. Эти эмигранты жили в Турецкой империи и сохраняли старый испанский язык. В XX в. существовали газеты на этом языке (с латинским алфавитом). Сейчас их потомки живут в Израиле, их язык называют *ладино* (80 тыс.).

³ Обычно считают, что это слово этимологически связано с этнонимом *готы*.

Балеарские острова и северо-запад Сардинии. Объединение Арагона и Кастилии приостановило развитие каталанской литературы до XIX в., когда снова начинается подъем национальной культуры. Одновременно сам каталанский язык все более сближается с испанским.

Итальянский язык (64 млн). С VI до XIX в. Италия оставалась раздробленной в результате как внутренних раздоров, так и вмешательства иностранцев. Так, уже в VI в. южная половина страны была отвоевана у остготов Византией, с 568 г. остготов сменили лангобарды, создавшие множество герцогств; это предвещало будущую раздробленность Италии. Затем в итальянские дела попеременно вмешивались франки и арабы (IX в.), немцы (начиная с XII в.) и норманны (XII в.), французы (XV—XVI вв. и снова в XVIII—XIX вв.) и испанцы (XVI—XVII вв.). Только в середине XIX в. (1859—1870) Италии удалось объединиться.

Литература на итальянском языке появилась в XIII в. Литературный язык возник благодаря поэтической деятельности Данте (начало XIV в.), писавшего на тосканском диалекте, т. е. на диалекте Флоренции. Успех Данте был подкреплен литературными произведениями еще двух флорентийцев (XIV в.): стихами Петрарки и прозой Боккаччо. С тех пор итальянский литературный язык изменился очень мало, хотя окончательно стабилизировался в начале XVII в. Такая консервативность литературного языка связана с исключительной живучестью диалектов, на которых до сих пор создается богатая и интересная литература (на венецианском, неаполитанском, сицилийском, римском). В конце 1980-х гг. позиции диалектов как языка внутрисемейного общения были сильны — в области Венето более 60 % населения использовали в этих целях венецианский диалект, такую же долю составляли говорящие на диалекте на юге полуострова и на Сицилии. В Пьемонте, Ломбардии и Эмилии эта доля составляет чуть больше 20 %.

За пределами Италии на итальянском языке говорит население Корсики¹ и юга Швейцарии, а также эмигранты в странах Европы (2 млн) и Америки (6,5 млн).

К итало-романским языкам относят также **сардинский язык** (1,5 млн) — самый архаичный из романских языков — и мертвый далматинский язык, на котором до XIX в. говорили на восточных берегах Адриатического моря.

Ретороманская подгруппа (750 тыс.)² включает *руманшский* (один из государственных языков Швейцарии, л. с XVI в.) в верховьях Рейна, *энгадинский* — в верховьях Инна (л. с XVI в.), *ладинский* —

¹ Корсиканский (200 тыс.) с 1970-х гг. получил доступ в школы острова.

² Ретией в древности называли земли между Альпами и Дунаем (совр. Тироль и восточная Швейцария).

в верховьях Адидже (30 тыс.), *фриульский* (650 тыс., п. п. с XIV в.) — на крайнем северо-востоке Италии.

Балкано-романские языки образовались из латыни романских колонистов Дакии, Мезии и Иллирии. Основным занятием этих колонистов было животноводство. Это обстоятельство позволило им пережить многочисленные волны завоевателей (готов, славян, венгров, турок) и сохранить свой язык. В тяжелые времена они уходили в горы, в мирные — снова спускались в долины. Основной представитель этой подгруппы — **румынский** (24 млн). В X в. румыны приняли христианство и с ним старославянский язык в качестве литературного¹. На рубеже XIII—XIV вв. к северу от Дуная образовалось два княжества — Валахия и Молдавия, зависевшие сначала от венгров, а потом от турок. Первые письменные памятники румынского языка (записанные кириллицей) относятся к XVI в.; в основном это литература духовного содержания. Светская литература ориентировалась на византийские образцы. Пользуясь поддержкой России, румыны освободились от турецкого ига. В 1859 г. княжества объединились и стали называться Румынией. Примерно в это же время для румынского языка был принят латинский алфавит.

В Советском Союзе политические соображения привели к созданию концепции особого, молдавского, народа и *молдавского* языка. По существу, молдавский язык — это румынский язык, записанный русскими буквами.

По обе стороны греко-македонской границы живут аромуны, говорящие на *македоно-румынском* языке (130 тыс.). (Румынский в Румынии называют дако-румынским.) Наконец, на западе Хорватии (около г. Риеки) есть несколько сел, где говорят на истро-румынском языке.

§ 93. Германские языки

Германская группа (485 млн). В I тысячелетии до н.э. германские народы жили на севере Германии и в южной Скандинавии. Традиционно германские языки делятся на три подгруппы: восточную, северную и западную, но в западной подгруппе уже с древних времен наблюдается большое разнообразие диалектов.

На рубеже нашей эры восточные германцы (племена готов, вандалов, бургундов) переселились из Скандинавии на южный берег Балтийского моря. Свидетельством их пребывания в Скан-

¹ Словарь румынского языка насыщен славянскими заимствованиями, ср.: plug 'плуг', lopată 'лопата', coasă 'коса', ogradă 'двор', război 'война', slugă 'слуга', norod 'народ', ciuda 'чудо', citi 'читать', povestire 'рассказ', drag 'дорогой', dragoste 'любовь', vesel 'веселый', bogat 'богатый', biêt 'бедный', gol 'голый', prost 'глупый' и т. п.

динавии служат географические названия: Гётланд (провинция в Швеции), о. Готланд, о. Борнхольм, напоминающие о племенных именах готов и бургундов. На новом месте готы пробыли два века¹, а затем двинулись на юго-восток — к берегам Черного моря².

В степях Причерноморья готы разделились. Остготы задержались здесь дольше и затем (в V в.) включились в поход гуннов на запад, а позднее правили Италией, пока не были разбиты Византией. Что касается вестготов, то они начали свое движение на запад раньше. Уже в середине III в. римляне вынуждены были уступить вестготам Дакию, а в следующем веке часть готов поселилась в Мезии (совр. Болгария). Здесь готы приняли христианство, а их первый епископ Вульфила (IV в.) перевел для них с греческого Новый Завет, который остался единственным большим письменным памятником готского языка. В самом начале V в. вестготы захватили Рим, но сразу же отправились дальше на запад и основали свое королевство в Испании и Южной Галлии. В 451 г. вестготы, франки и римляне в битве на Каталаунских полях (совр. г. Шолон) вместе сражались против полчищ короля гуннов Атиллы. Королевство готов просуществовало до прихода арабов, но готы, по-видимому, быстро ассимилировались среди романского населения.

Вандалы чуть раньше готов попали в Испанию³, затем переселились в Северную Африку. Отсюда в 455 г. они совершили грабительский поход на Рим, вследствие чего их имя стало нарицательным — для обозначения бессмысленных разрушителей культуры. В VI в. Вандальское королевство было уничтожено греками.

Наконец, бургунды в начале V в. поселились на среднем Рейне (их столицей был Вормс), здесь в 437 г. они были разбиты гуннами и переселились на юг — на берега Роны (совр. Бургундия). Лет через сто их государство было поглощено франками. Ни вандалы, ни бургунды письменных памятников не оставили.

Западногерманская подгруппа (более 400 млн) складывалась из диалектов тех германских племен, которые еще до н. э. стали продвигаться на юг и запад от Эльбы, вытесняя кельтов, пока в I в. н. э. не столкнулись на Рейне и Дунае с римлянами. После многократ-

¹ Здесь готы жили по соседству со славянами, о чем свидетельствуют многие готские слова, проникшие в славянские языки, ср.: рус. *блюдо* (гот. *biuþs*), *букаа* (гот. *boka*, ср.: англ. *book*, нем. *Buch* 'книга'), *броня* (гот. *brunjo*), *меч* (гот. *mekeis*), *шлем* (гот. *hilms*), *хлеб* (*hialfs*). Готского происхождения такие слова, как *колодец*, *князь*, *хлев*. Нередко через готский язык проникали и латинские слова: *котел* (гот. *katils* < лат. *catilus*), *купить* (гот. *kaupon* от лат. *caupo* 'трактирщик'), *осел* (*asilus* < лат. *asinus*), *верблюд* (гот. *ulbands* < лат. *elephans* 'слон').

² Крымские готы сохраняли свой язык очень долго. Крымскоготский словарь, составленный в XVI в., — последний письменный памятник готского языка.

³ Память о них сохранилась в названии провинции Андалусия.

ных перемещений к концу V в. западногерманские племена включали франков (от нижнего Рейна до Луары)¹, алеманнов (по верхнему течению Рейна), баваров (в совр. Баварии и Австрии), тюрингов (в совр. Тюрингии), фризов (по берегам моря от Рейна до Везера), саксов (на юго-восток от фризов) и, наконец, лангобардов, в то время живших на территории совр. Венгрии².

С VI в. начинается возвышение франков, кульминация которого — время Карла Великого, в 800 г. объявившего себя императором. Империя Карла простиралась от океана до Эльбы и Адриатического моря и включала в свой состав почти все западногерманские племена континента.

С конца VIII в. возникает общее название для языка германцев Каролингской империи — *diutisk* (совр. нем. *deutsch* 'немецкий'), производное от *diut* 'народ', т. е. 'народный'. С VIII в. появляются и первые тексты на немецком языке: законы, глоссарии (словари), переводы христианских текстов, оригинальные поэмы исторического или духовного содержания. В лингвистическом отношении особняком стоит литература на древнесаксонском языке (поэмы на евангельские и ветхозаветные темы).

Распад Каролингской империи во второй половине IX в. предвосхитил позднейшее дробление Германии. Лингвистическая ситуация оставалась очень запутанной. С одной стороны, феодальное дробление способствовало расхождению диалектов, а с другой — диалекты влияли друг на друга, подготавливая дальнейшую интеграцию. На старые границы племенных диалектов накладывались новые, соответствующие новым языковым явлениям. Из многочисленных фонетических изменений, происходивших в немецком языке в этот период, особенно важно второе (верхне-немецкое) передвижение согласных.

Германские глухие согласные в южнонемецких (верхне-немецких) диалектах превращались в аффрикаты или в щелевые.

	Англ.	Нидерл.	Нем.	
p > pf	path [pa:θ]	pad	Pfad	'путь'
	plough [plau]	ploeg	Pflug	'плуг'
	apple [æpl]	appel	Apfel	'яблоко'
-p > -f	sharp [ʃa:p]	scherp	scharf	'острый'
	sleep [sli:p]	slapen	schlafen	'спать'
t > ts	tongue [tʌŋ]	tong	Zunge	'язык'
	two [tu:]	twee	zwei	'два'
	heart [ha:t]	hart	Herz	'сердце'

¹ Франки делились на салических, живших по берегам моря, и рипуарских, живших по Маасу и Рейну.

² Позднее лангобарды захватили Италию. От их имени происходит название провинции Ломбардия.

-t > -s	white [wait]	wit	weiss	‘белый’
	street [stri:t]	straat	Strasse	‘улица’
	foot [fut]	voet	Fuss	‘нога’
-k > -x	break [breik]	breken	brechen	‘ломать’
	make [meik]	maken	machen	‘делать’

Это звуковое изменение разделяет немецкие диалекты на верхненемецкие, где оно происходило, и нижненемецкие, где оно не наблюдается. Поскольку все памятники немецкой литературы VIII—XI вв. (за исключением древнесаксонского) отражают второе передвижение согласных, язык этой эпохи называют **древневерхненемецким**.

В XI—XII вв. немецкий язык распространялся на северо-восток — на земли лужичан и полабов (Верхняя Саксония, Мекленбург, Бранденбург) и на юг — на земли словенцев (Штирия, Каринтия, совр. Словения). «Благочестивая» цель обращения язычников приводит к созданию духовно-рыцарских орденов (XIII в.): ордена меченосцев, покорявших ливов и латышей, Тевтонского ордена, боровшегося с пруссами. Немцы колонизируют Трансильванию (в совр. Румынии).

В эпоху позднего Средневековья (XI—XV вв.) немецкий язык осваивает новые жанры. Некоторые из них связаны уже с такой формой языка, которая не ограничена каким-то одним диалектом. Около 1200 г. отмечается расцвет рыцарской поэзии (большие поэмы Гартмана фон Ауэ, Вольфрама фон Эшенбаха, Готфрида Страсбургского, любовная лирика миннезингеров). В конце XIII в. записан немецкий героический эпос («Песнь о Нибелунгах»).

Другая языковая и идеологическая традиция проявилась в мистической литературе XIII в. (Восточная Германия). С этой традицией связаны первые опыты прозаических переводов Библии. На севере Германии большой популярностью пользовались исторические сочинения. Повсюду немецкий язык проникает в деловые и юридические документы, в переписку имперской и княжеских канцелярий. С XV в. в колонизируемых восточных землях намечается новый тип письменного языка, представлявший собой некоторое усреднение верхненемецких диалектов. Особенно популярным на западе и юге был диалект Мейсена (Саксония). Книгопечатание (со второй половины XV в.) еще более способствовало единству языка.

Наконец, появился перевод Библии, созданный зачинателем Реформации Мартином Лютером (начало XVI в.). Библия Лютера стала настольной книгой в каждой немецкой семье (сначала у протестантов, а потом и у католиков). Таким образом, литературный немецкий язык распространялся по Германии. Правда, речь идет только о лексике, стилистике и грамматике; произношение в разных землях оставалось различным.

Унификация немецкого языка задерживалась политической раздробленностью Германии, надолго закреплённой общеевропейской Тридцатилетней войной (1618—1648). Процесс объединения германских государств растянулся на два века, причём политическая гегемония постепенно переходила от Австрии к Пруссии¹, которая и завершила объединение в 1871 г. Только тогда появилась необходимость выработки единого произношения литературного немецкого языка (*Bühnendeutsch* 'сценический немецкий').

На немецком языке говорят сейчас 108 млн человек: из них 95 млн в Германии, Австрии, Швейцарии, Люксембурге², Эльзасе (Франция), 5 млн в США и 3 млн в Латинской Америке.

В России (без Польши и Финляндии), по переписи 1897 г., было около 1,4 млн человек, для которых немецкий был родным языком, что составляло 1,2% всего населения. Из них 170 тыс. жили в нынешней Эстонии и Латвии (7%), 50 тыс. в Петербурге (4%), 18 тыс. в Москве, (1%), 390 тыс. в Самарской и Саратовской губерниях (7%), 170 тыс. в Волынской губернии (6%), 340 тыс. в четырёх степных губерниях Украины (4%), 56 тыс. на Дону и Кубани (1%). В столицах немцы жили издавна, ещё раньше появились они в Курляндии и Ливонии. Что касается Поволжья, то туда немцы переселялись с конца XVIII в. по приглашению Екатерины II; в первой половине XIX в. немецкие колонисты направлялись главным образом на Украину. В 1941 г. большинство немцев было депортировано на восток, автономия немцев Поволжья была упразднена. Примерно половина бывших советских немцев (т.е. 1 млн) сохраняют немецкий язык как родной. В России на немецком говорят 300 тыс., в Казахстане — 500 тыс. человек.

Верхнегерманские диалекты дали начало также языку *идиш*. В XIX в. идиш был родным языком евреев Восточной Европы (России, Польши, Венгрии, Румынии), куда они переселялись из Германии начиная с XIV в.³ Под влиянием славянских языков идиш очень изменился, впитав массу заимствований и частично перестроив фонологическую систему. Долгое время на этот язык смотрели как на жаргон, «испорченный» немецкий. Расцвет литературы второй половины XIX в. способствовал выработке литературного языка. В языке идиш используется еврейское письмо. В конце XIX в. общее число говорящих на идиш составляло примерно 8 млн, из которых 5 млн человек жили в Российской империи; сейчас оно едва ли составит 1,5 млн. Две основные причины

¹ Курфюрст (князь) Бранденбурга (столица — Берлин) в 1618 г. получил в наследство бывшие владения Тевтонского ордена в Пруссии; в 1701 г. бранденбургский курфюрст стал именовать себя королём Пруссии.

² В герцогстве Люксембург *люксембургский* (один из верхнегерманских диалектов) признан одним из государственных языков (наряду с немецким и французским).

³ В самой Германии евреи начиная с XVIII в. переходили на литературный немецкий язык.

объясняют это уменьшение: уничтожение евреев нацистами, с одной стороны, а с другой — языковая ассимиляция народа, живущего в современных городах в диаспоре (например, в начале XX в. почти все евреи Украины говорили на идиш, в 1989 г. — лишь 7 %).

Что касается нижненемецких диалектов, то судьба их складывалась по-разному на севере и северо-западе Германии и в Нидерландах (т. е. по самому нижнему течению Рейна и его притоков). На севере Германии в XIV в. вырабатывается общий деловой язык городов Ганзы¹. Торговая гегемония Ганзы на Северном и Балтийском морях способствовала проникновению нижненемецких слов в скандинавские и финские языки. Но расцвет **нижненемецкого** был недолгим. Упадок Ганзы в конце XV в. привел и к упадку нижненемецкой литературы; если в начале XVI в. лютеровская Библия переводилась на нижненемецкий, то уже в конце века северная Германия читала ее без перевода. Нижненемецкие диалекты Германии полностью включились в сферу влияния литературного немецкого (т. е. верхненемецкого) языка.

По-иному развивались нижненемецкие диалекты на западе. Здесь на диалектах Брабанта и Фландрии с XIII в. складывалась особая литературная традиция, в которой сочетались рыцарские и городские мотивы². Эти области были очагом развития городов на севере Европы. Реформация протекала здесь особенно бурно и ожесточенно. С одной стороны, это была классовая борьба буржуазии городов с феодалами, с другой — религиозная (протестанты и католики) и национальная борьба (нидерландцы против испанцев)³. В 1566 г. началась долгая война Нидерландов за независимость. Борьба продолжалась до 1609 г. С тех пор закрепилось политическое разделение страны: на севере существовала независимая Голландия, юг же сохранил католичество и зависимость от Габсбургов. (Бельгия стала независимой только в 1830 г.)

Политическое разделение страны привело к некоторому разобщению языкового развития. На юге нидерландские диалекты объединяются под общим названием *фламандского языка*, но литературная норма здесь вырабатывается только после создания независимой Бельгии. На севере уже в XVII в. выработался литературный *голландский язык*, включивший в свой состав не только материал франкских диалектов, но и элементы саксонские и фриз-

¹ Ганза — торгово-политическое объединение Любека, Гамбурга, Бремена и других городов.

² Особенно важен «Роман о лисе», позднее переложенный на соседние языки.

³ Династия германских императоров Габсбургов в XVI в. стала одновременно испанской королевской династией и управляла Нидерландами с помощью испанских войск.

ские. Однако расхождения между двумя вариантами невелики. Орфографические реформы вновь создают единство **нидерландского** языка (21 млн, из них 14,5 млн в Нидерландах и около 6 млн в Бельгии).

В эпоху своего политического и экономического расцвета (в XVII в.) Голландия основала большую колониальную империю, потеснив Португалию. До Второй мировой войны ей принадлежала Индонезия. Нидерландский язык остается официальным языком Суринама (Южная Америка). Из прошлых колоний важно отметить Капскую провинцию, давшую начало особому народу — африканерам (бурам). Во время наполеоновских войн Капская земля попала под власть англичан, и значительная часть буров стала переселяться внутрь континента. Здесь в середине XIX в. образовались две бурские республики: Оранжевая и Трансвааль; англо-бурская война положила им конец. Африканеры составляют большую часть белого населения Южно-Африканской Республики. Язык **африкаанс** (7 млн) сильно изменился за три столетия¹; в XX в. он выработал свою литературную норму.

На континенте есть еще один западногерманский язык — **фризский** (500 тыс.). На нем говорят в основном в северных Нидерландах, а также по обе стороны границы Дании и Германии (25 тыс.). Первые письменные памятники относятся к XIII в. (древнефризский). Литературный язык выработался в XX в.

От остальных западногерманских языков рано обособился (географически и лингвистически) **английский** язык. В середине V в. племена англосаксов и ютов начали переселение в Британию. За два с половиной века англосаксы захватили большую часть острова, создав здесь несколько королевств. Англы захватили север (королевства Мерсия и Нортумбрия), юты заселили юго-восток (Кент), между ними располагались саксы (у которых выдвинулось королевство западных саксов — Уэссекс). В VII в. англосаксы принимают христианство, и с VIII в. появляются первые тексты на древнеанглийском языке: переводы латинских церковных и исторических сочинений, хроники, проповеди, поэмы на библейские сюжеты, эпическая поэма «Беовульф».

В IX в. начинаются военные вторжения скандинавов (датчан) в Англию. К концу века датчане переходят к постоянной оккупации страны. Только на юго-западе Уэссекс отбивал все атаки и сам переходил в контрнаступление. Отношения англосаксов и скандинавов не всегда были враждебными. Близость языков позволяла им жить бок о бок, мирно общаясь друг с другом. В конце концов к XI в. скандинавы были ассимилированы, но их язык, в свою очередь, повлиял на английский. Это влияние проявилось

¹ В какой-то мере происходила его креолизация в устах так называемых «цветных» (т. е. потомков белых и местного населения).

как в лексике¹, так и в некотором усреднении грамматических форм, в расшатывании древнеанглийской морфологии.

В древнеанглийский период единый литературный язык еще не выработался, хотя уэссекские языковые черты в X—XI вв. встречаются в письменных памятниках севера и востока.

В 1066 г. войско нормандского герцога Вильгельма (Завоевателя) разгромило англосаксов в битве при Гастингсе. Тысячи французов стали переселяться на остров. Английский язык уступил место французскому и латинскому в сфере управления и суда, в сфере образования и дворянской культуры. Конечно, английский язык продолжал сохраняться как разговорный язык (язык XII—XV вв. называется среднеанглийским). Сохранялась и письменная традиция английского языка.

Влияние французского языка преобразовало английскую лексику. В XII—XIII вв. сотни и даже тысячи французских слов проникли в английский язык, охватив прежде всего область феодальных отношений: noble 'благородный', baron 'барон', count 'граф', duke 'герцог', embassy 'посольство', heir 'наследник', gentle 'благородный', country 'страна', base 'низкий', grace 'милость', people 'народ', farm 'ферма', service 'служба', villain 'низкий, подлый', peasant 'крестьянин', royal 'королевский', castle 'замок', tower 'башня', guard 'охрана', garrison 'гарнизон', court 'двор', herald 'вестник'.

Французские слова охватывают сферы войны: war 'война', peace 'мир', challenge 'вызов', siege 'осада', danger 'опасность', arms 'оружие', retreat 'отступление', truce 'перемирие', enemy 'враг', brave 'храбрый', mercy 'пощада', traitor 'предатель', coward 'трус'; суда и управления: judge 'судья', council 'совет', chancellor 'канцлер', office 'должность', order 'порядок, приказ', complaint 'жалобы', rule 'правило', tax 'налог', prison, jail 'тюрьма', clerk 'клерк'.

Но французский был также языком значительной части городского населения, что отражается в словах, обозначающих реалии городской жизни, ремесла, торговли, финансов: city 'город', mayor 'мэр', carpenter 'плотник', tailor 'портной', mason 'каменщик', barber 'парикмахер', bargain 'сделка', affair 'дело', debt 'долг', fair 'ярмарка', market 'рынок', merchant 'купец', measure 'мера', money 'деньги', pay 'платить', price 'цена', profit 'прибыль'.

Французские слова охватывают все стороны быта: chair 'стул', chamber 'комната', garment 'одежда', boot 'сапог', button 'пуговица', dress 'одевать', glass 'стекло', pocket 'карман', dance 'танец', joke 'шутка', table 'стол', dinner 'обед', supper 'ужин'.

Наконец, очень велика доля французских слов среди названий абстракций: spirit 'дух', honour 'честь', beauty 'красота', age

¹ Многие английские слова происходят из скандинавского, ср.: law 'закон', husband 'муж', earl 'граф', get 'получить', take 'брать', hit 'ударить', leg 'нога', skin 'кожа' и др.

‘возраст’, chance ‘случай’, finish ‘конец’, force ‘сила’, hour ‘час’, joy ‘радость’, liberty ‘свобода’, power ‘мощь, власть’, rage ‘гнев’, reason ‘разум’.

Постепенно английский язык (диалект Лондона) начинает играть все большую роль в сфере письменного общения. Сначала он захватывает литературу. В XIII в. в ней еще очень мало оригинального, но уже Чосер (XIV в.) дал высочайшие образцы английской поэзии. С 1363 г. в парламенте говорили речи на английском языке. Вскоре английский стал языком королевского двора, но только в конце XV в. на нем стали публиковать законы.

Одновременно английский язык начинает выходить за пределы Англии, проникая в Ирландию и Шотландию, где возник особый диалект¹.

В XVI в. начался процесс выработки английского литературного языка. Это было время растущей мощи Англии, отстоявшей свою независимость от Испании, время первых колониальных захватов, время английского Возрождения, полнее всего проявившегося в драме. Английский театр XVI—XVII вв. дал много первоклассных драматургов, прежде всего Шекспира. Большую роль в унификации языка сыграла художественная проза и публицистика начала XVIII в. К этому времени относится окончательная стабилизация орфографии².

С XVII в. английский язык начинает распространяться за океанами. В Америке возникают колонии двух типов. Одни создавались при государственной поддержке, в них рано распространился рабский труд негров (колонии юга — Виргиния, Мэриленд, Каролина), другие (на севере) заселялись колонистами, бежавшими от религиозных преследований. В 1664 г. англичане завоевали голландскую колонию с центром в Новом Амстердаме (переименованном затем в Нью-Йорк) и тем самым сомкнули две группы колоний. В XVIII в. Англия последовательно отбирала у Франции земли в Канаде. Война американских колоний за независимость (1776—1783) не изменила положения английского языка в Аме-

¹ Шотландское королевство тогда было независимым, и потому как в официальных, так и в литературных целях использовался шотландский (а не лондонский) диалект английского языка (Scots). Он мог бы превратиться в особый литературный язык. Однако уния двух королевств (1603) остановила дифференциацию, и в Шотландии стал распространяться литературный язык Лондона. Образцы поэзии на шотландском английском языке дал Бернс (конец XVIII в.). И сейчас появляется литература на шотландском английском.

² Исключительная нерегулярность английской орфографии объясняется ее консервативностью. Она примерно соответствовала произношению конца XV в., когда развернулась деятельность первых типографов. С тех пор в языке произошли многочисленные фонетические изменения (в том числе «великий сдвиг гласных»), а орфография менялась очень мало.

рике: отныне он распространялся вместе с территориальным ростом США. Английский язык в Америке сохранил традицию литературного языка, но выработал свою собственную произносительную норму. В XIX в. английский язык распространился в Австралии и Южной Африке.

В настоящее время на английском языке говорят около 340 млн: из них в Англии и Ирландии — 59 млн, в Канаде — 22 млн, в США — 230 млн, в Южной Африке — 4 млн, в Австралии — 16,5 млн, в Новой Зеландии — 3,5 млн. Креольские языки, восходящие к английскому, насчитывают 4 млн говорящих.

Скандинавские (северогерманские) народы довольно поздно начали переселение, столь свойственное германцам в I тысячелетии н.э. Скандинавы дальше всех отстояли от культурных центров Средиземноморья и дольше сохраняли древнюю германскую культуру. Древнейшие письменные памятники скандинавских языков — рунические надписи (с III в. н.э.)¹.

Скандинавский период походов и переселений («эпоха викингов») занимает два с половиной века (800—1050). Из Швеции скандинавы продвигались на восток — в Финляндию, восточным путем по Волхову, Днепру и Черному морю доходили до Константинополя. С конца IX в. варяжская (скандинавская) династия Рюриковичей правила на Руси. Как уже говорилось выше, из Дании скандинавы (на Западе их называли норманнами) вторгались в Англию. После многих успешных грабительских походов во Францию они в 911 г. закрепили за собой область в устье Сены (герцогство Нормандия), откуда через полтора века завоевали Англию. В 1043 г. нормандская династия утверждается в Сицилии. Но как на востоке, так и на западе скандинавы быстро ассимилировались среди окружающего населения и уже через поколение забывали свой язык.

По-другому сложились судьбы выходцев из Норвегии. Правда, в Ирландии и Шотландии скандинавский язык исчез довольно скоро, но на Оркнейских и Шетландских островах он уступил место английскому только в XVIII в. Наибольший интерес представляет скандинавский язык в Исландии, заселенной норвежцами с IX в. Изолированность Исландии превратила ее в своеобразный этнографический и лингвистический «заповедник», где долго сохранялись демократические порядки старины. Христианство здесь было принято мирным путем (в 1000 г.) и не мешало сохранению древних языческих обычаев и литературы, усердно записываемой с XIII в. Ни в одной другой германской стране не сохранились так хорошо древние мифы, героические поэмы («Стар-

¹ Рунические надписи изредка встречаются и у других германцев: готов, англосаксов; но у скандинавов они возникли раньше и сохранялись дольше (до XIII в.).

шая Эдда»), вычурные хвалебные оды скальдов¹, реалистические семейные хроники (прозаические саги). Блестящая литература способствовала ранней фиксации литературного исландского языка. Хотя с конца XIII в. исландцы потеряли независимость (ими управляла сначала Норвегия, а потом Дания), **исландский** язык сохранился. Современный исландец легко читает и понимает все, что было написано в XIII в. (произношение же сильно изменилось). Исландия снова стала независимой в 1944 г.; сейчас на исландском языке говорят 300 тыс. человек.

К исландскому довольно близок **фарёрский** язык (40 тыс. на Фарерских островах), на котором сейчас ведется преподавание в школах, издается газета.

В самой Скандинавии принятие христианства совпало с образованием трех королевств: Дании, Норвегии, Швеции (X—XI вв.) — и сопровождалось гонениями на языческую культуру.

Самым сильным из этих королевств сначала была Дания. В XV в. она даже объединяла под своей властью всех скандинавов. Тем не менее **датский** язык (5,5 млн) лишь с большим трудом отвоевывал позиции у немецкого (языка городов и королевского двора). Область распространения датского языка постепенно сокращалась: в Шлезвиге (северная Германия) победил немецкий, в Сконе (южная Швеция) — шведский.

Борьба с датчанами способствовала росту национального самосознания шведов, вновь получивших независимость в 1523 г. Наибольшего могущества Швеция достигла в XVII в., она играла главную роль в Тридцатилетней войне. К концу века в ее руках кроме Финляндии, покоренной еще в XIII в., были Ингрия (между Ладожским озером и Нарвой), Эстония, Лифляндия, многие земли в Германии. Северная война (1700—1721) привела к утрате большинства заморских владений. В войнах с Россией Швеция потеряла и Финляндию. В настоящее время шведский язык (9 млн) распространен в Швеции (8 млн), Финляндии (300 тыс.) и среди эмигрантов в Америке.

Большим своеобразием отличается история **норвежского** языка (5 млн). После утраты Норвегией независимости норвежский язык исчез из письменного употребления, уступив свое место датскому. После наполеоновских войн (1814) Норвегия фактически стала независимой². Начался подъем культуры, очень остро встала проблема преодоления разрыва между датским литературным языком и разговорными диалектами норвежцев. С одной

¹ Ни в одной другой стране мира мы не найдем такого проникновения поэзии в повседневную жизнь народа. Характерно, что крупнейший литературный памятник — «Младшая Эдда» представляет собой учебник поэтического мастерства.

² До 1907 г. она состояла в унии со Швецией.

стороны, датский язык в Норвегии все более норвегизировался, превратившись в особый литературный язык — *букмол* ‘книжный язык’¹; он и сейчас господствует в Норвегии. С другой стороны, многие норвежские патриоты ратовали за создание собственно норвежского языка. Такой язык (как синтез норвежских диалектов) и был создан филологом Осеном в середине XIX в. Этот язык называется теперь *новонорвежским*², главная опора его — народная школа (17 % всех школ Норвегии используют новонорвежский). Новонорвежский преобладает на юго-западе страны (вокруг Бергена). Оба литературных языка считаются государственными.

§ 94. Балтийские языки (5 млн)

Балтийские и славянские языки близки друг к другу и, может быть, являются продолжением одной и той же группы диалектов. Балтийские языки оказались более консервативными (литовский архаичнее латышского, а прусский еще более архаичен). Одно из характерных соответствий, связывающих славянские и балтийские языки, записывается так:

слав. *o* = балт. *a* (кроме окончаний слова),
 слав. *a* = балт. *o*, *uo* (кроме окончаний слова), ср.:

литовский	русский	литовский	русский	литовский	русский
akis	око	avižà	овес	bóba	баба
dàlia	доля	avìs	овца	brólis	брат
karālius	король	rāgas	рог	dúoti	дать
kasà	коса	gasà	роса	mótina	мать
lavùs	ловкий	stālas	стол	rõjus	рай
naktìs	ночь	vādas	вождь	sõdas	сад
valià	воля				

Балтийские языки когда-то были распространены от Вислы на западе до верхней Оки на востоке, от Припяти на юге до Западной Двины на севере. Распространение славян привело к сокращению земель балтийских народов на юге и востоке. С XIII в. началось немецкое наступление, в конце концов полностью поглотившее пруссов (Восточная Пруссия). **Прусский** язык исчез к XVIII в.

На северо-востоке успехи немецких рыцарей (Ливонского ордена) были тоже весьма значительны. Вся территория до Нарвы и Чудского озера была завоевана ими, местные народы — латыши,

¹ Раньше его называли *риксмол* ‘язык государства’.

² Прежнее его название — *лансмол* ‘язык страны’.

ливы и эстонцы оказались в положении угнетаемых крестьян. Вся верхушка феодального общества была немецкой. В XVI в. в ходе Реформации Ливония вступила в полосу политического кризиса. Орден прекратил свое существование, за его наследство развернулась борьба между соседями: Московским царством, Речью Посполитой (Польшей) и Швецией. Ливонская война кончилась неудачей для Москвы. Швеция и Польша разделили Ливонию. Образовалось герцогство Курляндия¹, ставшее вассалом Польши. Но через полтора века в результате Северной войны все земли к северу от Западной Двины оказались в составе Российской империи, но господство немецкого дворянства сохранилось и в новых условиях. В отличие от пруссов латыши сумели сохранить свой **латышский** язык. В 1918 г. Латвия стала независимой (с 1940 по 1990 г. была союзной республикой в составе СССР).

Вне сферы влияния немцев остались литовцы. В середине XIII в. литовские князья стали захватывать русские земли (Белоруссию). Но русские подданные уже ко времени Гедимина (XIV в.) играли равную с литовцами роль, почему и литовское княжество можно назвать с этого времени литовско-русским государством. С середины XIV в. при князе Ольгерде начинается соперничество Москвы и Литвы. В это время литовские владения распространяются на юг (Волынь, Подолье, Киев). При князе Витовте (начало XV в.) Литва достигла наивысшего могущества². В это время среди литовцев стало распространяться католичество, вместе с ним возобладало и польское влияние. В 1569 г. Литва и Польша объединились политически. После разделов Польши Литва вошла в состав России. Судьба Литвы в XX в. аналогична судьбе Латвии.

Балтийская группа включает **литовский** (3,5 млн), **латышский** (1,5 млн) языки, образующие восточную подгруппу, и противостоящий им **прусский** язык (теперь уже мертвый). Письменность на этих языках возникла в XVI в. (впрочем, сохранился немецко-прусский словарь 1400 г.), литературные литовский и латышский языки окончательно сформировались в начале XX в.

Среди современных индоевропейских языков балтийские языки выделяются многими архаическими чертами. В области фонетики отметим сохранение «интонаций» в ударном слоге (см. с. 37). В словоизменении литовского имени хорошо сохранились конечные гласные основы и следующие за ними флексии, в диалектах сохраняется даже такой архаизм, как двойственное число.

¹ Название *Курляндия* происходит от названия племени куршей, живших по берегам моря (между нынешними Клайпедой и Вентспилсом).

² Именно Витовт командовал в знаменитой Грюнвальдской битве (1410), где объединенные силы литовцев, русских и поляков разгромили войска Тевтонского ордена.

§ 95. Славянские языки (297 млн)

До начала новой эры славяне жили к югу от балтийцев и к северу от Карпат, занимая полосу равнин от верхней Вислы почти до Днепра. В I—II вв. н.э. начинается движение славян на северо-запад (к Одере и Балтийскому морю) и на северо-восток (вверх по Днепру и Десне), а с III в. — на юг через Карпаты на Дунайскую низменность. С VI в. славяне из Дакии проникают на Балканы, доходя до юга Греции (и даже на Крит). Одновременно славяне Паннонии (совр. Венгрии) продвигаются на запад и юго-запад к Альпам и к Адриатическому морю. В конце IX в. на Среднедунайской низменности в самом центре славянского мира появились венгры, разорвав связь славянских племен к югу от Карпат.

В это время окончательно складывается тройное деление славянской группы на западные, восточные и южные языки. Каждая из этих групп отличается от других как культурно-исторически, так и лингвистическими признаками.

Например, для восточнославянских языков характерно полногласие в отличие от неполногласия других славянских языков. Суть этого фонетического изменения сводится к следующему. Во всех славянских языках установился закон открытых слогов (см. с. 32), а потому старые сочетания TAR-TA¹ устранялись (они сохранялись в балтийских языках). Но в западных и южных языках это устранение приводило к результату TRA-TA, а в восточнославянских — к TA-RA-TA².

Балтийск.	Западнoслав.	Южнослав.	Восточнослав.
béržas	brzoza	бреза (болг.)	береза
galvā	głowa	глава	голова
maldai (прус.) 'отрок'	młody	младъ	молодой
salme (прус.)	słoma	слама (болг.)	солома
saldus	słodki	сладкъ	солодкий (укр.)
wargs (прус.) 'злой'	wróg	врагъ	ворог

Южнославянская подгруппа (31 млн) включает две пары языков: 1) болгарский и македонский и 2) сербскохорватский и словенский.

К VII в. славяне овладели Мезией и Фракией (нынешней Болгарией) и ассимилировали часть местного населения. В 670-х гг. из степей Украины пришло тюркское племя болгар (см. с. 317),

¹ R символизирует плавный сонант (l или r).

² Если не оговорено специально, балтийские примеры берутся из литовского, западнославянские — из польского, южнославянские — из старославянского, а восточнославянские — из русского.

которое и подчинило себе славян в рамках нового Болгарского государства. Постепенно тюрки растворились в местном славянском населении, но имя их сохранилось для обозначения страны и народа.

В 865 г. болгары приняли христианство, в связи с чем появилась славянская письменность. Создатели славянской письменности братья Кирилл и Мефодий проповедовали христианство в Моравии, но церковные греческие книги они переводили не на моравский диалект, а на знакомый им с детства болгарский. Так был создан первый литературный славянский язык, называемый в науке **старославянским** (иначе — древнеболгарским).

Старославянский язык не получил широкого употребления в Чехии и Моравии из-за соперничества римской церкви, но зато он стал литературным языком у тех славян, которые получали христианство от византийской церкви, т. е. у болгар, сербов, румын и у восточных славян.

Литература на старославянском языке огромна. Первоначальным ее центром была Болгария (IX—XII вв.), но вскоре к ней присоединяются другие славянские страны. Особенности местных диалектов проникали в старославянский текст, формируя географические варианты старославянского языка. Например, в древнейшем старославянском памятнике на Руси Остромировом Евангелии (1056) уже заметны некоторые русские черты. Такие варианты называются церковно-славянским языком такого-то извода (например, сербского, русского, болгарского).

К концу XIV в. Болгарией овладели турки, национальная культура стала приходить в упадок. Культурное возрождение XVIII в. связано уже с современным **болгарским** языком (9 млн), грамматически чрезвычайно далеким от старославянского. Окончательное формирование литературного языка произошло уже после обретения независимости (1878).

К болгарскому языку очень близок **македонский** (1,8 млн). Македония стала независимой в 1991 г.

Сербскохорватский (18 млн) является языком сербов, хорватов, черногорцев и боснийцев. Этническое разнообразие при единстве языка объясняется различием конфессий: хорваты — католики, сербы — православные. Выбор конфессии объясняется политической ориентацией соответствующих государств (Хорватии — на Рим, Сербии — на Константинополь). После недолгого самостоятельного существования Хорватия вошла в состав Венгерского государства. Сербское королевство смогло просуществовать до 1389 г., когда сербы были разбиты турками на Косовом поле. Независимость Сербии была восстановлена только в начале XIX в. С XV в. часть югославов (боснийцы) приняла ислам. Тогда же выделились в особую группу черногорцы, высоко в горах сохранившие православие. Своеобразная романо-сла-

вянская культура возникла в приморских городах Далмации (Дубровник и др.).

Оформление сербскохорватского литературного языка произошло в первой половине XIX в., когда объединили свои усилия передовые деятели культуры сербов и хорватов (особенно Караджич в Сербии и Гай в Хорватии). Политическое объединение страны завершилось только в 1918 г. в результате распада Австро-Венгерской монархии, но государство снова разделилось в последние годы.

Словенский язык (2,2 млн, п.п. с X в.) распространен на северо-западе бывшей Югославии. С конца VIII в. словенцы жили под властью немцев. Отсутствие государственности на протяжении многих веков привело к крайней диалектной раздробленности. С 1991 г. Словения стала независимой.

Западнославянская подгруппа (59 млн) характеризуется довольно большим лингвистическим разнообразием.

Поляки впервые объединились в середине X в., тогда же было принято христианство и латинский язык как литературный. После долгого периода феодальной раздробленности, когда немцы стали проникать в Поморье и Силезию, в середине XIV в. полякам снова удалось объединиться. Только теперь появились первые письменные памятники польского языка. Укрепление Польского королевства, его территориальный рост (в частности, захват Галицкой Руси), уния с Литовским княжеством — все это способствовало росту престижа польского языка и расцвету польской литературы. Нормы литературного языка сложились в XVI в. на основе малопольских диалектов (в частности, Кракова).

Феодально-сословная система Польского государства (Речи Посполитой) несла в себе зародыш собственной гибели. Анархия магнатов и шляхты (дворянства), бесконечные изнурительные войны с соседями (особенно с Россией и Швецией), угнетение крепостных в конце концов привели Польшу к упадку. В конце XVIII в. после трех разделов между Россией, Пруссией и Австрией Речь Посполита перестала существовать. В 1807 г. под эгидой Наполеона появилось Великое герцогство Варшавское, но поражение французов в 1812 г. развеяло надежду на независимость. По результатам Венского конгресса (1815) большая часть поляков оказалась в составе Российской империи. Разделы и неудачные восстания против русского господства в 1830 и в 1863 гг. породили значительную эмиграцию (особенно на запад)¹.

¹ Относительно лучше польский язык сохранялся в Австрии, в Российской империи проводилась целенаправленная политика русификации (особенно между 1863 и 1905 гг.), еще интенсивнее происходила германизация польских земель в Германской империи.

После Первой мировой войны Польша обрела независимость (1918). Неудачная для РСФСР русско-польская война 1920 г. дала Польше земли на востоке, где большинство населения составляли восточные славяне (Западная Украина и Западная Белоруссия). До 30 % населения государства составляли национальные меньшинства. Пакт Гитлера — Сталина (1939) привел к «пятому» разделу Польши. В 1945 г. Польша приобрела новые границы. На востоке это этническая граница на начало XX в., на западе же граница прошла по рекам Одра и Ниса (западные земли более двух веков были в составе Пруссии). После этого Польша стала мононациональным государством.

Всего на польском языке говорят 42 млн человек, в том числе 37 млн в Польше и около 4 млн в Западной Европе и Америке.

Кашубский (поморский) язык, на котором существовала небольшая литература с XVIII в., сейчас полностью слился с польским.

Между Эльбой и Одером (на север от совр. Берлина) с VIII до XVIII в. существовал *полабский* язык. Попытки полабских славян объединиться для отпора немцам (XI в.) не увенчались успехом. Славяне в этих местах были покорены немцами и постепенно ассимилировались. Полабский язык известен по двум словарикам, составленным в конце XVII в.

Ассимилировались немцами и лужичане (самоназвание — сербы, немцы называют их сербами или вендами), жившие к югу от полабов. Однако до сих пор в немецком окружении (на юго-востоке Бранденбурга) сохранились два *лужицких* языка (70 тыс., п.п. с XVI в.): нижнелужицкий вокруг Котбуса (по-лужицки — Хотебуз) и верхнелужицкий вокруг Бауцена (по-лужицки — Будышин). С XIX в. на лужицких языках есть своя литература, норма литературных языков.

Предки современных чехов с V в. жили к югу от лужичан. В IX в. здесь образовалось сильное Моравское государство (главные центры современной Моравии — Брно и Оломоуц), в начале X в. центр славянской государственности передвинулся в Чехию (со столицей в Праге). Первоначальная литературная традиция на старославянском языке была забыта. С XI в. единственным языком письменности стал латинский. Первые письменные памятники *чешского* языка восходят к XIII в. К этому времени Чешское королевство — одно из самых сильных государств Центральной Европы. В 1348 г. был основан Пражский университет. Международное значение Чехии особенно возросло в начале XV в. в связи с антифеодальным религиозно-реформаторским движением гуситов (названо по имени Яна Гуса). Хотя гуситы и были разбиты, их движение предопределило подъем национальной культуры, чешский стал государственным и литературным языком страны, а XVI век — «золотым веком» чешской литературы.

Но в том же XVI веке намечается тенденция к усилению роли немецкого языка, чему способствовала австрийская династия Габсбургов, с 1526 г. занимавшая чешский трон. В 1620 г. в битве у Белой горы чешское (протестантское) войско потерпело поражение от армий католических князей Южной Германии. Это была национальная катастрофа: Чехия полностью потеряла независимость, чешский язык на полтора столетия исчез из письменного употребления.

Национальное чешское возрождение началось с конца XVIII в. Одним из самых выдающихся чешских «будителей» был филолог Добровский. Норма литературного языка была ориентирована на старые образцы XVI в. и значительно отличалась (и отличается) от разговорной стихии. Антинемецкая направленность чешского возрождения породила множество славянских слов, введившихся вместо немецких или интернациональных (*hudba* ‘музыка’, *nástroj* ‘инструмент’, *divadlo* ‘театр’, *dejiny* ‘история’, *plyn* ‘газ’, *robočník* ‘адъютант’, *sloup* ‘колонна’, *veselohra* ‘комедия’). Эволюция литературной нормы продолжалась и в независимой Чехословакии (с 1918 г.). В настоящее время на чешском языке говорят 11,5 млн человек.

Словацкий (*slovenský*)¹ (5,3 млн), основной язык Словакии, поздно стал языком письменности². Нормы литературного языка были заложены в 40-х гг. XIX в. филологом Штуром. В 1992 г. Чехословакия распалась, и Словакия стала независимым государством.

Восточнославянская подгруппа (207 млн) включает три языка: русский, белорусский и украинский³. Такое деление возникло сравнительно поздно.

К IX в. восточнославянские племена заселили громадную территорию от Карпат до Ладожского озера. Тогда же возникло то государственное образование, которое в истории называют Киевской Русью. В X—XIII вв. на всей территории Руси был один и тот же **древнерусский** язык, диалектные различия были невелики. С принятием христианства (988) на Руси распространилась письменность. Языком письменной литературы был старославянский язык, но нормы его не выдерживались русскими переписчиками. В старославянский текст проникали русские черты, причем тем более, чем дальше был данный текст от церковной литературы. Были и такие тексты, где русские черты явно преобладали. Это прежде всего юридические документы (всевозможные грамоты,

¹ Встречая слово *slovensky*, всегда надо точно выяснить, идет ли речь о словенском или словацком.

² Словаки еще в X в. попали под власть венгров. В XV—XVI вв. они пользовались чешским литературным языком.

³ До революции 1917 г. русский язык часто называли великорусским, украинский — малорусским.

сборник законов Русская Правда), многие летописи, некоторые памятники художественной литературы: «Слово о полку Игореве» (XII в.), «Моление Даниила Заточника» (XIII в.). Все это памятники древнерусского языка.

С XII в. начинается постепенный политический распад Киевской Руси, одновременно политический центр страны переносится на северо-восток — во Владимир. Монгольское завоевание доводит этот процесс до конца. Но спустя век начинается обратный процесс собирания русских земель. Если на западе объединение шло под эгидой Литвы, то на востоке центром стала Москва. В 1380 г. московские войска наносят поражение татарам на Куликовом поле. Прошло еще сто лет, и при Иване III Москва, освободившаяся от татар, присоединяет Ростовское, Тверское княжества и, что самое важное, Новгород с его обширными владениями от Балтийского моря до Урала. Черед последних независимых княжеств (Рязанского и Псковского) настал через 30—40 лет.

К концу XV в. завершается разделение русских диалектов на три группы, соответствующие трем современным языкам. Возвышение Московского княжества привлекало сюда греков и южных славян (ведь Балканы тогда были полностью завоеваны турками), а значит, снова возрождались нормы старославянского языка. В XVI—XVII вв. усиливается различие церковно-славянского языка духовной, художественной литературы, с одной стороны, и русского языка деловых бумаг, технической литературы — с другой. В этой «низкой» литературе следов диалектов очень мало, следовательно, с XVII в. формируется на московской основе некоторый койне, характерный для городов России.

В XVIII в. потребность выработки норм литературного языка ощущалась очень остро. Введение Петром I гражданской азбуки, в которой начертания букв были приближены к латинским, означало окончательное размежевание русского языка практической жизни и старославянского языка церкви, сохранившего кириллицу. В середине XVIII в. М. В. Ломоносов подводит итог старым представлениям о путях соединения церковно-славянского и русского языков. В «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» Ломоносов пытался закрепить систему стилей («штилей»), которые отличались бы друг от друга долей церковнославянских элементов и жанром. Так, «высокий» стиль предназначался для оды, героической поэмы, речи на важную тему, и в нем концентрация старославянских признаков должна была преобладать. Низкий стиль, напротив, не содержал славянизмов и годился для комедий, песен, эпиграмм, дружеских писем.

Русский литературный язык не пошел по пути Ломоносова, хотя именно доля старославянских элементов была предметом бесконечных споров теоретиков и практиков. В конце XVIII в.

появляется «новый слог» Н. М. Карамзина и его школы¹, с которым полемизировали «архаисты» с А. С. Шишковым во главе².

Окончательно нормы современного русского литературного языка сложились к середине XIX в., с тех пор он менялся мало, но зато чрезвычайно расширилась сфера употребления литературного языка. И раньше русский язык не отличался разнообразием диалектов, теперь же диалекты играют все меньшую роль. Этому способствуют растущая урбанизация (в начале XX в. лишь 15 % говорящих по-русски жили в городах, теперь всего 25 % их живут в селах), всеобщее образование, влияние кино, радио и телевидения.

В настоящее время русский язык является родным почти для 160 млн человек. Из этого числа на Российскую Федерацию приходится 124 млн (86 % всего населения), на Украину — 16 млн (32 %)³, на Белоруссию — 3 млн (30 %, в Минске 51 %). И в соседних неславянских республиках число говорящих по-русски очень велико: в Казахстане — 33 %⁴, в Латвии — 42 % (по-латышски 52 %), в Эстонии — 34 % (по-эстонски 62 %), в Киргизии — 26 % (по-киргизски 49 %).

Как и в Московском государстве, церковно-славянский продолжал оставаться литературным языком на юге до XVIII в., хотя уже в XVI в. делаются записи народных песен на живом украинском языке. В 1654 г. Левобережная Украина объединяется с Россией, а в XVIII в. (после разделов Польши) уже бóльшая часть украинского народа живет в составе России⁵. Окончательное воссоединение всех украинских земель завершилось в 1945 г. Нормы литературного украинского языка складывались в противопоставлении как старославянскому, так и русскому языку. Творчество

¹ Языковые и эстетические традиции Карамзина продолжали Батюшков, Жуковский, Вяземский, молодой Пушкин.

² Иногда литераторы двух направлений переводили одни и те же тексты, сравнение их ясно показывает, что победили карамзинисты. Карамзин переводит: «...Язык ее [птицы] походит на человеческий, голос также».

У Шишкова находим:

«Она языком своим дебылым умела исходящий из гортани глас свой уподоблять человеческой речи» (пример из книги В. Д. Левина «Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в.» — М., 1964).

³ Относительное большинство в Одесской области, абсолютное большинство в Донбассе, а в Крыму даже 90 %.

⁴ Более 65 % в семи северных областях, Восточно-Казахстанской области и в г. Алма-Ате.

⁵ Украинцы Галиции (вокруг Львова) попали под власть австрийцев. Эмигранты отсюда живут в Америке, где и сейчас на украинском языке говорят 800 тыс. человек (более половины из них в Канаде). Галицийские диалекты почти не испытали великорусского лексического влияния. Особый, *русинский*, язык (25 тыс., по существу, украинский диалект) существует как литературный в автономной области Воеводина (Югославия).

Т. Г. Шевченко (середина XIX в.) утвердило эти нормы. Нормы украинского литературного языка противоречат и русскому литературному языку, опора на народную речь исключала и многие старославянизмы.

Читатели русской художественной литературы в той или иной мере сталкивались с образцами украинской речи. Важнейшие отличия охватывают все сферы языка. Лексические различия касаются прежде всего народной речи, ср.:

бачить 'видеть'	гарний 'хороший'	коваль 'кузнец'
дивитися 'смотреть'	рудий 'рыжий'	мрія 'мечта'
брехати 'врать'	сивий 'серый'	людина 'человек'
будувати 'строить',	добрий 'хороший'	місто 'город'
пытати 'спрашивать'	блакитний 'голубой'	парубок 'парень'
ховати 'прятать'	хворий 'больной'	хлопець 'мальчик'
працювати 'работать'	червоний 'красный'	півень 'петух'
журитися 'огорчаться'	швидкий 'быстрый'	батько 'отец'
тікати 'убегать'	щирий 'настоящий'	тато 'папа'
чекати 'ждать'	дуже 'очень'	родина 'семья'
шукати 'искать'	як 'как'	хмара 'туча'
		хвиля 'волна'

Много различий и в сфере книжной речи и абстракций, ср.: *письменник* 'писатель', *господарство* 'хозяйство', *бо* 'потому что', *керівник* 'руководитель', *обличчя* 'лицо', *мистецтво* 'искусство', *мова* 'язык, речь', *умова* 'условие', *час* 'время', *рух* 'движение', *година* 'час', *дитячий* 'детский', *хвилина* 'минута', *дорослий* 'взрослый', *глядач* 'зритель'. Нередко в русско-украинских парах синонимов русское слово содержит неполногласный корень, а украинское — полногласный: *ворог* 'враг', *голова* 'глава, руководитель', *долоня* 'ладонь', *молодший* 'младший', *солодкий* 'сладкий'. В украинском мы найдем немало заимствований, либо отсутствующих в русском, либо звучащих по-русски не так, как по-украински: *дах* 'крыша', *дякувати* 'благодарить', *жарт* 'шутка', *жовнір* 'солдат', *лист* 'письмо', *майдан* 'площадь', *мур* 'стена', *окуляри* 'очки', *палац* 'дворец', *пан* 'господин', *папір* 'бумага', *перукар* 'парикмахер', *прапор* 'знамя', *шлях* 'путь', *рожевий* 'розовый', *слюсар* 'слесарь', *тютюн* 'табак', *цікавий* 'интересный', *шабля* 'сабля'.

Намного чаще, чем в русском, находим в украинском протетический *в-*: *вікно*, *він*, *вона*, *вогонь*, *вузький*, *вуса* 'усы'. Есть и общие фонетические закономерности: характерная черта русского языка — редукция безударных, в украинском ее почти нет, русские звонкие шумные оглушаются в конце слова, в украинском языке такого оглушения нет.

Из других фонетических различий между двумя языками отметим судьбу бывшего гласного, передававшегося на письме буквой *ять*. Если в русской гимназии сто лет назад ученик знал бы украинский язык, ему было бы легко определять орфографию соответствующего русского сло-

ва *біда, білий, вік, віра, горіти, гріх, дівчина, дід, діти, ліс, лівий, літо, міра, місце* 'место', *місяць, німець, пісня, ріка, світ, сіно, слід, сніг, стіна, стріла, тіло, хліб*¹. Но есть в украинском звук [i] другого происхождения. Речь идет о специфическом украинском звуковом законе: [o] > [i] в закрытом слоге: *під, вільний, війна, гідний, рівний, рідний, робітник, скільки*. Такой же переход отмечен для [e] > [i]: *жінка, річ/речі* 'вещь', *село/сіл, тітка*. Поскольку в разных грамматических формах появляется то закрытый слог, то открытый, возникает характерное чередование, например: в им. п. ед. ч. в корне — [i], а в им. п. мн. ч. — [o]: *віл/воли, гість/гості, двір/двори, дім/домі, міст/мости, ніж/ножі, ніс/носи, ніч/ночі, піп/попи, пліт/плоти, похід/походи, сніп/снопи, стіл/столи, чобіт/чоботи*².

Сейчас на украинском языке говорят более 40 млн человек, в том числе 34 млн на Украине.

Белорусский язык (7,3 млн) впервые вырабатывает литературные нормы еще в XVI в., когда Ф. Скорина издал Библию не на старославянском, а на русском (т. е. белорусском) языке. Однако старая белорусская литература к концу XVII в. пришла в упадок. Только два века спустя, в начале XX в., утвердилась современная норма литературного языка.

§ 96. Афразийские языки

Афразийской эта семья называется потому, что ее представители населяют Северную Африку и Юго-Западную Азию. Однако более распространен традиционный термин *семито-хамитские языки*, неудобный лишь тем, что создает иллюзию о наличии особь, «хамитских», языков.

Проблема прародины афразийцев еще не решена. Согласно одной гипотезе, предки афразийских народов в глубокой древности (более восьми тысяч лет назад) жили в Сахаре. Постепенное усиление засушливости приводило к сокращению пастбищ для овец и коз и вынуждало людей переселяться на новые места. Миграции происходили очень медленно (ведь тогда еще не были одомашнены ни лошадь, ни верблюд).

Судьбы переселенцев складывались по-разному. Одни остались кочевыми скотоводами, другие перешли к примитивному земледелию, третьи создали замечательные цивилизации, изменившие судьбы окружающего мира. Впрочем, некоторые лингвисты ищут первоначальный очаг афразийских языков в Юго-Западной Азии.

¹ Одно замечание об орфографии. Украинская буква *і* произносится как русская *и* (она всегда следует за мягким согласным), а украинская буква *и* примерно как *ы*, ср. соответствия: *дим, крило, ми, риба, син, тин, тисяча, штани*.

² Заметим, что этот переход не произошел в слове *Бог*. Особый стилистический статус этого слова помешал действию фонетического закона.

Семитская группа (280 млн)¹

С V тысячелетия до н. э. семиты заселяли степи Аравии, которая затем пять тысяч лет оставалась тем очагом, откуда волны завоевателей захватывали соседние страны. В лингвистическом отношении семитские языки делятся на четыре подгруппы: 1) центральную (самую архаичную) с единственным языком — арабским, 2) северо-восточную, совпадающую с аккадским языком, 3) северо-западную и 4) южную.

Первая волна семитов, выселившихся из Аравии, в IV тысячелетии продвинулась в Двуречье (Месопотамию), где вступила в контакт с цивилизацией Шумера. Древнейшие надписи на аккадском (ассиро-вавилонском) языке относятся к XXV в. до н. э., исполнены они шумерской клинописью. В XXIV в. до н. э. аккадскому царю Саргону на время удалось объединить под своей властью все Двуречье. Хотя это царство скоро распалось, аккадский продолжал распространяться и через несколько веков стал главным языком страны.

Политическая гегемония попеременно переходила от Вавилона (при царе Хаммурапи — XVIII в. до н. э.) к Ассирии и обратно. В начале II тысячелетия сформировался литературный язык на основе диалекта Вавилона (старовавилонский). Ослабление обоих царств в борьбе с хурритами и хеттами (XVI в. до н. э.) и новый подъем в дальнейшем способствовали выработке новой нормы (младовавилонской), сохранившейся до конца существования аккадского языка. Последний подъем политического могущества связан с образованием Ассирийской империи, захватившей все Двуречье, Сирию, Палестину, значительную часть Малой Азии. Ассирийские цари проводили сознательную политику насильственного перемещения племен и народов в целях ассимиляции врагов, но эта же политика привела к ослаблению позиций аккадского языка. В 612 г. до н. э. Ассирия погибла под ударами мидян и вавилонян. Ее сменило Нововавилонское царство (Навуходоносор II), но и оно было разгромлено персами в 539 г. до н. э. С тех пор аккадский язык постепенно уступает место арамейскому. Последние письменные памятники аккадского языка относятся к I в. до н. э.

Ассиро-вавилонская цивилизация оказала огромное влияние на формирование религиозных, общекультурных и научных представлений у окружающих народов, а через них — и у народов всего мира. В иудаизме, многочисленных культах эпохи эллинизма, наконец, в христианстве повторяются идеи вавилонян и их мифологические сюжеты (иногда до мельчайших подробностей).

¹ Термин *семиты* (от имени Сима — одного из сыновей библейского Ноя) придуман в конце XVIII в.

Когда мы строим нашу жизнь по ритму семидневной недели, то следуем практике Вавилона. Когда мы делим сутки на 24 часа, час — на 60 минут, а минуту — на 60 секунд, мы продолжаем традиции математиков Аккада и Шумера, у которых была принята шестидесятеричная система счисления.

Северо-западная подгруппа включает семитские диалекты II и I тысячелетий до н.э., распространенные в Сирии и Палестине. Древнейшие диалекты могут считаться вариантами одного и того же ханаанейского языка. Самые древние надписи на этом языке обнаружены на Синайском полуострове (первая половина II тысячелетия до н.э.). Основная масса документов на древнеханаанейском языке найдена в развалинах Угарита (приморский город в Сирии) (XV—XIII вв. до н.э.).

Прямое продолжение древнеханаанейского языка — финикийский (само греч. φοινικεῖος 'финикийский', возможно, есть продолжение названия страны Ханаан). Финикийцы в древности жили по восточному берегу Средиземного моря (совр. Ливан и Израиль) — в городах Тир, Сидон, Библ и др. С X в. до н.э. они начали колонизацию берегов Средиземного моря (острова Кипр, Сицилия, Сардиния, юго-восточные берега Испании), самая знаменитая их колония — Карфаген¹ (совр. Тунис). Финикийцы оказались первым морским и торговым народом, их морской флот служил и египетским фараонам², и персидским царям. По мере эллинизации Сирии и Палестины финикийский язык здесь исчез. Зато наступил расцвет Карфагена, где этот язык называли *пуническим*. В этом варианте финикийский язык, вероятно, дожил до арабского завоевания (VII в. н.э.). От финикийско-пунической литературы ничего не осталось, сохранились лишь надписи (XI в. до н.э. — IV в. н.э.).

Главный вклад финикийцев (ханаанейцев) в мировую культуру — создание алфавитного письма.

Первоначально не отличался от ханаанейского языка иврит (древнееврейский), ставший литературным языком евреев.

Объединение еврейских племен в племенной союз Израиль произошло в XII в. до н.э. в Палестине. В борьбе с индоевропейцами-филистимлянами (жившими в районе совр. Газы) возникло и царство Израиль (1020 г. до н.э.)³. Затем оно распалось на два

¹ По-финикийски *qart hadef* 'новый город'. Сами карфагеняне основали еще несколько 'новгородов', об одном из них напоминает название испанского города Картахены. Финикийцами были основаны и такие города, как Малага, Кадис, Танжер.

² По приказу фараона финикийские мореплаватели в VI в. до н.э. впервые совершили путешествие вокруг Африки.

³ Первые три царя Израиля хорошо известны по Библии: Саул, Давид, Соломон.

царства: Израиль и Иудею¹. В конце VIII в. до н.э. ассирийские цари переселили население Израиля за пределы Палестины, и оно скоро ассимилировалось среди окружающих народов. В начале VI в. до н.э. Навуходоносор переселил большинство иудеев в Двуречье. Однако победа персов положила конец «вавилонскому пленению», и большая часть евреев вернулась в Палестину². Во II—I вв. до н.э. существовало независимое Иудейское царство, покоренное затем Римом. После двух неудачных восстаний, жестоко подавленных римлянами, почти все евреи были изгнаны из Палестины (135 г. н.э.). В основном они распространились по территории Римской империи, а часть бежала в Вавилон.

Древнейшие надписи на иврите восходят еще к X в. до н.э., но основной памятник еврейской литературы — Библия (христиане называют еврейскую часть Библии Ветхим Заветом, а христианскую часть, написанную на греческом языке, — Новым Заветом). Состав Библии окончательно сложился только в первые века нашей эры (отдельные поэтические отрывки восходят к XII в. до н.э.). Она содержит мифы и предания, исторические хроники, религиозно-этические тексты. Первоначально христианство, ставшее впоследствии мировой религией, было лишь ответвлением иудаизма. Иудаизм и христианство сильно повлияли на ислам. Таким образом, мифология, поэтические образы, многие идеи Библии сохранились в литературе христианских и мусульманских народов. Отражения языка Библии представлены в многочисленных пословицах и фразеологизмах, которые можно найти в языках Европы и Азии (например: *козел отпущения, золотой телец; кто сеет ветер, пожнет бурю* и т.п.).

Ко II в. н.э. иврит сохранялся как язык живого общения только в сельских местностях (в основном говорили по-арамейски), но он остался литературным языком евреев. К V в. н.э. сложился кодекс законов и правил поведения, легенд и преданий — Талмуд. Богатая литература на иврите создавалась и позднее (особенно в XI—XV вв.).

Иврит оставался языком культа у всех евреев диаспоры независимо от того, на каком языке они говорили (на идиш, немецком, английском, арабском, татском, таджикском, испанском или на каком-либо другом). В конце XIX в. возник сионизм — движение за переселение евреев в Палестину, и здесь, на исторической родине, стал осуществляться уникальный лингвистический экспе-

¹ От названия племени *jehuda*. Отсюда происходит название еврейской религии (иудаизм) и название самих евреев во многих языках Европы и Азии (нем. *Jude*, англ. *jew*, рус. *жид*, узб. *яхудий*), отсюда же название языка — идиш (см. с. 288).

² Но часть осталась в Вавилоне, положив начало еврейской диаспоре (греч. *διασπορά* 'рассеяние'). Позднее многочисленная еврейская община возникла в Александрии, где в конце концов перешла на греческий язык.

римент: стал возрождаться язык, до этого находившийся в состоянии анабиоза. В 1948 г. было создано государство Израиль, и иврит был объявлен там государственным языком. Сейчас на иврите говорят более 3 млн человек.

К северо-западной подгруппе относится также **арамейский** язык (раньше его называли халдейским языком), в X в. до н. э. распространенный в Сирии. В эпоху возникновения больших империй на Ближнем Востоке (ассирийской, вавилонской и особенно персидской) арамейский койне стал международным языком, а к началу нашей эры он полностью заменил собой ханаанейский и аккадский языки, т. е. стал общим языком Палестины, Сирии и Месопотамии. После введения ислама арамейский постепенно уступил место арабскому.

На арамейском языке есть надписи (VIII в. до н. э. — II в. н. э.) и обширная литература: некоторые главы Библии и Талмуда, переводы с иврита. Язык арамейцев-христиан называют **сирийским** (с III в. н. э.), он остается языком религии некоторых христианских церквей Ближнего Востока (несториан и яковитов)¹. Сохранились и живые диалекты арамейского языка: **новоассирийский**² (300 тыс.), на котором говорят несториане в Иране, Ираке и Сирии. В нашей стране этим языком владеют 5 тыс. человек.

Арабский язык (245 млн) получил широчайшее распространение благодаря исламу. До VII в. н. э. арабы жили в степях Аравии. Проповеди основателя ислама Мухаммада³ сплотили арабов в единое теократическое государство (начало VII в.). После его смерти мусульмане начали завоевательные походы в соседние страны. Византия и Персия к этому времени окончательно изнурили друг друга в многовековых войнах; арабов ждал быстрый успех. За 12 лет при первых двух халифах⁴ (Абу Бакре и Омаре) были завоеваны Сирия, Палестина, Египет, Ливия, Ирак, Иран. При халифах Омейядах (661 — 750), столицей которых был Дамаск, завоевания арабов раздвинулись до Кавказских гор на севере, до Тянь-Шаня и Инда на востоке, до Атлантики на западе. Покоренные народы принимали новую религию, вместе с исламом усваивался араб-

¹ В V в. н. э. христианскую церковь раздирали споры о природе Христа. Несторий учил о раздельном существовании божественной и человеческой природы в Христе, последователи его называются несторианами. Монофизиты признавали в Христе лишь божественную природу, отвергая человеческую (оба учения были отвергнуты Вселенскими соборами). Монофизит Яков Барадай в VI в. увлек за собой многих христиан Сирии. Его последователи называются яковитами.

² Носители языка называют себя авигаи, хотя сам язык восходит не к ассирийскому, а к арамейскому (отсюда и русское название — *айсоры*).

³ Русская традиция обычно называла его *Магометом*, а его последователей — *магометанами*.

⁴ *Халиф* (араб. *halifa* 'наместник, заместитель') — верховный глава мусульман.

ский язык. Прошло несколько веков, и на арабский язык перешли те, кто раньше говорил на арамейском и коптском.

Отдельные надписи на арабском языке восходят к II в. до н. э., однако можно сказать, что до ислама арабы практически письменностью не пользовались. Главной книгой исламской литературы стал Коран. В это же время записывается богатая доисламская поэзия арабов. Так возник литературный арабский язык.

Единство халифата сохранялось до середины VIII в., потом от него откололась Испания. От Багдадского халифата¹ отпадают затем Магриб² (VIII в.), Иран и Египет (X в.). Но политический распад уже не мог помешать единству культуры. Литературный арабский язык играл такую же роль на Востоке, как латинский в Европе. Расцвет арабской культуры относится к VIII—XIII вв. В это время арабские страны в экономическом и культурном отношении стояли выше европейских, и не удивительно, что европейские языки заимствовали множество арабских слов (особенно после крестовых походов). Такие европейские слова, как *лотня*, *камфора*, *магазин*, *матрац*, фр. и нем. Tasse ‘чашка’, англ. *sandy* ‘сладости’, фр. *coton* ‘хлопок’, восходят к арабскому. Конечно, при заимствовании значение слова могло меняться. Арабское *gāhat* ‘ладонь’ в европейских языках дало спортивный термин (рус. *ракетка*), араб. *ḡāb* ‘напиток’ превратилось в *сироп*, араб. *taʿrif* ‘извещение’ — в *тариф*, араб. *zahr* ‘игральные кости’ — в *азарт*. Если европейское слово начинается на al-, то это часто указывает на арабский источник (al — определенный артикль в арабском), ср.: *альков*, *альманах*, *алхимия*, *алкоголь*, *алгебра*, *алгоритм*.

К XIII в. определились границы некоторых стран на периферии арабского мира, которые с тех пор жили относительно замкнутой жизнью (Марокко, Тунис, Йемен). В центре же было достигнуто единство, когда в Египте стали править мамлюки³, отбившие наступление монголов и изгнавшие крестоносцев из Палестины и Сирии. С XVI в. арабские страны попадают в зависимость от Турции.

В XIX в. начинается экспансия европейцев⁴: к середине века французы полностью захватили Алжир, в 1882 г. англичане уста-

¹ Багдад стал столицей при первых халифах династии Аббасидов. Последний багдадский халиф был убит монголами в 1258 г.

² Арабским словом *magrib* ‘запад’ обозначают Северо-Западную Африку (Тунис, Алжир, Марокко).

³ Араб. *tamluk* ‘государственный раб’. В системе власти, установленной мамлюками, карьере военачальника могли сделать только невольники (тюркского или черкесского происхождения). Мамлюки фактически правили Египтом и Сирией до XIX в., хотя с XVI в. зависели от Турции.

⁴ Первая неудачная попытка была предпринята еще при Наполеоне, который, однако, не сумел закрепиться в Египте.

новили контроль над Египтом, позднее французский протекторат был установлен в Тунисе, затем в Марокко, Ливию захватили итальянцы. После Первой мировой войны фактическая власть Англии распространилась на Ирак и Палестину, власть Франции — на Сирию и Ливан. Перелом наступил только после Второй мировой войны. Одна за другой арабские страны освобождались от владычества колонизаторов.

Лингвистическая ситуация в арабских странах довольно сложна. С одной стороны, существует классический арабский язык — язык науки и образования, язык прессы и литературы. С другой стороны, существуют живые арабские диалекты, примерно так же отличающиеся от классического языка, как романские языки XII в. отличались от классической латыни. Неграмотный житель Египта не понимает, например, алжирца. Возвышение диалектов до положения литературных языков способствовало бы лингвистическому сепаратизму, а это противоречит растущему стремлению арабов к единству.

Лишь один из живых арабских диалектов стал литературным языком (с латинской графикой) — **мальтийский** (400 тыс.) на острове Мальта.

К южной подгруппе относятся древний *сабейский* язык (в Йемене), известный по многочисленным надписям (VIII в. до н. э. — VI в. н. э.), и живые бесписьменные языки: *мехри* — на востоке Южного Йемена, *шахри* — на юге Омана и *сокотри* — на острове Сокотра. Но основная часть языков этой подгруппы находится в Африке. Сабейцы проникли в Африку еще до н. э. В IV в. они приняли христианство, что способствовало переводу христианской литературы на **эфиопский** язык (или *гезз*). Уже в X в. эфиопский не употреблялся в устном общении, но продолжал оставаться литературным языком. Он и сейчас остается языком эфиопской церкви. Потомком эфиопского является *тигринья* (или тиграи) (6 млн.) вокруг г. Аксум. Близок к нему язык *тигре* (900 тыс.) в Эритрее.

Государственным языком Эфиопии является **амхарский** язык (более 22 млн), распространенный в центре Эфиопского нагорья. Все эфиопские языки испытали сильное влияние кушитского субстрата.

Египетская группа

Египетская группа представлена единственным **древнеегипетским** языком, прошедшим много стадий развития. Египтологи обычно выделяют пять таких периодов (египетский язык — рекордсмен-долгожитель. Непрерываемую историю живого языка можно проследить на протяжении 47 веков).

Староегипетский язык начинается с первых памятников письменности (XXX в. до н. э.) и кончается с падением Древнего царства и распадом Египта (XXIII в. до н. э.). От этого периода, совпавшего со временем строительства пирамид, сохранилось множество магических формул, гимнов богам («тексты пирамид»). В XXI в. до н. э. вновь происходит объединение страны под властью фараонов Верхнего Египта. Начинается этап среднеегипетского («классического») языка — эпоха расцвета литературы, первых научных сочинений. Среднее царство пало в результате нашествия гиксосов, но среднеегипетский язык оставался литературным до конца XV в. до н. э. Новоегипетский язык (XVI—VII вв. до н. э.) в грамматическом отношении существенно отличается от классического.

В I тысячелетии до н. э. Египет слабеет. На троне фараонов все чаще сидят чужеземные цари (ливийцы и эфиопы, персы и греки). С I в. до н. э. Египет — римская провинция. Этот период истории египетского языка называется демотическим — по названию вида письма (VII в. до н. э. — V в. н. э.).

В III в. н. э. египетские христиане приспособили к своему языку греческий алфавит. Египетский язык на этом заключительном этапе называется **коптским**¹. Богатая коптская литература процветала до конца IX в., затем коптский язык начинает уступать место арабскому, к концу XVII в. он полностью исчезает из живого употребления. Тем не менее коптский остается церковным языком египетских христиан-коптов².

Кушитская группа (37 млн)

Кушитские языки занимают самую восточную часть Африки (на восток от Нила) — от тропика до экватора. Эфиопские языки, вклиниваясь в этот массив, членят его на несколько подгрупп. На севере (в Судане) распространен язык бедауйе, или беджа, (1,3 млн). Восточная подгруппа включает такие языки, как **сома**ли (10 млн), афар, или данакиль (1 млн), и **оромо** (18 млн). Наконец, в Танзании есть кушитский язык ираку (350 тыс.).

Особую подгруппу образуют *омотские* языки (900 тыс.), распространенные на крайнем юго-западе Эфиопии³.

¹ От араб. qibt ‘копт’, восходящего к греческому названию страны Αἴγυπτος, которое, в свою очередь, восходит к египетскому названию древней столицы (Мемфиса) Хет-ка-Птах.

² Коптская (монофизитская) церковь откололась от православия еще в V в.; от нее зависела и эфиопская церковь.

³ Легко запомнить язык *каффа*, к которому этимологически восходит слово *кофе*.

Берберская группа (около 13 млн)¹

От древнего нумидийского языка остались краткие надписи (с III в. до н.э.).

Живые берберские языки сохранились среди арабского окружения либо в горах Марокко и Алжира, либо в оазисах Сахары (от Сенегала до Египта). Почти не подверглись арабскому влиянию диалекты языка **тамашек** (около 1,5 млн), т. е. диалекты туарегов, кочующих в Сахаре или живущих оседло по среднему течению Нигера.

Чадская группа (около 40 млн)

Языки этой группы представлены в Северной Нигерии, Северном Камеруне и на юге Нигера и Чада. Самый важный из них — язык **хауса** (более 30 млн, письменность с XVIII в.). С XIV в. существует своеобразная мусульманско-африканская городская цивилизация хауса. Хотя хауса не объединялись политически, их влияние постепенно охватывало соседние земли, так что сейчас это самый многочисленный народ к югу от Сахары.

§ 97. Языки Кавказа.

Изолированные языки Западной Евразии

Под этим названием объединяют две семьи, генетически не связанные друг с другом. Ясно, однако, что эти две семьи принадлежат автохтонам Кавказа, т. е. тем народам, которые не пришли сюда откуда-то извне в период обозримого прошлого.

Северокавказская семья

Северокавказская семья включает две далеко разошедшиеся группы: западнокавказскую и восточнокавказскую.

Западнокавказская группа (850 тыс.), в свою очередь, распадается на две группы.

Абхазская группа включает **абхазский язык** (110 тыс.) в Абхазии и **абазинский** (35 тыс.) в Карачаево-Черкесской республике. **Адыгская группа** включает **адыгейский язык** (200 тыс., в том числе 70 тыс. в Турции), распространенный в Адыгейской автономной республике, **кабардино-черкесский** (500 тыс.) в Кабардино-

¹ Некоторые лингвисты предпочитают называть эту группу ливийско-гуанчской. На гуанчских языках говорило когда-то доиспанское население Канарских островов. Жители Канар полностью перешли на испанский язык в XVIII в.

Балкарской и в Карачаево-Черкесской республиках. После присоединения Кавказа к России многие абхазы, адыги и черкесы переселились в пределы Турецкой империи. Их потомки проживают сейчас в странах Ближнего Востока (в Турции, Сирии, Иордании, Ираке). До недавнего времени в Турции еще говорили на *убыхском* языке, тоже относящемся к адыгской группе.

Западнокавказские языки (так же как и большинство восточнокавказских) относятся к младописьменным; их алфавиты созданы в советское время, только в абхазском литературе существовала с конца XIX в.

Восточнокавказская группа (более 3,1 млн). Языки этой группы представлены в Чечне, Ингушетии, Дагестане и на севере Азербайджана. Они отличаются большим разнообразием и распадаются на пять групп.

К **нахской** группе относятся **чеченский** (1 млн), **ингушский** (250 тыс.) и стоящий особняком **бацбийский** (2 тыс.) языки в Грузии.

Аварская группа включает **аварский** язык (600 тыс.), восемь языков, называемых **андийскими** (50 тыс.), и шесть языков, называемых **цезскими** (15 тыс.).

Отдельные группы образуют **лакский** язык (125 тыс.) и **даргинский** язык (420 тыс.).

К **лезгинской** группе относятся **лезгинский** (500 тыс.), **табаранский** (115 тыс.) и еще восемь бесписьменных языков (80 тыс.)¹.

Делаются попытки связать северокавказские языки с некоторыми древними языками этого региона.

К северо-западу от Вавилонии (в северной Сирии и Месопотамии) был распространен **хурритский** язык (п.п. XXV—XII вв. до н.э.), еще дальше на север (вокруг озера Ван) говорили на родственном ему **урартском** языке (п.п. IX—VII вв. до н.э.). Оба языка исчезли в середине I тысячелетия до н.э. под натиском арамейского языка (с юга) и армянского (с запада).

Среди хеттских текстов II тысячелетия до н.э. изредка встречаются культовые тексты на особом, *хаттском*, языке (высказывалась гипотеза о его связи с западнокавказскими языками).

Картвельская семья (4,2 млн)

В картвельской семье выделяется **грузинский** язык (4 млн). Политическое выделение Грузии относится к концу I тысячелетия до н.э. С тех пор грузинский народ сохранял этническое единство

¹ В Западном Азербайджане и Восточной Грузии есть несколько сел, где говорят еще на **удинском** языке (7 тыс.), вероятно восходящем к древнему албанскому языку I тысячелетия н.э. (Не путать с албанским языком на Балканах.)

как в эпохи расцвета единого государства, так и в периоды политического распада на отдельные царства (Картлию, Кахетию, Имеретию) и зависимости от чужеземцев. В начале XIX в. Грузия вошла в состав России. Грузия обрела независимость в 1918 г., но была занята Красной Армией в 1921 г. Страна снова стала независимым государством в 1991 г.

В начале IV в. н.э. Грузия принимает христианство¹, и вскоре после этого возникает письменность (древнейшие надписи относятся к V в.). Древнегрузинский язык (VII—XII вв.) связан с богатейшей переводной и оригинальной литературой духовного содержания. Светская литература XII в. (и особенно поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре») уже шаг на пути к новогрузинскому языку. Современный литературный язык окончательно сложился во второй половине XIX в., особенно в связи с литературной и публицистической деятельностью И. Чавчавадзе.

К западу от ареала грузинского распространены **занский** язык (более 100 тыс.). Когда-то он занимал всю Западную Грузию, но затем продвижение грузин в Колхиду и Аджарию разорвало ареал занского языка на два диалекта: **чанский** (в Турции) и **мегрельский** (на северо-западе Грузии). Высоко в горах Центрального Кавказа распространены **сванский** язык (35 тыс.).

Шумерский язык был распространен в глубокой древности на юге Месопотамии. Народ Шумера был первым в мире, создавшим свою письменность пять тысяч лет назад. Через тысячу лет сильным конкурентом его стал аккадский язык, который постепенно вытеснил шумерский из живого употребления (окончательно к XV в. до н.э.). Тем не менее шумерский язык сохранялся в Аккаде как язык религии и науки. В I в. до н.э. шумерского языка уже никто не помнил. Шумерская культура повлияла на аккадскую цивилизацию, а через нее и на культуру других народов Европы и Азии.

До сих пор не дешифрованы письменные памятники (в основном эпитафии) **этрuscoго** языка (VII—I вв. до н.э.). Этруски жили к северу от Рима, который первоначально от них зависел. Они создали свою оригинальную цивилизацию, следы ее прослеживаются иногда и в римской культуре.

Из живых языков Западной Евразии есть еще два изолированных языка.

Баскский язык (более 700 тыс., п.п. с XVI в.) распространен в провинциях Бискайя, Алава, Гипускоа, Наварра (Северная Испания), а также в юго-западном уголке Франции. Баскский язык, вероятно, восходит к иберийскому, от которого остались очень краткие надписи I тысячелетия до н.э.

¹ Большинство грузин — православные, лишь жители Аджарии (вокруг г. Батуми) — мусульмане.

Язык **бурушаски** (или вершицкий) (80 тыс.) распространен на крайнем севере Кашмира.

§ 98. Алтайские языки

Характер генетических связей между тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и корейским языками выяснен не до конца. Существует большое число соответствий корней, например:

тюрк. -qol, халха -гол (в географических названиях);
маньчж. *golo*, кор. *kol* 'долина (реки)';
тюрк. *baj*, монг. *bajan*, тунг.-маньчж. *bajan* 'богатый';
тюрк. *bek*, монг. *beki*, тунг.-маньчж. *beki* 'крепкий';
тюрк. *san* 'число', монг. *sana* 'знать', маньчж. *sa-* 'знать';
монг. *mögen* 'река', эвенк. *му*, кор. *mul* 'вода';
монг. *mödin*, тунг.-маньчж. *mö* 'дерево', кор. *мой* 'лес, гора'.

Важно при этом, что близкими оказываются и грамматические элементы. Узб. *мен* 'я' можно сравнить с монг. *minu* 'меня', эвенк. *миндү* 'мне'. Показатели местного падежа: тюрк. -*da*, монг. -*da*, маньчж. -*de*. Установлены регулярные фонетические соответствия между четырьмя группами.

Тем не менее остается неясность относительно самой степени родства, а именно: составляют ли алтайские языки одну семью, или они продолжают отдельные группы ностратической макросемьи?

Тюркская группа (более 144 млн)

В течение многих веков тюркские народы были очень подвижны. Постоянные перемещения кочевых племен и народов мешали созданию четких лингвистических границ. Поэтому внутренняя классификация тюркских языков еще не разработана до конца.

Первоначальная родина тюрков, вероятно, находилась в степях Южной Сибири и Северной Монголии (от Алтая до истоков Амура). В 206 г. до н. э. произошел первый победоносный поход тюркских племен (*хуннов*, или *гуннов*) на Китай. В I в. до н. э. хуннский союз распался на две части: одна осталась в степях Монголии, другая откочевала в Восточный Казахстан.

Отсюда началась первая волна тюркских завоеваний на западе. В IV в. н. э. тюрки, последовательно побеждая (а затем присоединяя к себе) аланов (скифов), остготов, даков, вышли к Дунаю. Кульминация похода приходится на время правления Аттилы (середина V в.). Дойдя до Галлии, гунны затем отхлынули в степи

Причерноморья. Не прошло и века, как новая волна тюркских завоевателей (известных под именем *авары*) проникла на Среднедунайскую низменность.

Тюрки, пришедшие в Европу во II–VI вв., не оставили письменных памятников. Соответствующие тюркские диалекты предположительно объединились в **българскую** подгруппу, названную так по наиболее прочному государству у слияния Волги и Камы¹. Тюрками были и те болгары, которые в конце VII в. покорили славян на Балканах. На Северном Кавказе и на Дону доминировали *хазары* (до X в.).

Из современных языков к этой подгруппе относится **чуваши́й** (1,3 млн) на Средней Волге (более половины чувашей живет в Чувашии). Чувашский язык резко отличается от остальных тюркских языков и абсолютно не понятен даже соседям-татарам. Это объясняется тем, что он частично сохранил древние особенности и в еще большей мере развил новые оригинальные черты (может быть, под влиянием финского субстрата).

В V в. н.э. восточные тюрки снова объединились в мощный союз, который в китайских источниках называется Тьюкю². На территории от Сырдарьи до Центральной Монголии последовательно сменялось преобладание тех или иных племен (тьюкю в VI–VII вв., уйгуры в VIII–IX вв., киргизы в IX в.). От этого времени остались многочисленные письменные памятники, исполненные особым руническим (орхоно-енисейским) письмом. Это в основном надгробные надписи (эпитафии) на валунах в долине Таласа (в Западной Киргизии), наскальные надписи и надписи на стелах в верховьях Енисея (Тыва, Хакасия), надписи на серебряных изделиях из курганов Горного Алтая. Особенно важны надписи VIII в. на стелах в долине Орхона (Центральная Монголия), некоторые из них двуязычны (тюркско-китайские) и могут быть точно датированы.

Скотоводческие тюркские племена Монголии и верховьев Енисея дали начало **северо-восточной** подгруппе тюркских языков. К ней относится **тувинский** (270 тыс.), испытавший очень сильное влияние монгольского языка. К нему примыкает **тофаларский** (или карагасский) язык (300 чел.) по северным склонам Саян (Иркутская область).

Из тюркских племен к северо-западу от Тывы (кызыльцев, качинцев, сагайцев, койбалов, бельтиров) в советское время формируется хакасская народность и **хакассский** язык (60 тыс.). За географическими пределами Хакасии остались шорский язык (8 тыс.) на юге Кемеровской области; чулымский (200 чел.) на востоке

¹ Булгары в X в. приняли ислам. В XIII в. их государство погибло под ударами монголов.

² По-видимому, за ним скрывается первое упоминание этнонима *turk*.

Томской области; в Восточных Саянах еще в начале XX в. говорили на камасинском языке¹.

От северо-восточной подгруппы рано отделился **якутский** язык (400 тыс.). Предки якутов когда-то жили около Байкала, а затем заселили весь бассейн Лены, а еще позже — бассейны Яны, Индигирки, Колымы. С собой якуты привели лошадей и крупный рогатый скот (чем резко отличаются от окружающих народов Сибири), но формы скотоводства здесь видоизменились: пришлось заготавливать сено на зиму. Из диалекта якутского развился особый, *долганский*, язык (6 тыс.) на Таймыре.

С VI—VII вв. начинается тюркизация земледельческих тохарских и иранских народов в Восточном Туркестане и Семиречье, у которых тюрки восприняли культурные достижения местной цивилизации. Здесь в VIII в. выработался уйгурский алфавит, на котором зафиксированы многие важные памятники тюркской литературы — сначала переводной², а потом и оригинальной. Оседлое население Семиречья и Синьцзяна дало начало диалектам **юго-восточной (карлукской)** подгруппы. В X в. здесь образуется государство, возглавляемое мусульманской династией Караханидов, первоначально их центром был Баласагун³ (около совр. Токмака в Киргизии), затем столица была перенесена в Кашгар. С течением времени уйгурская письменность была заменена арабской. **Уйгурский** язык (около 9 млн) распространен в Синьцзяне, а частично и в Казахстане (160 тыс.). Староуйгурский язык в настоящее время модернизируется, приближаясь к живой речи.

Когда гегемония в Восточном Туркестане перешла к уйгурам, многие племена передвинулись к Аральскому морю, образовав в VIII в. Огузский племенной союз. Соответствующие диалекты дали потом начало юго-западной (**огузской**) подгруппе. Здесь на периферии исламского мира огузы оставались довольно долго. Их отряды часто шли на службу к мусульманским правителям. Нередко тюрки-гвардейцы сами захватывали трон.

В 1035 г. армия огузов-сельджуков (тюркские объединения часто назывались по имени первоначального предводителя; Сельджук жил в X в.) из Центральной Туркмении начала поход на земли мусульман, через 20 лет им принадлежали уже весь Иран, Ирак, а к 1090 г. также Азербайджан, Армения, Сирия и вся Малая Азия, отнятая у Византии. Тогда же признали их господство и Караханиды. Государство сельджуков быстро распалось на части, однако

¹ В этническом отношении чулымцы — тюркизированные кеты, а камасинцы — тюркизированные самодийцы.

² Литература манихейского содержания переводилась с тохарских и иранских языков, буддийская литература — с китайского.

³ Именно здесь в IX в. был создан первый оригинальный памятник тюркской литературы «Кутадгу билиг» — «Наука о том, как становиться счастливым».

значительная часть огузов осталась в покоренных землях, приняла ислам и арабскую письменность. К этому периоду относится появление в Багдаде знаменитого Словаря тюркских наречий Махмуда Кашгарского.

Сельджуки северо-западного Ирана постепенно ассимилировали местное персидское и татское население, образовав **азербайджанский** язык (28 млн, в том числе 7 млн в Азербайджане и 20 млн в Иране). К азербайджанскому очень близки тюркские диалекты юга Ирана (кашчайский и афшарский — 1 млн).

Сельджуки Малой Азии в XII в. основали свое государство с центром в Конье; в начале XIII в. к ним присоединилась еще одна волна огузов, отступавших под натиском монголов. При султани Османе (начало XIV в.) началось энергичное завоевание византийских земель. В 1356 г. турки-османы высадились на европейском берегу Дарданелл. К концу XIV в. была покорена Болгария, в 1453 г. пал Константинополь (по-турецки Истанбул, в русской традиции — Стамбул), а к концу XV в. владения османов включали Грецию, Албанию, Сербию, Боснию, в зависимости от них были Дунайские княжества и Крым. В XVI в. под власть турок попали почти все арабские страны, а на севере — Венгрия. Но силы Турции начинали слабеть. Антагонизм мусульман и христиан внутри империи, бесправие низов, коррупция властей, дворцовые перевороты янычар¹, бесконечные войны с Австрией и Россией поставили Османское государство на грань катастрофы уже к началу XIX в. Только соперничество европейских государств позволило ему продержаться еще столетие. Современные границы Турции установлены в 1923 г.

Турецкий язык (58 млн) с XIV в. использовался как литературный (староосманский) и впитал в себя огромное число арабских и персидских заимствований. Общий национально-патриотический подъем 1920 г., свержение султана, реформы Кемаля Ататюрка привели к серьезным изменениям в языке. Языковая политика республиканского правительства была направлена на изгнание персидских и арабских слов, на создание новой, собственно турецкой терминологии. В 1928 г. в Турции принят латинский алфавит.

Огузы, оставшиеся в Средней Азии, дали начало **туркменскому** языку (5 млн, из них 3 млн в Туркмении; летописи с XVII в.). Нормы современного литературного языка сложились в советское время.

К юго-западной подгруппе относится также **гагаузский** язык (190 тыс., с 1957 г. имеет письменность) в Молдове и Одесской области.

¹ Тур. eni segi 'новое войско': гвардейцы-янычары рекрутировались из юношей, отнятых в детстве у родителей-христиан и воспитанных в догматах ислама.

Народы северо-западной (**кыпчакской**) подгруппы дольше всего сохраняли кочевой образ жизни, а потому классифицировать соответствующие языки очень трудно.

В XI в. кыпчакские племена, продвигаясь по территории современного Казахстана на запад, заняли степи Поволжья и Причерноморья. Русские называли их половцами. В 1223 г. половцы и русские вместе сражались на реке Калке с наступающими монголами. Победы монголов не изменили лингвистической ситуации в степях Восточной Европы. **Половецкий** (куманский) язык оставался здесь господствующим. От него сохранились два словаря XIII в.: кыпчакско-арабский, созданный в Египте, и латино-персидско-кыпчакский (*Codex Cumanicus*), созданный в Крыму.

Непосредственным продолжением половецкого языка являются современные **кумыкский** язык (320 тыс.) на севере Дагестана, **карачаево-балкарский** язык (220 тыс.) на северных склонах Главного Кавказского хребта — от истоков Кубани до границ Осетии¹, **крымско-татарский** язык (300 тыс.). Сюда же относится **караимский** язык (500 чел.) в Тракае (Литва) и в Галиче (Западная Украина). Караимы исповедовали особую религию (ответвление иудаизма), что способствовало обособлению их языка от крымско-татарского.

Участие кыпчаков в монгольских походах способствовало продвижению их на север — в лесостепи Поволжья, Урала и Западной Сибири. Здесь кыпчаки ассимилировали местные народы, а кыпчакские языки испытали влияние болгарского субстрата. Русские называли тюркские народы общим названием — татары, отсюда это слово было усвоено и многими тюрками как самоназвание². Татары Поволжья рано перешли к земледелию и к городской жизни (Казань, Астрахань). После распада Золотой Орды в конце XV в. некоторое время существовали Казанское и Астраханское ханства, но при Иване Грозном они были присоединены к России. С XVIII в. Казань становится главным центром мусульманской культуры в России (при Екатерине II Казань была третьим городом в империи по численности населения), началось книгопечатание на тюрки. Во второй половине XIX в. сформировались нормы современного литературного **татарского** языка, в чем немалая заслуга татарского просветителя Г. Насырова. На татарском языке говорят 6 млн человек, из них 1,7 млн в Татарстане (47 % всего населения), 1,1 млн в Башкортостане (30 %). Особый восточный диалект распространен среди западносибирских татар (160 тыс.), покоренных Россией в XVI—XVII вв.

¹ Заметим, что карачаевцы и балкарцы живут высоко в горах, выше, чем автохтоны — черкесы и кабардинцы.

² Еще в XIX в. казанско-татарские интеллигенты предпочитали называть свой язык болгарским.

К татарскому довольно близок **башкирский** язык (1,2 млн), литературные нормы которого оформились к 1930-м гг.

Распад Золотой Орды способствовал возвышению восточных кыпчаков — ногайцев и казахов; их диалекты дали начало трем языкам: **ногайскому**¹ (70 тыс.) на Северном Кавказе, **каракалпакскому**² (500 тыс.) и **казахскому** (более 11 млн, из них 9 млн в Казахстане и 1,3 млн в Китае). Литературная норма казахского языка сформировалась во второй половине XIX в. в значительной мере благодаря деятельности Абая Кунанбаева.

На востоке кыпчакские диалекты смыкались с диалектами северо-восточной подгруппы. Здесь возникли два языка смешанного характера. Тюркские диалекты Горного Алтая в советское время консолидировались в **алтайский** язык (70 тыс.), южные диалекты которого легли в основу литературной нормы.

Сложный путь развития прошел **киргизский** язык (3 млн). В древности киргизы жили на Енисее и в IX в. даже добились первенства среди тюркских племен Монголии. Постепенно киргизы продвигались на юг, следуя горными районами. В XVII в. русские еще застают киргизов на Енисее, но в начале XVIII в. всякие упоминания о них в этом районе прекратились. Уже в начале XVI в. персидские источники упоминают о киргизах на Тянь-Шане.

По-видимому, с X по XV в. основная масса киргизов передвинулась с Алтая в горы Тянь-Шаня. В процессе этой миграции киргизский язык испытывал постоянное воздействие кыпчакского (казахского) языка, что обусловило постепенное сближение киргизского языка с кыпчакским. Ислам стал распространяться у киргизов только с XVI в. и не оказал глубокого влияния на жизнь народа; зато здесь прекрасно сохранились традиции народного эпоса (киргизский эпос «Манас» по объему превосходит эпические сказания других народов мира).

Из всех тюркских языков наиболее смешанный характер имеет **узбекский** язык (20 млн, из них 18 млн в Узбекистане). Постепенно все больше и больше тюрков оседало в долинах Сырдарьи и ее притоков Арысы, Чирчика (а затем и в долине Зеравшана и Амударьи). В лингвистическом отношении их диалекты относились к юго-восточной подгруппе.

После монгольского завоевания тюркские народы Средней Азии оказались в пределах двух улусов: Чагатайского (к востоку от линии Бухара—Балхаш) и Джучи (Золотой Орды), названных по именам сыновей Чингисхана. В обоих государствах господствовал один и тот же язык (**тюрки**), получавший в дальнейшем разные названия (чагатайский, староузбекский, старотатарский).

¹ Названы по имени правителя Золотой Орды XIII в.

² Каракалпаки осели в устье Амударьи только в XVIII в.

Уже через сто лет Чагатайский улус распался. В 1370 г. власть захватил Тимур. Завоевательные походы (до Иртыша на востоке, до Анкары и Крыма на западе), приносившие смерть и нищету покоренным народам, в то же время способствовали экономическому и культурному расцвету Самарканда (столица Тимура), при потомках Тимура возвысился также Герат. Здесь, в Герате, писал Алишер Навои, давший классические образцы староузбекской поэзии. На староузбекском написал свои мемуары Бабур — последний тимурид и основатель династии Великих Моголов в Индии.

В 1505 г. кыпчакское кочевое племя узбеков¹ во главе с Шейбани вторглось в Хорезм, а затем и в долину Зеравшана. Государство Шейбанидов вскоре распалось на отдельные ханства: Бухарское, Хивинское, Кокандское, Ташкентское. Два последних были завоеваны Россией в 70-х гг. XIX в., а Бухарское и Хивинское в 1924 г. вошли в состав Узбекской ССР.

Современный узбекский язык, таким образом, сложился из диалектов юго-восточной (карлукской) подгруппы, особенно характерных для городов, и кыпчакских (т. е. северо-западных) диалектов. При этом кыпчакские диалекты, как правило, более архаичны. В них, например, хорошо сохраняется сингармонизм, восьмифонемная система гласных. Напротив, карлукские диалекты, развиваясь на иранском субстрате, сильно видоизменились. Число гласных фонем сократилось до шести, гласный [a] > [o] (аналогично иранскому [a] в таджикском).

Монгольская группа (8 млн)

Монгольские народы первоначально жили в бассейне Керулена — до Большого Хингана на востоке. Первое возвышение их связано с киданями, которые в X—XI вв. н. э. правили в государстве Ляо на севере Китая (сохранились тексты на киданьском языке, которые, однако, еще не дешифрованы).

Второе возвышение монголов повергло в ужас народы всего мира. В начале XIII в. под водительством Чингисхана за двадцать лет монголы захватили Северный Китай, Среднюю Азию и Сибирь — до среднего течения Оби и Енисея. При сыновьях Чингисхана завоевания в Китае распространились до Южно-Китайского моря и Центральной Бирмы (совр. Мьянма), а на западе — до Персидского залива и Дуная². Однако основная часть монго-

¹ Этноним *узбеки* восходит к имени золотоордынского хана Узбека (XIV в.).

² Крайними пунктами, которых когда-либо достигали монгольские войска, были: на западе — Чехия и Хорватия, на востоке — остров Кюсю, на юге — остров Ява.

лов возвратилась в Центральную Азию, а монголы в завоеванных странах быстро растворились в местном населении.

В XIII в. монголы заимствовали уйгурский алфавит, а позднее из него выработалось собственное монгольское письмо. Началась история старописьменного **монгольского** языка (одно из самых первых литературных произведений — монгольская хроника «Сокровенное сказание»). Старописьменный язык остается в силе у монголов Китая. Литература на этом языке была по преимуществу буддийской (с XVI в. в Монголии распространился ламаизм — вид буддизма), но переводилось много книг научного, юридического, исторического характера, записаны и эпические сказания монголов.

В XVII в. монголы попали под власть Китая; лишь в 1921 г. народ Внешней Монголии смог обеспечить свою независимость (в 1924 г. была провозглашена Монгольская Народная Республика). В 1945 г. для **халха-монгольского**, т. е. для монгольского языка МНР, был принят русский алфавит. Всего на монгольском языке говорят 6 млн человек, из них 2 млн в МНР.

К XVII в. для западных монгольских диалектов (ойратского языка — 150 тыс.) была создана особая письменность — модификация общемонгольского алфавита. Очень мало отличается от ойратского **калмыцкий** язык (250 тыс., из них 180 тыс. в России, остальные — в Сынцзяне)¹. **Бурятский** язык (400 тыс.) отделился от остальных монгольских диалектов очень рано. Современная литературная норма бурятского языка сменила старописьменную монгольскую в 1930-х гг.

В Китае есть еще несколько бесписьменных монгольских языков (дагурский, менторский, баоаньский, дунсянский) (примерно 550 тыс.). Могольский язык (10 тыс.) сохраняется в Афганистане.

Тунгусо-маньчжурская группа (100 тыс.)

Первоначальная область распространения этих языков — бассейн Амура.

В XII в. на северной границе Китая чжурчжени, или маньчжуры, основывают свое государство, но через сто лет оно погибает под ударами монголов. В конце XVI в. чжурчжени снова усилились при хане Нурхаци. В 1599 г. была введена письменность, сначала монгольская, а потом ее видоизменение — маньчжурский алфавит. На **маньчжурский** язык переводились многочисленные китайские сочинения (более 1000 памятников). В XVII в. маньч-

¹ В XVII в. калмыки откочевали к низовьям Волги, часть их в конце XVIII в. снова вернулась на восток.

журы овладели Китаем. Маньчжурская (Цинская) династия правила там до 1911 г.¹ И сейчас в Китае более 4 млн маньчжуров, но очень немногие из них сохранили свой язык (75 тыс.). Маньчжурский язык образует особую подгруппу.

Амурская подгруппа включает следующие языки: **нанайский** (3 тыс.) по берегам Амура в пределах Хабаровского края; **ульчский** (1 тыс.) в низовьях Амура; **орокский** (10 чел.) на Сахалине; **орочский** (200 чел.) к востоку от Комсомольска и **удэгейский** (80 чел.) в Приморском и Хабаровском краях. Народы, говорящие на этих языках, занимались или исключительно охотой (как удэгейцы), или только рыболовством (как ульчи), или тем и другим.

Этнографически к ульчам близки негидальцы, живущие по Амгуни; но **негидальский** (150 чел.) относится к числу языков сибирской подгруппы. Главным языком этой подгруппы является **эвенкийский** (15 тыс., из них 10 тыс. в России). Эвенки (тунгусы) занимают громадную территорию (более 2 млн кв. км) от Енисея до Охотского моря. К традиционным занятиям тунгусо-маньчжуров (охоте и рыболовству) эвенки присоединили оленеводство, благодаря чему и расселились так широко. На северо-востоке Якутии, в Магаданской области и частично на Камчатке распространен **эвенкийский** язык (7 тыс.).

Корейский язык (74 млн)

Первое самостоятельное корейское государство (Чосон) возникло еще до н. э. В первые века н. э. сформировалась своеобразная корейская цивилизация. В IV—V вв. в стране распространяется буддизм, а с ним и влияние Китая. Уже в VI в. делаются первые записи корейских слов китайскими иероглифами. С распространением конфуцианства (с X в.) литературным языком в Корею стал несколько измененный классический китайский язык (ханмун), на котором не только повторялись китайские образцы, но и создавалась оригинальная литература. О корейском языке VI—XIV вв. можно судить по текстам (в основном частным письмам), записанным сложной системой иероглифов, которые обозначают, между прочим, и корейские грамматические элементы.

В середине XV в. был изобретен корейский национальный алфавит и началось более интенсивное развитие литературы на корейском языке, которая, однако, считалась менее почтенной, чем литература на ханмуне. Только в конце XIX в. корейский язык стал государственным.

¹ Маньчжурские правители строго запрещали смешанные браки. Китайцам долго не разрешалось селиться в Маньчжурии. Но, несмотря на все запреты, маньчжуры ассимилировались среди китайцев.

Японский язык¹ (123 млн)

Прогресс лингвистики дает все больше оснований относить японский язык к алтайским языкам.

В ту же группу, что и японский, входит язык диалектов островов Рюкю (900 тыс. к югу от Японии). Этническое происхождение японцев вызывает много споров. Некоторыми этнографическими признаками (например, наличием крупного рогатого скота, лошадей) они сближаются с континентальной Азией, другими (легкими постройками, одеждой) — с Индонезией.

Древнеяпонский язык (VIII в.) использовал китайское письмо для записи отдельных японских слов и целых текстов. Один способ заключался в том, чтобы писать китайский иероглиф (например, иероглиф *горы*), но произносить его в виде соответствующего японского слова (*яма*). Другой способ представлял японское слово как последовательность иероглифов — в данном случае иероглиф *вечера* (произносится *я*) + иероглиф *конопля* (произносится *ма*). Именно второй способ и дал начало японскому слоговому письму (*кана*)². В настоящее время в Японии господствует сложная система письма, где сочетаются иероглифы и знаки двух вариантов каны.

В столице средневековой Японии Киото в X в. сформировался литературный язык (*бунго* ‘письменный’); этот классический японский язык лишь в 1946 г. вышел из официального употребления. Нормы современного литературного языка сложились в конце XIX в.

§ 99. Уральская семья. Другие языки Северной Евразии

Уральская семья

Уральская семья состоит из двух групп: финно-угорской и самодийской.

Финно-угорская (угро-финская) группа (22,7 млн). Когда-то финно-угорские народы населяли Восточную Европу на север от 50° с. ш. Группа включает шесть подгрупп: прибалтийско-финскую³, саамскую, пермскую, марийскую, мордовскую⁴ и угорскую.

¹ Совр. яп. *Нихон* (< др.-яп. *Нипон*) ‘Япония’ восходит к китайскому слову, сейчас звучащему *жибэнь*.

² Курсивный вариант каны (*хирагана* ‘простая кана’) применялся женщинами без всякой помощи китайских иероглифов. *Катакана* ‘побочная кана’ первоначально сопровождала иероглифы.

³ Не путать с балтийской группой индоевропейской семьи!

⁴ Мордовские и марийский языки часто объединяют в волжскую подгруппу.

Финские народы уже к началу нашей эры жили по соседству с Балтийским морем. Контакты с индоевропейцами (германцами и балтийцами) обогатили местные языки десятками и сотнями слов, относящимися к культурной лексике. См. примеры балтийских и германских заимствований:

Финский	Литовский	Финский	Германский
heinä 'сено'	šlėnas	kana 'курица'	англ. hen
herne 'горох'	žirnis	lammas 'овца'	англ. lamb 'ягненок'
oinas 'баран'	āvinas	pelto 'поле'	нем. Feld
villa 'шерсть'	vilna	kattila 'котел'	гот. katils
seinä 'стена'	siena	kulta 'золото'	англ. gold
silta 'мост'	tiltas	kuningas 'король'	др.-в.-нем. kuning
ratas 'колесо'	rātas	rikas 'богатый'	шв. rik

К концу I тысячелетия н. э. к числу языков-доноров присоединился древнерусский, ср.: финск. vārttinä 'веретено', rappi 'священник', risti 'крест', эст. aken 'окно'.

Среди прибалтийско-финских языков следует прежде всего назвать **финский** язык (5,5 млн, по-фински suomi). Финляндия в XIII в. была завоевана Швецией, финская культура развивалась под сильным влиянием шведской; доля шведов в населении страны стала падать только после 1809 г. (когда страна была присоединена к России) и особенно после приобретения независимости (1917).

Письменность на финском языке возникла в связи с деятельностью протестантского епископа Агриколы в 1540 г. Присоединение к России вдохнуло новую жизнь в литературный финский язык, важным событием было появление сборника эпических сказаний (рун) «Калевала», записанного и обработанного Э. Ленротом. В 1863 г. финский язык был уравнен в правах со шведским.

Эстонский язык (1 млн) развивался в условиях жестокого национального гнета немецких баронов, фактически управлявших страной и в составе Российской империи до 1918 г. Письменность возникла в эпоху Реформации (XVI в.). Уже в то время появились два литературных языка, связанных с диалектом Таллинна и диалектом Тарту (последний утратил свое значение в XIX в.). Как и в Финляндии, в становлении литературного языка выдающуюся роль сыграло появление национального эпоса «Калевипоэг», составленного и изданного Ф. Крейцвальдом; окончательная стабилизация нормы относится к 30-м гг. XX в. Эстония приобрела независимость в 1918 г., потеряла ее в 1940 г. и снова стала свободной в 1991 г.

Ливский язык (20 чел., л.я. с 1863 по 1939 г.) распространен в нескольких деревнях на севере Курляндии (Латвия)¹.

Карельский язык (50 тыс.) представлен главным образом в Карелии и на северо-востоке Тверской области (сюда часть карелов переселилась после русско-шведской войны в начале XVII в.). В XIX—XX вв. на карельском языке издавалась литература, но сейчас литературным языком карелов является финский. К западу от Онежского озера еще сохраняется **вепский** язык (10 тыс.) (по всей видимости, в древности вепсы занимали бассейн Северной Двины). Недалеко от Петербурга есть еще два финских языка: **водский** (несколько десятков человек) к северу от Ямбурга и **ижорский** (300 чел.).

На севере Скандинавии, за Полярным кругом, живут **саамы** (20 тыс. в Норвегии, 10 тыс. в Швеции, 4 тыс. в Финляндии и 1 тыс. на Кольском полуострове)². Письменность на саамских диалектах существует с XVII в., сейчас разработаны два литературных языка (норвежско-шведский и финский). Саамы антропологически резко отличаются от окружающих народов, в том числе и от прибалтийских финнов. Предполагают, что финно-угорский язык саамов испытал сильное влияние какого-то местного субстрата (может быть, самодийского).

Мордовские языки (*мокшанский* на западе и *эрзянский* восточнее) (около 700 тыс.). Наибольшей концентрации они достигают в самой Мордовии (45 % сельского населения) и в Пензенской, Ульяновской, Самарской, Оренбургской областях (7—10 %)³.

Диалекты прамордовского языка занимали самое южное положение среди финно-угорских языков и были открыты для заимствований из арийского (а позднее из иранского) праязыка, ср.: *мирде* 'муж' (ср. авест. *marəta* 'муж, человек'), *сядо* 'сто' (авест. *satəm*), *сырне* (авест. *zaranya*) 'золото', *паз* 'бог' (авест. *bagā-*), *азор* 'хозяин' (авест. *ahura-* 'Господь'), *сэдь* 'мост' (др.-инд. *sētu*). В начале нашей эры к западу от прамордовского говорили на прабалтийском, откуда пришли такие слова, как *кардаз* 'двор, хлев' (ср. лит. *gardas*), *пеель* 'нож' (лит. *peilis*), *пурьгине* 'гром' (лит. *perkunas*). В XIII—XVI вв. мордовские земли были завоеваны русскими, и с тех пор начался непрекращающийся поток русских заимствований, ср.: *берёк* 'берег', *баяр* 'боярин', *варьга* 'варежка', *ведра* 'ведро', *жеребей* 'жеребий', *каша* 'каша', *моря* 'море', *одежа* 'одежда', *ождыа* 'вожжи', *оля* 'воля', *палка* 'палка', *цють* 'чуть', *розь* 'рожь' и т. п.⁴.

¹ От имени ливов происходит название исторической провинции Лифляндия (Ливония).

² Южные соседи саамов называли их лапландцами (шв. *lapp*, финск. *lappalainen*, рус. *лопарь*).

³ Тысячу лет назад западная граница мордвы проходила около нынешней Рязани (мордовским, например, было племя мурома).

⁴ Звучание мордовского слова иногда указывает на очень древнее (дописьменное) заимствование, ср. *пондо* 'пуд'.

Письменность на обоих языках существует с XIX в.

Марийский язык (530 тыс., из них больше половины в Республике Марий Эл) также имеет два литературных языка: **горный** (диалект Козьмодемьянска) и **луговой** (диалект Йошкар-Олы)¹.

Пермская подгруппа включает три языка: **удмуртский** (480 тыс.), **коми-пермяцкий** (90 тыс.) и **коми-зырянский** (230 тыс.). Пермские языки относятся к младописьменным².

Наиболее сложными оказались исторические судьбы народов **угорской** подгруппы. Первоначально они жили по нижнему и среднему течению Камы. Предки венгров постепенно продвигались на юг — в лесостепи Башкирии. Здесь они были вовлечены в сложные потоки переселений тюркских и иранских народов. О контактах с иранцами свидетельствуют некоторые заимствования: венг. *hid* 'мост' (= осет. *хид*), *vért* 'щит' (= осет. *уарт*), *ásszony* [a:soń] 'женщина' (= осет. *æхсин* 'госпожа'). Очень много в венгерском языке древних тюркских заимствований: *bika* 'бык', *alma* 'яблоко', *bor* 'вино', *betű* 'буква' (тюрк. *bitig* 'письмо, книга'), *búza* 'пшеница' (тюрк. *buɣdaj*). Некоторые из древнейших заимствований носят явно булгарский характер: венг. *borjú* 'теленки' (= чув. *пáру*), венг. *disznó* 'свинья' (чув. *сысна*).

В конце IX в. венгры захватили Среднедунайскую низменность и отсюда совершали набеги, доходя до Северного моря, Рейна и Южной Италии. Вскоре, однако, Венгрия обрела границы, державшиеся восемь-девять веков. Кроме территории современной Венгрии венгры владели Словакией на севере, Трансильванией на востоке, с XIII в. — Хорватией и Далмацией на юге. Нашествие турок-османов в XVI в. заставило Венгрию войти в унию с Австрией. К концу XVII в. турки были изгнаны из страны, но зато усилилось политическое и культурное преобладание немцев. С 1867 г. был достигнут политический компромисс: государство стало называться Австро-Венгрией. Распад империи в 1918 г. сделал Венгрию независимой (но с большими территориальными потерями).

Самый старый связный текст на венгерском языке относится к концу XII в. В XVI в. начинается книгопечатание и одновременно выработка норм литературного языка. Поскольку центральная часть страны в это время была захвачена турками, культурная активность сосредоточилась на северо-востоке (диалект Дебрецена лег в основу литературного языка). Расцвет венгерской литературы, как и национальной культуры вообще, приходится на первую половину XIX в.

¹ Древнее племя меря, жившее между Волгой и Окой, по-видимому, было родственно марийцам.

² В церковной жизни коми использовалась особая азбука, созданная в XIV в. епископом Стефаном Пермским, но она была забыта в XVII в.

В настоящее время на венгерском языке говорят более 14 млн человек, из них 10,5 млн в Венгрии, 2 млн в Румынии, 0,6 млн в Словакии, 0,5 млн в Воеводине (Сербия), 0,6 млн в Северной Америке, 160 тыс. в Закарпатье (Украина).

Те угорские народы, которые остались на Каме, постепенно были оттеснены за Урал, где сейчас существуют **мансийский** язык (3 тыс.) по рекам Конде и Сосьве и **хантыйский** (11 тыс.) на остальной части территории Ханты-Мансийского национального округа и по Нижней Оби. Письменность на этих языках утвердилась в советское время. Хантыйские газеты, художественная литература и учебники публикуются на пяти диалектах. О масштабе диалектных расхождений можно судить хотя бы по тому, что в ваховском диалекте восемь падежей, а в обдорском — три.

Самодийская группа (28 тыс.). Большая часть самодийцев говорят на **ненецком** языке (25 тыс., из них 19 тыс. в Ямало-Ненецком национальном округе) по всей тундре от Мезени до Енисея. Кроме того, в эту группу входят **селькупский** язык (1,5 тыс.) на севере по реке Таз, на юге по Оби; **нганасанский** язык (600 чел.) на Таймыре. Еще в XIX в. на самодийском говорили и камасинцы (Красноярский край).

Чукотско-камчатская семья¹

Число языков этой семьи точно не определено (от трех до восьми). Их можно свести к более крупным. К ним относятся **чукотский** (10 тыс.) на Чукотке; **алюторский** (1 тыс.) на северо-востоке Корякского национального округа; **корякский** (5 тыс.); **ительменский** (менее 100 человек) на юго-западе Корякского национального округа. К моменту появления русских (XVIII в.) у ительменов обнаруживались наиболее архаичные черты как в духовной, так и в материальной культуре (основными занятиями были рыболовство и охота). Чукчи и коряки уже в XVII в. занимались оленеводством, а также морским промыслом, переняв его от эскимосов, живших раньше по берегам Чукотки.

Енисейская семья

Эта семья включает только один живой язык — **кетский** (400 чел.), распространенный по берегам Енисея и его притоков от 60° с.ш. до Полярного круга. Но несколько веков назад были и другие народы, говорящие на енисейских языках. В 40-х гг.

¹ Широко употребляемый термин 'палеоазиатские' (или 'палеосибирские') языки не имеет смысла в рамках генеалогической классификации языков.

XIX в. знаменитый финский лингвист М. А. Кастрен еще застал несколько десятков коттов, живших южнее Канска (на восток от Красноярска), из которых лишь четверо помнили свой старый язык.

Изолированные языки Сибири и Дальнего Востока

Юкагирский язык (350 чел.) еще в XVII в. был распространен от Станового хребта на юге до Северного Ледовитого океана, от Лены на западе до Анадыря на востоке. Затем юкагиры были ассимилированы эвенками и якутами и сейчас живут в двух отдаленных друг от друга районах по Колыме; говорящие на одном диалекте с трудом понимают говорящих на другом.

Нивхский язык (1 тыс.) распространен в самом устье Амура и на севере Сахалина. Возможно, что нивхи (гиляки), занимавшиеся исключительно рыбной ловлей, являются автохтонами нижней части бассейна Амура.

На **айнском** языке до недавнего времени говорили на острове Хоккайдо, но когда-то айны населяли также север острова Хонсю, остров Сахалин и Курильские острова. Сейчас они перешли на японский язык. Айны резко отличаются от окружающих народов как антропологическим типом (например, большой густой бородой), так и многими традициями (например, культом медведя).

§ 100. Китайско-тибетская семья¹

Эта семья четко делится на три группы: 1) китайский язык, 2) тибето-бирманские языки и 3) каренский язык. Первоначальное место обитания народов этой группы — громадная горная страна между Гималаями и хребтом Куньлунь. С этого величайшего в мире плоскогорья, лежащего выше 3000 м над уровнем моря, берут начало важнейшие реки Восточной Азии: Брахмапутра, Иравади, Салуин, Меконг, Янцзы, Хуанхэ. Вдоль этих рек китайско-тибетские народы спускались на равнины. Раньше всего этот процесс начался на северо-востоке.

Китайский язык (1200 млн). Во II тысячелетии до н. э. китайцы занимали нижнюю часть бассейна Хуанхэ («Желтой реки») (ок. 700 тыс. кв. км, т. е. примерно 1/7 своей нынешней территории). Отсюда китайский язык за 30 веков распространился на юг (до

¹ Альтернативное название — сино-тибетская семья. Средневековое латинское название Китая — Sinae восходит (через арабское посредство) к имени династии Цинь. По-русски специалиста по китайскому языку можно называть *китаистом* или *синологом*.

Южно-Китайского моря), на север (до Амура) и на запад (примерно до 100° в.д.).

Древнейшие письменные памятники китайского языка относятся к XIII в. до н.э. (надписи на гадательных костях и черепаших панцирях). Древнекитайская литература и наука известны по очень многим текстам самых разнообразных жанров: поэзии, философии (например, записи разговоров Конфуция — VI в. до н.э.), исторических сочинений. Древняя литература была бы известна еще лучше, если бы не «культурная революция», произведенная при первом объединении Китая — императоре Циньской династии (213 г. до н.э.)¹. Он приказал сжечь все старые, бесполезные книги. По счастью, уже через семь лет династия Цинь пала, и начался трудный процесс восстановления (иногда по памяти) древних текстов.

Как и в Европе, III—VI века н.э. были здесь эпохой политической раздробленности, вторжений северных народов (тюрков), эпохой экономического упадка. В это время в стране получил широкое распространение буддизм. Однако позднее снова возродилось конфуцианство, постепенно вытеснившее буддизм.

Консолидация Китая при династии Тан (VII—IX вв.) предотвратила распад китайского языка на группу родственных языков. К эпохе Танской династии относится разделение литературного (*вэньянь* ‘письменный язык’) и живого разговорного языка («среднекитайского» — по лингвистической терминологии). *Вэньянь* ориентировался на лексические и грамматические образцы VII—III вв. до н.э. Вплоть до XX в. *вэньянь* оставался языком государства, культуры и образования в Китае. Такую же роль играл он и в соседних странах — Корее, Японии, Вьетнаме. Элементы разговорного языка видны в коротких рассказах первых веков н.э. и особенно в переводах буддийской литературы.

Среднекитайский живой язык представлен в «низких» прозаических жанрах литературы. Его фонетические нормы отражены в китайских заимствованиях в соседних языках.

В XIX в. начинается литературная борьба за создание норм живого литературного языка *байхуа* (‘белый’, т.е. ‘простой’, язык). После свержения монархии (1911) в 1920-х гг. *байхуа* победил. *Вэньянь* вышел из употребления.

Современный китайский язык един в своей письменной форме, но распадается на диалекты (или языки), резко отличающиеся друг от друга фонетически. Слово *человек*, записываемое одним и тем же иероглифом, звучит в Пекине *жэнь*, в Шэньяне (Маньчжурия) — *инь*, в Гуанчжоу (на юге) — *янь*, а в Сямьне (на юго-востоке) — *лан*. Иероглиф ‘солнце, день’

¹ Европейское название Китая (China), вероятно, восходит к имени Цинь. Русское название «Китай» этимологически связано с киданями. Самоназвание китайцев (*хань*) связано с Ханьской династией, следовавшей за династией Цинь.

произносится в Пекине *жи*, в Гуанчжоу — *ят*, в Сямыне — *цзит*, а в горах Южного Китая — *нит*¹. Традиционно выделяется пять групп диалектов: 1) *ву* — юг провинции Цзянсу, где расположен самый большой город Китая — Шанхай, и север провинции Чжецзян (90 млн); 2) *минь* — провинция Фуцзянь и Тайвань (70 млн); 3) *хакка* — юг провинций Фуцзянь и Цзянси (35 млн); 4) *юе* — провинции Гуандун и Гуанси (65 млн). Именно носители трех последних групп преобладают среди китайцев, живущих за пределами Китая: минь — 11 млн, хакка — 3 млн, юе — 5 млн.

Более 70 % китайцев говорят на диалектах северной группы, в том числе более 200 млн — на северном диалекте, включающем и говор столицы². Если не в произношении, то в словаре и грамматике северный диалект стал основой **путунхуа** — общего устного литературного языка, все шире распространяющегося в городах Китая.

Китайский язык является основным в Китае и в Сингапуре (2 млн). Очень много китайцев и в других странах Юго-Восточной Азии (в Таиланде 6 млн, в Малайзии и Индонезии по 5 млн). В Средней Азии представлена небольшая группа китайцев-мусульман, использующих литературный **дунганский язык** (50 тыс.).

Тибето-бирманская группа (60 млн)

Из многих десятков языков этой группы отметим лишь важнейшие. Все Тибетское плоскогорье, а также некоторые долины по южным склонам Гималаев заняты диалектами **тибетского языка** (около 6 млн). Тибетская письменность и нормы литературного языка возникли в VII в. Богатая тибетская литература (и вся культура) связана с буддизмом, который в Тибете развился в особое ответвление — ламаизм, распространившийся затем среди монголов. Из тибето-бирманских языков Непала лишь *невари* (более 700 тыс.) имеет письменность. Тибето-бирманские языки преобладают в Бутане.

На самом востоке Индии есть тибето-бирманские языки, ставшие официальными в соответствующих штатах и территориях, — *трипури* (500 тыс.), *манипури* (1,2 млн), *мизо* (400 тыс.), *нага*

¹ Это последнее произношение ближе всего к древнекитайскому *ньт* (ср.: тиб. пуі, бирм. пе). Именно этим объясняется расхождение в звучании названий Японии. Многие названия южных городов попали на карты европейцев в южном диалектном произношении, а теперь переделываются на пекинский лад, например: *Кантон* (*Гуанчжоу*), *Амой* (*Сямынь*), *Сватоу* (*Шаньтоу*).

² В Западной Европе этот вариант китайского языка часто называют «мандаринским» (от слова *мандарин* 'европейское обозначение важного китайского чиновника'). Слово *мандарин* пришло в Европу как заимствование из малайского (*menteri*), восходящего к др.-инд. *mantrin* 'советник'. Цитрусовый плод (мандарин) назван так по своему желтому цвету — цвету одежды «мандаринов» — чиновников.

(1,3 млн). В юго-западных провинциях Китая Сычуань и Юньнань распространен язык *и* (или *лоло*) (5,5 млн). На границе Индии и Мьянмы говорят на *качинском* языке (около 2 млн).

Основным языком Мьянмы является **бирманский** (29 млн, п. п. с XI в.). Бирманцы из Юньнани пришли в долину Иравади в IX в., приняли здесь буддизм, включившись в южноазиатскую буддийскую культуру.

Каренская группа (более 5 млн) включает единственный **каренский** язык, на котором говорят вдоль тысячекилометрового участка границы Мьянмы и Таиланда.

§ 101. Языки Южной и Юго-Восточной Азии

Австроазиатская семья¹

Народы, говорившие на языках этой семьи, возможно, занимали в древности всю Индию и Индокитай. Арийские, дравидские, тибето-бирманские, таи-чжуанские народы расчленили австроазиатскую языковую область. В этой семье выделяется несколько групп.

Группа **мунда** (более 8 млн). Языки этой группы принадлежат малым народам Северной Индии, в горах и джунглях сохранивших много архаических черт культуры. Самый распространенный язык здесь — **сантали** (более 6 млн) в штатах Бихар и Западная Бенгалия.

Группа **мон-кхмер** (13 млн). В направлении с запада на восток отметим языки *кхаси* (700 тыс.) в штате Мегхалая (Восточная Индия), язык **мон** (1,2 млн, п. п. с X в.) на юго-востоке Мьянмы², никобарский язык (30 тыс.) на Никобарских островах, **кхмерский** язык (10 млн, п. п. с VII в.) — основной язык Камбоджи. Множество мелких языков группы мон-кхмер сохраняется в горных лесных районах стран Индокитая.

Малаккская группа (50 тыс.). На языках этой группы говорят сенои и семанги — до недавнего прошлого охотники и собиратели джунглей Малайи.

Вьет-мыонгская группа (68 млн). Главный язык этой группы — **вьетнамский** (67 млн, п. п. с XIV в.). С I в. до н. э. вьетнамцы находились в вассальной зависимости от Китая. Литературным языком был вэньянь. Только в XIV в. китайская иероглифика была приспособлена для вьетнамского языка, с XVII в. для последнего начинает применяться латинский алфавит, созданный христианами миссионерами. Когда в конце XIX в. страны Индокитая

¹ От лат. *auster* 'юг'.

² Государство моно в древности охватывало всю Южную Мьянму.

попали в колониальную зависимость от французов, латинский алфавит получил государственную поддержку и вытеснил иероглифику. Вьетнам добился независимости в 1945 г., но потребовалось еще тридцать лет для полного объединения страны.

Кроме вьетнамского к этой группе относится язык мьонг (900 тыс.) и множество мелких диалектов в горах.

На Андаманских островах лингвистами зафиксирован андаманский язык, на котором в 1961 г. говорили 5 (!) человек. Генетические связи этого языка пока не определены.

Дравидская семья (около 220 млн)

Дравидские языки, распространенные на Индостанском субконтиненте, делятся на четыре группы: южную, центральную, северо-восточную и северо-западную.

Из 12 языков южной группы четыре имеют древнюю письменную традицию, сложившуюся под влиянием древнеиндийской культуры. Еще до новой эры на юге Индии возникли крупные дравидские государства. Когда в 1950—1960-х гг. в Республике Индии проводилось административное деление на лингвистической основе, новым штатам давались имена древних государств. Южная группа включает **тамилский** язык (более 60 млн, л. со II в. до н. э.) в штате Тамилнаду и на севере Шри-Ланки; язык **малаялам** (44 млн, л. с IX в. н. э.) в штате Керала; язык **кánнада** (32 млн) в штате Карнатака; язык **тулу** (2,6 млн) между двумя последними. Лингвистически обособлен от них язык **тэлугу** (около 70 млн, л. с XI в.) в штате Андхра-Прадеш.

Языки других групп принадлежат небольшим народам, живущим отдельными островками среди индоарийского окружения. Из языков центральной группы отметим **гонди** (2,5 млн) в Центральной Индии, а из северо-восточной группы — язык **курукх** (или **ораон**) (2 млн) в штате Бихар. Далеко от остальных дравидских языков, в Пакистане, распространен единственный язык северо-западной группы — **бра́уи** (более 2,5 млн).

Сейчас доказано родство дравидских языков с **эламским**, который известен по клинописным табличкам XXIII—IV вв. до н. э. (Страна Элам находилась к востоку от Шумера.)

Семья мяо-яо (10 млн)

Как **мяо** (ок. 9 млн), так и **яо** (1 млн) распространены главным образом в провинции Хунань (к югу от Янцзы), хотя небольшие группы этих народов встречаются далеко на юге (до Центрального Таиланда). Язык **ше** (350 тыс.), распространенный в горах про-

винции Чжэцзян и Фуцзян, свидетельствует о том, что языки мяо-яо когда-то охватывали весь Юго-Восточный Китай, но затем уступили место китайскому (делаются попытки доказать родство языков мяо-яо с китайско-тибетскими).

Таи-чжуанская семья (66 млн)

В этой семье несколько десятков языков. Важнейшие — следующие шесть: **чжуанский** (15 млн) в китайской провинции Гуанси; мертвый язык *ахом* (XIII в.) на территории Ассама (Индия); **шанский** (4 млн) на севере Мьянмы; **лаосский** (15 млн) в Лаосе и Таиланде¹; **тайский** (или сиамский) (более 45 млн; п.п. с XIII в.) в Таиланде; язык *ли* (800 тыс.) на острове Хайнань в Южно-Китайском море. Можно полагать, что на первоначальной родине остались чжуаны, а все остальные таи-чжуанские народы мигрировали на юг. Политическая консолидация тайцев происходила в XIII—XV вв. под сильным влиянием кхмерского языка (особенно как проводника буддистско-индийской культуры).

§ 102. Австронезийская семья²

Народы этой семьи населяют многочисленные острова Индийского и Тихого океанов, охватывая примерно половину всей протяженности экватора. Семья традиционно делится на четыре группы.

Индонезийская группа (более 300 млн)

Более 120 млн человек живут на небольшом пространстве (140 тыс. кв. км) Явы и прилегающих небольших островов (Мадуро, Бали, Ломбон). Естественно, что такая большая плотность населения могла быть достигнута только в стране с древней земледельческой культурой.

В середине I тысячелетия н. э. на Яве существовало несколько государств, находившихся в сфере влияния индийской цивилизации. Сначала на Яве, а потом и на других островах Малайского архипелага возникли разнообразные модификации индийских алфавитов. Позднее (в XII—XIII вв.) с проникновением ислама стало широко употребляться арабское письмо, а с приходом европейцев (в XVI в.) — и латинское. Еще сто лет назад на Яве широ-

¹ Лаосские диалекты Таиланда (ок. 9 млн) можно с таким же успехом отнести к тайскому языку.

² Греч. νῆσος 'остров'.

ко использовались все три вида письма, но сейчас преобладает латиница.

Из всех древних литературных языков наибольшей известностью пользуется **кави**¹ (древнеяванский) (IX—XIII вв.). Победа ислама ограничила его роль повсюду, кроме острова Бали, где удержались индуистские культы. В настоящее время на островах Малайского архипелага говорят примерно на двухстах языках и диалектах, из которых отметим следующие: на западе Суматры (с севера на юг) — **аче** (3 млн), **батакский** (6 млн), **минангкабау** (около 7 млн); на Яве (с запада на восток) — **сунданский** (28 млн, л. с XIV в.), **яванский** (78 млн), **мадурский** (11 млн). Далее на востоке — **балийский** (3 млн, п. п. с IX в.), **бугийский** (4 млн) на юге Сулавеси, **даякские диалекты** (3 млн) на Калимантане; язык **висайя** (более 18 млн) на юге Филиппин и язык **илоко** (12 млн) на севере.

Богатые земли Малайского архипелага манили к себе колонизаторов. Уже в XVI в. здесь появляются португальцы и испанцы. В XVII—XVIII вв. гегемония переходит к голландцам, которые вытеснили португальцев и захватили большую часть островов. Наконец, в XIX в. появились англичане, овладевшие Малайей и северным Калимантаном. В 1898 г. США отняли Филиппины у Испании. Во время Второй мировой войны японцы тоже попытались утвердиться в этом районе.

Крушение колониализма привело к становлению трех независимых государств: на месте бывших голландских владений возникла Индонезия, на месте английских — Малайзия, на месте американских — Филиппины². В каждом из этих государств возникла потребность в общем государственном языке. Такую роль взял на себя **малайский** язык (45 млн, в Индонезии и Малайзии). Хотя на малайском существует литература с VII в., успех этого языка объясняется отнюдь не престижем его культуры. Малайцы в XIV—XVI вв. превратились в народ мореплавателей и широко распространились за пределы Восточной Суматры. Структурно и материально близкий к другим индонезийским языкам, малайский превратился в *lingua franca* всего архипелага. С конца прошлого века он все больше завоевывал жанры современной литературы. В Индонезии малайский язык называется **индонезийским**. На Филиппинах аналогичную роль играет **тагальский**, или тагалог (ок. 16 млн, п. п. с XVI в.), который в последнее время получил новое официальное название *пилипино*.

Несколько индонезийских языков находятся за пределами Малайского архипелага. Это **мальгашский** язык (14 млн, п. п. с XVI в.) на Мадагаскаре (индонезийские племена переселились сюда

¹ На др.-инд. *kavi* 'мудрец, поэт'.

² В четвертом государстве (Сингапуре) господствует китайский язык.

еще до новой эры), диалекты гаошань (300 тыс.) во внутренних районах Тайваня и язык **чам** (250 тыс. вместе с родственными диалектами) на юге Вьетнама¹.

Микронезийская группа (360 тыс.)

Языки этой группы охватывают Каролинские и Маршалловы острова, северную часть Марианских островов и Кирибати (острова Гилберта).

Полинезийская группа (700 тыс.).

Расселение полинезийских народов по островам Тихого океана началось с островов Самоа и Тонга, еще до новой эры были заселены Таити, острова Туамоту и Маркизские острова. Позднее всего (к концу I тысячелетия н. э.) были заселены Гавайские острова на севере и Новая Зеландия на юге. Если не считать загадочной письменности острова Пасхи, у полинезийцев до прихода европейцев не было своего письма. Богатая полинезийская литература носила исключительно устный характер (мифы, исторические сказания и т. п.).

В настоящее время наиболее важными полинезийскими языками являются **маорийский** (150 тыс.) на севере Новой Зеландии, **самоанский** (более 200 тыс.) на островах Самоа, **тонганский** (100 тыс.) на островах Тонга, **таитянский** (170 тыс.) на острове Таити, **гавайский** (2 тыс.) на Гавайских островах.

Меланезийская группа (3 млн)

Языки этой группы распространены в береговых районах Новой Гвинеи, на Соломоновых островах, в Вануату (на островах Новые Гебриды), в Новой Каледонии, самый важный из них **фиджийский** язык (700 тыс.) на острове Фиджи. В расовом отношении меланезийцы резко отличаются от полинезийцев и индонезийцев и сближаются с папуасами.

Несколько сотен папуасских языков Новой Гвинеи (ок. 5 млн) изучены еще очень слабо. Во всяком случае, здесь наблюдается поразительное разнообразие языков.

Что касается аборигенов Австралии, то их языки (100 тыс.) также изучены недостаточно. Некоторые лингвисты предполагают, что они в конечном счете родственны друг другу².

¹ Это был основной язык (со своим письмом) государства Чампа (I—XV вв.).

² В прошлом веке вымерли коренные обитатели Тасмании. В антропологическом и лингвистическом отношении тасманийцы несколько отличались от австралийцев.

§ 103. Языки Африки

Сравнительно-историческое изучение языков черной Африки, т. е. Африки к югу от Сахары (а в лингвистических терминах — языков, не входящих в афразийскую семью), затруднено из-за отсутствия старых письменных текстов и плохой документированности многих сотен языков малочисленных народов. Тем не менее общие контуры генеалогической классификации языков уже наметились главным образом благодаря трудам американского лингвиста Дж. Гринберга.

Нигеро-конголезская семья

Чрезвычайно разошедшиеся языки этой семьи, по-видимому, формировались во влажных приэкваториальных районах Гвинейского побережья. Благодаря миграции народов банту эта семья распространилась на бассейн Конго, Восточную Африку, большую часть Южной Африки. Рассмотрим группы этих языков, перемещаясь с запада на восток.

Языки **западноатлантической** группы (около 30 млн) представлены на западном побережье от р. Сенегал до границ Либерии. Народы этой группы преобладают в Сенегале, Гвинее-Бисау, Сьерра-Леоне. Вокруг Дакара компактно живут носители языка **воло́ф** (4,7 млн), ставшего языком межнационального общения в Сенегале. Сенегал был и стартовой площадкой распространения языка **фула́** (23 млн), на котором говорят кочевники-скотоводы фульбе (их также называют фулани, пель). Начиная с XV в. фульбе стали распространяться по саваннам Западной Африки, подчиняя себе оседлые народы. В Гвинее фульбе составляют до 40 %, в других государствах (Мали, Нигер, Нигерия, Камерун) их доля не превышает 15 %, но Нигерия настолько большая страна, что в настоящее время более половины фульбе сосредоточены именно там (на границе с Камеруном). Волоф и фульбе — мусульмане и имеют письменность на арабской графической основе.

Языки группы **гур** (или вольтийской) распространены в саваннах бассейна р. Вольты и правых притоков Нигера. Народы гур (около 15 млн) составляют более 80 % населения Буркина-Фасо, около половины населения Того, примерно 20 % в Бенине, Гане, Кот д'Ивуаре, Мали. Важнейший язык этой группы — **моси** (или *море*) (7,2 млн) в Буркина-Фасо и Гане. Из других языков отметим **догón** (700 тыс.) в Мали и **сенуфо** (ок. 3 млн) в Мали, Кот д'Ивуаре.

Народы, говорящие на языках группы **ква** (80 млн), составляют большинство населения Кот д'Ивуара, Ганы, Того, Бенина и около половины населения Нигерии. Важнейшие языки — **акáн** (или **ашан-**

ти) (10 млн) в Гане; **эве** (5,6 млн) в Гане, Того, Бенине; **игбо** (22 млн) в южной Нигерии и **йоруба** (27 млн) на юго-западе Нигерии.

Языки группы **адамаве-убанги** (**гбайя**, **банда**, **занде** и др.) растянулись узкой полосой по обоим берегам р. Убанги, разделяющей Заир и Центрально-Африканскую Республику. Общее число говорящих составляет 7 млн, причем в ЦАР это основная часть населения.

Основная часть всей семьи — группа **бенуэ-конго** (более 250 млн). Первоначальная область распространения этих языков находится в юго-восточной Нигерии, в бассейне притока Нигера — реки Бенуэ. Из языков, по-прежнему представленных в том же регионе, отметим языки **ибиббио** (5 млн) и **тив** (3,3 млн). Одна из многих подгрупп — языки **банту** (245 млн).

Примерно две тысячи лет назад предки современных банту двинулись на восток, обходя с севера непроходимые тогда влажные тропические леса берегов Конго. Достигнув Великих африканских озер, банту повернули на юго-восток, на юг, а затем и на юго-запад. Последние миграции этого многовекового движения происходили совсем недавно — в XIX в., когда народы банту столкнулись сдвигающимися на север бурами. Постепенно языки банту охватили и территорию экваториальных лесов, лингвистически ассимилировав местных обитателей — пигмеев.

Перечислим важнейшие из языков банту¹: **руанда** (более 9 млн) в Руанде и Заире; **рунди** (7 млн) в Бурунди и Танзании; **ганда** (4 млн) в Уганде; **лукья** (4,2 млн) к востоку от озера Виктория; **кикуйю** (6,3 млн) в Кении; **конго** (более 5 млн) в низовьях р. Конго; **луба** (10 млн) на юге Заира; **куа** (7 млн) на севере Мозамбика и в Малави; **шона** (9 млн) к югу от Замбези; **тсонга** (4 млн) на юго-западе Мозамбика; **свази** (2,6 млн) в Свазиленде (ЮАР); **сото** (9 млн) в Лесото и Оранжевой провинции (ЮАР); **тсвана** (5 млн) в Ботсване и Трансваале (ЮАР); **зулу** (более 12 млн) в Натале (ЮАР) и **коса** (более 9 млн) в Капской провинции (ЮАР).

Особо следует сказать о языке **суахили** (5 млн, л. с XII в.). На этом языке как на родном говорят в узкой прибрежной полосе Кении и Танзании и на Коморских островах. Благодаря тому что эта часть побережья (и особенно остров Занзибар) были «воротами в Африку» для арабов, а потом и европейцев, суахили получил широкое применение как язык торговли. Постепенно он стал настоящим *lingua franca* Восточной Африки. В Танзании он объявлен государственным языком.

По всей вероятности, с языками нигер-конго генетически связаны языки семьи **манде**. Народы, говорящие на языках этой семьи,

¹ Полезно помнить, что названия языков часто даются с классным показателем языка (ki-), например кисуахили, а названия народов — с показателем класса людей (ba-, та-), т. е. не луба, а балуба, не шона, а машона.

преобладают в саваннах Мали и Гвинеи, они составляют относительное большинство населения Либерии и Сьерра-Леоне. Общее число говорящих — 13 млн. Важнейший язык этой семьи **мандинго** (с вариантами *малинке*, *бамбара* и *диула*) (более 6 млн). В XIII—XVI вв. народ малинке стоял во главе мусульманского государства Мали, господствовавшего в верховьях Нигера. К этому периоду относится расцвет города Тимбукту — важнейшего центра транс-сахарской торговли. На языке *сонинке* (север Мали) сейчас говорит лишь 1,3 млн человек, но этот народ когда-то (III—XI вв.) господствовал в древнейшем государстве Гана¹.

Койсанские языки

Распространение бантуязычных народов на восток и юг Африки привело к ассимиляции местного населения. Однако в Танзании и на юго-западе Африки сохранились языки, не относящиеся к банту (в Танзании 70 тыс., в Намибии 320 тыс., в Ботсване 30 тыс.). По образу жизни местные народы юго-запада Африки делятся на две группы: **бушмены** (собиратели и охотники) и **готтентоты** (кочевники-скотоводы). Еще в X в. эти народы населяли всю Африку к югу от Замбези. Отличительной чертой этих языков являются особые, щелкающие, звуки (*clicks*). Под влиянием местного субстрата подобные звуки появились и в некоторых языках банту (*коса*, *зулу*, *сото*). Давно уже высказана гипотеза о родстве языков бушменов и готтентотов; постулируемую макросемью называют койсанской. Делаются попытки связать с ними два изолированных языка Танзании — *сандаве* и *хадза*.

Нило-сахарские языки

Говоря о географии Африки, часто используют слово *Судан*, обозначая им полосу саванн и степей, лежащую между влажными тропическими лесами и Сахарой и простирающуюся от среднего течения Нигера до Эфиопского нагорья². На этой громадной территории представлены многие изолированные языки и группы языков, в классификации которых лингвисты еще не достигли единства взглядов.

Язык **сонгаи** (1,4 млн) распространен по берегам Нигера от Тимбукту в Мали до границы государств Нигер и Нигерия. В конце XV в. сонгаи захватили Тимбукту и постепенно ослабили государство Мали, но через двести лет их империя была разгромлена туарегами.

¹ Золотой Берег первым из колоний Западной Африки завоевал независимость в 1957 г. и с тех пор называется Ганой в честь событий тысячелетней давности.

² Государство Судан занимает лишь небольшую часть этого пространства.

К западу и северо-западу от озера Чад около 6 млн человек говорят на языке **канури** (п. п. с XVII в.). В VIII—XII вв. народ канури доминировал в государстве Борну, но еще много веков спустя язык этот оставался *lingua franca* для всего Центрального Судана. Вместе с родственными языками на севере и востоке Республики Чад он образует сахарскую семью языков.

Центральносуданская группа языков (около 4 млн) примерно поровну распределена между самым югом Республики Чад (язык багирми) и крайним северо-востоком Заира.

На крайнем севере, в долине Нила (на юге Египта и на севере Судана), распространен **нубийский** язык (2 млн). На этом языке имеется древняя христианская литература, записанная коптским письмом VIII—XIV вв.; вместе с принятием ислама была потеряна и письменность.

Несколько выше по Нилу (у впадения в Нил Атбары) с VIII в. до н. э. до IV в. н. э. существовало царство Мероэ, сформировавшееся под мощным воздействием египетской цивилизации. *Мероитский* язык (п. п. II в. до н. э.) известен совершенно недостаточно, не исключено, что он генетически связан с нубийским. Нубийский язык — самый северный представитель восточносуданской группы (22 млн). Самая важная подгруппа в составе этой группы — **нилотские** языки (более 9 млн), к которым относятся, в частности, *динка* (2 млн), *нуэр* (1 млн) и *шилук* (300 тыс.) на юге Судана; *ачоли* (1 млн) на севере Уганды; *луо* (2,6 млн) на западе Кении, **масаи** (900 тыс.) — язык воинственных кочевников на границе Кении и Танзании.

В горах Кордофана (в 600 км к юго-западу от Хартума, столицы Судана) говорят на языках **кордофанской** группы (около 400 тыс.). На крайнем западе республики Судан, в горной стране Дарфур, распространены языки **фур** (400 тыс.). Наконец, в Эфиопии, на границе с Суданом, находим три изолированных языка — *кунама*, *берта* и *комо*.

Согласно гипотезе Гринберга, языки Судана, перечисленные выше (кроме кордофанских), можно объединить в нило-сахарскую макросемью. Что касается кордофанских языков, то Гринберг соединяет их с нигеро-конголезской семьей, превращая последнюю в конго-кордофанскую. Это решение поддерживают многие лингвисты.

§ 104. Языки Америки

Предки индейцев переселялись в Америку из северо-восточной Азии. Процесс этот начался более 20 тыс. лет назад. Примерно 8—9 тыс. лет назад в Центральной Америке и в нынешнем Перу началась domestikация растений, а три тысячи лет назад в

этих двух районах появляются первые цивилизации. Хотя постепенно земледелие распространялось все шире, за исключением указанных выше очагов цивилизации, плотность населения была невелика, что и объясняет переселение народов иногда на сотни и тысячи километров. Примером может служить язык **кикапу**. Первые европейские путешественники познакомились с этим алгонкинским народом около озера Мичиган в 1667 г., через сто лет их находят в нынешнем Техасе, еще через сто лет часть их поселяется в мексиканском штате Коауила. За двести лет пройден путь в 2000 км. Из-за всего этого лингвистическая карта Нового Света выглядит такой пестрой и запутанной. В Бразилии лингвисты отметили 240 живых языков, столько же языков в Мексике, в Перу их насчитывают 90, а в Гватемале на территории, лишь вдвое больше Московской области, находят 52 языка¹.

На американских языках говорят 40 млн человек, из них 180 тыс. в Канаде (0,6 % населения), 420 тыс. в США (0,15 %), а остальные в Латинской Америке. Наибольшая концентрация индейских языков наблюдается в горных странах Центральной и Южной Америки: в Мексике 6 млн (6 % населения), в Гватемале 3,4 млн (27 %), в Эквадоре 5 млн (38 %), в Перу 4 млн (15 %), в Боливии 5,4 млн (65 %), а также в Парагвае 5,2 млн (95 %)².

Эскимосо-алеутская семья (110 тыс.)

Эскимосские языки охватывают северные берега Аляски (30), Канады (30) и побережье Гренландии (50), эскимосы живут также по берегам Берингова моря (запад Аляски и Чукотка). Берингоморье и было прародиной всей семьи. В тяжелых условиях Арктики эскимосы создали свою оригинальную культуру, целиком зависевшую от охоты на морского зверя. Позднее часть эскимосов осваивала и внутренние районы континента, переходя к охоте на северного оленя. **Алеутские** диалекты (1:16) распространены на полуострове Аляска и на Алеутских островах. Говорят по-алеутски и на российских Командорских островах (0,1). В XVIII—XIX вв.

¹ В данном параграфе учтена информация, приведенная в книге: Campbell L. American Indian Languages (The Historical Linguistics of Native America. — Oxford, 1997). В книге рассматривается более 180 языковых семей и изолированных языков.

² Для Северной Америки указываются области распространения индейских языков в середине XVIII в. Европейцы сгоняли индейцев с их земель, перемещали их в резервации (иногда за многие сотни километров от прежней родины). Указания на штаты даются лишь для ориентировки. Конечно, в середине XVIII в. штатов еще не было. При указании в скобках числа говорящих после двоеточия дается цифра на момент контакта с европейцами. Все числовые данные даются в тысячах.

алеуты заимствовали много русских слов, часто изменявшихся весьма сильно (ср. обычное приветствие *tulumax* из рус. *здорово*). Интересно, что среди русских заимствований встречаются и названия весьма важных реалий местной жизни: так, у командорских алеутов *kumálix* ‘комар’, *suráka* ‘собака’.

Атапаскская семья (210 тыс.)

Языки этой семьи представлены в трех далеких друг от друга областях. Первоначальная родина атапасков — таежная зона Северной Америки (от низовьев Юкона до Гудзонова залива), где насчитывается 9 языков этой семьи (16:40), самый известный из них — **чипевайян** (самоназвание — *денé* ‘люди’). Из 24 языков тихоокеанской группы, распространенных в Орегоне и Северной Калифорнии, сейчас сохранился только язык *хупа* (0,01:2).

В XIII—XIV вв. часть атапасков появилась далеко на юге — в бассейне Рио Гранде-дель-Норте, их называют здесь *апачами* (35:12). Первоначально таежные охотники, они адаптировались к жизни в степях и восприняли позднее культуру своих соседей на Великих Равнинах.

Часть апачей перешла к оседлому образу жизни, переняла у индейцев пуэбло земледелие и сумела вопреки испанскому и американскому влиянию сохранить свою самобытность. Язык **навахо** (на севере Аризоны и Нью-Мексико), принадлежащий этим земледельцам, в настоящее время самый крупный среди индейских языков США (160:4).

Тихоокеанское побережье Канады и США с его разнообразием природных условий, богатейшей флорой и фауной стало заповедником разнообразных культур, конгломератом языков. От этого многообразия осталось еще довольно много. Двигаясь с севера на юг, перечислим важнейшие изолированные языки и семьи языков. Всю юго-восточную часть Аляски занимал язык **тлингит** (2:10). Тлингиты занимались охотой и рыболовством, вели активную торговлю, знали холодную обработку меди, имели сложную систему политической организации. На территории тлингитов, на о. Баранова, находился административный центр русской Аляски — Новоархангельск (теперь — Ситка, слово тлингитского происхождения). Чуть южнее, на о. Принца Уэльского и на о-вах Королевы Шарлотты, распространен язык **хайда** (0,3:9). К востоку от этих народов на континенте живут индейцы **цимшиан** (1,4:7). На юге (вплоть до 50° с. ш.) обитали народы, говорящие на языках семьи **вакаш** (2:15), самые известные из них — *квакию́тьль* и *нутка*¹ на о. Ванкувер.

¹ Именно из языка *нутка* было заимствовано слово *потлач* ‘дар’, известное теперь всякому этнографу. Это слово обозначало обряд торжественного распределения даров, очень характерный для всего региона.

Территория Британской Колумбии и севера Вашингтона была занята салишскими языками (4:60). На востоке Британской Колумбии говорят на изолированном языке *кутне* (0,2:1). По берегам р. Колумбии в ее нижнем течении и по берегам р. Снейк были распространены языки *сахаптин* (4:18). В самых же низовьях Колумбии говорили на языке *чинук* (:23). Чинуки были самыми южными носителями той культуры индейцев северо-западного побережья, о которой говорилось в связи с тлингитами.

В среднем течении р. Кламат говорили на языке *каро́к* (0,1:1,5). На восток от карока говорили на языках *шаста* (:3) к северу от вулкана Шаста, к югу от них — на языке *яна* (:1,5). Долина р. Сакраменто — район распространения двух групп языков — *винту́н* (:12) на западе и *майду* (0,01:9) на востоке. В горах на запад от винтунов говорили на языке *юки* (:3). Тихоокеанское побережье к северу от Сан-Франциско было занято народами *помо* (0,1:8). В районе же залива Сан-Франциско говорили на языках *миво́к* (:11). В долине Сан-Хоакин говорили на языке *йокуте* (0,01:18). В районе всем теперь известной Санта-Барбары говорили на языке *чумаш* (:10).

Алгонкинская семья (190 тыс.)

Языки этой семьи когда-то охватывали весь северо-восток Америки (от места слияния Миссисипи и Огайо до Лабрадора), затем единый ареал был разорван продвижением ирокезов. Это были первые индейцы, с которыми сталкивались французы и англичане, переселявшиеся в Америку, поэтому многие американские экзотизмы проникли в европейские языки из алгонкинских языков, ср.: *вампум*, *вигвам*, *манату*, *мокасин*, *опоссум*, *скво*, *томагавк*, *тотем*. Лесная зона Канады от Лабрадора до Скалистых гор и сейчас область распространения *кри* (90:25). Язык *оджибва* (или *чиппева*) (60:40) занимал территорию к северу и востоку от озера Гурон, к северу и западу от озера Верхнего¹. Между озерами Верхним и Мичиган жили меномини (0,03:3), чуть западнее — фокс (или 'лисы')² (0,8:3) и близкие к ним кикапу (1,2:3); нынешний штат Мичиган был населен народом потаватоми (0,5:4); к югу от них жили индейцы иллиной (:14).

Второй регион алгонкинов — Атлантическое побережье от устья р. Св. Лаврентия до Северной Каролины. На языке *микма́к* (8:3) говорили в приморской Канаде, в штате Мэн говорили на языке

¹ Название одного из племен — оджибва — запечатлено в названии столицы Канады — Оттава.

² На языке фокс *те́йкати* значит 'большое озеро', отсюда название озера Мичиган.

пенабскот (0,03:2). К югу от них жили народы нипмук, массачусет, наррагансетт, могиране (все вместе :50). Между Гудзоном и Делаваром жили индейцы, которых европейцы называли делава-рами (по имени реки) (0,01:8).

Самый западный регион алгонкинов — Великие Равнины: здесь в верховьях Миссури и Саскачевана представлены сиксика (букв. 'черноногие' — по цвету мокасин) (9:15). Черноногие были степными охотниками на бизонов, совсем забывшими прошлый земледельческий опыт. Их южные соседи чейенны (2:3) в XVII в. еще занимались земледелием. Быть может, раньше других алгонкинов на путь адаптации к жизни степных охотников вступили арапахи (1,5:6), которых первые европейцы застали в Канзасе.

На северо-западе Калифорнии — у впадения в океан р. Кламат говорили на языке **юрок** (:2,5), больше всего отличающемся от остальных языков семьи.

На о. Ньюфаундленд вплоть до XIX в. говорили на изолированном языке **беотук**¹.

Ирокезская семья (30 тыс.)

Земледельцы ирокезы когда-то жили на территории штата Огайо, а затем продвинулись на северо-восток, вытесняя алгонкинов. К северу от Онтарио и Эри, а также по берегам р. Св. Лаврентия жили вендоты, или, как их называли европейцы, гуроны (:50)², самый многочисленный народ северо-востока Америки. В XVII в. пять ирокезских племен (сенека, каюга, онондага, онейда и мохок) образовали союз, позднее к ним присоединилось племя тускарора, переселившееся с юга (все вместе 5:20).

На юге, в штатах Северная Каролина, Теннесси, Джорджия, самым значительным ирокезским народом были чероки (24:22). В 1822 г. их вождь Секвойя изобрел для своего народа слоговое письмо.

На запад от территории чероки говорили на изолированном языке **ючи** (0,05:3).

Семья мускоги (23 тыс.)

Эти языки охватывали юго-восток Северной Америки: **чокто** (13:27) в штате Миссисипи и на востоке Луизианы³, **апалачи** (:5) на северо-западе Флориды, **алабама** (0,1:1,5), **крик**, или **мускоги**

¹ Французский путешественник Картье (1534) отметил обычай беотуков красить волосы охрой. Может быть, отсюда пошло название индейцев краснокожими.

² От фр. *huron* 'грубиян'.

³ Названия некоторых племен этой семьи сохранились в топонимике: Мобил, Пенсакола.

(10:8), на севере Алабамы и Джорджии. Многие мускоги бежали от европейцев на юг — во Флориду, особенно усилился этот процесс после поражения криков в войне с США в 1813—1814 гг. Здесь сформировался новый народ — семинолы¹.

Во Флориде когда-то говорили на изолированном языке **тиму́-куа** (:10). Изолированные языки были представлены в низовьях Миссисипи: **натчез** (:5), **туника** (:1,5), **атакапа** (:2).

Семья **сиу** (21 тыс.)

Народы этой семьи первоначально жили по среднему течению Миссисипи, а затем распространились по степным равнинам на запад от этой реки. Основным их занятием была охота на бизонов. Распространение лошади, привезенной в Америку испанцами, коренным образом изменило всю их жизнь. Именно с этого времени складывается психологический образ воинственного индейца прерий, столь знакомый по бесчисленным ковбойским фильмам.

Из народов этой семьи отметим индейцев **дакота** (30:35), которые первоначально жили в штате Миннесота и в провинции Манитоба, а затем мигрировали на запад под натиском оджибва. Народ **винебаго** (1:4) жил на западном берегу озера Мичиган, **омаха** (1:14) — в штатах Айова и Небраска, **хидатса** (0,1:1,5) — в Северной Дакоте, **кроу** (5:4) — на западе Южной Дакоты². Два языка **сиу** существовали далеко от остальных родственных языков: это **билокси** (:0,4) около устья р. Алабама и **тутело** (:4) в штате Вирджиния.

Крайний восточный представитель этой семьи — язык **катоба** (0,01:14) (Южная Каролина).

К югу от народов **сиу** располагались народы семьи **каддо** (пони, уичита и др.) (0,6:25), распространенные от Небраски до Техаса³.

На востоке Техаса когда-то говорили на изолированном языке **тонкава** (:1,6). В засушливых районах Нью-Мексико сложилась своеобразная культура земледельцев, живших в больших деревнях, в многоквартирных и часто многоэтажных глинобитных домах. Культура этих народов называется культурой **пуэбло** (от исп. *ruedo* 'деревня'). Языки этих народов не образуют генетического единства: **керес** (9:4), **зуньи** (4:2,5); группа языков **тано** (3:25) связана генетическим родством с языком **киова** (2:2) в Оклахоме. Выше уже говорилось, что культуру **пуэбло** восприняли **навахо**, к ней присоединились и некоторые народы, относящиеся к следующей семье.

¹ От исп. *cimarron* 'беглый раб'.

² Имена племен **сиу** отложились в топонимике: Айова, Миссури, Канзас.

³ На языке **каддо** *tefa* означает 'друг'. Испанцы стали называть этих индейцев *texas*, откуда и произошло название штата Техас.

Юто-ацтекская семья (1,5 млн)

Народы этой семьи когда-то были распространены в пустынных районах, примыкающих к нижнему Колорадо. На север от прародины этой семьи — в штатах Айдахо, Невада, Юта — представлены языки **пают** (2:8), **юте** (3:7), **шошён** (3:8). В XVII в. от шошонов откололось племя команчей (0,5)¹, двинувшееся в восточный Вайоминг; здесь команчи овладели искусством верховой езды, в начале XIX в. они оказались в Оклахоме и Техасе.

Шесть языков южных шошонов были распространены вокруг нынешнего Лос-Анджелеса (0,12:16). Образ жизни народов пуэбло восприняли индейцы хопи (6:3)². На самом юге Аризоны живут пима и папаго (17). В XVI в. весь северо-запад Мексики был занят юто-ацтекскими народами (100). Один из этих народов — науа последовательными волнами (с V по XI в.) продвигался в цивилизованные районы Центральной Мексики, подчинив местные народы. В XV в. империя науа, или ацтеков³, достигла наивысшего могущества, но в 1521 г. испанские конкистадоры во главе с Кортесом заняли столицу ацтекской империи — Теночтитлан (совр. Мехико) и вскоре подчинили всю Мексику. Испанское завоевание не сразу привело к упадку языка науа. Введение латинской письменности, напротив, способствовало созданию литературного языка, но постепенная ассимиляция давала свои плоды: с конца XVIII в. на языке науа писать перестали. Однако до сих пор на нем говорят 2 млн человек.

Ацтеки были первым цивилизованным народом Америки, с которым столкнулись испанцы. Многие слова науа попали в испанский, а оттуда и в другие языки Европы, ср.: *авокадо*, *томат*, *чили*, *койот*, *шоколад*.

Семья языков юма (3:40) охватывала низовья р. Колорадо, крайний юго-восток штата Калифорния, север полуострова Калифорния.

Семья ото-манг (1,8 млн)

В I тысячелетии н.э. эта семья охватывала всю центральную и южную часть Мексики. Народы этой семьи достигли высокой степени развития цивилизации. Важнейшие языки — **отомí** (250 тыс.) к северо-западу от Мехико, **миштэк** (ок. 300 тыс.) и **сапотэк** (ок. 500 тыс.) на юге Мексики.

¹ На языке юте команче означает 'враги'.

² На языке хопи слово *hopi* значит 'хороший, мудрый'.

³ *Astekatl* 'житель страны Actlan' — легендарной прародины науа. Ацтеками науа называли испанцы.

Семья **мише-соке** (170), по-видимому, восходит к языку ольмек-ков — создателей первой мексиканской цивилизации три тысячи лет назад.

Семья майя-кичэ (4,4 млн)

Язык **майя** (1,1 млн, п. п. с IV в. н.э.) принадлежит народу, создавшему в начале нашей эры высокую цивилизацию на полуострове Юкатан. Майя создали свою идеографическую письменность, добились замечательных успехов в астрономии. Письменность майя перешла и к другим народам Мексики. Испанское завоевание положило конец старой письменности; сохранились только надписи и четыре рукописи (подавляющее большинство рукописей было сожжено инквизицией).

Около трети говорящих на языках этой семьи находятся в Мексике, остальные — в Гватемале.

Среди остальных семей и отдельных языков Центральной Америки отметим язык **тарáск** (70 тыс.) на западе от Мехико, **тотона́к** (300 тыс.) на берегу Мексиканского залива и семью **ленка**, представленную на границе Гондураса и Сальвадора. Семья **чибча** (160 тыс.) представлена в горах Колумбии и в Панаме. Народы этой семьи до прихода европейцев достигли относительно высокого уровня цивилизации.

Среди многих десятков языковых семей Южной Америки необходимо отметить три важнейших языка.

Язык (или языки) **кэчуа** (более 12 млн — от Эквадора до Аргентины, в том числе Эквадор 5 млн, в Перу 4 млн и в Боливии более 3 млн) сейчас охватывает ту территорию, которая в XV в. принадлежала империи инков. В 1532 г. испанские конкистадоры под предводительством Писарро захватили столицу Куско, а через сорок лет и всю империю. После завоевания кечуа стал использоваться как язык пропаганды христианства, благодаря чему на него перешли и те народы, которые до испанцев находились в подчинении у инков. С XVI в. для кечуа применяется латинский алфавит¹.

На границе Перу и Боливии (вокруг озера Титикака) распространен язык **аймара́** (2,5 млн), когда-то охватывавший всю Боливию.

В Парагвае подавляющее большинство населения говорит на языке **гуаранí** (более 5 млн, п. п. с XVI в.), который входит в семью

¹ Старая тайная письменность инков была известна только жрецам и исчезла бесследно.

тупи-гуарани¹. Отдельные языки этой семьи (200 тыс.) разбросаны островками по бассейну Амазонки. До прихода португальцев они занимали также все морское побережье Бразилии.

Остальные семьи Южной Америки в совокупности насчитывают 1,3 млн говорящих. Наиболее важные из них следующие. Семья же (30 тыс.) на равнинах центральной Бразилии. Аравакская семья (более 280 тыс.) отдельными группами разбросана от Северной Колумбии до бразильского штата Мату-Гроссу. До прихода европейцев араваки населяли также большую часть Антильских островов². Народы, говорящие на языках **карибской** семьи (30 тыс.)³, занимали раньше всю Гвиану — от устья Ориноко до устья Амазонки. В XV в. они распространились на Малые Антильские острова (но уступили здесь место европейским языкам) и на юг Белиза.

Уникальная судьба языка *гарифуна* (30), на котором говорят сейчас в Белизе. К XVII в. карибы сумели покорить многие острова из числа Малых Антильских, но местный аравакский язык иньери сохранился в устах женщин, мужчины же заменяли аравакские корни карибскими. Возникла специфическая социолингвистическая ситуация диглоссии. В конце XVII в. англичане и французы договорились свезти всех этих индейцев на острова Доминика и Сент-Винсент, а еще через сто лет их выслали на север современного Белиза. За три века бывшие мужские формы исчезли, таким образом, язык гарифуна восстановил свой аравакский облик.

Дополнительная литература

*Бурлак С.А., Старостин С.А. Введение в лингвистическую компаративистику. — М., 2001.

*Широкое О.С. Языковедение: Введение в науку о языках. — М., 2003. — Ч. III: Языки мира.

**Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. — М.; Л., 1938; М., 2000.

***Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. — Тбилиси, 1983; Благовещенск, 1998.

¹ Если большое число говорящих на языках майя, науа, кечуа, аймара объясняется традициями соответствующих цивилизаций, то сохранение (и умножение числа говорящих) языка гуарани объясняется другими обстоятельствами. В начале XVII в. усилиями миссионеров-иезуитов Парагвай превратился фактически в «государство в государстве» в составе испанской колониальной империи. Своего рода «казарменный социализм» в соединении с безусловным господством христианской идеологии обеспечил будущее языку гуарани — языку, на котором администрация и духовенство общались с индейцами. Этот импульс продолжал действовать и после изгнания иезуитов в 1768 г.

² Из языка тайно (Куба и Гаити) пришли в Европу слова *каноз*, *касик*, *табак*, *батат*.

³ К слову *кариб* восходит и европейское *каннибал*.

ПРАВИЛА ЧТЕНИЯ ГРЕЧЕСКИХ БУКВ

В филологических работах принято давать (древне)греческие слова и тексты в оригинальной орфографии, не транслитерируя их латинскими буквами. Эта традиция соблюдена и в настоящем учебном пособии, поэтому читателю следует усвоить нижеследующие правила.

1. В таблице 11 для некоторых букв указаны два варианта произношения — древний и поздний (византийский и новогреческий).

2. Второй вариант буквы «сигма» ставится на конце слова. См.: Βάκχος 'Вакх', βίος 'жизнь', γράφω 'пишу', Διογένης 'Диоген', δέκα 'десять', ζώω 'живу', Αθήνη 'Атена', λίθος 'камень', Μακεδονία 'Македония', μήτηρ 'мать'.

3. В древнегреческом языке проводилось различие интонаций в ударном долгом слоге (см. с. 37). Сейчас они в произношении не различаются, ср.: γῆ 'земля', δῆμος 'народ', δήμιος 'народный', σῶμα 'тело'.

4. Диграф ου произносится как [u], остальные диграфы — как нисходящие дифтонги (хотя знак ударения ставится на втором компоненте).

	Древний	Современный	Латинская транслитерация
αι	[ai]	[e]	ae
ει	[ei]	[i]	i
οι	[oi]	[i]	oe
αυ	[au]	[av]	au
ευ	[eu]	[ev]	eu

См.: Μοῦσα 'Муза', πλοῦτος 'богатство', δαίμων 'божество, дух', παιδαγωγός 'воспитатель', Ποσειδών 'Посейдон', πειρατής 'пират', Κροῖσος 'Крез', κοινός 'общий', ποίημα 'произведение', ναῦς 'корабль'.

5. Перед любыми начальными гласными в древнегреческом стоял один из двух знаков «придыхания»: перевернутый налево знак ' не произносился, перевернутый направо знак ' произносился как [h] (передается как h в латинской транслитерации). Этот второй знак ставился также перед начальным ρ (rh в латинской транслитерации). У начальных дифтонгов знак придыхания ставится над второй буквой. См.: Ἄρτεμις 'Артемида', ἄλλος 'другой', ἁρμονία 'лад', αἶμα 'кровь', Ἐρως 'Эрот', Ἑρμῆς 'Гермес', ἔθνος 'народ', εὐγενής 'благородный', ἕτερος 'другой (из двух)', ἥθος 'обычай', ἥλιος 'солнце', ἑγεμών 'вождь', Ἰλιάς 'Илиада', ἱερός 'священный', ἵππος 'конь', Ὀλυμπία 'Олимпия', Ὀμηρος 'Гомер', ὄνομα 'имя', ὄμοιος 'подобный', οὐρανός 'небо', ὕπνοσ 'сон', ὥρα 'время, час'.

6. Буква γ перед буквами γ, κ, χ, ξ произносится как [ŋ], см.: ἄγγελος 'ангел', ἄγκυρα 'якорь', βρόγχος 'горло', σφίγιξ 'сфинкс'.

ЧТЕНИЕ ЗНАКОВ ЛАТИНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Гласные

а [a], англ. [æ] в условно закрытом слоге, [ei] в условно открытом слоге

á [a:] (в чеш. и венг.)

ä [ɛ]

äu нем. [oi]

ą польск. [ɔп, ɔ]

â рум. [i]

ae [ɛ], англ. [i:]

ai [ai], фр. [ɛ], англ. [ei]

å [ɔ] (в скандинавских языках)

ap фр. [ã] не перед гласной буквой

au [au], англ. и фр. [o]

aw англ. [o]

au англ. [ei]

e [ɛ] англ. [i:] в условно открытом слоге

é [e:] (в чеш. и венг.), фр. [ɛ]

è фр. [ɛ]

ę польск. [ɛп, ɛ]

ea англ. [i:]

ee [e:] англ. [i:]

ei [ei] нем. [ai]

ep фр. [ã] не перед гласной буквой

eu [eu] англ. [ju], нем. [ɔi], фр., голл. [œ]

eu англ. [ei]

i [i], англ. [ai] в условно открытом слоге

î рум. [i]

ie нем., голл. [i:]

ien фр. [jɛ] не перед гласной

буквой

ij голл. [ɛi]

il(l) фр. [j] после гласных

in фр. [œ̃] не перед гласной буквой

o [o], англ. [ou] в условно открытом слоге

ó венг. [o:], польск. [u]

œ [œ]

ǒ венг. [œ:]

oa англ. [ou]

oe [œ] голл. [u]

oi [oi] фр. [wa]

op фр. [ɔ̃] нѣ перед гласной буквой

oo [o:] англ. [u]

ou англ. [au], голл. [ou], фр. [u]

ow англ. [au, ou], голл. [ou]

u [u] англ. [ʌ] в условно закрытом слоге, фр., голл. [y]

ú [u:] (в чеш. и венг.)

ů венг. [y:]

ui гол. [ɛi]

up фр. [œ̃] не перед гласной буквой

у [i] англ. [ai] в условно открытом слоге, польск. [i], финск. [y], исп., рум. [j]

Согласные

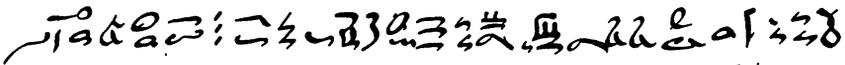
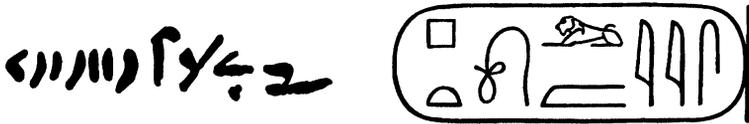
b [b]
 c [k] чеш., словац. [ts]
 перед e, i, y; англ., фр., пор-
 туг. [s], ит., рум. [tʃ], исп. [θ, s],
 польск. [tʃ']
 ĉ [tʃ]
 ç [s]
 ch [x] англ., исп. [tʃ], фр., порт.
 [ʃ]
 ит., рум. [k] перед e, i, y
 ci ит., рум. [tʃ] перед a, o, u
 cs венг. [tʃ]
 d [d]
 dź польск. [dʒ']
 dz польск. [dʒ'] перед i
 dzs венг. [dʒ]
 f [f]
 g [g] голл. [ɣ]
 перед e, i, y; англ., ит., рум.
 [dʒ], фр., порт. [ʒ], исп. [x]
 gi ит., рум. [dʒ] перед a, o, u
 gl ит. [k]
 gn фр., ит. [ŋ]
 gu венг. [dʒ']
 h [h] чеш., словац. [ɦ]; не про-
 износится в романских языках
 (кроме румынского)
 j [j] англ. [dʒ], фр., порт., рум.
 [ʒ], исп. [x]
 k [k]
 l [l] польск. [l']
 ł польск. [l]
 ll исп. [k]
 ly венг. [j]
 m [m]

n [n]
 ñ чеш., словац. [n']
 ng [ŋ]
 ny венг. [n']
 p [p]
 ph [f]
 qu [k] англ. [kw]
 r [r]
 rz польск. [ʒ]
 s [s] фр., ит., англ., нем. [s, z];
 венг. [ʃ], польск. [ʃ'] перед i
 ś польск. [ʃ']
 ș рум. [ʃ]
 sch нем. [ʃ], голл. [sx]
 schi ит. [ʃ] перед a, o, u
 sh англ. [ʃ]
 sp нем. [ʃp] в начале корня
 ss [s]
 st нем. [ʃt] в начале корня
 sz польск. [ʃ], венг. [s]
 t [t]
 ț рум. [ts]
 th англ. [θ], [ð]
 ty венг. [t']
 v [v] нем. [f], голл. [f, v]
 w [w] нем. [v]
 x [ks, gz]
 z [z] нем. [ts], ит. [ts, dz],
 исп. [θ]
 польск. [ʒ'] перед i
 ź польск. [ʒ']
 ż польск. [ʒ]
 ž чеш., словац. [ʒ]
 zh англ. [ʒ]
 zs венг. [ʒ]

ОБРАЗЦЫ ПИСЬМА

В настоящем приложении приводятся очень короткие отрывки текстов, выполненных разными видами письменности¹.

1. Египетское письмо

Наверху приводится имя царя Птолемея: слева — в демотической записи, справа — в иероглифической (из надписи на Розеттском камне, см. с. 75).

В иероглифической надписи символы располагаются так:

P	w	rw	
t	m	j, j,	s.

Ниже приводится строка, выполненная иератическим письмом.

(В европейской научной литературе египетские и клинописные тексты обычно даются в зеркальном отражении, чтобы читать их слева направо.)

¹ Примеры взяты из книги И. Фридриха «История письма», из фундаментального руководства Н. Jensen “Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart” (В., 1958) и из книги “The Gospel in many tongues” (L., The British and Foreign Bible Society, 1965), в которой один и тот же евангельский стих (Иоанн 3,16) дается в переводе на самые разные языки (около 900 переводов). Фрагмент этого стиха, приводимый в учебном пособии, в русском переводе звучит так: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного...»

10. Еврейское квадратное письмо (огласованный текст)

כִּי־אָהַבָה רַבָּה אֶהָב הָאֱלֹהִים אֶת־הָעוֹלָם עַד־
אֲשֶׁר נָתַן אֶת־בְּנוֹ אֶת־יְחִידוֹ לְמַעַן אֲשֶׁר לֹא־
יֵאבֹד כָּל־הַמְּאֲמִין בּוֹ כִּי אִם־יִתְּחֶה חַיִּי עוֹלָם :

11. Сирийское письмо:

a. яковитское письмо

ܘܥܩܪܐ ܕܥܣܪܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ
ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ
ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ

b. несторианское письмо

ܘܥܩܪܐ ܕܥܣܪܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ
ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ
ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ ܕܥܘܠܡܐ

12. Арабская куфическая надпись из мечети Омара в Иерусалиме (конец VII в. н.э.)

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

13. Арабское письмо:

a. огласованный текст на литературном языке

لَإِنَّهُ هَكَذَا أَحَبَّ إِلَهُ الْعَالَمِ حَتَّى بَدَلَ ابْنَهُ الْوَجِيدَ لِيَكِي
لَا يَهْلِكَ كُلُّ مَنْ يُؤْمِنُ بِهِ بَلْ تَكُونُ لَهُ الْحَيَاةُ الْأَبَدِيَّةُ ♦

b. египетский разговорный

لان الله حب العالم لدرجة انه رهب ابنه
الوحيد عشان ما يهلكش كل اللي يا من به لكن تبقى له الحياه
الابديه

c. алжирский разговорный

عن خاكره كذا حب الله العباد كليلته حتى وسلم و ابنه
الوحيد العريد باشم ما يتفلسف كذا من جيل من به لكن تبقى
له الحياه الدائمه

d. персидский язык

زيرا كه خدا جهانرا اينقدر محبت نمود كه پسر يگانه خود را داد
تا هر كه بر او ايمان آورد هلاك نكردد بلكه حيات جاودانى بابد *

e. язык суахили

كاديبي عيزنغ جنيس الكون ويد ريلغ اموت وات منا ومن لو بكيه
كل يبي كما مين كادي اسبتي او نوزم وميلله

f. турецкий язык

زيرا الله دنيايي بو قدر سودى كه كندى ابن وحيدىنى و
يردى تا كه اكا مر ايمان ايدن هلاك اولايوب آنجق ابدى حيات
مالك اوله ♦

14. Письмо пехлеви (из зороастрийского сочинения *Бундахишн* 'Первотворение' на среднеперсидском языке)

𐭮𐭮 𐭮𐭮𐭮
 𐭮 𐭮𐭮𐭮 𐭮𐭮𐭮𐭮 𐭮𐭮𐭮𐭮 𐭮𐭮 𐭮
 𐭮𐭮 𐭮𐭮𐭮 𐭮𐭮𐭮𐭮 𐭮𐭮 𐭮 𐭮𐭮
 𐭮𐭮𐭮 𐭮𐭮𐭮 𐭮𐭮𐭮 𐭮𐭮𐭮 𐭮𐭮𐭮 𐭮𐭮𐭮
 𐭮𐭮𐭮 𐭮𐭮𐭮 𐭮𐭮𐭮𐭮 𐭮𐭮𐭮 𐭮𐭮 𐭮𐭮
 𐭮𐭮𐭮𐭮 𐭮𐭮𐭮𐭮

Ōhrmazd pēs mn dām-dahifnīh rād bu:t xwatāi

u ?xr mn dām-dahifnīh hwatāi

'До творения Ахура-Мазда не был повелителем, но после творения стал повелителем'.

15. Авестийское письмо (с гласными)

𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮 𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮
 𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮 . 𐭮𐭮𐭮 . 𐭮𐭮𐭮 . 𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮𐭮

'Здесь от Духа Святого разбегаются злокозненные, О Мудрый [Mazda], — не так причастные Истине'.

16. Армянское письмо

**Վասն զի Աստուած
 այնպէս սիրեց աշխարհը, մինչև իր մի-
 ածին Որդին տուաւ, որպէս զի ամէն
 ով որ անոր հաւատայ՝ չկորսուի, հա-
 պա յաւիտենական կեանք ունենայ:**

17. Грузинское письмо:

a. хуцури

ქ უსიყუა ყუყამყაღაღ: ომნი სიფიჯოა უსი ა უწ
ბიჯღუ ოქღი მქაოთააღუყოყოთო მასოღუღ მუ ა მბ
მუე მას მყოასიღ თამო მყოღის ზღა ზღაღ კოღათო კყო
ბუღ ა ზღაღმბღ ზჭაღმბღის ოქოთოთოყუე სეოქოყენა*

b. მხედრული

რამეთუ ესრეთ შეი-
ყუარა ღმერთმან სოფელი ესე,
ვითარმედ ძეცა თვისი მხოლოდ-
შობილი მოჰსცა მას, რათა
ყოველსა, რომელსა ჰრწმენეს
იგი, არა წარჰსწყმდეს, არამედ
აქუნდეს ცხოვრება საუკუნო.

18. Согдийское письмо

...asty nyk ZK tftβ'rm t'y zβ'k ZK pntfjm t'y tšwrntf...
'...третий — нос, четвертый орган — язык, пятый орган — кожа...'
(ZK — семитская идеограмма).

19. Строка из древнетюркской надписи на камне с реки Орхон
(732 г.)

𐰀𐰃:𐰆𐰇𐰈𐰉𐰊:𐰋𐰌:𐰍𐰎:𐰏𐰐:𐰑𐰒𐰓

d. японское письмо
кана

e. хирагана разговорный

んためなり。

る者の亡びすして永遠の生命を得

世を愛し給へり、すべて彼を信ず

それ神はその獨子を賜ふほどに

とませまふな

まてかきりまふのち

まんぢるののちうた

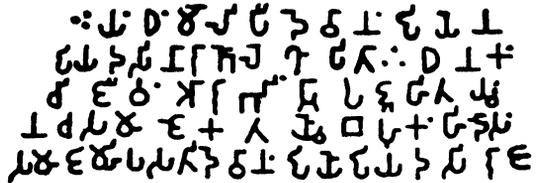
まらうのちてまらそこれと

うまふのちひま

わどのへーてそのひま

けう社せんとかの

22. Письмо брахми (фрагмент наскальной надписи III в. до н. э. царя Ашоки)

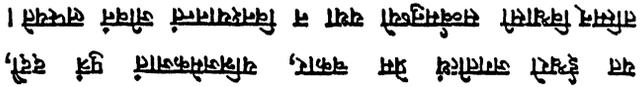

Iyam dhamalipi devānampiyena Piyadasinā rannā lekhapitā idha na kimci jivam ārabhitra prajuhitavyam...

‘Этот указ составлен по велению богами любимого Пиядаси царя. Здесь не должно приносить в жертву животных...’

Сам Ашока называл себя на языке пали Piyadasi (= др.-инд. Priyadarsi ‘дружески смотрящий’).

23. Письмо деванагари:
а. санскрит

b. хинди

क्योंकि परमेश्वर ने संसार से ऐसा प्रेम रखा कि अपना एकलौता पुत्र दे दिया, कि जो कोई उस पर विश्वास करे, नष्ट न हो, परंतु शाश्वत जीवन पाए।

देवानें जगावर एवढी प्रीति केली कीं त्यानें
आपला एकुलता एक पुत्र दिला, यासाठीं कीं जो कोणी
त्याजवर विश्वास ठेवितो त्याचा नाश होऊं नये तर त्याला
सार्वकालिक जीवन प्राप्त व्हावें.

24. Бенгальское письмо

कारण जेश्वर जगदक एमन प्रेम करिलेन ये, आपनार
एकजात पूजके मान करिलेन, येन, ये केह तंशते
विश्वास करे, जे विनष्टे ना हय, किञ्च अनष्ट जीवन पाय।

25. Гуджаратское письмо

केमके देवे जगत पर ऐदली प्रीति कीधी के
तेणे पोताने। ऐकाकीजनित हीकरे। आये।
ऐ साइ के, जे कोछ तेना पर विश्वास करे तेने।
नाश न थाय, पाणु ते अनत एवज पाणे.

26. Письмо гурमुखи (используемое в религиозных книгах сикхов) (пенджаби)

ਕਿਉਂਕਿ
ਪਰਮੇਸ਼ੁਰ ਨੇ ਜਗਤ ਨੂੰ ਅਜਿਹਾ ਪਿਆਰ ਕੀਤਾ ਜੋ
ਉਹ ਨੇ ਆਪਣਾ ਇਕਲੋਤਾ ਪੁੱਤ੍ਰ ਬਖਸ਼ ਦਿੱਤਾ ਤਾਂ ਜੋ
ਹਰੇਕ ਜੋ ਉਸ ਉੱਤੇ ਨਿਹਜਾ ਕਰੇ ਹਲਾਕ ਨਾ ਹੋਵੇ
ਪਰ ਸਦੀਪਕ ਜੀਉਣ ਪਾਵੇ ०

27. Письмо каннада

ದೇವರು ಲೋಕದ ಮೇಲೆ ಎಷ್ಟೋ ಪ್ರೀತಿಯನ್ನು
ಟ್ಟು ತನ್ನ ಒಬ್ಬನೇ ಮಗನನ್ನು ಕೊಟ್ಟನು; ಆತನನ್ನು
ನಂಬುವ ಒಬ್ಬನಾದರೂ ನಾಶವಾಗದೆ ಎಲ್ಲರೂ ನಿತ್ಯ
ಜೀವನನ್ನು ವಡೆಯಬೇಕೆಂದು ಆತನನ್ನು ಕೊಟ್ಟನು.

33. Бирманское письмо

ဘုရားသခင်သည်။ သားတော်ကို ယုံကြည်သူတိုင်း
မပျက်စီးဘဲ၊ ထာဝရအသက်ရစေခြင်းငှါ။ ကေပုတ္တသား
တော်ကို အပ်ပေးသည့် တိုင်အောင်၊ ဤလောကသားတို့
အား ဧတ္တသက်တော်မှု၏။

34. Тайское письмо

เพราะ ว่า พระเจ้า ทรง รัก โลก, จน ใค้ ประทาน พระบุตร
องค์ เดียว ของ พระองค์, เพื่อ ทุก คน ที่ วาง ใจ ใน พระบุตร
นั้น จะ มี ใค้ พินาศ, แต่ มี ชีวิต ชั่ว นิรันดร์.

35. Кхмерское письмо

ឈ្មួញម្នីសែលលុអង្គរដួងគេខែដួង កង្កែលឆេរដួង
: មេឃីងម្នីសែលម្នីសែលម្នីសែល
៦ ម្នីសែលម្នីសែលម្នីសែល
មហេសីសែលម្នីសែល

36. Яванское письмо

မာဏိ ဟူ၍ ဟု၍ ဟု၍ ဟု၍ ဟု၍ ဟု၍ ဟု၍ ဟု၍ ဟု၍
ဟု၍ ဟု၍ ဟု၍ ဟု၍ ဟု၍ ဟု၍ ဟု၍ ဟု၍ ဟု၍
ဟု၍ ဟု၍ ဟု၍ ဟု၍ ဟု၍ ဟု၍ ဟု၍ ဟု၍

37. Балийское письмо

ဗိက္ခဝါဒီတို့က ဟောပြောရာတွင် ဟောပြောရာတွင်
ဟောပြောရာတွင် ဟောပြောရာတွင် ဟောပြောရာတွင်
ဟောပြောရာတွင် ဟောပြောရာတွင် ဟောပြောရာတွင်

41. Греческая надпись на статуе IV в. до н.э. Часть ликийско-греческой билингвы

ΠΟΡΓΑΣ ΘΡΥΨΙΟΣ ΠΥΡΙ
ΒΑΤΟΥΣ ΑΔΕΛΦΙΔΟΥΣ
ΤΑΛΕΥΣ ΕΑΥΤΟΝ ΚΑ
ΤΗΓΓΥΜΑΙΚΑΤΙΣΕΥ
ΞΕΜΒΡΑΝΕΚ ΠΙΝΑΡΩΝ
ΟΡΤΑΚΙΑΟΥΓΑΥΤΟΡ ΠΡΙ
ΑΝΟΒΑ ΑΔΕΛΦΙΔΩΝ
ΑΠΟΛΛΩΝΙ

‘Порпакс Трипсия [т.е. ‘Трипсиевич’], Пирибата племянник, тлосец, себя самого и жену Тисемсевру из Пинар, Ортакия дочь, Прианоба племянницу, Аполлону’

42. Греческое письмо:
а. древнегреческий

*οὕτως γὰρ ἠγάπησεν ὁ Θεὸς τὸν κόσμον, ὥστε τὸν
Υἱὸν τὸν μονογενῆ ἔδωκεν, ἵνα πᾶς ὁ πιστεύων εἰς αὐτὸν
μὴ ἀπόληται ἀλλ' ἔχη ζωὴν αἰώνιον.*

б. новогреческий

*Διότι τόσον ἠγάπησεν ὁ Θεὸς τὸν κόσμον, ὥστε
ἔδωκε τὸν Υἱὸν αὐτοῦ τὸν μονογενῆ, διὰ τὸ μὴ ἀπο-
λεσθῆ πᾶς ὁ πιστεύων εἰς αὐτόν, ἀλλὰ τὸ ἔχει ζωὴν
αἰώνιον.*

43. Коптское письмо

Παιρηϥ γαρ ἂ φϥ μενε πικωμοε
ρωсте пещури лееататϥ итецтнц ρпа
отопнибен еонаρϥ ероϥ итецштетако
алла итецси иотωпѢ иѢкер.

47. Образцы готического письма:

а. немецкий язык

Also hat Gott die Welt geliebet, daß er seinen eingeborenen Sohn gab, auf daß alle, die an ihn glauben, nicht verloren werden, sondern das ewige Leben haben.

Also hat Gott die Welt geliebet, dass er seinen eingeborenen Sohn gab...

б. датский язык

Thi saaledes elskede Gud Verden, at han gav sin Søn den enbaarne, for at hver den, som tror paa ham, ikke skal fortabes, men have et evigt Liv.

Thi saaledes elskede Gud Verden, at han gav sin Søn den enbaarne...

с. эстонский язык

Gest nõnda on Jumal maailma armastanud, et tema oma ainusündinud Poja on annud, et iiksti, kes tema jisse usub, ei pea hukka saama, vaid et igawene elu temal peab olema.

Sest nõnda on Jumal maailma armastanud, et ta oma ainusõndinud Poja on andnud...

д. латышский язык

Jo tik ļoti Dievs pasauli mīļējis, ka viņš devis savu vienpiedzimušo Dēlu dewis, ka viņš devis, kas tik us viņu, nebūhs pasušt, bet dabušt muhšchigu dsihwoščanu.

Jo tik ļoti Dievs pasauli mīlējis, ka viņš devis savu vienpiedzimušo Dēlu...

е. чешский язык

Nebo tak Bůh miloval svět, že Syna svého jednorozeného dal, aby každý, kdož věří v něho, nezahynul, ale měl život věčný.

Nebo tak Bůh miloval svět, že Syna svého jednorozeného dal...

48. Лингвистические варианты латинского письма:

a. польский язык

Tak bowiem Bóg umiłował świat, że poświęcił swego jedyne­go Syna, aby nikt z tych, co w Niego wierzą, nie zginął, ale miał życie wieczne.

b. венгерский язык

Mert úgy szerette Isten a világot, hogy az ő egy szülött Fiát adta, hogy aki hisz őbenne, el ne vesszen hanem örök életet vegyen.

c. исландский язык

Því að svo elskaði Guð heiminn, að hann gaf son sinn eingetinn, til þess að hver, sem á hann trúir, glattist ekki, heldur hafi eilíft líf.

d. вьетнамский язык

Vì Đức Chúa Trời thương-yêu thế-gian đến nỗi đã ban Con độc-sanh của Ngài, hầu cho hễ ai tin Con ấy không bị hư-mất, nhưng được sự sống đời đời.

e. язык игала, Восточная Нигерия

Todu abu k'Ojọ fẹdọ ilẹ lẹ dẹ, todabalẹ I m'Ọmawń okpono duchele, todu k'ẹnẹ du ki akẹdọn'O ki we elenyọ, ama k'i ni'mi ogbegbelẹ.

f. язык нама, Намибия

||Natigoseb ge Eloba
ihũb-eiba ge Inam, ob ge Ilẽib
di lguise inai hã IGõaba ge ma,
Ilẽib ina ra ẏgomn hoan gã-llõ
tite se, ẏawen nĩ lamõ ũiba
ũ-hã se.

49. Церковно-славянское письмо (кириллица):
а. старославянский язык

ТѦКѦ БО ВОЗЛЮБИ БѢЗ МІРЗ, ІАКѦ И СІА СВОЕГО
ѢДИНОРОДНАГО ДАЛЗ ЁСТЬ, ДА ВСАКЪ ВѢРѦИ ВОНЪ,
НЕ ПОГІБНЕТЪ, НО ІМАТЬ ЖИВОТЪ БѢЧНИИ.

- б. румынский

Къ аша а юбитѣ Дмнезѣѣ лѣмѣ,
Ѡ кѣтѣ а дѣтѣ пре Фіолѣ сѣѣ чѣлѣ оу-
нѣлѣ-нѣскѣтѣ, ка тотѣ чѣлѣ чѣ крѣде
Ѡ ѣлѣ, сѣ нѣ се піарѣз, чѣ сѣ ѣйбѣ
ѣѣцѣ ѣтѣрнѣ.

50. Ответвления русского письма:
а. татарский язык

Ходай минем Ходайыма айткян: Мин дошман-
нарынны аягын астына салгынчы, Минем ун жагымда
утыр диб. *Ps. 110. 1.*

- б. осетинский язык, начало XX в.

Цæмæйдæридтæр Хуцау афӕ бауарста дӕнеи, æмæ
Јæ јӕнæггӕрд Фврӕдæр радта умæн, цæмæј Уј цæј
урна, уј ма фесæфа, фæлæ ин уа æнӕсон цард.

- с. башкирский язык, начало XX в.

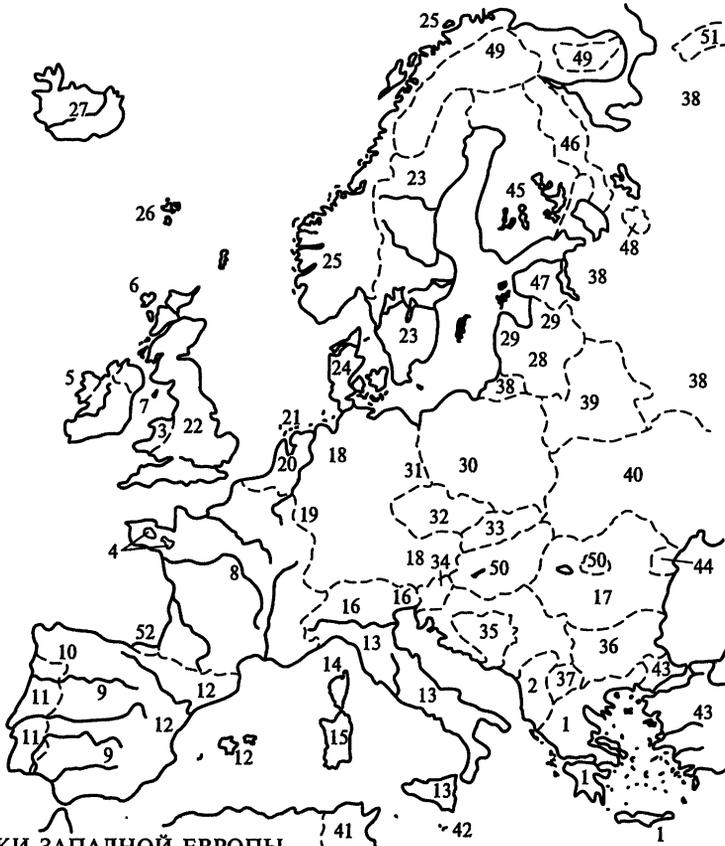
Анын ӧсӧн Хоӧай донйаны шул тикте йаратты, Ул
Ӱенен йангыӧ тыуган Улын, Ага эшӧнеуӧсе гӧр-кем
гӧлак булмагын, мӧнгте тереклек алгын, тиб бирӧе.

- д. чувашский язык, начало XX в.

Турӧ тӧнӧене пит йуратнӧ: Хӧйӧн пӧртен пӧр
Ывӧлне те панӧ: Ана ӧненекенсем пӧри те ан пӧтӧр,
ӧмӧрлӧх пурӧнӧслӧ пултӧр, тенӧ.

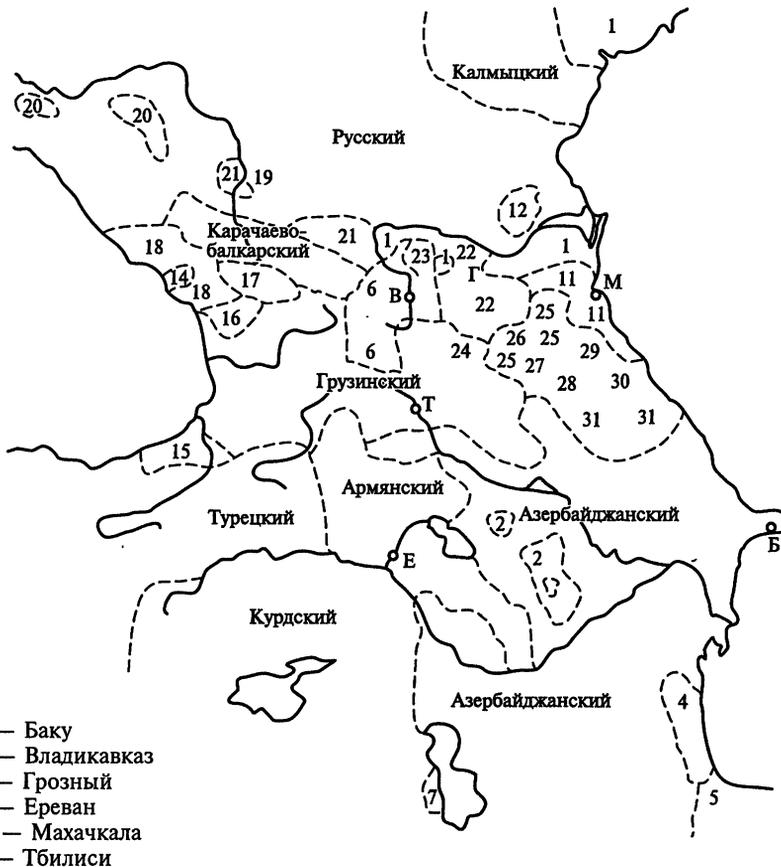
КАРТЫ ЯЗЫКОВ

Карта 1

ЯЗЫКИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

1. Греческий	14. Корсиканский	26. Фарёрский	40. Украинский
2. Албанский	15. Сардинский	27. Исландский	Семитские:
Кельтские:	16. Рето-романские	Балтийские:	41. Арабский
3. Валлийский	17. Румынский	28. Литовский	42. Мальтийский
4. Бретонский	18. Немецкий	29. Латвийский	Тюркские:
5. Ирландский	19. Люксембургский	Славянские:	43. Турецкий
6. Гэльский (шотландский)	20. Нидерландский	30. Польский	44. Гагаузский
7. Мэнкс	21. Фризский	31. Лужицкие	Уральские:
Романские:	22. Английский	32. Чешский	45. Финский
8. Французский	23. Шведский	33. Словацкий	46. Карельский
9. Испанский	24. Датский	34. Словенский	47. Эстонский
10. Галисийский	25. Норвежский	35. Сербскохорватский	48. Вепсский
11. Португальский		36. Болгарский	49. Саамский
12. Каталанский		37. Македонский	50. Венгерский
13. Итальянский		38. Русский	51. Ненецкий
		39. Белорусский	52. Баскский

ЯЗЫКИ КАВКАЗА:

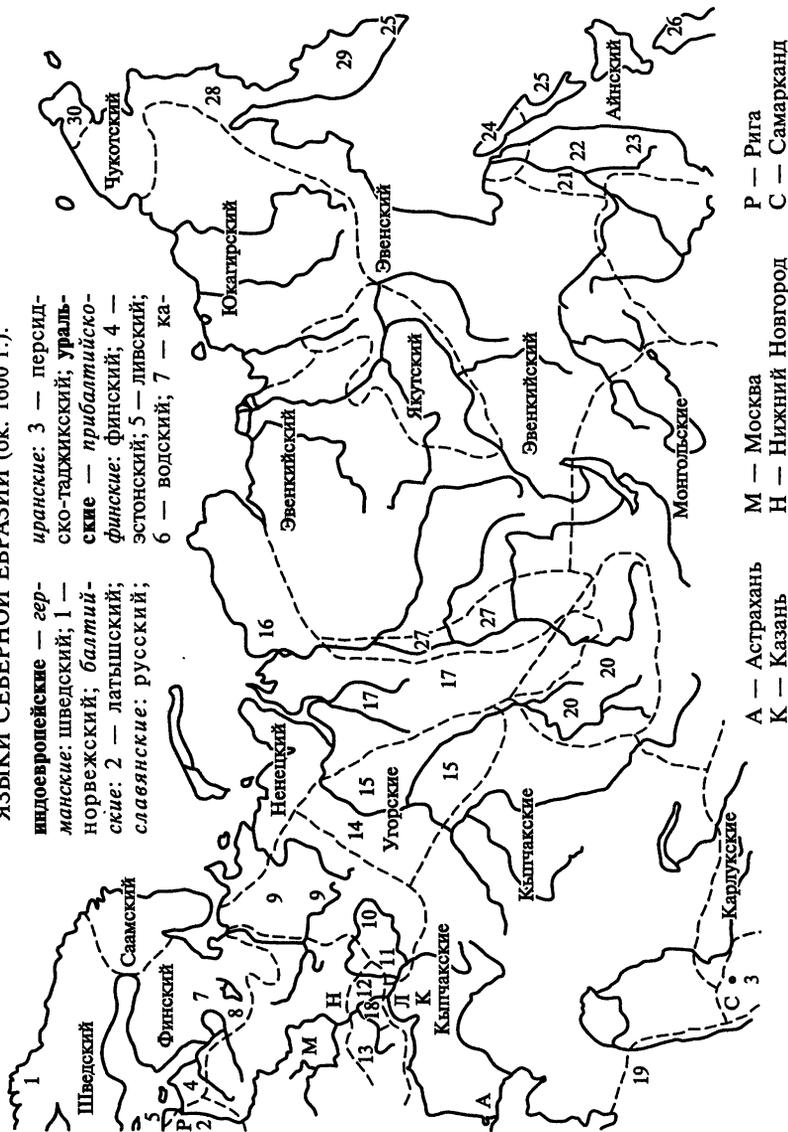
индоевропейские: 1 — русский; 2 — армянский; **иранские:** 3 — курдский; 4 — талышский; 5 — гилянский; 6 — осетинский; **семитские:** 7 — новоассерийский; **тюркские:** 8 — турецкий; 9 — азербайджанский; 10 — карачаево-балкарский; 11 — кумыкский; 12 — ногайский; **монгольские:** 13 — калмыцкий; **картвельские:** 14 — грузинский; 15 — чанский; 16 — мегрельский; 17 — сванский; **западнокавказские:** 18 — абхазский; 19 — абазинский; 20 — адыгейский; 21 — кабардино-черкесский; **восточнокавказские:** 22 — чеченский; 23 — ингушский; 24 — бацбийский; 25 — аварский; 26 — андийский; 27 — цезские; 28 — лакский; 29 — даргинский; 30 — табасаранский; 31 — лезгинский

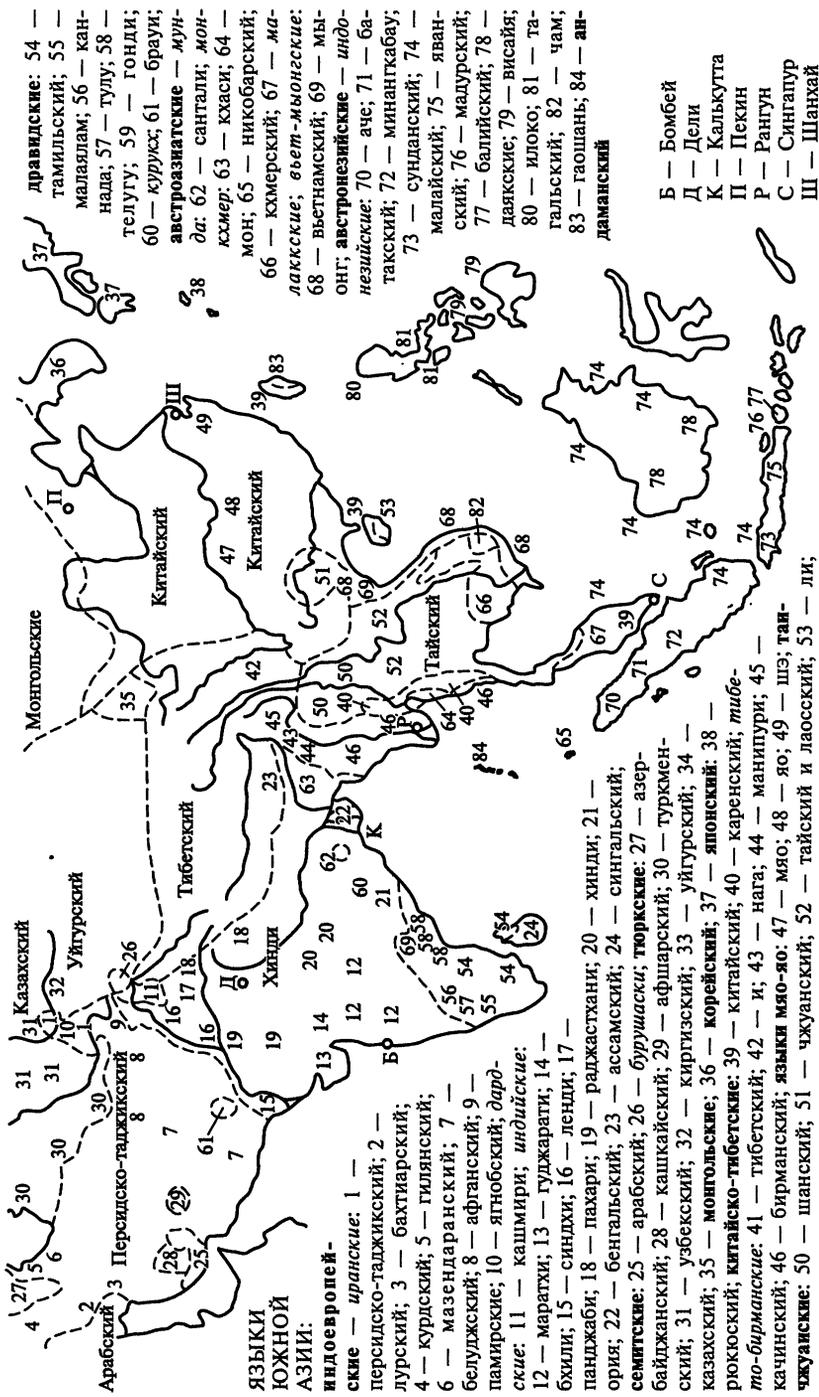
ЯЗЫКИ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ (ок. 1600 г.):

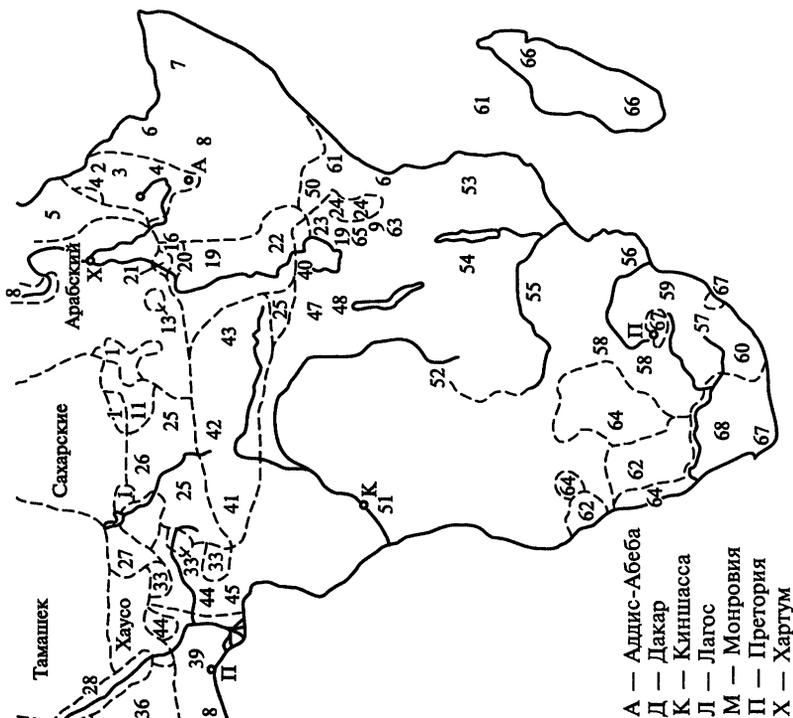
индоевропейские — германские: 3 — персидско-таджикский; уральские — прибалтийские: финские: 4 — эстонский; 5 — ливский; 6 — водский; 7 — ка-

лчанский; 8 — вепсский; 9 — саамский; пермские: 10 — коми-зырянский; 11 — коми-пермяцкий; 12 — удмуртский; 13 — мордовийские; 14 — ханмансийский; 15 — хантыйский; самодийские: 16 — ненецкий; 17 — селькуп-санский; 18 — селькупский; тюркские — булгарские: 19 — чувашский; 20 — карлукские; 21 — якутский; 22 — эвенкийский; 23 — эвенкский; 24 — айнский; 25 — маньчжурский; 26 — японский; 27 — енисейские; юкагирский; чукотско-камчатские: 28 — чукотский; 29 — корякский; 30 — ительменский; 31 — эскимосский

рельский; 8 — вепсский; саамский; пермские: 9 — коми-зырянский; 10 — коми-пермяцкий; 11 — удмуртский; 12 — мордовийские; 13 — мордовские; 14 — ханмансийский; 15 — хантыйский; самодийские: 16 — ненецкий; 17 — селькуп-санский; 18 — селькупский; тюркские — булгарские: 19 — чувашский; 20 — карлукские; 21 — якутский; 22 — эвенкийский; 23 — эвенкский; 24 — айнский; 25 — маньчжурский; 26 — японский; 27 — енисейские; юкагирский; чукотско-камчатские: 28 — чукотский; 29 — корякский; 30 — ительменский; 31 — эскимосский

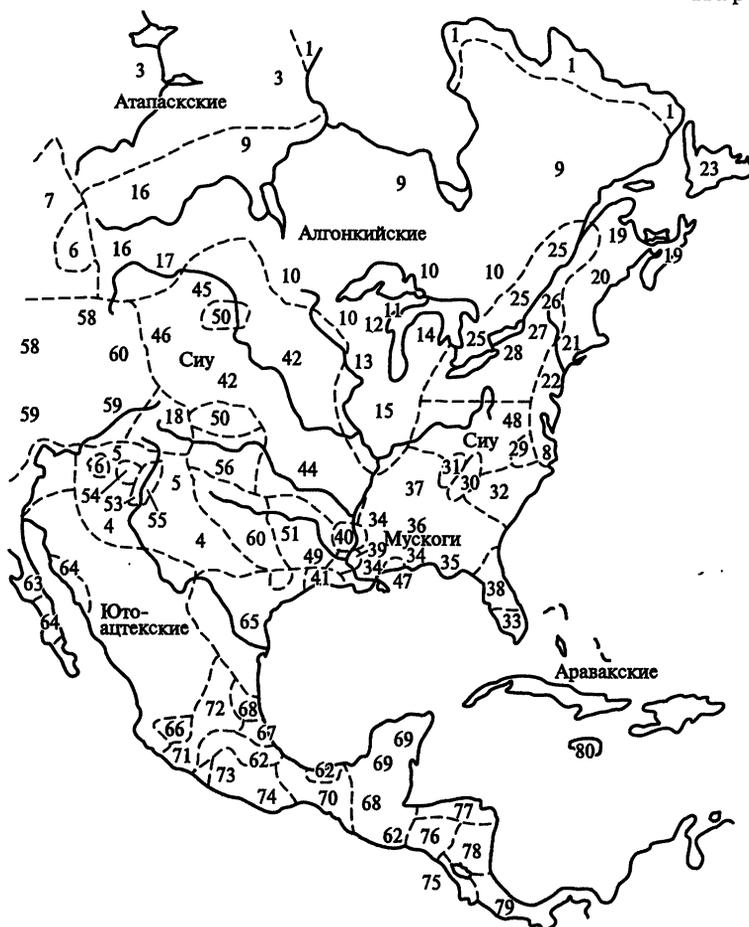

ЯЗЫКИ АФРИКИ (к югу от Сахары):

африкайские — семитские: 1 — арабский; 2 — тигре; 3 — тигринья; 4 — амхарский; *кушитские:* 5 — бедауйе; 6 — афар; 7 — сомали; 8 — оромо; 9 — ираку; *берберские:* 10 — тамашек; 11 — *чадские:* 12 — хауса; 13 — кордофанские; 14 — кунана; 15 — кома; 16 — берта; 17 — фул; **восточносу-данские:** 18 — нубийский; *нилотские:* 19 — линка; 20 — нуэр; 21 — шиллук; 22 — ачолы; 23 — луо; 24 — масаи; 25 — **центральносуданские:** 26 — багирми; **сахарские:** 27 — канури; 28 — сонгаи; *манде:* 29 — мандинго; 30 — сонинке; **вигеро-конголезские** — 31 — *западноатлантические:* 32 — волоф; 33 — фула; *гур:* 34 — сенуфо; 35 — догон; 36 — мосо; *кв:* 37 — акан; 38 — эве; 39 — йоруба; 40 — игбо; *адамаве-убанги:* 41 — гбайя; 42 — банда; 43 — азанде; 44 — *бенуэ-конго:* 45 — ибибио; *банту:* 46 — ганда; 47 — руанда; 48 — рунди; 49 — лухья; 50 — кикуйю; 51 — конго; 52 — луба; 53 — куа; 54 — лави; 55 — шона; 56 — тсонга; 57 — сото; 58 — тсвана; 59 — зулу; 60 — коса; 61 — суахили; **койсанские:** 62 — *готтентотские:* 63 — сандаве; 64 — *буш-менские:* 65 — хада; **индонезийские:** 66 — мальгашский; **индоевропейские — германские:** 67 — английский; 68 — аф-рикаанс

А — Аддис-Абеба
 Д — Дакар
 К — Киншаса
 Л — Лагос
 М — Монровия
 П — Претория
 Х — Хартум

ЯЗЫКИ АМЕРИКИ (до прихода европейцев):

эскимосо-алеутские: 1 — эскимосские; 2 — атапаскские: 3 — чипевайян; 4 — апачские; 5 — навахо; 6 — кутне; 7 — салишские; 8 — алгонкийские: 9 — кри; 10 — оджибва; 11 — меномини; 12 — фокс; 13 — кикапу; 14 — потаватоми; 15 — илиной; 16 — сиксика; 17 — арапахо; 18 — чейнен; 19 — микмак; 20 — пенабскот; 21 — могокан; 22 — делавар; 23 — беотуж; 24 — прожеские: 25 — гурон; 26 — мохок; 27 — онейда; 28 — сенека; 29 — тускарора; 30 — чероки; 31 — ючи; 32 — катоба; 33 — языки мусоги: 34 — чокто; 35 — апалачи; 36 — алабама; 37 — крик; 38 — тимукуа; 39 — натчез; 40 — туника; 41 — атакапа; языки сиу: 42 — дакота; 43 — винобаго; 44 — омаха; 45 — хидатса; 46 — кроу; 47 — билокси; 48 — тутело; 49 — языки каддо: 50 — пони; 51 — уичита; 52 — тонкава; 53 — керес; 54 — зуньи; 55 — языки тано: 56 — языки киова; 57 — юто-ацтекские: 58 — пают; 59 — юте; 60 — шшон; 61 — хоппи; 62 — науа; 63 — языки юма; 64 — языки сери; 65 — языки коауила; 66 — тараск; 67 — тотонак; 68 — языки майя-киче: 69 — майя; 70 — языки мише-соке; 71 — языки ото-манг: 72 — отоми; 73 — миштек; 74 — сапотек; 75 — языки манг; 76 — языки ленка; 77 — языки пайя; 78 — языки мискито-матагальпа; 79 — языки чибча; 80 — аравакские

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббревиатура 96
аблатив 110
ablativus absolutus 131
абсолютная хронология 242
агглютинативный язык 132
агглютинация 135
адессив 111
адвербиализация 98
адъективация 98
аккомодация 40
акустическая классификация звуков 18
акустическая фонетика 13
аллатив 110
аллограф 69
алломорф 78
аллофон 47
алфавит 63
аналитическая форма 100
аналитические грамматические средства 99
аналитические языки 134
антиква 68
антонимы 163
антропонимика 187
аорист 120
апикальная артикуляция 15
аппроксимант 22
арго, арготизмы 169
артикуляционная база 15
артикуляционная классификация звуков 18–29
артикуляция звуков 15
артикуль 10, 99, 106
архаизм 175
архифонема 52
аспирация 29
ассимиляция (звуков) 41
ассимиляция заимствования 178
аффикс, аффиксация 79, 87
аффриката 25
Билингв, билингвизм 227
билингва 75
бином 96
боковые согласные 24
брахми 65
буква 63
Великий сдвиг гласных 44
велярные согласные 26
взрывные согласные 24
вид 10, 119
внешняя реконструкция 250
внутренняя реконструкция 243
внутренняя флексия 91
внутренняя форма слова 139
возвратные глаголы 138
вокалические языки 53
восходящий дифтонг 22
время 1, 118
выдержка 24
выражение 6
высказывание 129
«высокая» лексика 168
высокие звуки 15
высота звука 13
Гармония гласных, см. сингармония
геминаты 28
генеалогическая классификация языков 254
генетическая лингвистика 242
гипероним 164
главное слово 125
глагол 122
глаголица 68
глайд 22

гласный 18
глухие согласные 18, 27
голосовые связки 15
гортанные согласные 26
градуальность 116
грамматика 10, 76
грамматическая категория 104
грамматическая форма 84
грамматические омонимы 85
грамматические средства 87
грамматические типы языков 132
грамматический анализ 77
грамматический класс 78
грамматический синтез 77
грамматическое значение 84
граммема 104
графема 69
графика 73
губные согласные 25

Двойственное число 107
деванагари 66
демотическое письмо 63
денотат 139
дерево зависимостей 127
дерево НС 124
дериватор 87
дешифровка 74—75
диакритика 70—72
диалект 214
диалектология 214
диахрония 9
диглоссия 221
диграф 71
диссимиляция 41
дистрибутивные классы фонем 54
дифтонг 22
дифференциальный признак 51
дифференциация языков 212
диффузные звуки 15
диэреза 43
долгие гласные 21
доминанта синонимического
ряда 161
дрожящие согласные 24

Жаргон, см. аргю

Зависимое слово 125
заднеязычные согласные 26

заимствование 176
закон Гримма 55
закрытый слог 32
залог 10, 120
заочное наклонение 118
звонкие согласные 18, 27
звукобуквенное письмо 70
знак 6
знаменательное слово 99
значение 140

**Идеограмма, идеографическое
письмо 59**
идеографический словарь 198
идиома 185
идиоматичность 184
иератическое письмо 62
иероглиф 59
изафет 128
изоглосса 216
изолирующие языки 133
иллатив 111
именные классы 112
императив 118
имперфект 120
имя 122
имя действия 122
имя деятеля 76
инверсия 102
индикатив 118
инессив 111
инклюзив 116
инкорпорирующие
языки 133
инновация 250
интегральный признак 51
интернационализмы 234
интерфикс 95
интонация 30, 103
инфект 119
инфикс 80
инфинитив 121
искусственный
язык 333
историзм 175
исторический словарь 207
историческое чередование
звуков 45
исходная форма 86
исходное значение 143

Калька 171, 179
канá 62
катакана 62
каузатив 134
качественная редукция 38
кириллица 68
клинопись 62
книжная лексика 167
койне 226
количество звука 21
комбинаторные изменения 40
комитатив 111
компактные звуки 15
компаративистика 247
компонентный анализ 141
конверсия 98
кондиционалис 118
конкорданс 197
коннотация 139
консонантические языки 53
консонантное письмо 63
конструкция 76, 77, 124
контекст 140
конъюнктив 118
координация 126
копулятивные сложные слова 95
корень 79
корреляция 52
краткие гласные 21
креольские языки 231
культурная лексика 245
культурно-языковые союзы 234

Лабализация 19, 29
ламинальная артикуляция 15
ларинкс 15
лексика 137
лексикализация 108
лексикография 137, 192
лексикология 137
лигатура 71
lingua franca 230
лингвистика 9
лингвистическая география 216
лингвистическая
 палеонтология 252
литературный язык 220
лицо 10, 116
личное имя 187
локатив 110

Макросемья 255
маркированная форма, см. производная форма
маюскул 66
matres lectionis 70
межзубные согласные 25
мертвый язык 211
местоимение 10
метатеза 43
метафора 145
метонимия 146
минимальная пара 46
минускул 66
многозначное слово 141
модель 77
монофтонг 22
морфема 7, 78
морфологическое чередование звуков 46, 90
морфология 77
морфонема 90
музыкальное ударение 37
мхедрули 68
мягкие согласные 29

Назализация 20
наклонение 10, 118
народная этимология 159
нейтрализация 52
нейтральная лексика 167
неологизмы 173
неотчуждаемая
 принадлежность 115
непосредственный составляющий (НС) 89, 124
«низкая» лексика 168
низкие звуки 15
нисходящий дифтонг 22
номинализация 127
номинативная функция 138
нормативный словарь 196
носовые гласные 16, 20
носовые согласные 16, 24
нулевой аффикс 85

Обертонь 14
обратный словарь 194
общий язык 226
объем значения 140
одушевленность 113

омонимы 154
омофоны 155
онмун 69
ономастика 137, 186
описательная форма, см. аналитическая форма
определенность 105
опрошение 81
оптатив 118
орфография 73
основа 80
основной тон 14
основообразующий суффикс 79
открытый слог 32
очное наклонение 118

Падеж 10, 109
палатализация 29
палатальные согласные 26
палеография 74
парадигма 85
парадигматические связи слова 157
пейоративная окраска 152
переднеязычные согласные 25
перенос значения 149
перенос названия 145
переносное значение 143
переразложение 83
переходные глаголы 120
перфект 119
пехлеви 65
пиджин 230
письмо 58
plurality tantum 108
плюсквамперфект 120
пограничные сигналы 36
подвижное ударение 38
подлежащее 130
подъем 19
позиционное чередование звуков 45
позиционные фонетические изменения 43
полиглот 227
полисемия 141
полисинтетические языки 134
политоническое ударение 37
порядок слов 101
последлог 100

постпозитивный артикль 105, 233
поэтическая лексика 268
прародина 256
праязык 252
предикатив 106
предикативная конструкция 130
предикативность 116
предлог 10, 100
предложение 129
предположительное наклонение 118
префикс 80
прикладное языкознание 11
прилагательное 123
принадлежность 115
прогрессивный 41
продуктивность 88
производная форма 86
производное значение 143
производное слово 88
произносительный аппарат 16
проклитика 35
пропорциональная оппозиция 50
просодика 12, 31
простое слово 88
протеза 32
прямое значение 143
пунктуация 103
пуризм 181

Разговорная лексика 168
расширение значения 151
регрессивный 41
редукция 38
редупликация 89
резонанс 14
рекурсия 24
рема 102
референт 139
речение 195
речь 8
род 10, 113
родословное древо 253
родство языков 243
руническое письмо 66
ряд 18

Сандхи 35
свистящие согласные 25
свободное ударение 37

- сегментная фонетика 12
 сема 141
 семантика 139
 семантическая группа 163
 семантические различительные
 признаки, *см.* сема
 семантическое заимствование 180
 семантическое изменение 145
 семантическое поле, *см.* семанти-
 ческая группа
 семасиология 137
 сила звука 13
 силовое ударение 36
 сильная позиция 52
 сильные согласные 28
 символические языки 134
 сингармонизм 36, 42
 синкопа 39
 синкретизм 112
 синонимы 160
 синтагма 30
 синтаксис 77
 синтетические языки 134
 синхрония 9
 сказуемое 130
 склонение 109
 слабая позиция 52
 слабые согласные 28
 сленг 169
 слова-путешественники 176
 словари, *см.* лексикография
 словарная статья 195
 словник 195
 слово 7, 137
 словоизменение 85
 словообразование 86
 словообразовательное
 гнездо 87, 157
 словосложение 94
 слог 31
 слоговое письмо 69
 словоуказатель 197
 сложное слово 94
 сложнопроизводное слово 95
 служебное слово 99
 смысл 140
 смычно-проходные согласные 24
 смычные согласные 24
 собственные имена, *см.* ономас-
 тика
- согласные 24
 согласование 125
 согласовательные классы 113
 содержание 61
 сонанты 18
 социальная ориентация 117
 социальные диалекты 214
 сочетание слов 183
 специальные языки 169
 спиранты, *см.* шелевые
 спонтанные фонетические
 изменения 43
 сравнительно-исторический
 метод 247
 среднеязычные согласные 25
 стандартный язык 220
 стилистика 225
 структурная схема
 предложения 129
 ступени чередования 90
 субстантивация 98
 субстрат 229
 сужение значения 151
 суперстрат 229
 супплетивность 93
 суффикс 80
 счетное слово 114
- Твердые согласные 29
 твердый порядок слов 102
 тезаурус 198
 текст 8
 тема 102
 тембр 14
 термин, терминология 170
 типологическая классификация
 языков, *см.* грамматические
 типы языков
 тифинаг 69
 тон 18
 тоны 34
 топонимика 187
 транскрипция 13
 трансфикс 93
 трансформ 127
 трансформация 127
 трифтонг 22
- Увулярные согласные 26
 ударение 36

умлаут 42, 45
управление 126
уровень 7
усечение 97
устойчивое сочетание
слов 184

Факультативные варианты
фонем 47
фамилия 187
фарингальные согласные 26
фиксированное ударение 37
филология 10
флексия 80
флективные языки 132
фокус артикуляции 25
фонема 7, 46, 48
фонетика 12
фонетические законы 43
фонетические соответствия 249
фонетическое написание 73
фонетическое слово 31, 34
фонологические оппозиции 50
фонологические различительные
признаки 8
фонологический принцип 46
фонология 12, 46
формальные классы 112
форманта 14
форматив 87
фраза 30
фразеологизмы,
фразеология 137, 183
фрикативные, см. щелевые
фузионные языки 134
функциональные стили 225

Хирагана 62
хуцури 68

Церебральные согласные 25

Частица 99
частота слова 166
частотный словарь 199
часть речи 10, 121
чередование звуков 44
число 10, 106

Шум 18
шумные согласные 18

Щелевые согласные 24

Эвфемизм 162
экзотизм 179
экзоцентрическая
конструкция 125
экслюзив 116
экскурсия 24
элатив 111
эмфатические согласные 28
эндоцентрическая
конструкция 125
энклитика 35
эпентеза 33, 43
эпиграфика 74
эргативная конструкция 130
этимологические дублеты 177
этимология 182

Юсы 20

Ядерные предложения 130
язык 5, 8
язык слогового типа 33
языковая интеграция 213, 226
языковая норма 220
языковая политика 222
языковая «революция» 221
языковая семья 254
языковой союз 233
языкознание, см. лингвистика

УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ¹

- Абазинский 313
абхазский 313
 авадхи 261
аварский 314
авестийский 65, 263
австроазиатские 333
австронезийские 89, 335
адамаве-убанги 339
адыгейский 115, 313
азербайджанский 319
аймара 349
айнский 330
(айсоры) 309
акан 338
аккадский 62, 306
алабама 345
(аланы) 265
албанский 234, 273
албанский (Кавказ) 68
алгонкинские 344
(алеманны) 286
алеутский 342
алтайские 316—325
алтайский 215, 321
алюторский 329
амхарский 311
анатолийские 268
английский 44, 128, 207,
 238, 290—293
(англы) 290
андаманский 334
андийские 314
(апалачи) 345
апачский 343
арабский 92, 102, 128, 238, 239,
 309—311
аравакские 349
арамейский 64, 239, 309
(арапахи) 345
арийские, *см.* индоиранские
армянский 65, 269
(аромуны) 284
ассамский 261
ассиро-вавилонский, *см.*
 аккадский
атакапа 346
атапаскские 343
аттический 271
афар 312
афганский 264
афразийские 28, 305—313
африкаанс 290
афшарский 319
 ахейские 270
ахом 335
ацтекский, *см.* науа
аче 336
ачоли 341
ашанги, *см.* акан
ашхарабар 270

Багирми 341
байхуа 331
балийский 336
балкано-романские 284
балтийские 23, 295
балучи, *см.* белуджский
бамбара, *см.* мандинго
банда 339
банту 114, 339
баоаньский 323
баскский 229, 315
батакский 66, 336
бахтиарский 268

¹ Названия диалектов напечатаны с отступом, названия этнических групп взяты в скобки.

- бацбийский 314
 башкирский 321
 бедауйе, беджа 312
 белорусский 305
 белуджский 266
 бенгальский 261
 бенуэ-конго 339
 беотук 345
 берберские 313
 берта 341
 билокси 346
 бирманский 66, 333
 (бойи) 274
 болгарский 234, 298
 (боснийцы) 298
 брауи 334
 бретонский 275
 британские 274
 бугийский 66, 336
 букмол 295
 болгарский 317
 бунго 325
 (бургунды) 285
 бурушаски 316
 (буры) 290
 бурятский 323
 (бушмены) 340
 бхили 262
 бходжпури 261
- Вакаш** 343
 валлийский 27, 35, 274
 (валлоны) 280
 (вандалы) 285
 (варяги) 293
 ведический 259
 венгерский 33
 венетский 256
 вепсский 327
 верхнелужицкий 300
 верхненемецкий 287
 вершицкий, *см.* бурушаски
 винебаго 346
 винтун 344
 висайя 336
 водский 327
 волоф 338
 вольтийские, *см.* гур
 восточногерманские 285
 восточнокавказские 314
- восточнославянские 301
 восточносуданские 341
 ву 332
 вьет-мыонгские 333
 вьетнамский 34, 333
 вэньянь 135, 331
- Гавайский** 337
 гагаузский 319
 (галаты) 274
 галисийский 282
 галла, *см.* оромо
 галло-романские 278
 галльский 229, 274
 ганда 339
 гаошань 337
 гарифуна 349
 гасконский 280
 гбайя 339
 геэз, *см.* эфиопский
 германские 39, 42, 44, 55, 56,
 284—295
 гилианский 265
 гойдельские 274
 голландский 289
 гонди 334
 готский 285
 (готтентоты) 340
 грабар 269
 греческий 23, 29, 66, 67, 96, 171,
 235, 236, 270—273
 грузинский 28, 68, 315
 (гуанчи) 313
 гуарани 349
 гуджарати 262
 гулла 231
 (гунны) 316
 гур 338
 (гуроны) 345
 гэльский, *см.* ирландский
- Дагурский** 323
 дакота 346
 далматинский 283
 данакиль, *см.* афар
 даргинский 314
 дардские 263
 дари 268
 датский 294
 даякский 336

делавар 345
димотика 273
динка 341
диула, см. мандинго
догон 338
долганский 318
дорические 271
дравидские 334
древнеанглийский 290
древнеиндийский 96, 260
древнеперсидский 74, 266
древнерусский 107, 301
дунганский 332
дунсянский 323

Египетский 59, 62, 75, 311, 312
енисейские 329

Же 349

Занде 339
занский 315
западноатлантические 338
западногерманские 285
западнокавказские 29, 313
западнославянские 299
зулу 339
зуньи 346

И 62

иборо-романские 281
ибиббио 339
иврит 64, 307, 308
игбо 339
идиш 288
ижорский 327
иллиной 344
иллирийский 256
илоко 336
ингушский 314
индийские 29, 259–263
индоевропейские 206, 247–251,
256–258
индоиранские 259
индонезийские 335, 336
индонезийский 336
ионические 270
ираку 312
иранские 257, 263–268
ирландский 68, 73, 275

ирокезские 345
исландский 244, 293, 294
испанский 229, 281, 282
истро-румынский 284
италийские 276
итало-романские 283
итальянский 205, 237, 283
ительменский 329

Йокутс 344

йоруба 339

Кабардинский 134, 313
кави 336
каддо 346
казахский 321
калмыцкий 65, 323
камасинский 317
каннада 334
канури 341
карагасский, см. тофаларский
караимский 320
каракалпакский 321
карачаево-балкарский 320
карашарский 268
карельский 327
каренский 333
карибские 349
карлукские 318
карок 344
картвельские 315
каталанский 282
катоба 346
кафаревуса 273
каффа 312
качинский 333
кашкайский 319
кашмири 263
кашубский 300
(каюга) 345
ква 338
квакиютль 343
кельтские 273–276
(кельтиберы) 273
керес 346
кетский 329
кечуа 348
киданьский 322
кикапу 342, 344
кикую 339

- киова 346
 киргизский 321
 китайский 28, 33, 59—62, 96, 128,
 240, 330—332
 китайско-тибетские 330
 койсанские 340
 команче 347
 коми-зырянский 328
 коми-пермяцкий 328
 комо 341
 конго 339
 коптский 66, 312
 кордофанские 341
 корейский 69, 117, 118, 240, 324
 корнский 274
 корсиканский 283
 корякский 329
 коса 339
 (котгы) 330
 кри 344
 крик, *см.* мускоги
 крио 231
 кроу 346
 крымско-татарский 320
 куа 339
 куманский, *см.* половецкий
 кумыкский 320
 кунама 341
 курдский 265
 курухх 334
 (курши) 296
 кутне 344
 кучанский 268
 кушитские 312
 кхари боли 262
 кхаси 333
 кхмерский 66, 333
 кыпчкские 321
- Ладино** 282
 ладинский 284
 лакский 314
 (лангобарды) 286
 лансмол, *см.* новонорвежский
 лаосский 335
 латинский 23, 37, 42, 66, 80, 119
 лагышский 22, 296
 лезгинский 314
 ленди 262
 ленка 348
- ли 335
 ливский 327
 лидийский 268
 ликийский 268
 литовский 37, 296
 лоло, *см.* и
 (лопары) 327
 луба 339
 лувийский 268
 лужицкие 300
 луо 341
 лурский 268
 лухья 339
 люксембургский 288
- Магахи** 261
 мадурский 336
 мазендаранский 265
 майду 344
 майтхили 261
 мая 59, 348
 мая-киче 348
 македоно-румынский 284
 македонский 298
 малайский 336
 малакские 333
 малаялам 334
 малинке, *см.* мандинго
 мальгашский 336
 мальтийский 311
 манде 339
 мандинго 340
 манипури 333
 мансийский 329
 маньчжурский 65, 323
 маорийский 337
 маратхи 267
 марийский 328
 масаи 341
 массачусет 345
 мегрельский 315
 меланезийские 337
 меномини 344
 мероитский 341
 (меря) 328
 мессапский 256
 мехри 311
 мивок 344
 (мидяне) 265
 мизо 333

микмак 344
микронезийские 337
минангкабау 336
минь 332
мише-соке 348
миштек 347
(могикане) 345
могольский 323
мокшанский 327
молдавский 284
мон 333
монгольские 322, 323
монгольский 65, 323
монтерский 323
мон-кхмер 333
мордовский 327
(мохок) 345
моси 338
мунда 333
(мурома) 327
мускоги 345
мыонг 334
мэнкс 276
мяо 62, 334

Навахо 343
нага 333
нанайский 324
наррагансетт 345
натчез 346
науа 133, 347
нахские 314
нганасанский 329
невари 332
негидальский 324
немецкий 215, 286—288
ненецкий 329
неомеланезийский 232
неосоломонский 232
непали 262
нивхский 330
нигеро-конголезские 338, 339
нидерландский 290
нижнелужицкий 300
 нижнемецкие 289
никобарский 333
нило-сахарские 340
нилотские 341
нипмук 345
новоассирийский 309

новогреческий 273
новонорвежский 295
ногайский 321
норвежский 244, 295
ностратические 255, 256
нубийский 341
нумидийский 69, 313
нутка 343
нуэр 341

Огузские 318
оджибва 344
ойратский 323
окситанский, *см.* провансальский
омаха 346
омотские 312
(онейда) 345
(онондага) 345
ораон, *см.* курукх
ория 261
орокский 324
оромо 312
орочский 324
осетинский 208, 265
оскский 276
османский, *см.* турецкий
ото-манг 347
отоми 347

Палайский 268
пали 261
памирские 264
папаго 347
панджаби 262
(парсы) 65
парфянский 265
пахари 262
пашто, *см.* афганский
папьяменту 232
пают 347
пермские 328
персидский 239, 266
персидско-таджикский 40, 268
Pidgin English 231
пилипино, *см.* тагальский
пима 347
полабский 300
полинезийские 32, 337
половецкий 320
польский 21, 42, 72, 299, 300
помо 344

поморский, *см.* кашубский
(пони) 346
португальский 20, 282
потаватоми 344
пракриты 260
прибалтийско-финские 326
провансальский 280
пруссский 295
пунический, *см.* финикийский
путунхуа 332

Раджастхани 262
ретороманские 283
риксмол, *см.* букмол
романские 24, 30, 33, 40,
277—284
руанда 339
румунский 283
румынский 72, 234, 284
рунди 339
русинский 303
русский 21, 39, 68, 71, 128,
215—219, 241, 302, 303
Russonorsk 231
рюкюский 325

Саамский 327
сабейский 63, 311
(саки) 264
(саксы) 290
салишские 344
(самниты) 276
самаритянский 63
самоанский 337
самодийские 329
сандаве 340
санскрит 66, 260
сантали 333
сапотек 347
сарамакка 231
сардинский 283
сахарские 341
сахаптин 344
свази 339
сванский 315
северокавказские 313
(сельджуки) 318
селькупский 329
(семанги) 333
(семинолы) 346

семито-хамитские *см.*
афразийские
семитские 26, 306—311
(сенека) 345
(сенои) 333
сенуфо 338
сербскохорватский 32, 298
(сефарды) 282
сиамский, *см.* тайский
сиксика 345
сингальский 262
синдхи 262
сирийский 65, 309
сиу 346
скандинавские 293
скифский 265
славянские 21, 23, 32, 106, 205,
297—305
словацкий 72, 200, 301
словенский 299
согдийский 65, 264
сокотри 311
сомали 312
сонгаи 340
сонинке 340
(сорбы) 300
сото 339
среднеперсидский 266
старославянский 177, 298
суахили 339
сунданский 336

Табасаранский 111, 314
тагальский 336
таджикский 119, 268
таитянский 337
таи-чжуанские 335
тайский 65, 335
таки-таки 231
талышский 265
тамашек 313
тамильский 334
(тангуты) 62
тано 346
тараск 348
татарский 320
татский 268
телугу 334
тибето-бирманские 332
тибетский 66, 332

тив 339
тигре 311
тигринья 311
тимукуа 346
тлингит 343
тонганский 337
тонкава 346
тотонак 348
тофаларский 317
тохарские 268
трипури 333
тсвана 339
тсонга 339
(туареги) 69
тувинский 317
тулу 334
тунгусо-маньчжурские 323, 324
туника 346
тупи-гуарани 349
тутело 346
турецкий 319
туркменский 319
(тускарора) 345
турки 321
тюркские 26, 33, 36, 102, 250, 254,
316—322

Убыхский 314
угорские 328
угрофинские, *см.* финноугорские
удинский 314
удмуртский 328
удэгейский 324
узбекский 128, 178, 321
(уичита) 346
уйгурский 65, 318
украинский 303—305
ульчский 324
умбрский 276
уральские 33, 252, 325—329
урартский 314
урду 262
уэльский, *см.* валлийский

Фарёрский 294
фарси, *см.* персидский
фарси-кабули, *см.* дари
фиджийский 337
финикийский 63, 307
финноугорские 36, 325—329

финский 111, 326
фламандский 289
фокс 344
фракийский 256
(франки) 286
французский 20, 40, 120, 128, 208,
237, 238, 278—280
фригийский 256
фризский 290
фриульский 284
фула 338
фур 341

Хадза 340
(хазары) 317
хайда 343
хакасский 317
халха-монгольский 323
ханаанейский 307
ханмун 324
хантыйский 329
хаттский 314
хауса 313
хетго-лувийские, *см.*
анатолийские
хеттский 59, 268
хидатса 346
хиналугский 213
хинди 20, 262
хиндустани 262
хопи 347
(хорваты) 298
хорезмийский 264
хупа 343
хурритский 314

Цаконский 272
цезские 314
центральносуданские 341
цимшиан 343
цыганский 111, 263

Чадские 313
чам 337
чанский 315
чейенн 345
(черкесы) 314
чероки 345
(черногорцы) 298
чеченский 314

чешский 32, 300, 301
чжуанский 335
(чжурчжени) 323
чибча 348
чинук 344
чипевайян 343
чиппева, *см.*
оджибва
чокто 345
чувашский 250, 317
чукотский 329
чукотско-камчатские 329
чулымский 317
чумаш 344

Шанский 335
шаста 344
шахри 311
шведский 294
ше 334
шиллук 341
шопа 339
шорский 317
шотландский 292
шошон 347
шумерский 59, 62, 315

Эве 339
эвенкийский 324
эвенский 324

эламский 59, 334
эльский 221, 276
энгадинский 283
эолийские 271
эрзянский 327
эскимосо-алеутские 342
эскимосский 342
эсперанто 233
эстонский 21, 326
этрусский 66, 315
эфиопский 63, 311

Юе 332
южнокавказские, *см.*
картвельские
южнославянские 297–299
юкагирский 330
юки 344
юма 347
юте 347
юто-ацтекские 347
юрок 345
ючи 345

Яванский 66, 336
ягнобский 264
якутский 318
яна 344
яо 62, 334
японский 62, 240, 325

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Введение	4
§ 1. Язык и человек	4
§ 2. Внутренняя структура языка	5
§ 3. Лингвистика	9
Глава I. Фонетика	12
§ 4. Понятие о фонетике	12
§ 5. Акустическая фонетика	13
§ 6. Артикуляция звуков. Произносительный аппарат	15
§ 7. Классификация звуков речи	17
§ 8. Артикуляционная классификация гласных	18
§ 9. Артикуляционная классификация согласных	24
§ 10. Фонетическое членение речи. Просодические средства языка	30
§ 11. Слог	31
§ 12. Фонетическое слово. Сингармонизм	34
§ 13. Ударение. Редукция	36
§ 14. Комбинаторная фонетика	40
§ 15. Фонетические законы	43
§ 16. Чередование звуков	44
§ 17. Фонема	46
§ 18. Фонологические оппозиции	50
§ 19. Фонологическая система языка	53
Глава II. Письмо	58
§ 20. Понятие о письме	58
§ 21. Идеографическое письмо	58
§ 22. История фонетических систем письма	63
§ 23. Греческий алфавит и его производные	66
§ 24. Структура фонетических систем письма	69
§ 25. Дешифровка древних текстов	73
Глава III. Грамматика	76
§ 26. Предмет изучения грамматики	76
§ 27. Морфема	78
§ 28. Виды морфем	79
§ 29. Историческая изменчивость морфемного состава слова	81
§ 30. Грамматическая форма и грамматическое значение, словоизменение и словообразование	84

§ 31. Грамматические средства языка. Аффиксация	87
§ 32. Редупликация	89
§ 33. Морфологическое чередование звуков	90
§ 34. Супплетивность	93
§ 35. Словосложение	94
§ 36. Конверсия	98
§ 37. Аналитические грамматические средства	99
§ 38. Понятие грамматической категории	104
§ 39. Грамматическая категория числа	106
§ 40. Грамматическая категория падежа	109
§ 41. Грамматическая категория именных классов	112
§ 42. Обзор некоторых грамматических категорий	115
§ 43. Части речи	121
§ 44. Синтаксические конструкции	124
§ 45. Предложение	129
§ 46. Грамматические типы языков	131

Глава IV. Лексикология

§ 47. Предмет и задачи лексикологии	137
§ 48. Слово	137
§ 49. Семантика слов	139
§ 50. Полисемия	141
§ 51. Типы полисемии	143
§ 52. Семантические изменения. Переносы названий	145
§ 53. Другие семантические изменения	149
§ 54. Омонимы	154
§ 55. Парадигматические связи слов	157
§ 56. Синонимы	160
§ 57. Семантические группы	163
§ 58. Лексические классы	166
§ 59. Стилистическое расслоение лексики	167
§ 60. Лексика специальных языков. Терминология	169
§ 61. Изменение лексики	172
§ 62. Заимствования слов	176
§ 63. Кальки и семантические заимствования	179
§ 64. Этимология	182
§ 65. Фразеология	183
§ 66. Ономастика	186

Глава V. Лексикография

§ 67. Понятие о лексикографии	192
§ 68. Устройство словаря	192
§ 69. Типы словарей	196
§ 70. Диахронические словари	204

Глава VI. Внешние условия существования языка

§ 71. Язык — основное средство общения	211
§ 72. Дифференциация и интеграция языков	212
§ 73. Дialectы. Лингвистическая география	214

§ 74. Литературный язык	217
§ 75. Функциональные варианты языка	224
§ 76. Языковая интеграция	226
§ 77. Контакты языков	227
§ 78. Субстрат	229
§ 79. Креольские языки	230
§ 80. Языковые союзы	233
Глава VII. Генетическая лингвистика	242
§ 81. Историческое изучение языка	242
§ 82. Родство языков	243
§ 83. Сравнительно-исторический метод	247
§ 84. Генеалогическая классификация языков	252
§ 85. Индоевропейские языки	256
§ 86. Индийские языки	259
§ 87. Иранские языки (около 120 млн)	263
§ 88. Прочие индоевропейские языки в Азии	268
§ 89. Греческий язык	270
§ 90. Кельтские языки	273
§ 91. Итальянские языки. Латынь	276
§ 92. Романские языки (720 млн)	277
§ 93. Германские языки	284
§ 94. Балтийские языки (5 млн)	295
§ 95. Славянские языки (297 млн)	297
§ 96. Афразийские языки	305
§ 97. Языки Кавказа. Изолированные языки Западной Евразии	313
§ 98. Алтайские языки	316
§ 99. Уральская семья. Другие языки Северной Евразии	325
§ 100. Китайско-тибетская семья	330
§ 101. Языки Южной и Юго-Восточной Азии	333
§ 102. Австронезийская семья	335
§ 103. Языки Африки	338
§ 104. Языки Америки	341
Приложение 1. Правила чтения греческих букв	350
Приложение 2. Чтение знаков латинской письменности	351
Приложение 3. Образцы письма	353
Приложение 4. Карты языков	372
Предметный указатель	378
Указатель языков	384

Учебное издание

Шайкевич Анатолий Янович

Введение в лингвистику

Учебное пособие

Редактор *О. В. Агафонова*

Ответственный редактор *Г. Е. Конопля*

Технический редактор *Н. И. Горбачева*

Компьютерная верстка: *А. А. Хицков*

Корректоры *Г. М. Махова, В. Н. Рейбекель*

Диaposитивы предоставлены издательством

Изд. № А-384-І. Подписано в печать 05.11.2004. Формат 60×90/16.
Гарнитура «Таймс». Бумага тип. № 2. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,0.
Тираж 5100 экз. Заказ №14132.

Лицензия ИД № 02025 от 13.06.2000. Издательский центр «Академия».
Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.004796.07.04 от 20.07.2004.
117342, Москва, ул. Бултерова, 17-Б, к. 328. Тел./факс: (095)334-8337, 330-1092.

Отпечатано на Саратовском полиграфическом комбинате.
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.